

Олег Шевчук

Ярость Стихий – Искра

16+

Олег Шевчук

Ярость стихий – Искра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30472662

SelfPub; 2018

Аннотация

Мистик – человек вне закона. Нам нечего терять и в наших руках находится самое грозное оружие, которое только известно человечеству – магия. Я не выбирал этой судьбы, она сама меня выбрала, мне оставалось лишь сжать зубы и пройти этот путь до конца. Многие заклинания рождают боль, многие рождают и слёзы. Магия разрушает, но она же и созидает, всё зависит от того, в чьих она находится руках. Мне никогда не снятся те, кого я убил, потому что я знаю, что иного выбора не было.

Ярость стихий – Искра

Мистик – человек вне закона. Нам нечего терять и в наших руках находится самое грозное оружие, которое только известно человечеству – магия. Я не выбирал этой судьбы, она сама меня выбрала, мне оставалось лишь сжать зубы и пройти этот путь до конца. Многие заклинания рождают боль, многие рождают и слёзы. Магия разрушает, но она же и созидает, всё зависит от того, в чьих она находится руках. Мне никогда не снятся те, кого я убил, потому что я знаю, что иного выбора не было.

Глава 1. Детство.

Когда-то меня звали Альтаир, да, так, именно «звали». Многие с тех пор изменилось, слишком многое произошло.

Я родился в небольшой деревне на берегу реки, самой обычной, каких по стране множество. Отец мой был рыбаком, мать смотрела за домом. Ещё точно помню, у нас была собака. Большая, добродушная, лохматая. И, как ни странно, звали её Тунец. Отец почему-то говорил, что это приносит нам удачу.

Братьев и сестёр у меня не было, но было очень много друзей. Думаю, в то время я был довольно общительным ребёнком. Родители воспитывали меня просто: объясняли, что плохо и что хорошо и не привязывали ко мне каждый конкретный мой поступок, они действительно любили меня. Если я поступал плохо, меня не наказывали, а объясняли, что неправильно или недостойно так себя вести, называли плохим не меня, а мой поступок. Хотя..., если подумать, они всех так учили, даже посторонних людей, даже тех, кто был их намного старше или младше. Естественно, что и сами они свои правила не нарушали: «говори правду», «не обижай того, кто слабее тебя, неважно человек это или животное», «не отступай, если знаешь что прав, не меняй своего мнения» и прочие подобные, я и сам не заметил, как они закрепились во мне, проникли в мою душу. Я всегда хотел стать похожим

на родителей, не только на отца, потому что мать у меня была не слабее. Они редко ссорились, но тогда уж в доме от криков дрожали стены, ни один не желал уступать и всё прямо другому высказывал. Потом они очень быстро мирились, смеялись над глупой ссорой и своей неуступчивостью, и, казалось, начинали любить друг друга лишь сильнее. У меня была настоящая семья в отличие от многих фальшивок...

Так я жил, пока мне не исполнилось девять. Тот год всё изменил, и его я помню до сих пор. Лето тогда выдалось не просто плохим, а по-настоящему ужасным: постоянные дожди, град..., урожай на полях погиб почти весь, рыбы в реке тоже почему-то стало очень мало. Отец с каждым днём мрачнел, и мать мне в конце концов даже запретила спрашивать, как у него прошла рыбалка и что он сегодня поймал, как я всегда делал. Я не обиделся, потому что понял, что она сделала это просто, чтобы его защитить, по возможности не огорчать и не заставлять оправдываться. Мне было тяжело, но я молчал, держался, старался больше времени проводить с друзьями. Мы ходили за грибами, ягодами и тоже пытались взрослым хоть как-то помочь.

Спустя некоторое время в деревне начали вспыхивать ссоры, а то и драки из-за еды. Её всё ещё было достаточно, но люди понимали, что лето рано или поздно закончится и с наступлением холодов пополнять запасы уже станет неоткуда, вели себя, как звери, которые предчувствуют голод. Отец

старался держаться особняком и кроме рыбалки почти нигде не ходил. Пойманную рыбу мы уже не продавали, а просто солили и складывали, сами ели очень мало, берегли на зиму.

Настроения людей в деревне с каждым днём становились всё хуже. Старики-старожилы говорили, что кто-то наслал на нас проклятье и что такого никогда не было на их веку. Казалось, что хуже уже быть не может, но на этом наши беды не кончились, и в деревню вдруг пришла болезнь. В один день слегли сразу несколько семей, у которых были дома по соседству с нашим. Все мои друзья заболели, я один почему-то не заразился. Отец настрого запретил нам с матерью выходить из дома, а сам собрался, оседлал лошадь и куда-то уехал. Это был первый раз, когда он не стал нам ничего объяснять, а просто поставил перед фактом. Мать обняла меня, сказала, что всё будет хорошо и что мы должны ему верить.

После того, как через несколько дней отец вернулся, они с матерью заперлись и что-то очень долго обсуждали. Отец настаивал, мать сопротивлялась ему. По обрывкам фраз я понял, что их разговор каким-то образом касается нашего возможного переезда. В конце концов они успокоились и судя по всему решение отложили.

Спустя ещё некоторое время в деревне умерла первая семья. Никто ничего так и не успел понять, как они вдруг просто перестали выходить из дома. Собака лаяла несколько дней, кто-то зашёл их проведать и обнаружил мёртвыми. Всех. Всю семью из более чем десяти человек. Я запомнил

это хорошо, потому что первой семьёй, которая умерла, была семья моего лучшего друга.

Это было странное чувство, умом я понимал, что никогда его больше не увижу, родители мне всё объяснили, но сердце... оно это принять отказывалось. Я просто хотел ещё раз поговорить с ним, поиграть, да даже просто переглянуть-ся. После матери и отца он был самым близким мне человеком, единственным, кто действительно меня понимал. Иногда нам даже не нужно было говорить, мы просто знали о чём другой думает. Часто мы вместе мечтали о том, какими будем, когда станем взрослыми: я хотел стать рыбаком, как и мой отец, он, как и его отец, хотел стать плотником. Иногда мы пытались сманить друг друга на свою сторону, показать, как это здорово: я водил его на рыбалку, он учил меня, как правильно выстругивать табурет. Это было так... просто... вся наша жизнь. И именно этого сейчас не могло принять моё сердце. Если это было так просто, почему этого больше не будет? Ответ на этот вопрос я искал и не мог найти.

После этой смерти в деревне словно наступил какой-то перелом, люди испугались, их уже не могли сдержать прежние законы и правила. Кроме того, к этому времени заболела уже едва ли не большая их часть. Некоторые бросали всё и просто пытались сбежать..., хоть куда-то. Умерших никто не хоронил.

Болезнь начиналась, как обычная простуда. Это и было самым опасным в ней. Никто не ожидал, что люди начнут

умирать от такого. У человека начинался жар, он некоторое время не мог встать с постели, потом вдруг жар спадал, и на теле выступали небольшие красные пятна, но человек уже мог, как раньше свободно двигаться и даже работать. Больные после этого почти не напоминали больных, говорили, что чувствуют лишь небольшую слабость, а ещё спустя пару-тройку дней они просто умирали и всё. Иногда это даже случалось прямо на улице.

Вскоре отец с матерью вновь вышли поговорить. В тот день они уже больше не спорили, быстро обсудили что-то и уже буквально через полчаса зашли ко мне в комнату. Вместе с ними был какой-то незнакомец. Я совсем не успел заметить, когда он вошёл к нам в дом: он передвигался как-то слишком бесшумно.

Этот мужчина выглядел очень странно. Всё его тело было под плотной одеждой, даже кисти рук. На лице у него была какая-то повязка, которая скрывала нос и рот. Едва он зашёл, как протянул мне такую же. Я её взял просто от растерянности. «Альтаир, надень», – сказал мне отец. Впервые за мою жизнь он назвал меня полным именем, а не как обычно и как все, «Альтом», поэтому я растерялся уже окончательно и торопливо, просто механически, выполнил его приказ.

От повязки сильно пахло какими-то травами. На ощупь она была липкой и влажной, словно внутри неё был мёд. Я завязал её на два узла, накрепко, и мельком, искоса, взглянул

на отца, тот одобрительно, но слегка невпопад, как-то странно, мне кивнул. В тот миг я всё ещё ничего не мог понять.

За всё это время странный незнакомец не произнёс ни слова, поэтому для себя я решил, что он возможно немой. Я чувствовал, что обижать такого человека будет как-то нечестно, потому решил сделать вид, что всё в порядке и разобраться во всём этом потом.

Некоторое время родители стояли и просто смотрели на меня. В их взглядах я видел неприкрытые боль и тревогу. Незнакомец вдруг развернулся и направился к выходу. Не знаю почему, но у меня вдруг сложилось впечатление, что его это всё раздражает. Отец попросил его задержаться ещё на чуть-чуть, потом вдруг почему-то добавил, что мы успеем к сроку. Незнакомец медленно кивнул, окинул меня быстрым взглядом и вышел за дверь. Таким образом он видимо дал понять, что подождёт снаружи. Отец вдруг сказал, что гордится мной и чтобы я и в дальнейшей жизни не забывал их уроки, то как нужно себя вести, в остальном он наказал мне слушаться этого человека. «Мы с тобой уехать не можем, может позже...», – сказала мне мать. Я же просто стоял и не мог выдавить из себя ни слова. С собой мне не дали взять ничего, даже складной деревянный стульчик для рыбалки, подарок друга. Одежду тоже заставили сменить на ту, что была у этого человека, мою старую при этом просто оставили на полу.

Мы с незнакомцем вышли из деревни к реке, сели на какой-то огромный плот, который нас уже там ждал, и начали сплавляться вниз по течению. Плыли мы так с неделю, может даже больше, причём даже по ночам к берегу незнакомец не приставал. Всё это время я чувствовал, что он словно за мной наблюдает. Со мной он не говорил и вообще старался держаться подальше, просто изредка подходил, оставляя неподалёку еду и воду с какими-то травами и также жестами указывал мне, чтобы я это ел и пил. Вода была горькой, но больше он ничего не давал и мне приходилось пить то что было. Иногда у меня довольно сильно кружилась голова, и меня тошнило. Возможно несколько раз я даже терял сознание, потому что иногда я просыпался прямо посреди дня, всё тело было затёкшим, но я совсем не помнил, как и когда заснул.

Наконец мы причалили и сошли на берег. Незнакомец зачем-то облил плот земляным маслом, поджёг и сильно оттолкнул. Шест-весло, которым он управлял, он забросил туда же. Затем он знаками показал мне снять одежду, а сам принялся разводить костёр. Я послушно подчинился, ведь это было по воле отца, я знал, что сейчас слово этого человека всё равно, что его слово.

Незнакомец швырнул мою одежду в огонь, затем туда же кружку, из которой я пил, чашку и ложку. Сам он тоже разделся и тоже сжёг свою одежду и всё с чего ел и пил, все пустые мешки и сумки, так что из вещей у нас теперь вообще

ничего не осталось.

Он положил на землю у моих ног лист бумаги, перо и чернильницу. Я растерянно прочитал, что там было написано. Всего несколько слов. «Сегодня я умер», моё имя, дата и место для подписи. Незнакомец поморщился и нехотя указал мне пальцем прямо на него. По нему было заметно, что он по-прежнему не хочет ко мне слишком приближаться.

Я обмакнул перо в чернила, почему-то бордово-красные и подписал документ. Мне было страшно и я всё меньше доверял этому человеку, очень хотел домой. Он взял у меня бумагу, закрыл глаза, поднял лицо к небу и произнёс беззвучно, одними лишь губами, несколько каких-то долгих фраз. Со стороны это выглядело так, будто он молится. Затем он бросил бумагу в огонь и туда же перо с чернилами.

Когда бумага вспыхнула, я был готов поклясться, что услышал прямо оттуда, из костра, какой-то жуткий тихий стон, словно стон человека при смерти и этот голос напоминал мой собственный. Причём напоминал настолько, что был едва ли от него отличим.

Незнакомец подошёл к какому-то валуну, отвернул его и достал двое чистых штанов и маек, протянул мне кусок мыла с какими-то травами и знаками указал вымыть всё тело, сам он в этот миг принялся делать то же.

Мы оделись в новую одежду и продолжили путь. Дороги не было, мы просто шли прямо через поля, перелески и почти не останавливались. Так прошло около двух дней. Мне

жутко хотелось пить, но я молчал, не хотел к нему обращаться.

Спустя ещё какое-то время мы наконец пришли в другую деревню. Она была в несколько раз меньше нашей: всего несколько дворов, магазин, кузница и прочее. Незнакомец завёл меня в какой-то дом, усадил в сених и вдруг произнёс: «Жди здесь». От удивления, что он может говорить, я сам едва ли не потерял дар речи.

Чуть позже он вернулся с какими-то людьми, мужчиной и женщиной, «дядей Брегом» и «тётей Фаем», как они мне представились, сказал, что теперь я буду жить здесь и почему-то, что «его работа закончена». Сам он ушёл из этой деревни в тот же вечер. Я успел лишь заметить, что перед этим «дядя Брег», сильно хмурясь, вынес и отдал ему довольно увесистый с виду кошель. «Тётя Фая» не вмешивалась, но потом, после того, как «дядя Брег» вернулся в дом, а незнакомец отошёл достаточно далеко от двора, начала громко ругаться и говорить что-то в запале. «Дядя Брег» тоже что-то тихо сказал, и она замолчала. В этой последней его фразе я почувствовал примерно такие же интонации, какие возникали в голосе у моего отца, когда с ним было бесполезно дальше спорить.

Ко мне они зашли примерно через полчаса, или даже чуть больше, лишь когда уже окончательно успокоились и «остыли». Дядя Брег сказал, что он давний друг моего отца и что-

бы я ничего не боялся. Тётя Фая молчала и просто смотрела как-то слегка по-матерински. Такой взгляд люди не приобретают просто так. Я сразу понял, что у них должны быть дети.

Дядя Брег ушёл куда-то, а тётя Фая отвела меня на кухню и накормила. Еда была очень вкусной, но я старался помнить о приличиях и не слишком уж налегать. Кроме того, на дворе была уже почти ночь, и я понимал, что они, возможно, хотят спать, а я их задерживаю.

Я ожидал, что по крайней мере сегодня меня точно положат спать на полу, но мне сразу же выделили собственную комнату. Она была небольшой, но уютной и отдельной от всех, прямо рядом со входом. После ночёвок на плоту и на земле в поле даже жёсткая деревянная кровать в ней показалась мне мягкой пуховой периной. Почти сразу же после того, как моя голова коснулась подушки, я провалился в глубокий беспробудный сон.

На следующее утро я сразу же подошёл к дяде Брегу и спросил есть ли для меня какая-нибудь работа. Гостеприимство это конечно хорошо, но я не хотел становиться нахлебником. Кроме того, я всё ещё помнил тон тёти Фаи, когда она спорила с ним насчёт денег. Родители конечно рассчитаются, я не сомневался, но это ведь будет позже, не сейчас. До тех пор мне нужно было хоть как-то оправдать своё тут пребывание.

Дядя Брег спросил, что я умею делать, я ответил, что ры-

бачить. На самом деле это было первое, что пришло мне на ум. Он посмотрел на меня как-то слегка недоверчиво, но дал мне нож и сказал, что лес тут неподалёку и что он отпустит меня на реку, если я смогу сам сделать себе удочку.

Я закончил её примерно через два-три дня, старался не спешить, делать сразу на совесть. Отец не раз говорил мне, что лучше потратить время и обзавестись хорошими инструментами, чем потом каждый раз терять его во время работы, мучиться и жалеть.

Это было странно, но в этой деревне не было ни одного рыбака, все держали хозяйство или охотились. Дядя Брег поворчал ещё немного на тему, что учить меня будет некому, но слово своё сдержал и на рыбалку меня отпустил.

Мне повезло, и уже в тот раз я вернулся с довольно солидным уловом. Дядя Брег сказал, что раз мне это нравится, то я могу помогать им так, а он уже разберётся, что с этой рыбой делать дальше. Через пару дней, он и правда поговорил с владельцем местного магазина и стал через него её продавать. Ну и конечно какую-то часть моего каждодневного улова тётя Фая оставляла на готовку, думаю, так она показывала мне, а заодно и всей остальной деревне, что они и сами не брезгуют такой едой.

Дети дяди Брега и тёти Фаи, две девушки и парень, были намного старше меня. И наверное поэтому же не обращали на меня особого внимания. У них были свои проблемы. Девушки строили планы, как удачнее выйти замуж, парень

уже работал подмастерьем у кузнеца и если и появлялся домой, то очень сильно уставший, угрюмый и молчаливый. С ним наше общение вообще ограничивалось обычным обменом приветствиями. Хоть он при этом мне и улыбался.

Дом, в котором я жил сейчас, был большим, намного больше нашего. Кроме того, неподалёку были ещё два почти достроенных дома, для девушек-дочерей. Видимо дядя Брег хотел подарить им их в приданое. И заодно сделать так, чтобы они жили под приглядом. Иной раз у меня вообще возникало ощущение, что он переживает за них едва ли не больше, чем их мать.

Так прошёл месяц. Я понемногу ко всему привык и просто ждал. Болезнь в нашей деревне уже должна была закончиться. Родители вот-вот должны были за мной приехать или хотя бы кого-то прислать.

Спустя ещё пару дней к нам действительно приехал гость, какой-то молодой мужчина, но почему-то не из нашей деревни и совсем без поклажи, налегке. Я на всякий случай сразу собрался и стал ждать новостей. На душе у меня было радостно, ведь раз кто-то всё же приехал, значит всё хорошо и родители обо мне не забыли.

Дядя Брег заперся с гостем на кухне, и они о чём-то очень долго с ним говорили. Тётя Фая зашла к ним в середине их разговора, но почти сразу же вышла, вид у неё при этом был виноватый и растерянный. Мне она сказала, что пока её мужа лучше не трогать и что он вечером сам мне всё объяснит.

Я естественно ответил, что всё хорошо и что я всё равно собирался на реку.

До вечера я еле дотерпел, рыбы поймал на рыбалке всего ничего, больше просто сидел, смотрел на воду и думал. Если бы вести были добрыми, то мне бы сказали сразу. Почему дядя Брег сказал до вечера его не трогать? Что такого мог сообщить ему этот человек? Чем больше я обо всём этом думал, тем больше боялся. Я уже согласен был не уезжать, а хотя бы просто услышать, что ошибаюсь и с родителями всё хорошо.

Домой я вернулся уже ближе к ночи. Дядя Брег молча сидел на лавочке во дворе и хмуро разглядывал звёзды, взгляд у него был спокойным, но каким-то словно тяжёлым, мрачным. Не знаю почему, но я сразу почувствовал, что он ждёт меня уже довольно давно. Я подошёл к нему и остановился напротив. Дядя Брег встал, долго смотрел на меня, а затем сказал, что родители велели мне ненадолго здесь задержаться, его покачивало, и вообще он, кажется, с трудом держался на ногах, это было странно, потому что до этого я ни разу не видел его пьяным. Затем он сразу развернулся и ушёл в дом. Я постоял немного и тоже пошёл к себе в комнату.

Со следующего дня всё вновь пошло своим чередом. Так, прошёл месяц, затем два месяца, три, четыре и наконец незаметно и год. За это время я слегка подрос, подучился рыбалке, но ближе этой семье так и не стал. Каждый день я по-

прежнему ждал известий, ждал, когда же меня наконец отсюда заберут. Я часто просился домой, спрашивал, но дядя Брег каждый раз говорил мне, что всё хорошо. Когда я спрашивал его о своих родителях, его лицо чуть уловимо менялось, он улыбался, но в глубине его глаз я видел печаль. Иногда после этого он начинал рассказывать мне о море, о том, как они жили далеко-далеко и выходили в него на огромной лодке рыбачить вместе с моим отцом. Как оказалось даже наша собака, Тунец, осталась у отца с тех самых пор.

Я чувствовал, что от меня скрывают что-то важное, что за этими пустыми разговорами есть что-то ещё. Я чувствовал и боялся.

Отсюда нужно бежать.

Не знаю когда мне впервые пришла в голову эта мысль, но потом я стал думать об этом постоянно. Мне в любой миг могли сообщить, что родителей больше нет. Скорее всего я хотел сбежать именно потому что боялся этих слов. У меня было ощущение, что если их мне не скажут, то всё обойдётся, всё можно будет изменить.

Вскоре после этого я начал незаметно таскать с кухни еду. Я не гордился тем, что делаю, но успокаивал себя мыслью, что ещё смогу сюда вернуться и всё возместить. Я боялся, что меня поймают, но ещё больше я боялся остаться здесь навсегда.

Наконец настал день побега. Еды было уже достаточно, а дорогу я помнил даже сейчас. Я планировал добраться до

той реки, по которой мы сплавились и просто пойти против её течения по берегу пешком. Я не знал сколько это может занять времени, поэтому готовился всерьёз: отец всегда учил меня перестраховываться в важных вопросах.

Был поздний вечер, до ночи оставалась пара часов. Я как обычно вернулся с рыбалки и заперся у себя в комнате. Теперь мне оставалось лишь собраться и подождать, пока все уснут.

Я разложил всю еду по полу и хотел начать складывать её в сумки, как вдруг внутренний крючок на двери моей комнаты лязгнул, и она распахнулась. Кожей спины я ощутил на себе чей-то тяжёлый пристальный взгляд.

– Что ты делаешь?

Заскрипели половицы. Дядя Брег подошёл ко мне и положил мне на плечо руку. Я вздрогнул и быстро осмотрел свои запасы. Выглядело всё это ужасно, я чувствовал себя словно вор.

– Я... играю.

На самом деле я произнёс первое, что пришло мне в голову, не мог же я напрямую заявить, что собираюсь сбежать.

– Посмотри на меня.

Дядя Брег убрал руку с моего плеча. Я испуганно развернулся. По его голосу я понял, что ничего хорошего меня не ждёт. Я пару раз видел этого человека, когда он злился. И это пугало меня. Он был довольно строг к своим детям, хоть и всегда справедлив: кричал на них лишь за дело. Я набрался

смелости и взглянул ему прямо в глаза.

– Хорошо. – дядя Брег посмотрел на меня пристально. – А теперь скажи правду. Я долго делал вид, что ничего не вижу, но..., это уже начало переходить всякие рамки.

В его голосе прорвались раздражённые интонации. Он всё ещё держал себя в руках, но я чувствовал, что ещё немного и он сорвётся.

– Я всё равно уйду!

Я вдруг тоже ощутил злость и бросил сумку на пол. Они не имели права меня тут задерживать, я чувствовал, что я прав. Лицо дяди Брега изменилось: судя по всему этого он явно не ожидал.

– Такой же... Тебя ничто не остановит, да? Тебе некуда возвращаться, я просто не хотел тебе говорить.

Он посмотрел на меня как-то слегка растерянно, осёкся и замолчал.

Я подошёл и поднял с пола сумку. Не знаю зачем я это сделал. Эта вещь была моей единственной надеждой. Я... должен был уйти прямо сейчас.

– Сомневаюсь, что твой отец учил тебя этому.

Дядя Брег задумчиво посмотрел на меня и шагнул в сторону. Путь был свободен, я мог уйти, но...

Я повернулся к нему и поставил сумку на пол. Он кивком указал мне на кровать.

Я отошёл и присел. Он плотно закрыл дверь, взял стул и уселся напротив.

Некоторое время дядя Брег молчал, затем залез в карман, достал какую-то небольшую деревянную коробку и протянул мне. Я так же молча её взял. От коробки сильно пахло травами и... этот запах я знал: так пахла та повязка, которую на меня надели, когда отправляли сюда. Внутри коробки, среди трав, лежали обручальные кольца моих родителей. Я знал, как выглядит каждое из них, и ни за что бы не спутал. На кольцах была копоть, и сами они слегка оплавилась. Я закрыл коробку: не смог заставить себя к ним прикоснуться.

Дядя Брег тяжело вздохнул.

– Вашей деревни больше нет. Тебе некуда возвращаться.

Он поднялся и отставил стул, по его лицу было заметно, что он не знает, что делать. Мне вдруг стало его жаль. Он действительно был очень хорошим человеком. Хоть и слишком прямым.

– Я... останусь.

На самом деле это было всё, что я смог заставить себя сказать. Все мои призрачные надежды рухнули, и теперь мне оставалось лишь жить. Здесь. В чужом доме. Дядя Брег молча кивнул, вышел и закрыл за собой дверь. Коробку с кольцами он оставил.

Прошло сколько-то времени. Я сидел на кровати и пытался заставить себя сделать хоть что-нибудь. Мысли плавали, словно в каком-то тумане. Одна из них постоянно повторялась, и я никак не мог её отогнать. Что изменится, если я сейчас переставлю коробку на стол? Что изменится, если ля-

гу спать? Что изменится, если сбегу, как и планировал?

В дверь негромко постучали. Я хотел что-нибудь ответить, но не мог, потому что это бы тоже ничего не изменило.

Дверь открылась и в комнату вошла тётя Фая. Я вдруг понял, что даже не чувствую стыд за разбросанные по полу припасы. Эти вещи не были моими. Тут вообще всё было чужим, кроме этих двух колец в коробке. И сам мой мир, казалось, теперь тоже там.

Тётя Фая подошла, молча взяла коробку у меня из рук, переставила её на стол и присела на кровать рядом со мной. От неё почему-то пахло свежим хлебом. Я не знал, что мне делать. Я хотел, чтобы она ушла, и боялся оставаться один... с этими кольцами.

– Поплачь.

Тётя Фая вдруг обняла меня, прижала к себе и начала гладить, так иногда делала и моя мама. Я почувствовал, как у меня из глаз сами собой катятся слёзы. Они катятся, а я не могу их остановить. Это было нечестно. Это было несправедливо всё. Даже то что меня утешает чужой человек. Ей ведь не должно было быть до меня дела. Я вспоминал, как отец впервые сказал, что он мной гордится, как мама однажды сильно пересолила кашу и в шутку ругалась потом, как каждый вечер читала или рассказывала мне сказки. Так прошло ещё сколько-то времени. Слёзы у меня закончились, но в душе по-прежнему была пустота. С кухни запахло горелым.

– Ой! Пирог!

Тётя Фая осторожно отстранила меня и виновато улыбнулась. Я лишь кивнул. Она встала, ещё раз провела рукой мне по волосам и вышла. Я поднялся, подошёл к двери, закрыл её на крючок и лёг на кровать. Спать мне не хотелось, скорее уж я хотел прикинуться, что сплю, сделать так, чтобы меня больше не трогали. Тётя Фая вернулась чуть позже, постучала, но я не открыл, а открывать крючок снаружи, как до этого сделал её муж, она не стала.

В ту ночь я не спал и слышал, как уже под утро тётя Фая прошла на кухню и там тихо плакала, наверное мой неудавшийся побег что-то задел в её душе, возможно она представила на моём месте своего ребёнка. Я слушал, и мне было действительно её жаль, до этого я как-то не задумывался, что они чувствуют.

Так я и остался один. Не знаю почему, но я сразу это принял. Тогда во мне словно что-то сломалось, наверное я просто слишком долго ждал этих слов. Я чувствовал, что дядя Брег человек хороший и раз не пускает меня домой и ничего мне не говорит, значит мои родители тоже уже заболели и умерли. В глубине души я уже давно знал эту правду, просто не хотел признавать. Когда родители отправляли меня в путь, то выглядели они слегка странно, не как обычно. Тогда я решил, что эта краснота от волнения, но судя по всему у них уже тогда начался жар. Они отправили меня, когда сами поняли, что заболели. Поэтому же меня на прощание не

обнял ни один из них. Даже сейчас я помню, как они тогда молча стояли.

На следующий день я старался вести себя, как обычно. Больше всего я боялся, что дядя Брег и тётя Фая теперь попробуют что-то изменить, стать мне ближе. Не знаю почему, но от одной этой мысли меня охватывала дрожь.

Я отнёс всю сворованную для побега еду на кухню, оставил на столе и сразу же ушёл на реку. В тот день я почти не рыбачил, просто сидел, смотрел на воду и думал как это лучше сказать. Как выразить мысль, что они мне не родные. Как заставить их понять, что я больше не хочу никого терять, ни к кому привязываться.

В конце концов я решил написать им записку. На самом деле я просто боялся, что у меня не получится такое сказать. «Вы не моя семья», – написал я просто, потом подумал и добавил, – «простите». Записку я оставил на столе рядом с вымытой посудой, с которой ел.

В ту ночь тётя Фая снова плакала. Я изо всех сил зажал уши подушкой, но всё равно слышал её. Или представлял себе, что слышу. За все решения человеку приходится платить. И иногда даже не своей, а чужой болью. Я чувствовал, что я очень плохой человек.

Несколько дней после этого я старался вообще не попадаться никому на глаза, каждый день вставал как можно раньше, брал удочку и убегал на реку. На рыбалке я выкла-

дывался по полной, ловил разную рыбу, а не только один какой-то её вид. Интуиция мне подсказывала, что продавать её хозяину магазина так будет проще. Возвращался я тоже поздно, высыпал улов в бочку в погребе, быстро съедал оставленный мне на столе ужин и ложился спать. Потом в доме вдруг случилась неожиданность, которая меня спасла. Старшая дочь дяди Брега и тётки Фаи привела парня и объявила родителям, что хочет выйти замуж. Они согласились и все в доме стали настолько заняты подготовкой к свадьбе, что им стало не до меня.

Свадьба получилась пышной, и, кажется, на ней были гости даже и из других деревень, их разместили в первом достроенном доме. Праздник продолжался около двух недель. Я же старался просто заниматься своими делами. Не знаю уж, как дядя Брег и тётка Фая объяснили моё поведение, но из гостей за это время ко мне тоже никто не лез, как бы сильно они не напивались.

Насчёт колец родителей дядя Брег так ничего мне и не сказал, но мы с ним оба друг друга поняли. Эти вещи по праву принадлежали мне, а значит лишь я один мог решать, что с ними делать. Пока же они просто лежали у меня в комнате, в коробке, и я каждую ночь разглядывал их перед сном. Иногда после этого мне снились родители. Они шли еле видимые, чуть улыбаясь, куда-то, я кричал им, что они меня забыли, но они не слышали меня.

Легко оставаться человеком, когда всё идёт хорошо. На-

много сложнее, когда всё разваливается, когда рушится сама твоя жизнь. У меня не раз возникало искушение отбросить все правила и просто начать мстить всем подряд. Мстить самому этому миру. Меня останавливало лишь понимание того, что никто в моих несчастьях не виноват, даже я сам. Так, борясь каждый день сам с собой и поддерживая высокую неприступную стену между собой и другими, я прожил следующие два года.

Глава 2. Встреча.

Жизнь странная штука. Иногда она преподносит сюрпризы именно тогда, когда их меньше всего ждёшь. День, когда мне исполнилось двенадцать, был самым обычным. Семье, которая меня приняла, я особо о себе не рассказывал. Дядя Брег спросил как-то, когда у меня день рождения, но я соврал, что мы никогда их не отмечали. Помню наговорил ему что-то в том роде, что свободный человек не должен принимать даров и даже именем отца прикрылся, сказал, что он меня этому научил. Дядя Брег нахмурился, но больше ко мне с этим вопросом не подходил и меня не звал на их праздники. Думаю, даже несмотря на весь свой суровый вид он неплохо разбирался в людях, понимал, что нужно именно мне. За это я был ему сильно благодарен. Впрочем, тётя Фая всегда оставляла для меня на столе праздничное угощение и кусок пирога или торта, но с этим я уже ничего поделаться не мог, отказываться было бы уже просто хамством.

Иногда я съедал праздничную еду дома, но чаще всего перекладывал всё в свою походную чашку, мыл посуду, чтобы не оставлять тётке Фае лишний труд и уходил на реку. Этим я ещё сильнее уменьшал шанс того, что кто-либо попытается ко мне присоединиться. Может я и обижал людей, которые меня приняли, но я просто не хотел больше ни к кому сильно привязываться, не хотел однажды снова испытать ту

боль. Родители мне за это время сниться перестали, и я ввёл себе правило не вспоминать их лиц и вообще свою прошлую жизнь, считать это всё как бы легендой, предысторией.

Когда я проснулся, то сразу понял, что что-то не так. С кухни пахло чем-то вкусным, но тётя Фая до этого никогда не просыпалась раньше меня. Я лежал в раздумьях вставать или нет и что вообще происходит.

В конце концов любопытство победило. Я поднялся, оделся, взял удочку и... пошёл на кухню. Там никого не было, но на столе стояло угощение и пирог с двенадцатью горящими свечками. Возле него была простая записка: «Рыбу сегодня не лови, встретить хорошо свой праздник». Почерк я узнал сразу, буквы были округлыми, записку написала тётя Фая. Я вдруг почувствовал, как в горле у меня встал какой-то противный, липкий комок. Я всё же обижал этих людей, хоть и не хотел обидеть.

«Пусть у этой семьи всегда всё будет хорошо, пусть эти люди будут здоровыми и живут долго», – подумал я, наклонился и задул свечи. В тот миг у меня не было других желаний, это действительно было тем, что я хотел.

Я разрезал пирог, взял себе три куска, уж слишком он был румяным и аппетитным, а остальное просто оставил на столе. Своё упрямство я всё же смог убедить, что это не приглашение на праздник, а просто ответный вежливый жест. Да и вообще кем бы я был, если бы всё сграбастал.

Я собрал всё в сумку и пошёл на реку. Удочку я всё же с

собой тоже взял. На случай, если просто самому вдруг захочется порыбачить.

На реку я пришёл ещё затемно. Любой, даже самый неопытный рыбак знает, что лучший клёв именно в это время, в предутренние часы, когда ещё стоит роса, прохладно, безветренно и тихо. Это же время на рыбалке я больше всего любил.

Я спустился к воде, открыл сумку и достал приманку. Что ни говори, а привычка, которая выработалась у меня за эти три года, оказалась слишком сильна. Кроме того, я не знал, чем тут ещё пока можно заняться, а есть ещё не хотел.

Вдруг откуда-то сбоку донёсся лёгкий запах дыма. Я захотел повернуть голову и посмотреть, но внутри меня что-то словно этому воспротивилось. Внутренний голос нашёптывал мне: «не смотри», «не смотри», «не смотри». Не знаю почему, но тогда я стал сознательно с ним бороться. Я медленно поворачивал голову, а по спине у меня раз за разом пробегала дрожь.

Неподалёку, чуть выше по течению реки, горел костёр. Возле него сидел мужчина и смотрел прямо на меня. На вид ему было примерно двадцать один – двадцать три. На нём был серый потёртый плащ с капюшоном и старые стоптанные сапоги. Возле костра лежала заплечная сумка и посох.

«Мистик», – понял я вдруг и почувствовал, как меня медленно охватывает ужас. Мистик – это человек вне закона.

Светлые маги всегда их разыскивают, но никто толком не знает зачем. Однажды я краем уха слышал, что и в мою родную деревню чума пришла не просто так. Вроде бы потом Светлые маги как раз и нашли там неподалёку какого-то мистика. Всё это конечно могли быть лишь слухи, но..., сейчас я действительно хотел оказаться отсюда как можно дальше.

Внутренний голос изо всех сил кричал мне бежать. И всё же я почему-то сидел и не мог заставить себя пошевелиться. Взгляд этого человека меня сковал. В его глазах было какое-то ледяное спокойствие. Он смотрел на меня и словно чего-то ждал.

Я медленно положил приманку обратно в сумку и закрыл её. Теперь я хотел просто вскочить и побежать. На самом же деле мне удалось лишь так же медленно, неловко, подняться. Ноги подкашивались, и я едва сдерживался, чтобы не расплакаться. Я никогда не боялся людей, но этот..., он, кажется, даже не моргал. И что самое страшное я не мог понять, зачем он меня изучает. Зачем ему нужен я.

– Эй, мальчик!

Мистик вдруг резко поднялся и взял посох. Я отчаянно бросился бежать. Удочка и сумка выпали, но я даже и не подумал их поднимать. Спустя же ещё миг я зацепился ногой за что-то вроде тонкой невидимой нити. Она натянулась и прилипла ко мне. Я огляделся и вдруг понял, что бегу не туда. Вместо того, чтобы бежать прямо к дому, я почему-то побежал вдоль реки. Наверное всё дело было в темноте или

в том, что к этому моменту глаза мне уже застилала слёзы.

Мистик почему-то вздохнул и медленно побрёл ко мне. Я слышал вдалеке тихий хруст гальки под его шагами. «Бежать! Бежать, скорее!», – я лихорадочно попытался сбросить с ноги проклятую нить, но она лишь ещё сильнее меня опутала.

Спустя ещё несколько мгновений нога уже не двигалась, и прилипли ещё и руки. Я отчаянно рванулся, потерял равновесие и запутался в нитях уже весь. Как оказалось их тут были десятки, если не сотни.

Я в ужасе плакал и пытался освободиться, но лишь всё больше и больше увязал. В конце концов какая-то из нитей прилипла к моему лицу и намертво склеила мне губы. Теперь я не мог уже даже кричать. Моё сердце билось часто-часто. В тот миг я впервые столкнулся с магией, но сразу понял, что это она. Мистик тем временем подошёл уже совсем близко.

Он остановился в паре шагов, опёрся на посох и пристально на меня посмотрел. На его лице отразилось едва заметное колебание. Я заглянул ему в глаза и понял, что он гораздо старше, чем кажется. В их глубине была какая-то серьёзность, сила, мудрость. Я чувствовал это, но никак не мог полностью уловить.

Его посох напоминал посохи Светлых магов, но и отличался от них. Посохи магов выглядели декоративно, утончённо, а этот был скорее уж обычным дорожным. По нему

было заметно, что он явно уже многое повидал.

Мистик ещё раз вздохнул, зачем-то провёл вокруг меня несколько раз посохом, подхватил меня под мышку и понёс к своему костру. Я отчаянно пытался кричать и вырваться, но моё тело не двигалось, и я не мог произнести ни звука.

– Полежи здесь немного. И не бойся, это скоро само пройдёт.

Он осторожно уложил меня на гальку и повернул лицом к костру. Сам он уселся рядом и чуть сбоку, так, чтобы я его видел.

Проходило время, и мой страх понемногу начал отступать. Я изо всех сил старался взять себя в руки. Путы, которые сковали моё тело, постепенно слабели. Заклинание теперь ощущалось, как верёвка, которая опутала меня с головы до ног. Я даже чувствовал кожей её отдельные особо толстые нити.

– Пока не двигайся, можешь пораниться. – мистик посмотрел на меня недовольно. – Ты видимо случайно задел мою ловушку. Я её на всякий случай поставил, чтоб знать если кто-то придёт. Подожди, я сейчас принесу твои вещи. Я быстро.

Он задумчиво повертел посох в руке, положил на землю, а сам лёгкой быстрой походкой отправился за моими вещами. Я понял, что уже могу говорить, но ещё вряд ли двигаться и теперь размышлял стоит ли ему дать об этом знать. Основная проблема была в том, что я не мог теперь понять, как к нему

относиться. Конечно он был мистиком, да, но..., вёл-то он себя по-человечески.

– Вот.

Мистик поставил мою сумку возле костра и придиричиво оглядел удочку. В его до этого абсолютно непроницаемых глазах вдруг вспыхнул какой-то интерес, даже любопытство. Он рассматривал её, вертел, гнул и что-то про себя бормотал.

– На небольшую рыбу.

Я торопливо замолчал и уже пожалел о сказанном. Мистик отложил удочку и повернулся ко мне.

– Как ты понял, что я здесь? В смысле не сейчас, до этого.

Интерес в его глазах сменился ледяным холодом. Он задал вопрос именно для того, чтобы получить ответ.

– Я почувствовал запах дыма и повернул голову. Вот и всё.

Я старался говорить твёрдо, но мой голос всё равно противно дрожал. Незаметно для мистика я напрягал тело и пытался освободить хотя бы руки. Мистик посмотрел на меня озадаченно.

– Преодолею заклинание силой воли, ну-ну...

Он отвернулся и задумчиво посмотрел куда-то вдаль, на воду. Я промолчал. Что ему сказать на это я не знал. Кроме того, я очень сильно боялся его обидеть. Кто знает, что он мог бы сделать, если бы вдруг решил, что я над ним смеюсь.

Некоторое время мы с ним просто молчали. Мистик присел и судя по всему размышлял о чём-то своём. В его взгляде

де читалась какая-то растерянность, неверие. Кроме того, по нему было заметно, что он сильно не доверяет мне и словно чего-то опасается.

Так прошло ещё сколько-то времени, и вдруг я понял, что уже могу двигаться. Нити заклинания истончились, и когда я шевелился, рвались одна за другой. Мистик вдруг посмотрел на меня, взял посох и пересел ко мне ближе.

– Закрой глаза и не шевелись.

Он начал беззвучно шевелить губами и водить посохом над моей головой. Я испуганно зажмурился. Оставшиеся нити заклинания вдруг одновременно разорвались и исчезли. Я неуверенно открыл глаза.

Мистик отложил посох, протянул мне руку и помог сесть. Я вздрогнул и как можно незаметнее поёжился. Кисть его руки была тонкой, но почему-то сильной, а сама её кожа на ощупь холодной, словно вода.

– Ты попал в заклинание паутины. – мистик пересел на прежнее место. – Оно вообще слабое, но зверя остановить может. Ну, или обычного человека. Если честно, то я собирался сейчас немного поспать.

Он задумчиво взял ветку и подбросил её в костёр. «Обычного...», – подумал я вдруг. Это последнее уточнение звучало довольно зловеще.

Руки и ноги у меня покалывало. Я хотел встать и размяться, но не знал стоит ли. Мистик конечно вёл себя доброжелательно, но всё это вполне могло быть проверкой, игрой.

Он мог специально дать мне свободу, чтобы за мной понаблюдать.

Я долго колебался, но в конце концов решил вести себя, как обычно, прикинуться, что я его не боюсь. Я поднялся, помахал руками и ногами, прошёлся до воды, умылся и вернулся к костру.

На реке тем временем уже светало. Мистик достал книгу, перо, чернила и начал что-то сосредоточенно писать. Я взял из сумки несколько закидушек, наживил их, забросил и поставил на колокольчики.

Так прошло сколько-то времени. Я поймал пару довольно больших рыбин, а мистик закончил писать. За это время мой страх улёгся уже полностью. Я рассудил так: «если бы мистик задумывал причинить мне вред, то уже бы это сделал, а раз не сделал, значит и не задумывал». Его костёр догорел, но мы по-прежнему сидели возле него, поглядывали друг на друга и молчали.

Домой я идти не хотел. Да и в конце концов в ситуации этой был виноват не я и мне не хотелось из-за этого портить себе первый за три года нормальный праздник. Я достал кусок пирога и молча протянул его мистику. Он удивлённо посмотрел на меня, но так же молча его взял.

Мы сидели, ели пирог и смотрели на реку. Не знаю о чём думал этот странный человек, но самому мне просто думать ни о чём не хотелось. Мистик не знал меня, а я его и меня это

вполне устраивало. Солнце припекало, пирог был вкусным и даже всё ещё тёплым, река медленно бежала прочь. Мистик доел свой кусок, поднялся и взял посох.

– За угощение благодарю. Держи, небольшой подарок. У тебя ведь день рождения сегодня?

Он направил посох на реку, что-то сосредоточенно прошептал, словно прислушался и медленно кивнул. Меня охватило какое-то странное чувство. Я вдруг ощутил движение какой-то невидимой силы вокруг себя. Это был ветер, но и не ветер. Эта сила была неосязаемой, моё тело её не чувствовало, её чувствовал я сам. Ощущение было похоже на то, которое я испытал, когда подходил к заклинанию «сети», но это было во много раз сильнее.

– Иди.

Мистик указал мне на реку. Я посмотрел, но не заметил ничего, никаких изменений. В глубине холодных глаз мистика вдруг заискрились насмешливые огоньки. Он подчёркнуто-важно отложил посох и присел. Объяснять он мне судя по всему ничего не собирался.

Я вздохнул и пошёл к воде. Не знаю почему, но магии я к этому моменту уже не боялся. Логика мне подсказывала, что мистик сделал что-то с рекой, но я не понимал, что именно.

Я постоял немного, подумал, затем сбросил обувь, штаны и рубаху. Для того чтобы проверить, что не так стало с рекой, мне нужно было просто в неё войти. Мистик молчал, но я даже спиной чувствовал, как он улыбается. Из всех, ко-

го я знал, это был действительно самый необычный человек.

Обычно я старался заходить в воду с разбегу, но в этот раз решил с этим повременить. Я подошёл к самой воде, занёс ногу и осторожно поставил её – на воду. Ступня слегка погрузилась, но вода держала меня. Ощущение было примерно такое же, как, когда идёшь по мягкой густой траве. Я растерянно оглянулся. Мистик действительно улыбался и смотрел на меня.

– Иди, не бойся, будет держать.

Он громко щёлкнул пальцами и вдруг прямо из середины реки в небо ударили два фонтана. Вода искрилась на солнце и разбрасывала множество радужных искр. От восторга у меня перехватило дыхание. Я отбросил остатки сомнений и побежал туда.

Фонтаны причудливо изогнулись и вдруг превратились в качели. Вокруг них в небо начали подниматься огромные водные пузыри. Внутри они были пустыми и тоже переливались всеми цветами радуги, когда солнце попадало на них. Река продолжала течь, но меня и качели течение словно обходило стороной, не трогало.

Качаться было здорово. Эти необычные качели были настолько лёгкими и подвижными, что, казалось, вообще не весили ничего. Любое, даже самое малейшее движение, бросало их вперёд-назад едва ли не до свечки, а несколько раз я даже действительно полностью их провернул.

Так прошло довольно много времени. Мистик молчал, а

я тоже не хотел его торопить. Несколько раз я спрыгивал с качелей и просто носился по воде туда-сюда, или играл с пузырями. Всё происходящее казалось мне каким-то волшебным сном.

В конце концов я наигрался настолько, что даже устал, хотя до этого и от рыбалок-то уставал не часто. Я спрыгнул с качелей, ещё раз оглядел их напоследок, пробежался по воде и вернулся на берег. Мистик посмотрел на меня, затем глазами указал мне на реку. Я лишь кивнул. Мне и без слов было ясно о чём он меня спрашивает.

Он поднялся, взял посох, направил его на реку и произнёс всего одну короткую резкую фразу. Качели с громким плеском схлынули обратно в реку и смешались с её водой. Пузыри тоже все полопались и перестали подниматься. Мистик отложил свой посох и сел. Его улыбка погасла, а взгляд вновь стал непроницаемым. Спустя ещё какой-то миг он уже вновь открыл свою книгу и начал что-то сосредоточенно туда писать.

Я размотал удочку и стал ловить на тесто небольших рыбок. Интуиция мне подсказывала, что моего случайного знакомого сейчас лучше не трогать и не отвлекать.

Незаметно наступил вечер. Мистик развёл костёр, но писать по-прежнему не прекращал. Мне же в свою очередь оставалось лишь удивляться его усидчивости. На реке становилось всё темней и темней. Ещё немного и у меня дома всё же начали бы беспокоиться. Я и без того уже задержался

насколько мог.

– Мне пора.

Я собрался, набросил сумку, взял удочку, садок с рыбой и подошёл к мистику. После всего, что произошло я был уверен, что он не станет меня задерживать. Мистик отложил книгу и задумчиво на меня посмотрел. На его лице отразилось едва заметное колебание.

– Я могу тебя отпустить..., если ты пообещаешь мне две вещи. Во-первых, никому обо мне не говорить, даже родителям. Во-вторых, не ходить сюда где-то неделю.

Он как-то слегка рассеянно закрыл чернильницу, поднялся и протянул мне руку. Это было странно, но он почему-то относился ко мне, как к взрослому. Я пожал ему руку и кивнул.

– Я не расскажу, честно.

Я поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Как бы то ни было, а я собирался сдержать своё слово. Мне просто нужно было вести себя как обычно, как если бы я никого и не встречал.

Опасался он конечно зря, потому что рассказать мне в любом случае было некому. Кроме дяди Брега и тёти Фаи в деревне я почти и не общался ни с кем.

Я чуть отбежал и оглянулся. Мистик помахал мне рукой.

– И не ходи сюда где-то с неделю, слышишь! Ни в коем случае не ходи!

В его голосе слышалась какая-то тревога. Возможно, он

собирался сотворить какое-то важное заклинание и боялся, что я ему помешаю. Я растерянно кивнул, тоже помахал ему и побежал домой.

Всю ночь я думал над тем, какое же именно важное заклинание хочет сделать этот странный мистик, может ли оно повредить нашей деревне, как он будет его сотворять и прочее, прочее, прочее... Заснул я в итоге лишь под утро, да и то лишь на час или два.

С утра я как обычно собрался, взял удочку и пошёл на реку. По дороге я не раз останавливался и отчаянно боролся сам с собой. Вообще на реке было довольно много рыбных мест, и я мог легко сменить на время своё любимое. И всё же, несмотря на все доводы разума, я шёл и шёл прямо к нему.

В какой-то миг моя внутренняя борьба прекратилась, и я понял, что проиграл. Мистик и его таинственное заклинание были слишком интересными. Обещание обещанием, но я просто не мог упустить этот шанс. Я просто обязан был вернуться туда сегодня и самостоятельно разобраться во всём.

Кто этот мистик? Что это будет за заклинание? Может ли оно причинить нашей деревне вред? Я столько раз мысленно проигрывал сцену моего с ним диалога, что уже даже успел подготовить ряд, как я считал, самых важных вопросов. Иногда я конечно спрашивал себя, что буду делать, если мистик откажется мне отвечать, но каждый раз торопливо прогонял эту мысль, как абсолютно нелепую. В глубине души я твёрдо

верил, что мистик очень добрый и хороший человек.

Так незаметно для самого себя я пришёл на реку. Мистика нигде не было видно и даже его костёр не горел. Я подошёл ближе и осторожно провёл рукой над золой. Она была ещё тёплой, судя по всему мистик ушёл не так давно. Его вещей поблизости тоже нигде не было. Он просто взял и ушёл. От обиды мне хотелось расплакаться. Не было никакого таинственного заклинания. Он просто меня обманул.

Я сбросил сумку и удочку на землю. Заклинание паутины – это был мой последний шанс. Мистик должен был почувствовать, если я в ней запутаюсь. По крайней мере я очень на это надеялся. Я несколько раз глубоко вздохнул. Всё же самому лезть в ловушку, тем более невидимую, мне было страшно. Я долго колебался и придумывал себе всё новые отговорки. Как работает этот магический фокус мистика, я представлял себе лишь смутно, поэтому решил на всякий случай сделать всё так же, как в прошлый раз.

В конце концов я решил и использовал давний совет матери: целиком сосредоточился на действии, отбросил все лишние мысли и просто побежал. Спустя некоторое время я зацепился ногой за что-то. Сердце у меня радостно дрогнуло и забилось чаще. Магия мистика всё ещё работала. Я чувствовал присутствие какой-то невидимой силы вокруг. Я побарахтался немного и уже спустя миг не мог ни двигаться, ни говорить. Теперь мне оставалось лишь спокойно дожидаться его прихода.

В «паутине» я провисел около двух или трёх часов. На реке уже светало, а мистика всё ещё не было. Моё любопытство стал понемногу сменять страх. Что я буду делать, если он не придёт, я не знал. Этот вариант в своём плане я вообще не продумывал. Несколько раз за это время я пытался выбраться сам, но «паутина» держала крепко. Затем где-то неподалёку захрустела галька, и раздались шаги.

– Три часа уже висишь и будешь висеть ещё! – донёсся его раздражённый голос.

Мистик подошёл ближе и встал напротив меня.

– Магия – это не шутки! Ты что, дурак?! Что бы ты сейчас делал, если бы я не пришёл?! Виси тут теперь и думай!

Он развернулся и сделал вид, что собирается уходить. Меня охватило отчаяние. Я уже действительно раскаивался в том, что натворил. Мистик вздохнул, остановился, вернулся, поводит посохом вокруг меня и подхватил меня под мышку.

Спустя ещё некоторое время всё было, как вчера. Я лежал у костра и чувствовал, как постепенно слабеют нити заклинания. Мистик сидел со своей книгой и что-то сосредоточенно туда писал.

Так прошло сколько-то времени. Мистик снял с меня остатки заклинания и помог мне сесть. В его взгляде всё ещё читалось неодобрение, но оно было уже не настолько сильно. Я собрался с духом и посмотрел ему в глаза. Это далось мне довольно тяжело после нарушенного обещания. Он отложил посох и вздохнул.

– Это заклинание снимать слишком долго. Я ставил его на время. Оно само исчезнет через пять-шесть дней. Хотя и я тут тоже виноват. Нужно было сразу сказать, видел же, что любопытный.

Мистик ещё раз вздохнул и посмотрел на реку. Я затаил дыхание и ждал, что он скажет ещё. Я был готов выслушать любые его упрёки. Но шло время, а мистик всё молчал. Я вдруг испугался, что слишком сильно его обидел. От этого человека исходила какая-то серьёзность, уверенность. Я чувствовал, что он относится ко мне не как к ребёнку, а как к равному. И теперь я был уже абсолютно убеждён в том, что этот человек никому не хочет причинять зла. Я вскочил и низко склонил голову.

– Пожалуйста, простите. Я думал вы тут будете делать какое-то заклинание, вот и решил посмотреть, а «паутиной» я просто хотел вас вызвать... , когда понял, что вы ушли...

Голос у меня дрогнул и сорвался, видимо оттого, что я слишком быстро говорил. Я почувствовал, как уши у меня вспыхнули. На самом деле я очень не любил извиняться, но тут действительно было за что. Мистик тоже поднялся и положил мне руку на плечо. Судя по всему это означало, что он меня прощает.

– Придётся мне видимо всё же задержаться... Ты обо мне надеюсь никому не говорил?

Он прошёл мимо меня, подошёл к воде и стал умываться. Я почувствовал смутную радость. Теперь у меня точно по-

явился шанс обо всём его расспросить.

– Нет, никому. Да мне и говорить-то особо некому.

Я вдруг понял, что улыбаюсь. Мистик оглянулся, посмотрел на меня и тоже слегка улыбнулся. Судя по всему он не сразу понял, почему у меня такой весёлый тон.

– А почему у вас такой плохой посох?

Я понимал, что вопрос это глупый, но больше ничего быстро придумать так и не смог. Мистик как раз закончил умываться и подошёл ко мне. В его глазах вновь горели те самые насмешливые искорки. Он молча взял посох, закрыл глаза, прошептал что-то одними губами, подождал немного, словно к чему-то прислушивался, затем кивнул и протянул его мне.

Я с удивлением заметил, как посох в его руках изменился. Все трещины исчезли, наверхие резко заострилось и стало похожим на огромную снежинку или звезду. На ощупь посох был холодным и слегка влажным. Я удивлённо огляделся. Из чего бы он ни был, он не мог быть настолько холодным сейчас, в такую жару. Просто не мог и всё.

– Это посох Воды. Она редко бывает слишком горячей. – мистик посмотрел на меня серьёзно. – Этот посох мне очень дорог. Это наша семейная ценность. Я получил его от отца, а он от своего. Если с ним что-то случится..., даже не знаю..., такие вещи одновременно и хороши и плохи. Они слишком заряженные, поэтому можно сказать обладают неким подобием воли, не терпят к себе неуважения. Когда я произносил

последнее заклинание, я спрашивал его разрешает ли он тебе к нему прикоснуться.

Я немного повертел посох и вернул его мистика. По правде говоря, мне не слишком нравился холод, который от него исходил. Я сразу понял, что если бы я сам был мистиком и стал бы выбирать себе посох, то он обязательно был бы тёплым.

Остаток дня мы просто болтали ни о чём. Мистик сказал, что его зовут Даждий, но я сразу понял, что имя это не настоящее, «домашнее», а скорее всего «уличное». Он расспрашивал меня о моей жизни, о деревне. Я несколько раз задавал ему прямые вопросы о магии, но он просто отшучивался или не отвечал. Впрочем, о своей семье я ему тоже ничего не рассказывал, просто сказал, что временно тут живу. Мистик помрачнел, возможно догадался о чём-то, но дальше спрашивать уже не стал.

Незаметно наступил вечер. Мы с мистиком сходили в лесок неподалёку и набрали дров для костра. Я про себя отметил, что за всё это время он ни разу не использовал магию. С чем это может быть связано я не знал.

На реке совсем стемнело. Я смотал удочку и принялся ставить закидушки. Мистик сложил новый костёр на месте старого и подозвал меня.

– Смотри, сейчас будет фокус.

Он как-то хитро сложил пальцы и взмахнул рукой в направлении костра. С неё сорвался небольшой огонёк и упал

на ветки. Спустя же ещё какой-то миг наш костёр уже всюду пылал.

– А можно и мне попробовать?

Я изо всех сил напряг память и постарался сложить пальцы как он. Мистик задумчиво посмотрел на меня и вздохнул. Он молча взял мою руку, помог мне составить пальцы и несколько раз показал движение руки.

– Одним лишь знаком ты тут не обойдёшься. Магия – это не так легко.

Он порылся в сумке, достал свою книгу, чернильницу и перо. Я ощутил лёгкое разочарование. Судя по всему больше он мне объяснять ничего не собирался. Спустя ещё какое-то время я собрался, попрощался с мистиком и побежал домой. Напоследок он пообещал мне, что никуда пока не уйдёт и мы завтра с ним снова встретимся.

От усталости за эти два дня я уже едва не валился с ног. Я прибежал, быстро поел и лёг спать. В ту ночь мне снилось, что я сам стал Светлым магом. Я писал книги и творил самые сложные заклинания. Впервые за долгое время я был действительно счастлив во сне.

На следующее утро я снова встретился с мистиком, хоть в этот раз слегка и проспал. Когда я пришёл, на реке уже всюду светало. Мистик чуть обеспокоенно на меня посмотрел, но промолчал. Некоторое время каждый из нас занимался своими делами: он продолжал что-то писать, я расставлял заки-

душки и бросал рыбе прикорм.

По небу бежали облака, да и вообще было довольно прохладно. Ветерок гнал по воде противную мелкую рябь. Я задумчиво повертел удочку и отложил её. Вместо этого я собирался немного потренироваться. Всё равно в такую погоду сильного клёва можно было не ждать.

Конечно я понимал, что магия мистиков не настоящая, но даже и она могла мне пригодиться. Чем больше времени проходило с моего сна, тем сильнее я хотел воплотить его в жизнь, стать однажды настоящим магом.

Я отошёл немного в сторону, так, чтобы мистик не видел и принялся за тренировки. Раз за разом я складывал пальцы и делал движения, которым он меня научил, но у меня ничего не получалось. Мистик тем временем достал котелок, набрал воды и принялся готовить. На меня он не обращал ни малейшего внимания, либо делал вид, что не обращал.

Так прошло сколько-то времени. Я уже вконец отчаялся и повторял все действия уже больше для вида. Мне не хотелось сознаваться, что я так легко сдался, даже перед самим собой. Движения мистика, когда он разводил огонь, казались мне какими-то слишком сложными, запутанными. Я чувствовал, что всё это можно сделать проще. Я оглянулся, но мистик, кажется, действительно на меня не смотрел. Я слегка изменил его движения и убрал лишние. В этот раз я уже больше баловался и не рассчитывал на результат. Раздался тихий щелчок, с моих пальцев сорвался кусочек пламени и упал на

землю. Мистик оглянулся и удивлённо на меня посмотрел.

– У тебя получилось?

Он отложил нож, торопливо подошёл, присел возле опаленного песка на корточки и долго его изучал. Я затаил дыхание и не двигался. Сам я в произошедшее тоже верил едва-едва.

– У тебя получилось...

Мистик поднялся, взял мои руки, повернул и осмотрел ладони, так, словно пытался найти в них хоть какую-то подсказку. Я неуверенно улыбнулся. Даже после его слов я всё ещё не вполне верил в свой успех. И ещё я не знал, стоит ли сознаваться в том, что я изменил движения. Мистик крепко взял меня за руку, подвёл к костру, усадил и встал напротив.

– Скажу прямо. Я никогда не видел, чтобы заклинание делал неподготовленный человек. Ни разу. У самого меня первое заклинание вышло лишь спустя месяц тренировок. И у меня были книги, плюс к этому магами были мой отец и дед. И не улыбайся, я не рад, что у тебя получилось. У меня нет времени тебя учить. И ты ещё слишком мал. Сколько тебе? Десять? Одиннадцать?

Он раздражённо снял котелок с огня и сильно потёр лоб. Я улучил момент, незаметно сложил пальцы и взмахнул рукой. Сделал я это просто для того чтобы убедиться. Вновь раздался щелчок, но на этот раз гораздо громче и отчётливей. С моей руки сорвался огонёк и ударил в костёр. Пламя взвилось, во все стороны хлынули искры. Я едва успел от-

вернуться и закрыть лицо.

Мистик молча отошёл, взял посох, направил на меня и что-то резко сказал. Спустя миг я понял, что не могу шевелиться. Мистик зло отложил посох и сел.

– Сейчас ты будешь слушать меня, понял?

Он посмотрел мне прямо в глаза. Я попытался кивнуть, но у меня не вышло.

– Д...да.

Голос у меня сорвался. Я не понимал, почему мистик вдруг стал так себя вести. Он несколько раз глубоко вдохнул и резко выдохнул. Я вдруг заметил вокруг его тела прозрачно-радужную, чуть видимую, словно воздушную, плёнку. Он медленно вдохнул и выдохнул последний раз, пробормотал что-то, и она исчезла.

– Магия – это не шутки! Как тебе объяснить, чтобы до тебя дошло? Нельзя тренироваться, если рядом есть люди. Что бы ты делал, если бы удар твоего заклинания пришёлся в меня? А ты знаешь, что я рефлексивно мог нанести ответный? Ты сейчас даже не понял, что я едва тебя не убил.

Мистик посмотрел на меня и вдруг я заметил в его глазах слёзы. Судя по всему он был напуган гораздо сильнее меня.

– Я не хотел! Я просто хотел проверить! – я попытался вскочить, но у меня не вышло. – Я просто хочу стать как вы! Я пойду к Светлым магам и буду учиться, обещаю!

Я отбросил все сомнения и назвал ему свою мечту.

– Об этом даже не думай!

Мистик вскочил, шагнул ко мне, но затем вновь отступил и уселся. Он впервые за время нашего знакомства настолько повысил голос и выглядел каким-то одновременно растерянным и злым. От его прежнего равного ко мне отношения почти ничего не осталось.

– Светлые убьют тебя сразу, как только узнают о том, что ты можешь использовать магию. Либо, что скорее всего, они будут пытаться тебя, чтобы узнать куда ушёл я.

Мистик резким движением вытер слёзы, поднялся, взял посох, направил на меня и снял заклинание. Я почувствовал, что могу шевелиться, но не могу заставить себя встать. В тот миг я впервые осознал во что ввязался. Светлые маги охотились на мистиков, а я стал одним из них. И даже ещё хуже, потому что настоящие мистики владели хотя бы хоть какой-то недо-магией. Я сидел и мысленно повторял одно лишь слово. Убьют, убьют, убьют. Светлые маги будут пытаться меня и убьют, если схватят.

Мистик подошёл, помог мне подняться и отвёл меня к воде. Я упал на колени и яростно принялся умываться. Холод воды прояснял мысли и помогал хоть немного прийти в себя. Мистик посмотрел на меня, присел и тоже умылся. Мы с ним молча вернулись к костру. Он положил в тарелку каши из котелка и протянул мне. Я покачал головой. Уж что-что, а есть мне сейчас не хотелось точно. Он пожал плечами и принялся есть её сам.

– Я буду тренироваться.

Я развернулся и пошёл к реке. Мистик меня не останавливал. Оставшееся до вечера время я практиковал единственное доступное мне заклинание. Мистик уже сказал, что не собирается меня учить, а значит и надеяться мне было больше не на кого. Я вдруг с абсолютной ясностью осознал одну простую истину. Защитить себя могу лишь я сам.

Попрощались мы с мистиком довольно холодно. Однако, когда я шёл домой я знал, что и завтра тоже приду. Мистик был взрослым и был всё ещё жив. Значит и у Светлых магов были какие-то слабости. О враге ты должен знать максимум информации. Даже если это абсолютно немыслимый по силе враг. Дома я сразу поел и лёг спать. В эту ночь мне уже ничего не снилось.

Глава 3. Выбор.

На следующий день я как обычно пришёл на реку. Мистик тут же встал, отложил книгу и подошёл ко мне.

– Прости, что втянул тебя во всё это, но выход есть. Мы можем сделать проще. Есть заклинание «отнятия памяти». Если хочешь, я могу наложить его на тебя. После этого ты всё забудешь. И как пользоваться магией тоже. Светлячки, конечно, могут догадаться, что на тебе какое-то заклинание, но вряд ли станут тратить время и его снимать.

Мистик посмотрел на меня. Я понял, что он ждёт мой ответ. Забыть то, что произошло. И качели и то, как я сам создавал пламя. И получить безопасность взамен. Я конечно мог согласиться, но не понимал зачем мне будет такая жизнь.

– Вы можете вместо этого научить меня вашей магии?

Я поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Больше всего в тот миг я боялся, что он всё же отнимет у меня память. Мистик отошёл к реке и начал молча смотреть на воду. Я принялся разматывать и ставить закидушки и бросать рыбе прикорм. Делал я это просто для того, чтобы отвлечься. Ожидание его ответа было слишком мучительным для меня. Спустя какое-то время мистик вернулся к костру и уселся. Я подошёл к нему. Он и так уже думал довольно долго, и я уже просто не мог больше ждать. Мистик вздохнул, взял свою книгу, перо, чернильницу и убрал в сумку.

– Так. Для начала сразу проясним некоторые моменты. Во-первых, меня интересует твой возраст, как ты живёшь, с кем. Есть ли у тебя враги, которым ты хотел бы отомстить, скажем, с помощью магии? Есть ли друзья, которых ты хотел бы сделать счастливыми? Во-вторых, умеешь ли ты читать и писать?

Он посмотрел на меня, и взгляд его стал ещё серьёзней. Он не просто так задавал мне эти вопросы. Он словно меня проверял. Я на миг задумался. Как он может отреагировать на то что у меня нет ни семьи, ни друзей, ни даже врагов, я не знал. В конце концов я просто решил сказать полуправду.

– Читать и писать умею, день рождения у меня вот недавно был, когда я вас встретил, двенадцать лет. Живу я тут временно, поэтому ни с кем особо не общаюсь, врагов у меня нет и в родной деревне тоже не было... и друзей близких тоже.

Я замолчал и отвёл глаза. Мистик некоторое время смотрел на меня выжидательно, затем вздохнул и порылся в сумке.

– Хорошо, остальное расскажешь позже. Вот, возьми. Я конечно могу объяснять заклинания и сам, но будет лучше если ты с самого начала привыкнешь учиться самостоятельно.

Мистик протянул мне небольшую книгу. На вид она была довольно старой, потрёпанной и в ней почему-то было очень много пустых страниц. Когда я держал её на весу, у меня

возникало очень странное чувство. Я чувствовал словно какую-то оболочку на ней, как если бы внутри этой была ещё одна книга. Кроме того, она была намного тяжелее, чем выглядела. Мистик кивком указал мне сесть.

– Я объясню тебе некоторые вещи. Мало кто придаёт им значение, но это основы магии. Что отличает сильного человека от слабого? По-настоящему сильный человек всегда добр. Не потому что эти вещи связаны. И изначально не доброта даёт силу, а сила доброту. Когда относишься ко всем как к детям, то стараешься и не обижать никого. По крайней мере специально. Слабый же человек напротив видит в каждом встречном угрозу, вот и старается напасть первым, пока не напали на него. Это ему кажется правильным.

Он поглядел на реку и задумался. Я молчал. Что бы он ни сказал мне теперь, я был готов внимательно выслушать. Тогда же я мысленно назвал его учителем в первый раз. Мистик как-то слегка смущённо откашлялся.

– Прости, ты у меня, если честно, первый ученик, вот и теряюсь немного, слишком многое нужно сказать. Для начала Светлячки..., Светлые. Для нас они враги и точка. Все свои глупые мысли о переговорах с ними или тем более ученичестве у них сразу забудь. Ты ещё юн, поэтому многого не знаешь. Это даже не война, а просто ненависть. У войны есть причина, цель, у слепой ненависти нет. Ты уже один из нас, Свободный, а значит цель их ненависти и их заклятый враг. Преимущество Светлых в том, что их много. Твоё преиму-

щество в том, что ты один. Никогда не останавливайся на одном месте надолго. Всегда двигайся. Так им будет сложнее тебя поймать.

Он внимательно посмотрел на меня. Я лишь кивнул. Мистик взял книгу, которую мне дал, перелистнул на какую-то определённую страницу и вернул её мне. Как я понял, он хотел, чтобы я не тратил время зря и читал, пока он объясняет мне остальное.

В книге говорилось о заклинании «искра», том самом, которое я уже знал. Приближался полдень, но небо было по-прежнему затянуто тучами и на реке было прохладно. Мистик подбросил в костёр несколько веток, посмотрел на воду, словно вспомнил что-то и вдруг чуть растерянно улыбнулся.

– Относись к магии легко, иначе не получится. Начнёшь относиться слишком серьёзно и ты проиграл. За свою жизнь я повидал немало людей, которые сделали любимые прежде занятия рутиной и скукой. И кстати о вещах. Для магии тебе не нужны приспособления. Она всегда живёт внутри тебя. С посохами же, амулетами и прочим, тебе просто становится удобнее ей пользоваться. Вот и всё. В общем, магия – это магия, а вещи – это вещи.

Он взял котелок, сходил набрал воды и поставил его на огонь. Я тем временем уже почти закончил читать про заклинание. В книге всё описывалось намного сложнее, чем он показал. Как оказалось даже в этой простейшей магии есть немало тонкостей. Так например сила этой самой «искры»

напрямую зависит от резкости взмаха руки. Вот почему второе заклинание, которое я бросил тогда в костёр, вышло у меня куда мощней. Мистик быстро нарезал в котелок овощи и добавил специй. Затем он поднялся и кивком головы указал мне следовать за ним.

– Прочитал? Теперь можешь немного попрактиковаться. Книгу с собой бери, я о другом пока буду говорить. Этого ты из книг не узнаешь. Запомни одно выражение. Оно конечно относится к магии скорее косвенно, но тем не менее отражает саму её суть. «Ты не можешь побеждать всегда, но в твоих силах сделать себя непобедимым». Никогда не сдавайся, вот и всё. Всегда верь в свою неизбежную победу. Кроме того, постоянно борись сам с собой. Тот, кто не может победить сам себя, не сможет стать сильным магом.

Он подвёл меня к самой воде и указал на неё. Я понял чего он добивается. Если я буду бросать «искры» в воду, то от моих тренировок не останется следов. Я посмотрел в книгу, слегка изменил привычное уже положение пальцев и бросил первое заклинание. Мистик одобрительно кивнул.

– Запомни. Каждый миг, который ты потратишь на что-то кроме магии, сделает тебя, как мага, слабее. Ты, конечно, можешь потратить время, чтобы постараться создать себе лучшие условия, но всегда помни, что тебе придётся нагонять это время потом. Не пытайся научиться всему. Маг – это маг. Тебе не нужно уметь владеть ещё чем-то. Попытаешься научиться сразу всему и ослабнешь. Лучше быть ма-

стером в каком-то одном деле, чем недоучкой во всех.

Он ненадолго отошёл, помешал еду в котелке и вернулся. Я за это время успел бросить ещё три заклинания, правда, одно из них у меня вышло хилым. Вчера всё было в порядке, и я не ожидал, что магия отнимает такую прорву сил. Мистик посмотрел на меня как-то слегка встревоженно.

– Устал? Позанимайся ещё немного и перерыв, иначе надорвёшься и некоторое время вообще не сможешь магию применять. Кстати вот тебе ещё урок. Всегда сохраняй силу. Не трать её в пустых стычках. Никогда никому ничего не доказывай. Запомни, "доказывающий неправ, правый не доказывает". Я прочитал это как-то в одной книге. Думаю, её написал очень сильный и мудрый человек. Хотя и не маг, как ни странно.

Он встал рядом со мной и тоже бросил в воду несколько «искр». Самое странное, что они у него выходили, кажется, даже хуже. Я конечно задумался, что бы это значило, но промолчал. С таким учителем, как этот мистик, это вполне могло быть и проверкой. Кроме того, если бы я обвинил его, то это вызвало бы пустую стычку, а он мне о них только что говорил. Мистик вдруг улыбнулся.

– Молодец, не заметил. Вернее заметил, но сравнивать не стал. На самом деле Огонь противоположная моей основной стихия. И по правде я его не слишком люблю.

Он продолжил тренироваться. Я посмотрел в книгу и нашёл новое изменение в заклинании. На языке у меня уже до-

вольно долго вертелся один вопрос.

– А почему вы называете себя магом?

Я бросил ещё одно заклинание и посмотрел на мистика. Они не были настоящими магами, это знали все. Мой учитель остановился и повернулся ко мне.

– Ты действительно думаешь, что разница есть? Магии плевать кто ты. Светлый, тёмный, взрослый, ребёнок, мужчина, женщина. Магия одна для всех. И сами мы называем себя не мистиками, а Свободными магами. Кстати запомни, назовёшь другого Свободного мистиком можешь очень сильно его оскорбить, вплоть до вызова на поединок.

Его взгляд слегка смягчился. Я стоял и медленно осознал услышанное. Разницы не было, Светлые просто сами придумали её. Скорее всего они сделали это для того, чтобы у простых людей не было уважения к другим магам. Всё же насколько по-разному звучали слова «мистик» и «Свободный маг».

Я потренировался ещё немного, и мы вместе с учителем пошли есть. От усталости к этому моменту меня уже едва ли не качало. Он посмотрел на меня и дальнейшие тренировки на сегодня запретил. Я конечно слегка поворчал, что ещё могу, но больше для вида. На самом деле я и сам понимал, что надрываться мне сейчас нельзя никак.

Я поел, поблагодарил учителя, взял свою книгу и принялся читать. С самого начала в ней давался небольшой обзор всех простейших заклинаний. Учитель подвинулся ко мне,

взял у меня книгу и перелистнул.

– С обзором потом разберёшься, практика сейчас важнее. Кстати, скажу одну вещь, хотя возможно слишком рано. В общем это на тот случай, если вдруг действительно соберёшься заняться магией уже всерьёз. Не сближайся с людьми..., по крайней мере слишком сильно. Если у тебя потом вдруг возникнет выбор между ними и магией это будет больно. И им и тебе.

Он резко встал, взял котелок и пошёл его мыть. Я кивнул, хотя у меня почему-то возникло ощущение, что последние слова он сказал себе. Оставшееся до моего ухода время мы почти не общались. Я разбирал новое заклинание, учитель взял лист и что-то сосредоточенно на нём писал.

На реке совсем стемнело. Я смотал удочку, закидушки, взял сумку, садок, но не знал, что делать с книгой. Учитель как раз закончил писать, подошёл и протянул мне лист.

– Вот. Твоя программа тренировок. Это просто на всякий случай, не бойся, я никуда пока не уйду. Книгу оставь, будем считать, что ты взял её у меня в долг. Может ещё встретимся, вернёшь как-нибудь. Освоишь эту, постарайся найти другие. Кроме того, экспериментировать. Самое главное в магии – это практика. Её тебе не заменит ничто.

Он подбросил в костёр несколько веток и достал свою книгу. Я попрощался с ним и побежал домой.

На следующий день я проснулся даже чуть раньше обыч-

ного и сразу же побежал на реку. На дворе было по-прежнему пасмурно и холодно, и я был уверен, что скоро обязательно пойдёт дождь. Как это было ни странно мой учитель уже меня ждал. Я никак не мог понять, когда же он вообще спит. Мы поприветствовали друг друга, я поставил закидушки и сразу же приступил к тренировкам. Учитель встал неподалёку и изредка меня поправлял.

Прошло некоторое время. Заклинания-«искры» мне удавались намного лучше, чем вчера. Я делал их одно за другим и почти не чувствовал усталости. На реке понемногу начало светать. Учитель подошёл чуть ближе, внимательно проследил за моим последним огненным шариком и кивнул.

– Так. Всё, хватит. С Огнём закончили, дальше пойдёт Земля. Кстати, о стихиях-то я тебе ещё и не рассказал. Их четыре: Огонь, Земля, Воздух и Вода. Запомни их основные составляющие. Огонь состоит из тепла и сухости. Его сила в скорости и активности. Противоположная ему Вода, моя основная стихия, объединяет в себе влагу и холод. Она сильна своей изменчивостью и пластичностью. Стихия Земли сочетает в себе холод и сухость. Её сила в устойчивости и нерушимости основ. Ну и последняя стихия, Воздух, объединяет в себе тепло и влажность. Её основная сила в свободе и вездесущности. Все заклинания, которые ты будешь применять так или иначе будут наследовать качества своей стихии-родителя. Их конечно иногда можно подменять, но..., это уже из разряда экспериментов, тут каждый случай лучше отдель-

но проверять.

Он замолчал и посмотрел на меня. Я торопливо кивнул. Вопросов у меня пока не возникало, кроме пожалуй одного. Я нерешительно закрыл книгу.

– Как понять, что заклинание идеально? Есть вообще какие-нибудь оценки для них?

Мне нужно было понять от чего отталкиваться уже потом, когда он уйдёт, а я останусь один. Учитель посмотрел на меня задумчиво.

– Идеальное заклинание? Наверное немного рано, но раз уж ты сам спросил. Идеальное заклинание – оно выше тебя, в любом смысле. Ты это сразу поймёшь. Творя его, особенно впервые, ты не сможешь сдержать слёз.

Он указал мне на одну из моих закидушек. Колокольчик на ней звенел уже довольно давно. Я вытащил рыбу и поставил закидушку вновь. Учитель смотрел неодобрительно. Кажется, его слегка раздражало, что я так долго с этим возжусь. Он взял мою магическую книгу, перелистнул и протянул мне.

– Заклинание магии Земли, «песчинка». Позволяет сдвинуть с места небольшой камень, сил отнимает примерно столько же, сколько и «искра». И кстати ещё из важного на будущее. Обязательно заботься о здоровье. Это прежде всего. Болезни делают тебя слабым. В том числе слабым и в твоей магии. Исключи любой дурман, вино, курение всякой дряни и по возможности всё, что делает тебя рабом. Так ты смо-

жешь сохранить свой разум трезвым, а для магии это важнее всего.

Учитель посмотрел на реку, развернулся и пошёл к костру. Я постоял немного и пошёл следом. В этот раз я собирался вначале как следует изучить заклинание, а уж затем его применять.

До обеда я разбирался с новым заклинанием. Рыба клевала плохо, но я впервые был этому только рад. Учитель взял посох, вертел его и что-то обдумывал. Иногда при этом он искоса поглядывал на меня.

В обед на реке поднялся ветер и заморосил мелкий дождь. Книгу мне пришлось убрать. Я поразмыслил немного и всё же решил попросить помощи. В конце концов такая погода наверняка мешала не только нам.

– Учитель, а вы не можете убрать этот дождь?

Я вдруг понял, что впервые так к нему обратился, приподнял капюшон куртки и посмотрел на него. Учитель поднялся и тоже посмотрел на меня.

– Убрать могу, достаточно просто развеять тучи, например заклинание ветра тут неплохо подойдёт. Но тут есть одно «но». Нельзя изменять что-то лишь потому что так хочется. У всякого большого действия должна быть большая цель. Если я изменю погоду и погибнет урожай, кто будет в итоге виноват? Виноваты будем мы оба: ты в том, что попросил меня сделать глупость, я в том, что твою просьбу выполнил. Но большая вина всё равно будет на мне потому что моё ре-

шение будет последним.

Он слегка улыбнулся, обвёл посохом вокруг нашего костра и что-то беззвучно прошептал. Воздух над нашей стоянкой вдруг слегка заискрился и начал отталкивать воду. Вместо того чтобы менять погоду учитель просто устроил нам удобный навес. Я торопливо достал книгу и принялся изучать её дальше. Мои познания в магии были конечно ничтожны, но этот навес должен был отнимать целую прорву сил. Учитель отложил посох и подбросил в костёр несколько веток.

– Не спеши. Я уже говорил, что Вода – моя основная стихия. Это заклинание я легко могу держать даже несколько дней. Жаль, правда, что от ветра оно не спасает, но с этим уж ничего не поделаешь. На самом деле это просто слегка увеличенный щит от Воды. Такие же бывают от физических повреждений, от Огня, Земли и Воздуха, но их мне намного тяжелее держать. Да..., что ни говори, а условия обучения у Светлячков конечно лучше. Они явно не занимаются под дождём. Плюс опять же большие библиотеки, доступность магических книг. Они быстрее могут готовить магов. Если конечно выпускников их школ так можно назвать. Проблема тут в самой стандартности этого процесса. Я считаю, что магии каждый должен учиться сам. Бесплезно учить такому. Ну, кроме возможно самых основ.

Он взял котелок, сходил набрал воды и поставил его на огонь. Я улыбнулся. Как бы учитель ни кичился, что эконо-

мит время, а обед готовил всегда. Наверняка это как-то перекликалось с его советом беречь здоровье, чтобы сохранить ясный ум.

Мы поели, и я принялся за практику. Из-под навеса мне учитель разрешил не выходить. Получалось у меня, мягко говоря, плохо. Камни или вообще не двигались, или двигались совсем не так, как я хотел. Учитель просто наблюдал и молчал. От этого дождя он, казалось, стал ещё задумчивее. Возможно, он ему о чём-то напоминал.

Прошло сколько-то времени. Заклинание у меня более-менее стало получаться, но я уже чувствовал, что устал. Сил оно отнимало у меня всё же куда больше, чем «искра». Впрочем, я надеялся, что с практикой это пройдёт. Учитель достал из сумки какой-то глиняный пузырёк, отпил из него немного и протянул мне.

– Сделай один глоток. Один, понял, не больше. Это от возможной простуды, боюсь, что с такой погодой можем заболеть. Кстати, скажи, у тебя есть мечта? Я вижу, что тебя что-то гложет. Какое-то большое горе возможно.

Он подождал, забрал пузырёк, положил в сумку и посмотрел куда-то вдаль, на реку. Я почувствовал, как по всему телу у меня начало растекаться тепло. В этой настойке точно был мёд, но и ещё что-то, похожую делала моя мать.

– Мои родители умерли, я хочу их вернуть, хочу, чтобы всё было как раньше.

Я посмотрел на огонь. Игра пламени на ветру успокаива-

ла. Для меня это была без сомнений самая красивая на свете вещь. Учитель помолчал немного, затем вздохнул и посмотрел на меня.

– Если ты хочешь стать магом лишь для этого, то я отниму у тебя память прямо сейчас. Если хочешь и о родителях тоже. Заклинаний воскрешения не существует. Ты конечно можешь попробовать с помощью тёмной магии, но это уже будут не они. Я уже молчу о цене самой подобной попытки. Ты ведь не сможешь приносить в жертву грудных детей?

Он ещё раз вздохнул и подбросил в костёр несколько веток. Я ошарашенно молчал. Для учителя, казалось, совершенно не существовало разницы взрослый – ребёнок. Иной раз он говорил настолько жестоко и прямо, что у меня просто не оставалось слов. Чтобы отвлечься, я ещё пару раз попробовал сделать заклинание «песчинка», но оно мне не удалось. Я набрался смелости и посмотрел учителю прямо в глаза.

– Магом я хочу стать не поэтому. Мои мать с отцом и сами бы не захотели так возвращаться. Вы спросили про мечту, и я ответил. Мечты – это ведь что-то невозможное.

Я почувствовал раздражение. Он не имел права спрашивать меня, чтобы потом осуждать. На самом деле я уже вообще пожалел, что ему открылся. Учитель как-то слегка смущённо откашлялся и протянул руки к костру.

– Прости. Мне важно было, чтобы ты понял насколько это опасно, вот я и сказал всё как есть.

Он улыбнулся, но в глубине его глаз я видел печаль. Они у него были прямо, как его стихия: спокойны, глубоки и холодны. Я вдруг понял, что не могу на него обижаться. Он ведь судя по всему и вправду не хотел меня задеть.

До самого вечера на реке шёл дождь. Рыба почти не кле-вала, и я мог спокойно практиковаться. С учителем мы почти не говорили. Я уже не обижался, но всё ещё не мог отойти. Видимо я действительно слегка надеялся вернуть родителей с помощью магии. Скорее всего эти чувства были так глубоко скрыты, что я не признавался в них даже себе. Когда совсем стемнело, я собрал свои вещи, попрощался с учителем и побежал домой. Ещё один день моего обучения закончился.

Этой ночью я плохо спал. Мне почему-то всё время чудилось, что мою книгу по магии может кто-то увидеть. Я просыпался и перепрыгивал её едва ли не десяток раз. Утром я впервые поймал себя на мысли, что рыбачить я не хочу. Половину своего обычного запаса наживок и закидушек я оставил дома.

На реку я пришёл вконец разбитый и уставший. Учитель глянул на меня и молча кивнул. Я тоже ему кивнул и стал было разматывать удочку, но он жестом меня остановил.

– У нас нет на это времени, кроме того, я всё вижу по твоему лицу.

Он взял посох, направил его на реку и что-то негромко

произнёс. Вода неподалёку булькнула, и прямо из неё в пузырях воды поднялось несколько крупных рыб. Учитель указал посохом на место возле своих ног. Пузыри послушно подплыли и схлынули на землю водой. Рыба попадала на песок и начала по нему прыгать. Я стоял и растерянно смотрел на это всё. Учитель отложил посох, взял у меня садок и принялся собирать свой улов.

– Удочкой я наловил бы столько же, но потратил бы время, поэтому тут случай не как с дождём. В общем важно не орудие, метод, а мотив, причина, твоего действия. Ну и конечно готовность нести ответственность за результат.

Он закончил и протянул мне садок. Интересно, что вся рыба в нём была крупная, ни одного малька. Я смотал удочку, отложил её и достал книгу. Учитель ещё кое-что не сказал мне, но я понял и сам. Его способ рыбалки вредил природе даже меньше, чем мой. Вот и вся правда.

Небо было по-прежнему затянуто тучами. С реки дул прохладный ветерок и почему-то тянуло водорослями. В такую погоду здесь было не очень уютно и как-то слегка пусто что ли, всё вокруг словно замирало в ожидании дождя или грозы.

Учитель ушёл в лес неподалёку собирать ветки для костра, а я приступил к занятиям. Усталость давала о себе знать и всё же камни хоть понемногу, но двигались. Количество неудач уменьшалось, да и само закливание отнимало куда меньше сил. На самом деле я уже даже слегка собой гордил-

ся. В книге было конечно ещё много непонятного, но я уже чувствовал, что разберусь. Учитель был прав, когда с самого начала заставил меня заниматься самостоятельно.

Прошло некоторое время. Я наловчился перекачивать мелкие камушки и сталкивать их в воду. Отрывать цели моих заклинаний от земли у меня всё ещё не выходило. Учитель вернулся, свалил ветки в кучу, подошёл ко мне, внимательно посмотрел и кивнул.

– Так. С Землёй тоже ясно, дальше Воздух. В книге есть заклинание «бриз», до конца дня постарайся в нём разобраться. Кстати ещё одну вещь вспомнил, пока ходил. Скажу сразу, чтобы не забыть. Это не о магии, а о самой жизни мага. Как видишь у меня совсем немного вещей. Я придерживаюсь простого принципа. Не нужно сейчас – не бери. Очень редко я запасаясь чем-либо. Так делаю только если для меня совершенно ясно, что мне действительно пригодится эта вещь, и я её в любом случае использую. Например..., мёд. Да, да, самый обычный мёд. Он вкусный и неплохо помогает от простуды. Я всегда стараюсь запастись им впрок, особенно на зиму.

Учитель замолчал и улыбнулся, видимо заметил, что я изо всех сил стараюсь сдержать смех. Некоторые вещи он всё же объяснял слишком просто. Я каждый раз ждал сложных формул, правил, а он говорил что-то о том же мёде.

Мы отошли и уселись возле костра. Я нашёл нужное заклинание и стал читать. Практиковаться я пока больше

не планировал. Движения рук при выполнении заклинаний очень сильно отличались. Как я понял это зависело от самих стихий. Перестраиваться с одних на другие было сложно. У Огня они были резкие, у Земли тяжёлые, у Воздуха лёгкие. Но если перейти с резких на тяжёлые я ещё как-то смог, то сейчас мне предстоял переход ещё сложнее. В худшем случае, как я понял, у меня перестало бы выходить и заклинание «песчинка». Я читал все пояснения внимательно и по несколько раз и старался сразу их запомнить. Учитель достал свою книгу и что-то в неё писал. Друг друга мы старались не отвлекать и не тревожить.

Незаметно наступил полдень. Где-то в отдалении тихо рокотал гром, но дождь всё никак не начинался и я втайне надеялся, что сегодня он уже не пойдёт. Учитель поднялся, захлопнул свою книгу, убрал её и подошёл ко мне.

– Так, вроде главу закончил. Знаешь про что пишу? Про людские странности. Вообще люди чаще всего поступают неверно. Большинство, я имею в виду. Они исходят не из потребности, а из вещи, которая у них есть в данный момент, вот и выходит так, что не они управляют вещами, а вещи ими. Кстати с магией всё то же самое. Всегда старайся применить самое простое и действенное заклинание, всегда проверяй все ли действительно необходимые заклинания у тебя есть. Если видишь, что заклинание неэффективно, например отнимает много сил или времени, требует сложных приготовлений или редких ингредиентов, откажись от него

и найди новое. Так ты будешь управлять магией, а не она тобой. Ещё бывает момент психологической ловушки. Например «я не могу отказаться от заклинания, ведь оно дорого мне, как память». Ну или от вещи например. Никогда в неё не попадай. Заклинания – это заклинания, память – это память. Даже если неэффективное заклинание напоминает тебе о чём-то дорогом, избавься от него и иди дальше. Заметь, я сказал избавься от заклинания или вещи, а не от воспоминаний. Их ты можешь хранить, пока они сами собой не заменятся чем-то более важным. Так человек и растёт.

Он улыбнулся, взял котелок и пошёл набирать воду. Я сидел и молча раздумывал над тем, что он сказал. Кольца родителей – это ведь тоже всего лишь вещи. И если уж на то пошло, то единственное, что они мне пока приносили это лишь боль. Сколько раз я уже смотрел на эту копоть? Сколько раз я уже мысленно возвращался в тот день? Я посмотрел в книгу и сделал вид, что читаю. Учителю я открываться не хотел. Проблема с кольцами была лишь моей проблемой, а значит и решить её мог лишь я сам.

Остаток дня я запомнил плохо. Учитель говорил мне что-то, я невпопад отвечал. Заклинания тоже вдруг почему-то перестали получаться. Кончилось всё тем, что учитель меня отпустил. Напоследок он сказал мне, что заниматься в таком состоянии бесполезно. Я пришёл домой и почти сразу же завалился спать.

В ту ночь мне снова приснились родители. Было темно, и

вокруг стоял густой туман. Они, как и прежде, шли куда-то вдалеке чуть видимые и не замечали меня. Я кричал им, они замирали, прислушивались, но затем лишь пожимали плечами и продолжали идти. Проклятый туман гасил звуки и мешал им меня разглядеть.

– Да стойте же вы! Подождите!

Я вдруг неожиданно сам для себя сложил пальцы в магический знак. Родители должны были меня увидеть. Я не мог позволить им уйти ещё раз.

Слова заклинания прозвучали в моей голове как-то сами собой, почти без моего участия. С моих пальцев сорвался кусочек пламени, описал небольшую дугу и упал на землю шагах в пяти-шести от меня. Он был совсем крошечным, но почему-то боролся с туманом и продолжал гореть. Я подбежал к нему и в нерешительности остановился.

Туману моё пламя явно не нравилось. Он вдруг стал бледнеть, рассеиваться и отступать. Закреплению заклинаний учитель меня ещё не учил, но я чувствовал, что мы с этим огоньком словно стали как-то связаны. Поток магической энергии с моей руки почему-то не прекращался.

– Мам! Папа! Я здесь! – закричал я и принялся махать руками.

Первой меня заметила мама. Она остановилась, схватила отца за руку и потянула ко мне. Я стоял и не мог пошевелиться. Больше всего на свете я хотел их обнять.

Моя «искра» разгоралась всё сильнее, а туман рассеивал-

ся. Я хотел броситься к родителям, но вдруг понял, что нас разделяет река. Они подошли к самой воде со своей стороны, остановились и улыбнулись. Я понял, что больше они никуда не уйдут.

Отец посмотрел на меня, кивнул на воду и молча покачал головой. По его взгляду я понял, что если бы у него был хоть малейший шанс перебраться сюда, ко мне, то он бы уже это сделал. Судя по всему в эту реку нельзя было входить ни им, ни мне. Кроме того, они оба почему-то молчали. Огонёк «искры» тихонько горел у моих ног, но я чувствовал, что он в любой миг может погаснуть.

– Вы меня слышите? – Я с надеждой посмотрел на мать. Она вновь улыбнулась и кивнула. Я тоже постарался преодолеть свою горечь и улыбнуться им. – Мам, пап, я стану магом. Стану самым сильным магом, обещаю. Так что вы следите за мной, хорошо?

Я помахал им и почувствовал, как по щекам у меня сами собой покатались слёзы. Моя «искра» гасла, и всё снова медленно затягивал густой молочный туман. Мать с отцом подняли руки и тоже мне помахали. В их взглядах было обещание, что они никогда больше не отвернутся и ни за что не бросят меня.

Всё это было лишь сном, и я прекрасно сознавал это, но не хотел упускать этот шанс. Я изо всех сил вглядывался и старался запомнить их внешность, улыбки, запомнить накрепко и навсегда.

Туман поднимался всё выше и скоро скрыл от моего взгляда всё, кроме их поднятых рук. Я пригляделся и вдруг с удивлением понял, что на пальцах у моих родителей нет обручальных колец. Всё это время я хранил совершенно не то, что нужно: вместо воспоминаний о самих моих родителях лишь два обгоревших кусочка металла, которые день за днём тянули из меня силы и заставляли меня страдать. В тот же миг я понял главное: не кольца связывали моих родителей, а лишь их любовь эти кольца, без живого человека любая вещь ему принадлежавшая – это уже не его вещь.

Проснулся я уже под утро. Лицо у меня сильно опухло, глаза щипало, а подушка была мокрой от слёз. Я встал, взял коробку с кольцами и положил в сумку. Прошное должно было остаться в прошлом, а я идти вперёд.

Я пришёл на реку, поздоровался с учителем, сразу же достал коробку, вытащил из неё кольца и бросил её в костёр. Учитель посмотрел вопросительно, но промолчал. Я на миг крепко сжал кольца в кулаке, но затем собрался и усилием воли заставил себя разжать руку. Учитель вдруг поднялся, подошёл и положил мне руку на плечо.

– Кольца родителей? Пошли я тебя провожу.

Он осторожно повернул меня к реке и подтолкнул в спину. Я растерянно кивнул и мы пошли. Как учитель догадался, что я хочу сделать, я так и не понял.

Мы подошли к самой воде. Я глубоко вздохнул, размахнулся и швырнул кольца в реку. Раздался тихий двойной

всплеск и на водной глади, довольно далеко от берега, стали расходиться круги. Я почувствовал лёгкое удивление. На самом деле я не ожидал, что у меня получится бросить кольца так сильно. Видимо волнение на какой-то миг сделало мою руку гораздо крепче. Мы постояли немного и пошли назад.

В следующие несколько дней я лишь делал вид, что рыбачу. Мои занятия магией начинались с момента прихода на реку и продолжались едва ли не до самой ночи. Домой я приходил разбитый, уставший и обессиленный.

Кроме основной магии четырёх стихий учитель показывал мне самые разные её области. Алхимия, магия иллюзий, руническая магия, изготовление посохов, амулетов, талисманов и прочее. Я чувствовал, что он словно делает для меня какой-то их обзор, старается показать все хоть понемногу.

Из заклинаний в моём распоряжении уже были «искра», «песчинка» и «бриз». Заклинание стихии Воды «капля» у меня не выходило, хотя я бился над ним дня три. Учителя заметно раздражало, что я не могу пользоваться именно его стихией, но он молчал.

В очередное утро я как обычно пришёл на реку. Дожди и тучи последних дней наконец-то закончились и от света луны всё было видно почти что как днём. На небе всё ещё горели некоторые, самые яркие, звёзды, хотя уже и близился рассвет.

Мы с учителем поздоровались, он взял свой посох помог

мне быстро наловить рыбы, подождал, пока я соберу её, и подошёл ко мне.

– Посох усиливает заклинания мага, как ты уже знаешь. Мне придётся показать тебе, как им пользоваться на своём, но предупреждаю сразу, будет сложно. Ты ведь не очень дружишь с Водой.

Он передал мне посох и жестом показал, как я должен его правильно взять.

Я вновь почувствовал в своей руке противный мокрый холод. Как ни крути, а мне действительно не слишком нравилась стихия Воды.

Я направил посох на реку и прошептал слова заклинания. У меня ещё не очень хорошо получалось произносить их в уме. Учитель одобрительно кивнул. Судя по всему пока что я всё делал правильно.

До обеда я тренировался делать посохом заклинание «капля», затем учитель меня остановил. Он подошёл, забрал у меня посох и принялся что-то чертить им на песке.

– На этом остановимся, не будем тратить время. Кстати, когда я ловил рыбу, то использовал комбинацию заклинаний: «обнаружение жизни» и «капля». Я до этого пробовал разные способы, но этот эффективней всего.

Учитель неторопливо закончил рисунок и довольно улыбнулся. На песке осталась почти идеальная округлая семилучевая звезда и в ней какие-то символы.

Я вздохнул и открыл книгу. На самом деле я и без слов

понял, что он от меня хотел. Любое заклинание можно сделать разными способами: с помощью посоха полностью устным, с помощью знаков пальцев и движений рук и с помощью рисования на чём-либо таких вот звёзд.

Учитель подвёл меня ближе, заставил присесть и положить руку на одну из вершин звезды.

– Теперь делай то же самое, что и с посохом. Когда получится перерисуй её сам и попробуй снова.

Он развернулся и пошёл готовить еду.

Пару часов я промучился, тренируясь делать заклинание «капля» с помощью его звёзды, затем оно у меня более-менее стало получаться. Я передохнул немного, нашёл подходящую палочку и принялся чертить такой же, концентрирующий магическую энергию, рисунок сам. Делать это в первый раз оказалось даже довольно интересно.

Спустя примерно четверть часа я закончил, нетерпеливо положил руку на нужную вершину и произнёс слова заклинания. В душе в тот миг я уже всюю предвкушал удивление учителя от того, что я всё сделал, как надо уже в самый первый раз и покорила наконец-то хотя бы так его капризную стихию.

Некоторое время ничего не происходило, затем мою руку вдруг словно дёрнуло, и от ладони до самого плеча у меня прокатилась резкая боль. По линиям моей звезды с тихим сухим треском пробежали небольшие, чуть заметные, голубые искорки. Я торопливо отдёрнул руку, вскочил и на вся-

кий случай отбежал подальше.

Учитель поднялся, подошёл, оценивающе глянул на мой рисунок и чуть улыбнулся. В его глазах вспыхнули всё те же насмешливые огоньки.

– Прости, что не предупредил, но так лучше запомнишь. Если нарисовать звезду неправильно, то будет «откат», возврат магической энергии в смысле. И ударит он естественно по тому, кто пытается эту звезду использовать. Если объяснять это коротко, то это твоя же магическая энергия не находит выхода и возвращается к тебе, правда это довольно болезненно. На будущее запомни, нарисуешь звезду с мощным заклинанием неправильно и можешь умереть, причём заметишь умереть от боли.

Огоньки в его глазах погасли, и он посмотрел на меня уже серьёзно. Я растерянно кивнул, подошёл и поднял свою палочку. Урок я усвоил, но сдаваться из-за этого не хотел.

Вторую звезду я рисовал уже куда дольше и внимательнее. Мне очень не хотелось ещё раз испытать ту боль. Наконец я закончил, присел, попробовал применить заклинание и вновь получил откат. Рука у меня полностью занемела. Я вскочил и принялся отчаянно ей болтать.

Учитель подбежал, взял меня за плечи, отвёл к костру и усадил. Его глаза были как всегда спокойны и холодны, но всё же в движениях чувствовалась довольно сильная тревога.

– Посиди тут немного, рукой не шевели. Это скоро само пройдёт, я получал откаты и посильнее.

Он слегка улыбнулся, взял свою книгу и продолжил что-то в неё писать.

Я сидел и чувствовал, как моя рука медленно оживает.

– Учитель, а вы верите в Высшие силы?

Я осторожно попробовал пошевелить пальцами, и это мне почти удалось.

Учитель отложил перо и посмотрел на меня задумчиво.

– Высшие силы..., сложный вопрос. Нет, наверное, в какие-то Высшие силы я не верю. Я верю в то что нужно по возможности жить честно и не делать того, что сам считаешь несправедливым и злым. Вот и вся моя правда. Кстати могу дать один совет, как получить больше сил, если ты конечно меня поймёшь. Каждый человек уникален и несёт в своём сердце миллиарды оттенков и полутонов. Некоторые люди становятся сильнее, когда слушают музыку, некоторые, когда выполняют физические упражнения, некоторые, как я например, когда смотрят на воду. Лишь ты сам сможешь узнать своё Высшее, то что будет вдохновлять тебя до такой степени, что ты сможешь превзойти сам себя.

Он замолчал, посмотрел на реку и улыбнулся.

Я лишь неуверенно кивнул. Учитель вообще был странным человеком..., во многом, если не сказать, что во всём. И такими же странными мне иной раз казались его слова.

Рука у меня отходила гораздо медленнее, чем мне бы хотелось. Прошло ещё едва ли не с полчаса прежде чем я смог ей хоть как-то двигать. Я молча поднялся и пошёл рисовать

следующую звезду. Неудачи неудачами, но задание учителя-то я так и не выполнил. Он отвлёкся, посмотрел на меня, явно хотел что-то сказать, но промолчал.

Перерисованная звезда вновь ударила меня откатом. И следующая. И следующая. Я закончил их рисовать лишь поздно вечером, когда уже просто вконец вымотался и устал. От злости мне хотелось плакать. Линии у меня выходили какими-то грубыми, резкими, совсем не такими, как у учителя и с каждым разом, кажется, становились лишь хуже. Он же поглядывал на всё это, задумчиво улыбался и молчал. По его лицу было заметно, что он уже давно что-то понял и просто ждёт, когда я сдамся и спрошу его или догадаюсь сам.

Я получил очередной откат, посмотрел на учителя и вдруг почувствовал, что моё терпение кончилось. Внутри меня всё кипело и клочкотало от злости. Я упал на колени, принялся разбрасывать песок руками и уничтожать последнюю нарисованную звезду.

– Ненавижу Воду! Дурацкая стихия! Вообще не буду ей пользоваться!

По щекам у меня всё же покатались горячие злые слёзы. Учитель должен был скоро уйти, вот что было важно. У меня не было времени на всякую неработающую чушь.

Учитель поднялся, взял посох и направил его на реку.

– Молодец. А теперь отойди-ка.

Он чуть посерьёзней, как и всегда, когда творил заклинания и начал что-то беззвучно шептать.

Я торопливо отбежал и встал рядом с ним. К этому моменту я уже чётко усвоил, что его «отойди-ка» означает «беги оттуда скорей».

По реке пошли лёгкие волны. Одна из них вспучилась и обрушилась на берег неподалёку от нас. Я вдруг с удивлением понял, что учитель стёр ей звёзды, причём стёр все: и мои и свою.

– Вода не твоя стихия. Молодец, что понял это сам. Я знаю ещё кое-что, но пока не могу сказать. – Он указал посохом на мою книгу. – Попробуй нарисовать этот круг.

От навёршия его посоха, снежинки-звезды, пошёл лёгкий прохладный ветерок, страницы книги сами собой перелистнулись.

С первого взгляда я понял, что это совершенно другая магия. Этот круг я вообще мог не рисовать. Не знаю, как это объяснить, но я словно «почувствовал» это заклинание, понял саму его суть.

Я повернулся к учителю. Он озадаченно на меня посмотрел.

– Я могу сделать это без круга?

Я сложил пальцы в первый осознанный мной магический знак и прошептал начальные слова заклинания. Воздух вокруг меня вдруг начал словно чуть нагреваться. Я ощутил движение потоков силы внутри и вокруг себя.

Учитель поднял руку и как-то слегка растерянно кивнул. Я нехотя развеял неоконченное заклинание. В том, что оно

принадлежало к стихии Огня, моей любимой, я уже не сомневался.

– Кстати. – Учитель повернул посох к реке, провёл, зачерпнул воду заклинанием и вдруг резко плеснул на меня. – Это тебе за то, что оскорбил мою стихию. Никогда так больше не делай. Стихия не виновата, что у тебя нет к ней способностей.

Я почувствовал, как уши у меня вспыхнули. Насчёт себя учитель прощал многое, но некоторые вещи при нём было лучше не задевать.

Мы уселись возле костра, и учитель сказал мне читать теорию. Мне было это делать ужасно скучно, но спорить с ним я не рискнул. Кроме того, мне теперь и правда не мешало немного согреться и обсохнуть. Единственное, что меня утешало, так это то, что учитель больше не настаивал на изучении магии Воды. За одно это я был готов простить ему что угодно.

Спустя ещё некоторое время на реке совсем стемнело, и я побежал домой. В глубине души я надеялся, что таких дней, как этот, у меня больше не будет.

Следующее утро у меня началось как обычно. Я прибежал на реку, поздоровался с учителем, мы порыбачили, и я сразу же приступил к занятиям. Для начала я хотел повторить всё то, что уже знал.

Погода на реке была отличная. Солнце бросало первые

тёплые лучики, небо было прозрачным и синим, и даже ветер на время притих, словно тоже залюбовался рассветом.

Последние ошибки со звёздами всё ещё не шли у меня из головы, поэтому я постарался как следует сосредоточиться и сделать свою магическую разминку быстро и с первого раза. Учитель намекнул мне, что вначале неплохо бы было ещё раз повторить теорию, но я упёрся и сказал, что сделаю это потом.

Моей первой неудачей стало заклинание «бриз», с которого я и решил начать свою тренировку. Как я ни бился, с моих пальцев не хотел срываться и самый слабый ветерок. Это было странно потому что на мой взгляд я делал всё, как обычно, ничего не проверял, не добавлял и не убавлял.

Настроение у меня испортилось окончательно. Я несколько раз глубоко вздохнул и пересложил пальцы на руке в начальный знак заклинания «песчинка» магии Земли. Логика мне подсказывала, что раз у меня такие проблемы с одной стихией, то уж с противоположной ей точно всё должно быть если и не отлично, то по крайней мере довольно хорошо.

На неуклюжие попытки сдвинуть с места хоть один камушек у меня ушло ещё примерно полчаса. Магические потоки не возникали, камни даже не вздрагивали, просто лежали, как лежали и всё. В душе у меня медленно зарождался страх и сомнения.

Учитель иногда поднимал голову, отрывался от своей книги и поглядывал на меня. В его взгляде была какая-то

причудливая смесь крайнего неодобрения и наоборот похвалы. Причину первого я понимал, а вот второго не очень.

В конце концов от заклинания «песчинка» мне тоже пришлось пока отступить. Я несколько раз сильно встряхнул кистями рук и ещё раз размял пальцы. Маг не должен терять веры в свои силы. Никогда. Это первое и едва ли не самое главное правило магии.

Я медленно сложил пальцы в знак заклинания «искра», на всякий случай всё перепроверил и произнёс необходимые слова. Полностью ручным знаковым методом я его делать пока не рискнул, побоялся.

Шло время и ничего не происходило. Мой страх вырвался и захватил меня целиком. В тот миг я уже ничего не понимал. Почему? Почему у меня вдруг перестало получаться даже простейшее? Я опустил руки и повернулся к учителю. Произнести я ничего не мог, но надеялся, что он и сам обо всём догадается.

Учитель вздохнул, поднялся и подошёл ко мне.

– Ты слишком напряжён, слишком хочешь, чтобы у тебя получилось, а магия это совсем не то. Не думай о том, зачем ты делаешь заклинание, сделай его просто так.

Он улыбнулся, быстро, но плавно, по-водному, сложил пальцы, что-то прошептал и указал мне на реку. На воде неподалёку от берега какими-то слегка забавными буквами было написано «просто так».

Я вдруг почувствовал, как напряжение уходит. Самым

главным было то, что учитель меня не осуждал. Я постарался отбросить все лишние мысли, вновь, на этот раз быстро, сложил пальцы в магический знак и взмахнул рукой. На неё я в тот миг даже не смотрел.

С моих пальцев сорвался небольшой огонёк и упал на землю. В этот раз он почему-то не спешил гаснуть, просто лежал и горел. Мой страх наконец-то прошёл окончательно. Огонь всё ещё меня слушался, а значит всё было хорошо.

Учитель медленно кивнул, и вдруг в его глазах промелькнуло какое-то подобие интереса.

– Сможешь бросить такой в меня?

Он соединил ладони перед грудью, обвёл руками вокруг своего тела и так же соединил их за спиной. Воздух вокруг него в тот же миг вдруг начал слегка переливаться, словно он стоял внутри огромного прозрачного пузыря.

Задание было странным и почти невыполнимым, но спорить с учителем и разочаровывать его я не стал. Раз он сказал бросить, нужно было хотя бы попытаться. Полупрозрачный пузырь вокруг его тела был какой-то своеобразной защитой от Огня, в этом я был почти убеждён, а раз так, то и поддерживать его учителю должно было быть довольно сложно, всё-таки с Огнём он не особо дружил. Заклинания этой стихии, кстати, учитель вообще делал лишь в совершенно исключительных случаях, лишь тогда, когда без этого было и вправду не обойтись.

Я постоял немного и нерешительно сложил пальцы в знак

заклинания «искра». Что делать дальше я пока, если честно, не знал. Сделать огонёк и бросить его совершенно разные вещи. Учитель точно ждал от меня чего-то, но я никак не мог догадаться чего.

– Хорошо, раз ты не нападаешь, я начну первым.

Он отошёл чуть ближе к воде и остановился. В его глазах вновь заиграли всё те же насмешливые огоньки.

Учитель захватил воду из реки заклинанием «капля» и каким-то другим заклинанием резко толкнул её вперёд, в меня. Уклониться я не успел, получил довольно ощутимый толчок-удар в грудь, от неожиданности слегка покачнулся, но устоял. Учитель, конечно, предупредил меня, что нападёт, но я не думал, что он и правда это сделает.

Стоять и раздумывать дальше становилось опасно. По глазам учителя было ясно, что он вот-вот всё повторит.

– Не стой, маг, думай!

Он медленно отвёл руку в сторону, что-то произнёс, и над рекой начали, один за другим, подниматься водные шары. Искорки в его глазах пропали, а взгляд стал холодным и спокойным взглядом истинного мага Воды.

Я торопливо развеял заклинание «искра» и пересложил пальцы в «бриз». Сердце у меня застучало часто-часто и громко, так, что его удары даже начали отдаваться в ушах. Комбинация. Комбинация заклинаний – это был мой единственный шанс.

Вертикальный «бриз», «искра», «бриз» горизонтальный.

Как я умудрился всё это сделать с первого раза, я не знал. Скорее всего тут немало повлияла сама эта ситуация. Количество водных шаров в воздухе над рекой всё увеличивалось и мне даже представлять не хотелось, что будет, если учитель вдруг и правда решит отправить их все в меня.

Мой огненный шарик медленно подплыл к учителю, коснулся его щита и исчез. Я вдруг с удивлением понял, что и щит-пузырь при этом лопнул и исчез тоже. Учитель опустил руку, и все водные шары схлынули обратно в реку. В его взгляде читалось довольство. Он посмотрел на меня с какой-то даже лёгкой гордостью и одобрительно кивнул.

– По правилам ты должен был меня коснуться и ты это сделал, значит я проиграл. Кстати ты только что открыл собственное заклинание, поздравляю, некоторые до этого очень долго идут. Это, конечно, был не настоящий бой, но смысл, я думаю, ты понял. И ещё. – Он вдруг чуть нахмурился и посерьёзnel. – В настоящем будь готов убить, если потребуются. То что ты ещё ребёнок не остановит некоторых людей.

Учитель посмотрел на реку и его взгляд стал таким же отстранённым и холодным, как когда я увидел его в первый раз.

Я против воли вздрогнул и слегка поёжился. После таких слов учителя мне очень не хотелось оказаться на его пути. Он стоял здесь, передо мной, а значит из всех своих схваток выходил победителем. Интересно, сколько их было? И скольких людей он убил?

– Многих. – Учитель повернулся и посмотрел на меня. –

Я убил многих. Ты ведь об этом хочешь спросить? Я предупредил тебя в самом начале, помнишь? Путь любого мага – это почти всегда путь войны. В нашем случае со Светлячками и большинством таких же, как мы, Свободных. Если передумал, то всегда можешь отказаться. Мне не нужен ученик, который не сможет себя защитить.

Он с лёгким раздражением развернулся и пошёл обратно к костру.

Я хотел крикнуть ему в спину, что он ошибается, что есть и другой, мирный, путь, но почему-то не смог. Его взгляд и поведение тогда, во время нашего поединка, всё ещё не шли у меня из головы. В настоящем бою другой такой маг убил бы меня без колебаний. Я был слаб, думаю именно это учитель и хотел мне объяснить. Именно это, а не комбинирование заклинаний и было его настоящим уроком.

Я постоял немного и тоже вернулся к костру. В голове у меня всё ещё был сумбур, но в одном я был уверен точно. Я не сдамся и от своей мечты так просто не отступлюсь.

Учитель поднял на меня глаза, долго молча смотрел и затем лишь как-то неопределённо кивнул.

– Вижу ты всё понял. Это хорошо. Лет до четырнадцати прячься, уклоняйся от схваток, не показывай никому, что ты маг. Если уже поздно и заставят показывать, что умеешь, допускай ошибки, говори, что начал заниматься месяц назад. Светлые не берут в обучение детей, они поверят тебе потому что захотят поверить. Гораздо опаснее для тебя другие Сво-

бодные, с ними, пока не подрастёшь, вообще не связывайся.

Он открыл свою книгу и начал что-то туда писать. Я понял что на ближайшее время наш разговор окончен.

До середины дня я практиковал своё единственное боевое заклинание. Учитель был занят, но меня так и подмывало его отвлечь. Мой огненный мячик двигался слишком медленно. С такими слабыми заклинаниями мне пришлось бы прятаться всю жизнь.

На мой взгляд моя комбинация была слишком сложной. Первый «бриз» должен был подхватить «искру» до того, как она упадёт, не дать ей скатиться с себя или погаснуть. Дуть он при этом естественно должен был строго вертикально. Вторым, горизонтальным, «бризом» я отправлял своё заклинание к цели, но это, если не считать тот самый первый случай, получилось у меня за это время всего лишь раз или два. Мои робкие надежды на скорый успех быстро сменяло горькое разочарование. В конце концов я отбросил все сомнения и решил рискнуть. Я глубоко вздохнул, набрался мужества и подошёл к учителю. Он даже не поднял глаз от книги и жестом показал мне уходить.

– Другие заклинания тебе учить ещё рано. Если хочешь что-то действительно полезное ускорь свою комбинацию. Улучшай «бриз», с «искрой» у тебя и так всё в порядке.

Учитель этого не сказал, но я понял, что моя нетерпеливость, как всегда его раздражает. Я подавил тяжёлый вздох, сел, открыл свою книгу и принялся в который раз перечиты-

вать о «бризе» всё.

До конца дня я читал и перепроверял это заклинание раз за разом. Магические книги – очень сложная вещь. Один и тот же символ в них может означать разное в зависимости от того где и рядом с какими стоит. Со словами всё то же самое и даже с предложениями. Если говорить образно, то «заклинание» – это «целое» и охватить его разом, «понять», не так уж и легко. Вначале ты всегда видишь не «лес», а лишь отдельные «листки», «веточки», затем «деревья». Любой неверно истолкованный символ может в один миг изменить, а то и вывернуть наизнанку смысл всего слова, слово предложения, предложение смысл и других. И это при том, что даже символы я ещё почти не знал и мне приходилось каждый раз искать их значения заново. Постоянные ошибки меня злили, но учитель говорил, что существует лишь один путь выучить язык магии – как можно больше читать на нём, проверять, искать соответствия, делать пометки, а иногда даже и переписывать всё с нуля под себя по-своему.

Когда на реке совсем стемнело у меня уже почти не осталось сил. Я чувствовал, что ещё немного, и я действительно могу надорваться. Я собрался, попрощался с учителем и побрёл домой. Этот день изменил меня в чём-то. Слова учителя о том, что ему не нужен ученик, который не сможет себя защитить, накрепко засели в моей памяти.

На следующее утро я проспал. Когда я проснулся, на дво-

ре уже вовсю светало. Тётя Фая гремела на кухне посудой и что-то негромко бормотала себе под нос. Остальные домашние тоже должны были вот-вот подняться.

Я зашёл на кухню, неловко извинился, быстро переложил свою еду в походную чашку и сполоснул посуду. Тётя Фая с лёгким сожалением взглянула на меня, но промолчала. Я выдавил из себя ещё одно глупое извинение, сослался на то, что если задержусь, то могу пропустить время клёва, быстро собрался, выскользнул из дома и побежал на реку.

За несколько шагов до берега меня вдруг охватило какое-то смутное беспокойство. Не знаю, как это объяснить, но я просто знал, что что-то не так. В воздухе чувствовался след какой-то сильной магии. И её стихией была явно не Вода. По моим ощущениям это заклинание было, как минимум в несколько раз мощнее, чем даже «сеть» и те «водные качели» учителя. Я замедлился и сложил пальцы в магический знак.

Учителя нигде не было, как не было и его вещей. На месте нашего костра лежали лишь остывшие чёрные угли. Что бы тут ни случилось, это случилось давно, скорее всего ещё вчера, почти сразу же после моего ухода. Учитель не любил разводить огонь и старался, чтобы пламя просто не гасло, тем более по ночам, когда на реке всё же довольно прохладно и можно простудиться, а то и всерьёз заболеть. Я подошёл, остановился и ещё раз внимательно всё осмотрел.

С неба ярко светило солнце, с воды дул лёгкий, спокойный ветерок и приятно, по-домашнему, убаюкивающе пахло

водорослями. Берег выглядел, как никогда безмятежным и мирным..., и от этого моё предчувствие беды лишь росло.

Следов борьбы не было, следов заклинаний или разрушений тоже. Я стоял, озирался и заставлял себя складывать и переоценивать это всё вновь и вновь, думать так, как всегда думал сам и заставлял меня думать учитель.

Схватить его не могли, по крайней мере, так просто. Здесь, возле воды, он мог драться в полную силу и тогда бы точно всё тут разнёс, в этом я был уверен. Учитель ушёл сам..., но куда? С кем? Зачем? И почему вдруг так внезапно? У меня было слишком много вопросов на этот счёт и пока ни одного хоть сколько-нибудь правдоподобного предположения.

Я чуть отошёл от кострища и сбросил на землю свою сумку и удочку. Если у учителя возникли проблемы со Светлыми, то первое, что я должен был сделать – это убедительно разыграть то, что я знаю его достаточно плохо, на уровне «привет – привет» и не более. Тренировку-обыгрыш подобной ситуации учитель заставлял меня делать едва ли не каждый день.

Сторожевые заклинания вокруг стоянки, кажется, все были в порядке и работали: сигнальные, «отвод глаз», «сеть» и прочие подобные. К безопасности учитель всегда относился всерьёз. Снять их незаметно, для внезапного нападения, конечно, было можно, но именно снять, а не обмануть-обойти. И даже к этому подготовка заняла бы у среднего ловчего

мага Светлых не один день. По крайней мере, так утверждал сам учитель.

– Эй! – донеслось вдруг откуда-то сзади.

Голос был детским, но в нём сразу же чувствовалась злость.

Я вздрогнул, разжал пальцы, развеяв магический знак, и торопливо обернулся.

Неподалёку стоял мальчишка чуть старше меня, лет четырнадцати, и смотрел на меня с явным вызовом. В его глазах читалась какая-то злая зависть. Он был не из нашей деревни, и ещё странным было то, что шагов его, когда он подходил, я не слышал, а до этого берег абсолютно точно был пуст. В общем неясно было, как и откуда он вообще тут вдруг взялся.

Возле ног мальчишки лежал серый лопухий щенок, маленький и даже, кажется, ещё слепой, вот только недавно родившийся. Мальчишка на него внимания не обращал, а сам он почти не двигался и лишь иногда тихо жалобно пищал-поскуливал. Я молчал, старался собраться с мыслями и всё же понять, что же тут происходит.

Мальчишка наклонился, грубо схватил щенка за загривок и подошёл ко мне.

– Ты мистик! Я видел, как вы тренируетесь!

Он вдруг засмеялся и указал пальцем на наш костёр. Я почувствовал, как по моему телу начал медленно растекаться холод. Этот мальчишка наверняка уже всё разболтал, а те-

перь вдруг исчез учитель. Таких совпадений не бывает. Эти вещи просто не могли быть не связаны.

Я изо всех сил старался унять панику и думать спокойно. Все инстинкты кричали мне бежать. Бежать прямо сейчас, пока ещё не слишком поздно. И всё же что-то заставляло меня стоять, медлить и ждать. Моя магическая книга под рубашкой словно раскалилась, чувствовалась огромной и всем заметной. Пустой болтовне ребёнка Светлые могли и не поверить, но учебник по магии менял всё.

Мальчишка понимающе ухмыльнулся и вдруг бросил щенка на землю между нами.

– Покажешь свои фокусы, мистик, и я скажу, что о твоём учителе я соврал. Мне поверят, мой папа рыцарь у Светлых магов, причём не обычный, а самый-самый главный из рыцарей.

Он важно вскинул подбородок и как-то слегка снисходительно на меня посмотрел.

Я усилием воли подавил в себе вспышку гнева. Мальчишка был меня выше и явно сильнее, не факт, что я смог бы справиться с ним без помощи магии. Да и учителю я этой дракой мог лишь навредить. Раз уж Светлые уже поймали его, то теперь он и вправду был весь во власти отца этого гада.

Мне нужно было срочно что-то сделать, но я не знал что. Мои заклинания-фокусы были бесполезны против настоящих магов. И наверное даже не только против них. Любой

рыцарь Светлых, обученный воин, и то был для меня пока слишком грозным противником. Исполнять чьи-то прихоти и использовать свою магию ради забавы, унижать её, мне не хотелось, но сейчас это похоже был единственный вариант.

– Я показываю заклинание – твой отец отпускает учителя. Уговор?

Я посмотрел мальчишке прямо в глаза, но руку протягивать не стал. Соглашение это было изначально неравным и неправильным. Он самодовольно ухмыльнулся и кивнул. Выражение превосходства на его лице усилилось.

– Покажи то что можешь на этом. Большого ты вряд ли убьёшь, поэтому я взял поменьше.

Мальчишка шагнул вперёд и несильным пинком-броском подкинул своего щенка мне прямо под ноги. Тот неуклюже перевалился через спину, несколько раз жалобно взвизгнул и заскулил. Мальчишка ещё раз ухмыльнулся, наклонился, поднял камень и швырнул его в реку.

Я растерянно посмотрел на щенка. Когда я соглашался на всё это, то не знал, что будут, оказывается, и условия. Цена свободы учителя в один миг запредельно поднялась, и любой торг потерял смысл. По взгляду мальчишки, по его алчным до чужой боли глазам, я видел чего он хочет. Сама магия была ему не интересна, он хотел, чтобы я показал ему, как именно она убивает.

Щенок жалобно скулил и потихоньку полз вперёд, к моим ногам. Не знаю почему, но мне вдруг показалось, что он

ищет справедливости, защиты. Учитель говорил мне не показывать никому, что я маг, но ведь и ситуация эта была, мягко говоря, совершенно безумной. Любые правила хороши в меру. Иногда, когда знаешь, что они могут тебя погубить приходится их прямо на ходу менять или отбрасывать вовсе, даже самые проверенные и надёжные.

Я несколько раз сильно встряхнул кистями рук, быстро, но по системе, размял пальцы и взглянул на мальчишку.

– Подожди немного. Я недавно занимаюсь, заклинание только повторяю.

Я торопливо достал из-за пазухи свой учебник и открыл его ближе к середине, на случайной странице. Скрывать книгу смысла уже не было, если бы Светлые меня схватили, то всё равно бы почти сразу её нашли. Мальчишка посмотрел на меня с явным разочарованием, но промолчал, наклонился, взял ещё камень и бросил его в реку.

Правил не было. Я был волен читать, что угодно, лишь бы оно помогло. Мальчишка почему-то меня не торопил, подошёл ближе к воде и стал бесцельно её рассматривать. Судя по его поведению, он считал, что я теперь всецело в его руках.

Я незаметно перелистнул несколько страниц и нашёл заклинание магии Воздуха. Страх сделал своё дело, все символы, даже малознакомые, я понимал легко. Щенок мальчишки почему-то затих и больше не шевелился. Мне оставалось лишь надеяться, что он не умер, а просто потерял сознание или уснул. Читать и распутывать заклинание я старался, как

можно быстрее, но это всё равно заняло у меня довольно много времени. Его магические слова и знаки сильно отличались от тех, которые я изучал. В конце концов терпение моего вымогателя стало заканчиваться. Он заметно нервничал, всё чаще оглядывался и всё пристальнее за мной наблюдал. По его лицу было ясно, что ещё немного, и он всё отменит.

Я несколько раз глубоко вздохнул, поднял глаза к небу и взмолился. Если родители наблюдали за мной сейчас, то они просто обязаны были мне помочь.

– Всё. Я готов, подойди ближе. – Я указал мальчишке взглядом на щенка. – Магия убивает быстро. Просто, чтоб ты знал.

Мальчишка посмотрел на меня как-то слегка озадаченно, но подошёл и остановился напротив, в паре-тройке шагов от меня и щенка. В его глазах читалось недоверие, и даже больше, неверие, в то, что я сейчас и правда сделаю то, что и обещал.

Я положил книгу на сгиб левой руки и сложил пальцы на обеих руках в магические знаки. До этого, на моих «детских» заклинаниях, я практически никогда так не делал, но с этой магией одной рукой я бы точно не совладал. Слова я старался говорить нараспев, легко и радостно. Со стихией Воздуха по-другому было просто нельзя. «Не думай о том, зачем ты его делаешь», – говорил учитель, и сейчас мне оставалось лишь положиться на эти его слова. Я говорил, и заставлял се-

бя быть легче. Быть не в прошлом или будущем, а «сейчас». Все мысли о Светлых, щенке, мальчишке и даже самом учителе я обрывал и замещал ощущением абсолютной и полной свободы.

Потоки силы внутри и вокруг меня всколыхнулись. От моих рук пошёл лёгкий ветерок. Я повернул их ладонями вперёд, направил на мальчишку и продолжил говорить. Книга свалилась на землю, но она и не была мне больше нужна. Я вдруг понял смысл заклинания полностью. Последние его слова я почти прокричал. Оно вдруг резко усилилось. С моих ладоней хлынул целый ветряной поток. Мальчишку ударило в грудь и отшвырнуло на землю. Он громко вскрикнул, схватился за живот и застонал. Выглядел он при этом так, будто бы его часа два или три били. Я стоял и из последних сил сдерживался, чтобы не бросить ему «искру» прямо в лицо.

Мальчишка захныкал, неуклюже поднялся, попытался вытереть слёзы, но лишь размазал себе грязь по всему лицу.
– Я расскажу! Всем расскажу! И папе тоже!

Он вдруг сильно покраснел, схватил с земли булыжник и бросил его в меня.

Прежде чем я успел что-либо сообразить, пальцы на моей руке вдруг сами сложились в магический знак «бриза», а с моих губ сорвались несколько, его ключевых, самых важных, слов. Камень столкнулся с потоком воздуха, изменил траекторию, пролетел мимо и с громким стуком грохнулся где-

то справа-позади от меня. Щенок под моими ногами вдруг испуганно взвизгнул, вскочил и неловко побежал-поплёлся вперёд. Мальчишка перехватил мой взгляд, бросился и зло ухватил его за загривок.

– Нравится, мистик?! – Он сильно встряхнул щенка, перебросил его в левую руку и схватил правой за голову, тот попытался освободиться и истошно завизжал. – Смотри сам, вшивая псина, что мой папа с тобой сделает!

Я понял, что мальчишка собирается сделать, и быстро со-творил свою комбинацию. Раздался громкий хлопок. Огненный шар «искры» рванулся вперёд и с воющим оглушительным рёвом пронёсся всего в каком-то шаге от его головы. Я указал глазами на щенка, протянул левую руку, направил правую мальчишке в лицо и вновь сложил пальцы на ней в первый, начальный, знак комбинации.

– Отдай, или следующий я брошу в тебя. Мне терять нече-го, я и так вне закона.

Я произнёс слова первого «бриза» и «искры». В воздухе перед моей рукой завис яркий, искрящийся огненный шар. С Воздухом у меня возникали некоторые проблемы, но заклинания Огня мой гнев, кажется, лишь усиливал. Мальчишка отпустил голову щенка, быстро, но как-то плавно, направил освободившуюся руку на воду, а затем на меня. Из реки с громким всплеском вырвался водный шар, мелькнул в воздухе и врезался в мою «искру». Раздалось оглушительное шипение. Во все стороны хлынул белый пар, полетели брыз-

ги воды и кусочки огня. Наши заклинания поглотили друг друга и оба исчезли. Я на миг растерялся и сделал шаг назад.

Мальчишка шагнул ко мне и вдруг словно растворился в воздухе. На его месте стоял учитель и в его руках был не щенок, а небольшой кусок трухлявой древесной коры. По своей форме, хотя, она и правда слегка напоминала собаку. Я почувствовал, как мощное заклинание, которое я ощущал тут всё это время, медленно распадается и исчезает.

Учитель молча и с явным неодобрением взглянул на меня, отбросил свою деревяшку и слегка прихрамывая поплёлся к костру. Его одежда была вся в пыли, а в нескольких местах даже и продрана. На его лице, руках и ногах были свежие ссадины и синяки. Валуны неподалёку замерцали, тоже растворились в воздухе и превратились в его вещи. Я стоял и растерянно смотрел ему вслед.

– Заклинание иллюзии. – Учитель на миг обернулся, неопределённо махнул рукой и поморщился. – Прости, мне пришлось тебя обмануть. У меня нет времени разбираться в твоих мотивах. Хотя я почти не ошибся, думал не станешь магию использовать, в драку кинешься.

Он дошёл до кострища, неловко уселся, бросил на угли несколько веток и следом пару-тройку слабых «искр». Огонь медленно, нехотя, разгорелся и недовольно затрещал.

Я стоял и чувствовал, как моё сердце медленно, капля за каплей, наполняет ярость. Учитель был тут всё это время. Не в плену, не у Светлых, как я думал. И он. Меня. Обманул.

Ложь была везде. Единственный человек, которому я верил, меня предал. Какими бы ни были причины, он не имел права так со мной поступать. Слово учителя всегда виделось мне нерушимым, словно слово моего отца. Теперь, после такого, я не был уверен, что вообще смогу кому-либо доверять.

Но больше всего меня сводило с ума даже не это, а скрытое разочарование в его словах. Обычно учитель хорошо прятал свои чувства, но не в этот раз. Его тон, слова, поза, движения, взгляд, слишком многое его выдавало. Он обманул меня и был разочарован тем, что я повёл себя не так, как он ожидал. Вот что я видел.

Прежде чем я успел подумать, что теперь делать дальше, моё тело само двинулось вперёд. Гнев овладел мной полностью. Он распространялся по моему разуму, словно лесной пожар и я был не в силах его остановить.

Раз учитель считал меня недостойным, пусть будет так. Его подачки в виде молчания и не порицания мне были не нужны. Как и его прощение.

Я наклонился, медленно поднял свою книгу, подошёл и швырнул учителю под ноги. На самом деле я даже слегка сдержался, потому что первой мыслью было вообще бросить её в костёр.

– Если бы я проиграл, что бы он сделал с собакой?! Зачем мне магия, если я не смогу никого защитить?!

Я посмотрел учителю в глаза, отвернулся и пошёл брать удочку. В душе у меня горела обида. Мне было плевать, что

он подумает, у такого человека я быть учеником не хотел.

Я взял удочку, уселся на камень и принялся неторопливо её разматывать. Спешить мне теперь было некуда, впереди у меня был целый день.

Учитель хотел сказать мне что-то, но вдруг осёкся и промолчал, поднял мою книгу и взял посох. Сделал он это как-то порывисто, словно человек, который вдруг окончательно что-то решил. Руки у него слегка подрагивали.

Я почувствовал лёгкий укол стыда. Бросить книгу это было наверное всё же немного слишком.

Учитель закрыл глаза, прошептал что-то, несколько раз коснулся книги посохом и подошёл ко мне.

– Можешь не считать меня учителем, но книгу возьми. Она твоя по праву. Я горжусь, что ты был моим учеником и покажу тебе настоящую магию.

Он протянул мне книгу. Я помедлил, но в конце концов её взял. Обложка её вдруг засветилась и рисунки на ней сложились в другой узор. Он был совсем не похож на тот, что был раньше. В этом новом чувствовалась какая-то законченность, мощь. Учебник увеличился в размерах и стал в два или даже в три раза толще. Теперь я понял, что это было за ощущение книги в книге.

Рыбачить мне не хотелось, да и обида почти прошла. Я отложил удочку и поднялся. До меня только-только дошёл смысл этого всего. Учитель не показывал мне сильные заклинания не потому, что боялся, что я с ними не совладаю. Он

просто не был уверен хороший ли я человек. Этой иллюзией он проверил на что я потрачу его науку. Возможно по-другому действительно было нельзя и на его месте я поступил бы так же.

– Учителей не выбирают.

Я взглянул ему в глаза и пошёл к костру. Учитель хмыкнул, пробурчал что-то и пошёл следом.

В следующие несколько дней учитель, как и обещал, учил меня сильной магии. Он объяснял мне не сами заклинания, а символы, как их правильно читать. В его поведении чувствовалась какая-то нервозность, спешка. Некоторые особо лёгкие места заклинаний он вообще пропускал. На реку я приходил всё раньше, а домой всё позже. Каждый вечер учитель забирал мою книгу и ночью что-то записывал на её пустых листах.

В очередной день я как обычно пришёл на реку. Учитель закончил писать, отложил перо, протянул мне мою книгу и жестом указал присесть. Выглядел он серьёзно, задумчиво и устало.

До рассвета было ещё далеко и на реке было безветренно и тихо. Костёр негромко потрескивал, так, словно рассказывал о чём-то чёрному, усыпанному яркими мерцающими звёздами, небу. От воды веяло прохладой и свежестью.

Я сел рядом с учителем и рассеянно посмотрел на огонь. Случайный миг отдыха казался мне чем-то нереальным.

Учитель вливал в меня новые знания целыми вёдрами. За последние несколько дней я устал так, как казалось, не уставал за всю жизнь.

Учитель тяжело вздохнул и посмотрел на меня как-то слегка сочувственно.

– Сегодня заниматься не будем, я просто тебе кое-что расскажу. Есть такая вещь в магии называется Слово Силы, выбрать его можно лишь один раз. Это как бы общая «направленность» мага, если коротко объяснять. От Слова Силы зависит основная стихия мага и сила заклинаний, которые он сможет применять. Например, если взять Словом Силы то же слово «искра», то «направленность» естественно будет Огонь и заклинания стихии Огня будут получаться лучше. И дальше по аналогии если взять Слово «капля», то «направленность» будет Вода, «песчинка» – Земля, «бриз» – Воздух. Ну, я думаю, смысл ты уловил.

Он тоже взглянул на огонь, но почти сразу же перевёл взгляд на реку.

Я растерянно кивнул, хоть пока и не понимал, как это всё может быть связано со мной.

Учитель помолчал немного, взял посох и задумчиво его повертел.

– Слово Силы никому нельзя говорить это запомни накрепко. Если узнать Слово Силы другого мага, то при определённом ритуале можно забрать его силу. Причём заметь забрать всю. И Светлые и некоторые Свободные иногда так

делают. Когда ты берёшь себе Слово Силы, то его стихия становится твоей основной, противоположная ей естественно противоположной, а две другие смежными. Заклинание основной стихии отнимает в сотни раз меньше сил, чем отнимало бы без выбора Слова, но за это приходится платить: заклинания смежных стихий начинают отнимать в десятки раз больше сил, противоположной в сотни. Чем ближе твоё Слово к самому названию стихии, тем оно сильнее. Чем сильнее твоё Слово, тем легче тебе пользоваться основной стихией, но сложнее смежными и намного сложнее противоположной. Понимаешь теперь почему я почти не могу использовать Огонь?

Он кивнул на костёр и устало улыбнулся. Я вдруг заметил насколько старше он стал выглядеть. Судя по всему наши занятия выматывали не только меня.

Я поднялся, взял котелок, сходил набрал воды и поставил его на огонь. Учитель понимающе кивнул, покопался в сумке и достал полупустой уже мешочек сушёных трав. За это время мы уже несколько раз их использовали. От этого отвара лучше думалось и меньше хотелось спать. Названия этой и других смесей трав, рецепты и пропорции у меня, конечно же, уже были, но пока учитель готовил всё сам, посоветовал мне не забивать память и не запоминать их все наизусть.

– Эх, жжём мы с тобой здоровье, вообще-то нельзя так. – он бросил пару корней в воду и посмотрел на меня. – Ты ещё можешь отказаться, не становиться магом. Это твой вы-

бор. Я могу отнять твои воспоминания даже сейчас. Но если ты решишь выбрать Слово обратного пути не будет. Магические возмущения подобные этому бесследно не проходят. И конечно Светлячки отслеживают все те, которые устроили не они. Им, конечно, нужно будет определить ещё твою личность, но это лишь дело времени. Место проведения ритуала, твой пол и примерный возраст они определяют почти сразу, поэтому советую потом уходить поскорей.

Он поднял голову и задумчиво посмотрел на небо. Звёзды на нём тихо мерцали, так, словно тоже смотрели на нас. Я достал из сумки кружку и растерянно её повертел.

– Мне обязательно его выбирать, это Слово?

Я взглянул на учителя. Как бы то ни было, а уходить из дома я пока не хотел, пусть даже и не родного. Учитель снял отвар с огня и осторожно разлил его по кружкам.

– Маг без Слова Силы не маг. Он слишком слаб, чтобы так называться. Прости, что так прямо говорю. Слово связывает тебя и тот, другой, мир. Без него ты сможешь пользоваться разве что подобными магическими мелочами. Ты можешь подумать, конечно, но я бы хотел, чтобы ты выбрал его сейчас, пока я ещё рядом.

Учитель подул на свою кружку и осторожно из неё отхлебнул. Я задумался.

Обратной дороги не будет. Что меня ждет, если я откажусь? Я найду себе работу, построю дом, женюсь, заведу детей, но буду ли счастлив? Я посмотрел на огонь. Он горел

безмятежно, спокойно, уверенно, так, словно меня подбадривал.

Учитель сидел, дул на отвар и молча смотрел на реку. В его взгляде читалась печаль. Не знаю почему, но я вдруг понял, что его огорчит любой мой выбор. Возможно это была именно та ситуация, когда выбрать правильно просто нельзя.

Я ещё раз взглянул на огонь и кивнул.

– Слово я выберу, но мне нужно сначала собраться.

Я разбавил свой отвар холодной водой, залпом выпил его, отставил кружку и взял книгу. Интуиция мне подсказывала, что лучше рискнуть и попытаться, чем потом жалеть всю жизнь.

Учитель долго смотрел на меня, затем вдруг тоже отставил кружку и резко поднялся.

– Я наложу на тебя заклинание «последний шанс». Если попадёшься – это первое, что ты должен сказать, понял? И осторожнее после этого со своим телом. Один случайный перелом любой кости или повреждение глаз и ты мгновенно умрёшь. Последним шансом оно называется, потому что пытаться человека, на котором оно есть невозможно, кроме того, его почти невозможно снять.

Он не стал дожидаться моего ответа, направил на меня посох, закрыл глаза, сосредоточился и начал что-то беззвучно шептать. Я почувствовал, как всё тело у меня пронзил леденящий холод. Мне казалось, что какие-то невидимые нити проткнули мою кожу и прорастают прямо в меня. От вне-

запной боли я хотел закричать, но не мог. Моё тело вдруг полностью перестало мне подчиняться. Сколько это всё продолжалось я не знал: судя по всему в какой-то миг я просто потерял сознание.

В себя я пришёл лишь поздно вечером. Учитель лежал неподалёку прямо на земле и сжимал в руке посох. Его дыхание было тяжёлым, но я понял, что он просто спит. Всё тело у меня болело, волнами накатывала тошнота. Я собрал свои вещи, как-то дошёл до дома, упал на кровать и вырубился. Единственное, что мне снилось в ту ночь это боль, холод и пустота.

Глава 4. Слово.

На подготовку к ритуалу у нас ушло несколько дней. Хотя если уж на то пошло я в это время больше отдыхал, чем готовился. Учитель сказал, что я должен как следует выспаться и есть. Читать и тем более практиковаться в это время он мне запретил настрого.

Все вещи я уже давно собрал, и в последние пару дней мне было откровенно скучно. Учитель возился с какими-то ингредиентами, смешивал их и готовил. Иногда он бурчал что-то про искусство, про то, что этот круг точно станет самым совершенным в мире. Я про себя улыбался, но молчал, не хотел его обидеть. Во многом учитель вёл себя как ребёнок и наверное именно поэтому так хорошо меня понимал.

Наконец назначенный день настал. Я собрался, мысленно попрощался с приёмным домом и пошёл на реку. На душе у меня было одновременно и легко и грустно. Именно тогда я понял простую земную истину. Ты всегда должен быть готов отдать что-то, чтобы что-то получить. В данном случае я менял безопасность и дом на возможность стать магом.

Когда я пришёл, учитель уже заканчивал чертить мой круг, ползал по земле и что-то без конца перемерял. По всему берегу были разбросаны какие-то сложные инструменты. Выглядел учитель очень сильно уставшим, но возбуждённым и восторженным. Судя по размерам и сложности заклина-

ния, он явно начал делать его ещё вчера, скорее всего сразу же после моего ухода.

Я подошёл чуть ближе и остановился. В воздухе рядом с этим местом витало такое напряжение, что он, казалось, едва ли не звенел. С первого взгляда было ясно, что это уже настоящая магия.

Круг был действительно огромным, шагов в триста, если не в пятьсот. Над ним чуть поблёскивала голубовато-прозрачная защитная полусфера. Щит от Воздуха таких размеров и плотности мог бы сдержать даже ураган. Сколько энергии учитель тратил на его поддержание, я боялся себе даже представить.

На реке ярко светило солнце и не было ни ветерка. Казалось, что вся природа тоже замерла и чего-то ждёт вместе с нами. От восторга и предвкушения у меня перехватило дыхание. Я знал, что учитель готовится к ритуалу всерьёз, но никогда и предположить не смел, что ради меня будут задействованы такие силы.

Учитель на миг отвлёкся, посмотрел на меня и вдруг улыбнулся. Судя по всему ему понравился мой обескураженный вид. Первый раз я встретил человека, который настолько радуется от того, что доставляет кому-то радость. Учитель без сомнения был весьма необычным человеком даже и без своей магии.

Я сбросил свои вещи у костра и стал ждать. От волнения мне не сиделось на месте. Чтобы хоть как-то занять время

и успокоиться я стал ходить вдоль границы круга и внимательно его разглядывать.

Рисунок был совершенен. Каждая его черта, линия, символ и знак. То что учитель показывал мне прежде не шло с ним ни в какое сравнение.

Внутри круга была огромная четырёхлучевая звезда, сплошь заполненная какими-то символами. На конце каждого её луча был круг поменьше. В них были написаны названия стихий, и каждый круг был нарисован по-своему. Круг Огня был резким, Земли твёрдым, Воздуха едва-различимым, лёгким, а Воды размытым. Учителю хорошо удалось передать в этих рисунках-печатах качества каждой из стихий.

Последняя печать была нарисована в центре и звезды и большого круга. Внутри неё был изображён человек и символ окончательного выбора. Другими его толкованиями, из тех, что я знал, были «перекрёсток дорог» и «развилка».

Учитель вдруг поднялся с колен, окинул свою работу последним критическим взглядом и повернулся ко мне.

– Сложного ничего не будет. Ты просто встанешь в центр и назовёшь слово. Одно. Выбирай внимательно, слушай себя, думай сам, что тебе лучше подойдёт, тут я тебе не советчик. Если соврёшь себе и выберешь не то слово, будешь как маг жалеть всю жизнь, не сможешь хорошо использовать магию. И ещё. Как только зайдёшь в круг молчи. Любое первое слово станет словом, которое ты выбрал.

Он строго посмотрел на меня, собрал оставшиеся инструменты, вышел из круга, взял свой посох и молча указал мне им вначале на защитную полусферу, а затем на центральную печать. Я кивнул и словно в каком-то полусне медленно пошёл в круг.

Колени у меня подгибались, а во рту пересохло. На самом деле я хотел сказать, что не готов, но не смог. Всё происходило слишком быстро.

Учитель подошёл к границе круга, остановился и упёр свой посох в землю. По нему было заметно, что он тоже сильно нервничает, но изо всех сил старается это скрыть и выглядеть, как обычно холодно и невозмутимо.

Я остановился в центре круга и растерянно огляделся. Не знаю, как это объяснить, но в тот миг я почувствовал, что это «мой» круг, почувствовал себя его полноправным хозяином. Заклинание было направленным и единственным человеком, который мог его активировать, был я. Мне было слегка обидно, что учитель доверил мне сделать лишь это, но где-то в глубине души я чувствовал, что он прав и такая магия пока что слишком уж не мой уровень.

Я повернулся к учителю и взглянул на него. Он жестами показал мне молчать, несколько раз глубоко вдохнуть-выдохнуть и успокоиться. Тревога в его глазах всё нарастала и усиливалась. Он словно прислушивался к чему-то внутри себя и отчаянно не хотел слышать то что слышит.

Медлить больше было нельзя. По взгляду учителя я по-

нял, что ещё немного и он всё перенесёт или отменит. Я поднял голову и взглянул на солнце. На самом деле я уже давно выбрал себе Слово, но учителю не говорил, боялся сознаться.

– Огонь. – произнёс я твёрдо.

Ни одно слово в мире не привлекало меня так, как это. И Словом Силы я хотел его. Пусть даже и в нарушение всех и всяческих наказов, запретов и правил.

Малые круги-печати на лучах звезды разом вспыхнули, по земле прокатилась дрожь. Щит от Воздуха разрушила и заместила другая полусфера. Как я понял круг выбора теперь защищал себя сам.

Центральная магическая печать подо мной тоже слегка осветилась. Из земли в самом её центре показался небольшой огонёк. Слабый и неустойчивый, словно пламя огарка свечки, он так же колебался и подрагивал. Я присел на корточки и сложил над ним руки. Не знаю почему, но я просто знал, чувствовал, что должен так поступить.

– Уходи! Выходи из круга!

Учитель вдруг направил свой посох на реку, взмахнул им и словно тараном ударил по обновлённой полусфере водой. Выглядел он растерянно и испуганно.

От звука удара я едва не оглох, и у меня заложило разом оба уха. Полусфера дрогнула и протяжно загудела-застонала. Учитель кричал, махал руками, объяснял мне что-то, но я не слышал его.

Огонёк под моими руками перестал дрожать и уже даже начал слегка обжигать мне ладони. Потоки силы круга усилились и стабилизировались. Защитная полусфера над ним медленно становилась огненной.

Учитель пытался пробиться ко мне, но я понимал, что у него не выйдет. С противоположной стихией бороться сложнее всего. Об этом он сам говорил мне совсем недавно.

Что-то пошло не так. Теперь я уже и сам это смутно чувствовал. В круге собиралось слишком много силы... и он мне больше не принадлежал.

«Круг не выпустит меня», – вдруг понял я, отдернул руки от огонька, вскочил и с ужасом огляделся. Стену огня толщиной в полтора шага не смог бы преодолеть ни один человек. Я был в западне, в ловушке, ведь лишь мой выход за пределы круга мог теперь всё это остановить.

Правда была страшной. Когда ты произносишь Слово Силы, то должен его «победить», подчинить себе, сделать так, чтобы оно признало твоё превосходство. Моя ошибка была не просто огромной, она была роковой. Словом нельзя выбирать имя стихии потому что шанса на победу нет. С ним нельзя совладать. И я лишь сейчас полностью это понял. Если ты проиграешь обычному слову, то просто никогда уже не станешь магом. Его перевыбор невозможен и у тебя есть единственный шанс. Со стихиями всё сложнее. Они не терпят подобного пренебрежения к себе и всегда убивают дерзнувшего. Я чувствовал это, слышал словно тихий гневный

голос в бурлящем потоке сил.

Круг вибрировал от потоков энергии. Печати сияли всё ярче, а земля под моими ногами дрожала всё сильнее. Я был в центре самого настоящего магического шторма.

Руки у меня дрожали, а сердце билось так шумно и часто, что я слышал его удары. Воздух внутри полусферы нагревался. По лбу и спине у меня крупными каплями покатился пот.

Огонёк в центре круга начал стремительно расти и разгораться. В этой точке сходилась вся магическая энергия. И как я понял основная опасность тоже находилась там.

Я отбежал к границе круга и остановился. Бежать было некуда. Огненная полусфера стала намного тоньше, но до того раскалилась, что обжигала даже на расстоянии трёх шагов.

Учитель стоял напротив и смотрел на меня. Я видел его плохо, размыто, но знал, что он чувствует сейчас. Любой другой человек, который знал бы, что меня ждёт, отвернулся бы или ушёл. Любой другой, но не он.

Я через силу улыбнулся и помахал ему. Мне не хотелось, чтобы он винил себя в моей глупой ошибке. Он молча показал пальцем за моё плечо. Что бы ни случилось маг не должен терять сосредоточенности, а мой учитель был прежде всего маг.

Я обернулся и в оцепенении замер. Бывший огонёк был уже ростом почти мне по пояс. Кроме того, он уже мог двигаться, вышел за пределы центральной печати и медленно ко

мне приближался.

О том, что делать внутри круга учитель ничего мне не говорил и лишь намекнул туманно, что магия мне там скорее всего не пригодится. Я панически вспоминал все изученные заклинания, но ничего придумать не мог. Ни одно из них и правда не подействовало бы на этого монстра. Мы с учителем всегда исходили из того, что противником будет человек.

Пламя вдруг взревело и прямо у меня на глазах начало превращаться в огромную огненную собаку. Она тихо рычала, щетинилась и не сводила с меня глаз.

Ступала собака мягко и медленно. Песок под её лапами прогорал, плавился и за ней оставался дымящийся чёрный след. В воздухе начал разливаться удушливый запах гари.

Огненный монстр был лишь чуть меня ниже, но я всё равно чувствовал, что это не взрослая собака, а ещё щенок. В его глазах читались одновременно наивность и неуверенность, прикрытая свирепым видом. Он изучал меня и словно прикидывал, стоит ли мне доверять.

Учитель обежал круг со своей стороны, остановился напротив печати Воды и знаком показал мне не двигаться. Огненная полусфера там была почему-то намного тоньше, и я стал видеть его более хорошо.

Посох учителя побелел, и вдруг начал затягиваться прозрачным синим льдом. Его навершие заострилось, и уже спу-

стя миг в руках учителя было самое настоящее копьё. Он резко отвёл его и ударил, целясь в печать. Копьё соскользнуло по полусфере и его лезвие разбилось. Под ноги учителю разлетелись осколки льда.

Огненная собака вздрогнула и прыжком развернулась. Учитель закрыл глаза и судя по всему что-то произнёс. Лёд на его копье пришёл в движение. Лезвие восстановилось. В небо от оружия начал подниматься холодный белый пар.

Учитель вновь ударил по полусфере, и она слегка дрогнула. Собака оцетинилась ещё сильнее и тихо угрожающе зарычала. Пламя, из которого состояло её тело, вдруг поменяло оттенок и стало более ярким. Из ноздрей собаки повалил густой чёрный дым.

Учитель крикнул что-то и принялся быстро-быстро стучать по полусфере копьём. Она слегка подрагивала и противно гудела. Собака злилась всё сильнее.

Я стоял и не знал, что мне делать. Учитель зря считал, что он в безопасности. Я чувствовал, что граница круга не остановит это существо. Само оно выйти, конечно, не смогло бы, но могло бы, например, дохнуть пламенем или что-то вроде того.

Собака открыла пасть и оглушительно-громко залаяла. На землю посыпались искры и кусочки огня. Я чувствовал, что она вот-вот бросится. Как чувствовал и то, что учитель не выстоит против неё.

– Нельзя!

Я обежал собаку, встал перед ней и посмотрел ей прямо в глаза. Как бы там ни было, но ни собак, ни пламени я не боялся.

На морде собаки появилось явное удивление. Она слегка присела и вдруг от меня попятилась. Мой голос сильно её испугал.

– Хорошая собака. Хорошая, да? Ты ведь хорошая собака?

Я не прекращал смотреть ей в глаза и протянул открытую руку. Некоторое время собака раздумывала, затем нерешительно пошла ко мне. На учителя она уже внимания не обращала.

Я стоял и мысленно готовился терпеть боль. Собака подходила всё ближе. Учитель кричал на меня, называл и мальчишкой и дураком, убеждал не сдаваться, бежать, тянуть время, но я не слушал его. Здесь, внутри круга, действовали правила чести. Я видел это в горящих глазах призванного существа. Отступление и любой, даже самый малый, обман означали смерть. Единый шаг назад и мне уже никто и ничто не поможет.

Собака подошла ко мне вплотную и замерла. Станным было то, что она уже больше не лаяла и почти не щетинилась. Пламя её шерсти на загривке горело не слишком ярко и ровно.

«Я тебе не враг», – подумал я, – «не враг, не враг, не враг». Это нереальное животное было прекрасно, и даже если бы

у меня и был шанс на победу, я не хотел бы с ним драться или враждовать.

Собака неуверенно ткнула мне носом в ладонь и начала неторопливо и недоверчиво её обнюхивать. Я изо всех сил сжал зубы и тихонько сквозь них застонал. Боль подобную этой я не испытывал ни разу. Мне оставалось лишь надеяться, что магия круга не даст сработать наложенному на меня учителем заклинанию «последний шанс».

Полусфера рывками гудела. Учитель применял какие-то мощные заклинания и убеждал меня убежать. Сколько это всё продолжалось, я не знал. Когда собака закончила меня обнюхивать, кисть моей правой руки превратилась в сплошной ожог.

Очередной удар учителя едва не достиг цели. Полусфера сильно дрогнула и на миг замерцала. Собака бросила на неё быстрый взгляд, заскулила и вдруг лизнула меня. Я едва удержался, чтобы не отдёргнуть руку и не вскрикнуть.

– Хо... ро... ша... я.

Я до хруста стиснул зубы, заставил себя поднять вторую руку и погладил собаку прямо по шерсти-пламени. Больше всего в тот миг мне хотелось упасть на землю и начать кричать. По щекам у меня катились крупные слёзы. Дым из ноздрей собаки попадал мне в горло и мешал дышать. Выйти из круга живым я уже не надеялся.

Я слегка повернулся к учителю. Боли я уже не чувствовал

и мне стало действительно страшно. Вот так, просто, я понимал, что вот-вот умру. Он же судя по всему всё ещё пытался меня вытащить. По его движениям я видел, что у него что-то не выходит. Причём что-то из того, в чём он был совершенно уверен. Он смотрел на меня, нервничал, и его заклинания становились всё слабей.

«Не давай воли эмоциям, маг», – прошептал я и чуть улыбнулся. Это был первый раз, когда я осмелился дать своему наставнику совет.

Учитель на миг замер, и холод в его глазах вдруг резко усилился. Он как-то странно посмотрел на свой посох, с ненавистью и даже отчасти высокомерным презрением. Это был первый раз, когда я видел его таким.

«Оружие его не слушается», – вдруг понял я. Посох подвёл учителя, словно плохой друг в трудную минуту. У него точно была ещё энергия, но он не хотел ради меня её отдавать.

Свою силу учитель сжёг всю, без остатка. Судя по его измождённому лицу и слегка замедленным, неловким, движениям, до опасной черты ему оставалось совсем чуть-чуть.

Большая часть воды, которую учитель набрал для последнего тарана, схлынула обратно в реку. Удар по полусфере вышел слабым, отчаянным и даже почти каким-то детским. Заклинание разрушилось раньше чем успело нанести хоть какой-то урон.

Учитель вновь остановился, и в его глазах вдруг полыхну-

ла ярость. Он перехватил свой посох у основания и наверх и на вытянутых руках поднял его над головой. Со стороны это выглядело так, словно он протягивает его небу.

Слова какого-то короткого, но сложного заклинания прозвучали чётко, громко и рублёно, словно приговор. В голосе учителя слышался металл и лютый простылый холод.

– Стихия Воды и есть эмоции. – добавил он вдруг тихо. – И ненависть одна из них.

Учитель вдруг закрыл глаза и одним резким движением переломил посох о колено. Я был готов поклясться, что кроме хруста дерева услышал при этом едва-различимый стон и какую-то тихую фразу. Слов я не разобрал, только интонацию и она говорила, что ничего хорошего моего наставника не ждёт. Это было самое страшное, посмертное, проклятье. Высказанное магически, по всем правилам, его будет почти невозможно снять.

Обломки в руках учителя мягко засветились, и я почувствовал, как сила посоха быстро переходит к нему. Магические потоки вокруг дрожали от напряжения, некоторые из них на какие-то доли мгновения даже становились видимыми. Вокруг рук учителя то и дело возникал светло-голубой прозрачный ореол.

Учитель сделал заклинание «жертвы». Любой магический предмет в любой миг можно вот так «обменять». Маг жертвует вещью и получает взамен чистую силу. От тёмной магии это отличается лишь тем, что предмет, которым жертвуют,

не живой.

Огненная собака вдруг отбежала, встала между мной и учителем и громко залаяла. На землю вновь хлынули потоки искр и огня. Я растерянно посмотрел на неё, понял, что что-то нужно сделать, но продолжал стоять. Любой шаг и вообще любое движение вдруг стали казаться мне чем-то нереальным и невыполнимым.

Учитель отбросил обломки посоха, вскинул обе руки вверх, запрокинул голову и принялся что-то шептать. По движениям его губ я сразу понял, что он использует Воздух.

Небо над рекой вдруг потемнело. По нему, словно волны по воде, быстро-быстро понеслись облака, а затем и тучи. Одежда учителя затрепетала. Полусфера над моим кругом начала подрагивать и монотонно гудеть.

Учитель поднялся в воздух, отлетел на несколько десятков шагов назад и мягко плавно приземлился. Выглядело это настолько естественно, словно он практиковал это наисложнейшее заклинание едва ли не каждый день. При этом в моей книге вообще было сказано, что подобная магия одному человеку неподвластна.

Учитель развёл руки в стороны, словно ухватил ими что-то и начал медленно, с усилием, стягивать. Тучи хлынули навстречу друг другу, откуда-то из их глубин, с разных сторон одновременно, донёсся глухой рассерженный гром.

То что учитель делал выглядело нереально. Такой шторм был за пределами человеческих сил. Огненная собака захо-

дилась лаем, но уже не пыталась на него напасть. Она отступала ко мне всё ближе и всё больше напоминала щенка. Я вдруг слегка пожалел, что не могу к ней безнаказанно прикасаться. Животное не виновато в том, что оно животное, а бояться не должен никто.

Учитель опустил голову и невидящими глазами взглянул на круг. Его взгляд напоминал взгляд фанатика или безумца. Губы у него были плотно сжаты, а по щекам катились два ручейка слёз. Ни меня, ни собаки он не видел, просто смотрел куда-то вдаль, сквозь нас и улыбался. В его облике оставалось всё меньше человеческого. Он словно одновременно был в этом мире и в каком-то своём. Он изменял свой мир, а вместе с ним изменялся и мир настоящий. Я вдруг понял его слова об идеальном заклинании. Это было оно. То что он творил сейчас было действительно намного выше его, выше любого человека. В его глазах я видел торжество. Это была абсолютная уверенность, вера в то что он не может не победить. Вера в своё Слово, свою силу и свою правоту.

Вокруг тела учителя вдруг образовался щит от Воздуха, и его одежда перестала трепетать. Учитель резко поднял и опустил руки, и тучи на небе закрубились и почернели ещё сильнее. Воздух по сторонам от него словно оттолкнулся от земли и двумя огромными столбами хлынул в небо. Они медленно закручивались, отходили от учителя всё дальше и, наконец, остановились возле магических печатей моего круга, Воздуха и Воды.

Небо над рекой озарилось чередой ярких молний, и на землю хлынули настоящие потоки воды. Ливней, подобных этому, я ещё не видел ни разу. Капли, размером с небольшие яблоки, отчаянно шипели на полусфере, и в небо от неё валил густой белый пар.

Воздушные столбы ударяли в огненную полусферу моего круга, яростно выли, выдирали целые пласты земли и пытались пробиться внутрь. Я хотел закрыть глаза, отвернуться, но не мог. Это зрелище завораживало. Полусфера над моим кругом разгорелась ещё ярче. Она ходила ходуном и звенела словно огромный колокол. Огненная собака громко лаяла, разбрасывала искры и крутилась вокруг меня. Это было странно, но я чувствовал, что она пытается, хочет, меня защитить.

Учитель вновь поднял руки и опустил. К оставшимся малым кругам-печатам, Огня и Земли, устремились ещё два столба воздуха. Я стоял и не знал чего теперь боюсь больше: того, что не смогу выйти отсюда или того, что со мной случится, когда полусфера моего круга падёт.

С неба в вершины воздушных столбов начали ударять молнии. Над каждым из них возникла сияющая белая точка, которая быстро росла. Гром превратился в оглушительную череду щелчков и ударов. Огненная собака-щенок поджала хвост и жалобно заскулила.

Скованные молнии искрились, яростно метались внутри прозрачных, словно хрустальных, сфер-корон, в кото-

рые превратились точки, и отчаянно пытались освободиться. Воздушные столбы чуть отошли от полусферы круга и вращались теперь медленно, степенно и величаво. Я чувствовал, что вот-вот что-то произойдёт.

Учитель перевёл взгляд на реку и пристально на неё посмотрел. Вода забурлила, поднялась и огромными волнами начала накатываться на берег. Учитель вновь поднял голову к небу, развёл руки, что-то прокричал и хлопнул. Все четыре сферы-короны с прозрачным звоном разбились, молнии вырвались, и всё залил ослепительный белый свет.

Глава 5. Магия.

В себя я пришёл в какой-то пещере. Воздух тут был сырым, холодным и каким-то затхлым, застоявшимся. Судя по всему от входа это место было довольно далеко.

Тьму вокруг еле-еле разгоняло простенькое магическое колечко, которое лежало прямо на полу, возле толстого одеяла, на котором лежал я сам. Свет его был голубоватым, мягким, совсем слабым, но на удивление ровным. Чтобы более-менее ориентироваться этого хватало вполне.

Где-то вдалеке слышались мерные удары о камень капель воды. По пещере от них прокатывалось тихое, но гулкое эхо.

Я огляделся и осторожно попытался подняться. Тело слушалось, но двигаться было довольно тяжело. Все мышцы сильно покалывало. Судя по всему я провалялся без сознания пару-тройку дней.

Всё тело у меня было в синяках и болело так, словно я раз сто упал. Кисть моей правой руки была туго перебинтована. От повязки шёл резковатый запах каких-то трав.

Левая рука почему-то была в порядке, хотя я точно помнил, что тоже её обжёг. Я внимательно осмотрел её, но не нашёл даже шрамов. Учитель как-то рассказывал мне о лечебной магии, но увидел я её в первый раз.

На пещеру было наложено сильное заклинание «отвода глаз». К этому времени я уже достаточно разобрался в магии,

чтобы сразу подобное определить. Кроме того, этому заклинанию учитель всегда уделял особое внимание и его теорию, все признаки действия и прочее, я знал едва ли не наизусть. Кто бы меня не искал за это время, тут бы они меня не нашли. Если бы конечно искали не маги.

Неподалёку от одеяла, на котором я лежал, стояли моя и ещё пара незнакомых сумок. Возле них была записка с лишь несколькими фразами: «Уходи как можно скорей. В деревню вернуться не вздумай и даже близко к ней не подходи: подставишь своих и можешь подставиться сам. Светлые не должны узнать, что ты жив – это главное! Деньги трать с умом, не шикай, не показывай никому сколько их у тебя. Постарайся как можно скорее научиться зарабатывать сам с помощью мелкой магии». Едва я прочитал всё это, записка тут же превратилась в пыль и распалась. Может конечно учитель и не имел это в виду, но я принял это, как ещё один урок. Раз он старался не оставлять за собой следов, то и мне этого делать не следовало.

Я ещё раз всё переосмыслил, и внутри у меня что-то обрвалось. Наверное я до последнего надеялся, что мы с учителем станем странствовать вместе. Он ведь ещё столько не успел мне объяснить, показать, за столько выругать. Почему-то мне казалось, что если я очень сильно попрошу, то он не откажется меня взять.

Я поплакал немного, но затем сжал чувства в кулак и сказал себе, что учителя искать не следует. Он ушёл, а значит

верил, что поступает правильно. Если он принял решение, не в моих силах было его остановить. Кроме того, я не мог вот так просто наплевать на его уроки. Да и он наверняка бы этого не оценил. Мне оставалось лишь надеяться, что судьба, возможно, когда-нибудь столкнёт нас снова. Вот тогда у меня и появится шанс с ним поговорить.

Я скатал одеяло, завязал его и проверил сумки. Внутри первой была карта, еда, очень много денег и мелочи, которые всегда нужны в пути. Во второй были магические инструменты, ингредиенты и зелья. Некоторые из них были довольно дорогими и редкими. Наверняка учитель положил всё это потому что понял насколько трудно мне будет самому их достать. В моей сумке было всё, что я собрал сам плюс моя книга по магии. Она была слегка влажной на ощупь и в песке, но вроде бы целая.

Чёткого плана действий у меня пока не было. Я наспех поел, собрал все вещи и покинул пещеру, выход из неё, кстати, оказался совсем недалеко от реки. Я долго колебался, но затем всё же решил сходить к месту круга выбора и посмотреть, что там случилось. Это тоже могло дать мне опыт и пригодиться потом.

Едва я вышел из пещеры, как глаза у меня тут же стало щипать и жечь, словно от яркого света. На реке при этом стояла глухая тёмная ночь. Всё небо было затянуто тяжёлыми хмурыми тучами. С воды дул холодный ветер. Где-то в отдалении тихо рокотал гром. Учитель рассказывал мне о подоб-

ном. Слишком сильное заклинание может закрепиться само, даже против воли мага. Поэтому такая погода теперь вполне могла остаться тут надолго.

Круг выбора Слова был разрушен. Земля внутри обгорела и была покрыта пеплом, копотью и почему-то илом. Скорее всего учитель залил тут всё водой потому что побоялся, что меня может накрыть той огненной полусферой. Вместо малых кругов-печатей в земле зияли четыре оплавленные дыры.

Расчёт учителя я понял сразу. Ни один маг в здравом уме никогда бы не поверил, что подобное заклинание мог сделать ребёнок. И уж тем более остаться после такого в живых. Больше всего это всё было похоже на то, что мистик силой загнал меня в круг и заставил назвать близкое к стихийному Слово, чтобы, к примеру, посмотреть-оценить возможный риск. Конечно такое бы вышло не с каждым ребёнком, нужны были хотя бы минимальные магические способности, но скрыть и это было уже просто нереально.

В деревню я по наказу учителя решил даже не заглядывать. Он правильно сделал, что не отнёс меня туда. В приёмном доме уже наверняка с моей пропажей смирились, и это было хорошо, потому что их я подставлять не хотел. Пропавший без вести или мёртвый родственник-мистик – это одно, живой – совершенно другое. У дяди Брега, конечно, были неплохие связи, но в последнем случае не помогли бы даже они. На то же, что Светлые не узнают, кто я и откуда, я особо

не надеялся.

Учитель специально не стал закрывать место нашей бывшей стоянки заклинанием «отвода глаз». Внутри и возле круга уже было немало следов, а пока сюда нагрянули бы Светлые, их стало бы ещё больше. Наши в таком случае станут почти невозможно отследить.

Я в последний раз взглянул на реку и достал карту. Впереди у меня был долгий путь.

Спустя месяц я ушёл довольно далеко от дома. Я старался останавливаться лишь на ночёвки и просто шёл, шёл, шёл. Магию я тоже пока применять боялся: Светлые уже как раз могли начать меня искать. У каждого мага существует свой определённый «почерк» и, зная хотя бы одно-два его заклинания, его можно по нему найти, поэтому я и хотел затаиться на время, как рыба залечь на дно.

Правая рука у меня зажила почти полностью. Судя по всему на ней учитель тоже вначале использовал магию, а лишь затем уже мазь.

Еду я покупал в деревнях, но старался брать не у торговцев, а у обычных людей. Следов за мной так оставалось ещё меньше. Светлые попросту не смогли бы проверить везде и всех.

Наконец, я решил остановиться и немного передохнуть. Я, как и учитель, выбрал себе уединённое место возле реки и наложил на него заклинание «отвода глаз», для этого мне,

правда, пришлось воспользоваться магическим кольцом, которое он мне оставил: после такого долгого перерыва заклинания у меня почти не получались.

Каждое утро я просыпался как можно раньше и практиковался до конца дня. Иногда меня вообще посещали мысли, что я потерял свою магию. Вдобавок к этому я не знал, как проверить получил ли я Слово Силы. В моей книге об этом ничего не говорилось.

Спустя примерно неделю мне наконец-то удалось сделать «искру». Станным было то, что она была даже слабее, чем раньше. Я пришёл к выводу, что выбор Слова мне всё же не удался.

И всё же первые успехи меня хоть слегка, но подбодрили. Я нашёл заклинание магии Воздуха, которым швырнул тогда учителя на землю, и принялся учить его уже всерьёз. Спустя ещё примерно неделю я уже довольно хорошо освоил его в комбинации с «бризом» и «искрой».

Для того чтобы научиться точности, я делал соломенные мишени и бросал огненные шарики в них. Расстояние до цели, положение своего тела и тела мишени при нанесении удара, время на прицеливание, мощность заклинаний и прочее я при этом естественно постоянно варьировал. Истина была простой, но открылась мне лишь после долгих тренировок. Магия – это не только сила. Легко бросить заклинание куда угодно. Намного сложнее попасть им точно в цель.

После того, как я несколько десятков раз спалил соломен-

ные и травяные мишени, я плюнул на осторожность и перешёл на глиняные. Следов моей магической практики так, конечно, оставалось чуть больше, но и прогресс шёл ощутимо быстрее. Глину магический огонь повреждал не так быстро, поэтому мишени из неё приходилось реже менять. Кроме того, теперь я точно видел, куда попало моё заклинание. Своей целью я ставил лишь обезвредить человека, поэтому прежде всего тренировался бросать по рукам и ногам.

Лечебной и прочей не-боевой магией я пока не занимался. На мой взгляд было гораздо логичнее не допустить ран, чем потом их лечить. Постоянное ощущение опасности и собственной слабости хоть и стало уже привычным, но всё же довольно сильно меня раздражало. Я хотел стать сильнее, опаснее, как противник и надёжнее, как друг.

Я пересчитал деньги и понял, что лет до шестнадцати мне их хватит точно. Поэтому мелкой магией я решил пока не зарабатывать. Всё же шанс подставиться в этом случае был слишком велик.

Спустя примерно месяц я снова на пару недель пустился в путь и затем снова остановился. С каждым днём во мне всё больше крепла уверенность, что я смогу так жить.

Конец осени и зима оказались довольно холодными, но я справился. Незаметно пролетели весна и большая часть лета. Мне исполнилось тринадцать лет.

С тех пор, как я стал магом, прошёл уже целый год. За это

время я освоил с десятков заклинаний, научился разбираться в людях и не говорить лишнего. Я мог поддерживать разговор практически на любую тему и при этом не рассказывать о себе. Плюс к этому я постоянно менял имена и объяснения того почему вдруг здесь оказался.

Свой последний лагерь я разбил в лесу неподалёку от небольшой деревеньки. Я, конечно, мог остановиться на время и там, но решил не рисковать и не мелькать лишний раз перед людскими глазами. Кроме того, мне почему-то всё больше и больше начинали нравиться вот такие тихие, безлюдные места, живые дома созданные самой природой.

Несколько дней я спокойно изучал новое заклинание, затем решил сходить и докупить еды. Мои запасы к этому времени уже практически полностью истощились.

Я дождался вечера, собрался и пошёл в деревню. Для себя я уже давно заметил, что покупать в это время лучше всего. Люди возвращаются домой уставшие и им в общем-то без разницы кто ты и откуда пришёл.

Настроение у меня было отличное. В лесу недавно прошёл дождь, и как-то уже совершенно по-осеннему пахло прелой листвой. Жёлто-красные кроны тихонько покачивались и шумели. Лёгкий прохладный ветерок стряхивал с деревьев капли. Совсем скоро уже можно было начинать собирать грибы.

Мои шаги выходили тихими, почти неслышными, хотя я в общем-то и не старался специально так идти. Ноги утопа-

ли во влажной, мягкой листве, под которой лишь время от времени похрустывали тонкие, ломкие веточки.

Место моей стоянки осталось далеко позади, и я уже даже перестал ощущать его магически. По моим расчётам до деревни осталось чуть меньше половины пути. Пока всё шло отлично, но не успел я этому обрадоваться, как вдруг неподдалёку, в зарослях орешника, раздался лёгкий треск. От неожиданности я вздрогнул и замер. Мне не верилось, что кто-то может добровольно сунуться в такую глушь.

Кусты раздвинулись, и из них вышла женщина лет примерно двадцати пяти – двадцати семи. В одной руке она держала корзинку полную крупных, спелых ягод, в другой небольшой букетик лесных цветов, улыбалась и что-то напевала. Следов магии, по крайней мере, сильной, поблизости не ощущалось и я немного расслабился, но всё же на всякий случай мягко отошёл назад, встал за дерево и пригляделся.

Судя по одежде и поведению женщина эта была явно из местных. Сложно было не заметить, что этот лес для неё всё равно, что родной дом. На деревья она смотрела по-особенному, тепло и мягко, а цветы в руке сжимала не сильно, словно боясь повредить.

В самой внешности женщины, впрочем, тоже было что-то неуловимо-притягательное. Она была не слишком красивой, чуть полноватой, но очень женственной что ли, спокойной, безмятежной и лёгкой. Когда часто сталкиваешься с женщинами всеми и всем недовольными, злыми и грубыми такое

поневоле начинаешь замечать и ценить.

Пока я её разглядывал, женщина сделала ещё несколько шагов вперёд, присела, сорвала пару-тройку цветков, добавила их в свой букет, довольно оглядела его, кивнула и развернулась. Передо мной встал нелёгкий выбор: окликнуть её или промолчать. С одной стороны всё это очень сильно напоминало счастливый случай, с другой до их деревни было ещё довольно далеко, а я не любил долгих бесед, удерживать во время них свою ложь-маску было непросто.

Я чуть поколебался, но в конце концов решил рискнуть, вышел из-за дерева, догнал женщину, поздоровался, представился и попросил её меня проводить. Женщина очень сильно удивилась и почему-то даже слегка испугалась, начала напряжённо поглядывать по сторонам. Мне пришлось на ходу досочинить и добавить, что неподалёку меня ждут отец и брат. Будто бы мы слегка заплутали на охоте и теперь хотим купить припасов, чтобы добраться домой.

Злата, как звали женщину, посокрушалась немного, что нельзя было ребёнка одного через лес отправлять, но, кажется, мне поверила. Её внешность подходила её характеру полностью. Уже спустя каких-то четверть часа она болтала со мной так, будто знает меня всю жизнь и я, как минимум, ребёнок какой-то её близкой подруги, если не сестры. Эта женщина была слишком уж доброй, открытой и простодушной. Я уже и забыл, когда встречал такого человека в последний раз.

Пока мы шли, Злата успела рассказать мне о своей жизни едва ли не всё, я же в свою очередь лишь улыбался и помалкивал. Несколько раз она похвасталась тем, что её муж самый лучший пекарь в округе и сказала, что обязательно угостит меня свежим горячим хлебом и булочками, после чего правда слегка смутилась, намекнув на свою полноту. Я естественно тут же сказал ей, что всё у неё в порядке и ей так даже больше идёт, а на заданный сквозь смех вопрос, кто научил меня так нагло врать, просто картинно задрал глаза и не ответил.

От приглашения отужинать, сразу отказываться я не стал, решил повременить с ответом до деревни. Многое зависело от мужа моей случайной благодетельницы. Если бы я точно был уверен, что он окажется хотя бы вполовину таким, каким она его мне описывала, то согласился бы, впрочем, не раздумывая. Просчитать дальнейшее развитие событий было просто. Если бы я задержался на ужин, то после него, на ночь глядя, в лес бы меня точно уже никто не пустил. Для вида я, конечно, может бы разок и отказался ночевать, но в конце концов точно бы согласился. Соблазн провести ночь в тёплой, чистой, сухой постели был слишком велик.

Вопрос с покупкой припасов тоже разрешился у меня сам собой. Злата, в ответ на мой неловкий намёк, у кого бы это лучше сделать, посмотрела на меня с укоризной и едва ли не обидой. «У других брать всё равно не дам», – читалось в её глазах непреклонное, – «вдруг зелёное дадут, немытое

или несвежее, или в деньгах ещё как-нибудь, не дай Высшие Силы, обманут».

Такое покровительственно-материнское отношение было мне, конечно, весьма на руку. Чем меньше деревенских обо мне узнает, тем лучше – это факт и всё же злоупотреблять добротой моей случайной знакомой настолько мне не хотелось. Интуиция мне подсказывала, что заставить Злату взять деньги за припасы, а желательнее и за постой-ночлег и не обидеть её при этом ещё сильнее, будет ох как непросто. В общем теперь, за оставшуюся часть пути до деревни, мне нужно было как-то плавно и мягко её к этому подготовить-подвести.

И без того непростую ситуацию сильно осложняло то что у Златы не было своих детей. Я спросил её об этом в разговоре и тут же очень сильно об этом пожалел. Злата ответила мне как-то странно, вроде того, что «на всё воля Высших Сил», произнесла это словно с каким-то смирением что ли, безысходностью и бросила на небо долгий, полный боли, взгляд. Тему я естественно тут же сменил, но понял, что вижу пока лишь поверхность, прекрасную поверхность, под которой скорее всего скрывается очень и очень глубокий и переживший многое, человек.

– Ну вот почти и пришли. – Злата улыбнулась мне и указала на появившуюся словно из ниоткуда едва заметную тропинку. – Не притомился ещё? Чуть-чуть пережить осталось. Сама-то я много хожу, привычная, а ты вон какой у нас,

худенький, да бледный весь и ножки, как лучинки, тонкие. Охотник много есть должен, чтоб сильным стать!

Она ободряюще мне подмигнула и вновь улыбнулась, как вдруг откуда-то спереди донеслись тяжёлые мужские шаги. От неожиданности я вздрогнул и замер. Звуки множились. Спустя какой-то миг к нам уже двигались не меньше пятнадцати-двадцати человек, мужчин, причём скорее всего хорошо вооружённых.

– Не бойся. – Злата сильно побледнела, подошла ближе и взяла меня за руку. – Охотники это. Наши, местные, должно быть. Даже если и встретимся, неужто да и не поладим?

Она с тревогой заглянула мне в лицо. Выглядел я судя по всему мягко говоря неважно. Я лишь молча кивнул. Моё чувство опасности сходило с ума и кричало, отчаянно вопило мне бежать. Бежать отсюда, как можно скорее и дальше.

– Эй, мамаша, ягодок не найдётся?! – донёсся вдруг из-за деревьев громкий, резкий окрик и почти сразу же вслед за ним смешки одновременно с разных сторон.

– Сыночком не поделишься?! – добавил вдруг кто-то издали запоздало.

– Реально пожрать бы... – произнёс куда-то в пустоту, словно жалуясь, какой-то одышливый здоровяк.

– Беги...

Злата с видимым усилием разжала руку и бросила свою корзинку. В глазах женщины быстро разгорался ужас. Она выглядела так, словно внезапно догадалась о чём-то страш-

ном, поняла кто это и что нас ждёт.

Бежать было поздно. Я знал это, чувствовал. В таких ситуациях нужно брать инициативу в свои руки, ломать планы нападающих, встречать их не как добыча, а как равный или более опасный хищник: лицом к лицу. «Не играй по чужим правилам. Не принимай навязанную тебе роль.», – говорил об этом учитель.

Мы не видели их, но они каким-то образом видели нас, возможно следили уже давно, незаметно изучали перед нападением. «Не бежать! Не бежать! Не бежать!», – повторял я про себя, словно молитву, но это не помогало. Страх Златы отравил меня, передался мне через её вспотевшую, подрагивающую ладонь.

В глубине души я понимал, что добром эта ситуация не кончится и нужно готовиться к бою, но ни одно заклинание почему-то вспомнить не мог, чувствовал себя не магом, а просто обычным мальчишкой. На миг мне показалось, что за нами идут даже не Светлые, а кто-то гораздо более опасный. Хруст веток под сапогами становился невыносим.

Злата замерла и дышала испуганно и часто. На её лице поочередно сменяли друг друга неверие, растерянность, лёгкая надежда на то, что всё обойдётся и страх. Я чувствовал, что сама она не побежит, просто не сможет. Решение, что делать дальше, за обоих должен был принять я.

Что нужно делать я знал, но «знать» и «делать» – слишком разные вещи. Я не выдержал, крепко сжал руку Златы, по-

тянул её за собой и бросился прочь. Наши невидимые преследователи тут же оживились, словно только этого и ждали. Позади раздался злорадный лихой гомон, топот, хруст веток и громкий разноголосый свист. Я бежал и не понимал зачем, для чего, они это делают.

Бежали мы недолго, пару сотен шагов, может меньше. Я замедлял Злату и чувствовал это. Одна она могла бы двигаться намного быстрее. Погоня приближалась, пока я, наконец, не услышал чьё-то шумное, хриплое дыхание, ругань сквозь зубы и хруст веток прямо за нами, с моей стороны, за мной. В нос мне резко ударила смесь табачно-винного зловония, едкого пота и гнилых зубов.

Я резко рванул свою руку из руки Златы и заставил её меня отпустить, почти обернулся, как вдруг получил мощный толчок-пинок в спину то ли ногой, то ли такой огромной ручищей, оступись, полетел вперёд, упал и сильно ударился лицом об корни какого-то дерева. Перед глазами у меня на миг вспыхнул ослепительный белый свет, а затем всё поплыло.

Мужик, который меня преследовал, остановился рядом, шумно прочистил горло и тяжело сплюнул. Я ещё не мог его разглядеть, но даже спиной чувствовал, что он взрослый и грузный, тридцати пяти – сорока лет. «Не маг», – подумал я и вдруг почему-то испугался этой мысли. Она была далёкой, мимолётной и словно какой-то отстранённой, безличной. «Не маг» означало «не противник», тот, кого можно

легко покалечить или убить.

– Ссучья мать!

Мужик подошёл вплотную, встал надо мной и легко толкнул меня ногой. Я поднял голову, нащупал рукой корень, ухватился за него, подполз-подтянулся чуть ближе к дереву, схватился за его ствол, сел, развернулся и привалился к дереву спиной. Голова у меня звенела нещадно.

Что-то нужно было делать прямо сейчас, но я не мог сосредоточиться. Злата, судя по звукам, пробежала ещё немного и в растерянности остановилась. Из леса медленно, вразвалку и уже никуда не торопясь, выходили остальные парни и мужики. По их внешнему виду всё сразу было понятно. У кого-то не хватало зубов, у многих были шрамы от ножей, плетей и колодок. Учитель в своё время предупреждал меня о разбойниках, но я никак не ожидал, что встречу их так.

– Ягодок ему дай! Или цветочков понюхать! – донеслось издали, голос был молодым и ехидным.

Парень лет двадцати – двадцати трёх, белобрысый, тощий и довольно высокий, лёгкой танцующей походкой подошёл к мужику, который меня толкнул, и демонстративно протянул ему корзинку и букет Златы.

– Сам дай, давалка!

Ударивший меня помрачнел, хмуро глянул на парня, отвёл внушительных размеров кулак и ударил им в открытую ладонь другой руки. Парень поспешно-примирительно развёл руки и чуть отступил. На его лице на миг отразилось

непонимание и лёгкий испуг, видимо обычно верзила более терпимо реагировал на его шутки. Ударивший меня чуть подумал, разнял руки, раздражённо фыркнул и пошёл прямо на парня, тот быстро шагнул в сторону и верзила с тяжёлым сопением прошёл мимо него.

– Не парься, Долгий, Бык просто чуть товар не сломал!

Мимо весельчака, но уже в другую сторону, ко мне, увернувшись от верзилы, прошмыгнул ещё один разбойник, лет двадцати пяти, худой, низенький, с гнусавым тонким голосом, дёрганными движениями и какой-то гадливой, услужливой, улыбочкой. Он походя панибратски хлопнул весельчака по плечу, высоко задрал при этом руку, остановился в паре шагов от меня и в ожидании оглянулся.

Сердце у меня против воли забилося шумно и часто. Я знал, видел, чувствовал людей. Остальные парни и мужики здесь были просто злыми и жестокими, но этот, который теперь в нетерпении переминался возле меня, был гадким. Даже парень-весельчак после его хлопка чуть повёл плечом, словно брезгливо отряхиваясь, и почти сразу же отошёл.

Голова у меня слева возле виска и над бровью слегка намокла и стала липкой. Мне даже не нужно было проверять, чтобы понять, что это моя кровь. Я чуть отклонился из-за дерева, поглядел через плечо и нашёл взглядом Злату. Она не убегала, стояла в отдалении, кусала губы и, почти не отрываясь, смотрела на меня. Никто из разбойников к ней почему-то не шёл.

Выглядела Злата ужасно. Когда человек, особенно женщина, находится на пределе – это сразу бросается в глаза. От долгого бега её лицо покраснело, а волосы вспотели и растрепались. Она ещё не плакала, но лишь потому что плохо осознавала реальность ситуации, в которую мы попали, не верила в неё, и даже больше, сама цеплялась за это неверие, словно утопающий за щепку в ревушем, тёмном водовороте.

Мне Злата тоже верила не до конца. Сочувствие в её взгляде то и дело перемежалось ненавистью и животным страхом. Возможно то что я сам отпустил перед падением её руку, она поняла неправильно, решила, что и я могу быть заодно с ними.

– Бе... ги... те... – произнёс я одними лишь губами, собрался с силами, легко мотнул головой и указал глазами на чашу. Я знал, понимал, что рано или поздно мне придётся использовать магию, и лишние свидетели этого мне были явно ни к чему.

– Убежишь, порешу сыночку!

Гадкий разбойник перехватил мой взгляд, тоже поглядел на Злату, мерзко ухмыльнулся и вдруг достал кривой, длинный, тёмный нож. Сердце у меня дрогнуло и забилось часто-часто. Если я и мог что-то сделать, то не прямо сейчас, не с такой головой и руками.

«Делать или не делать, пробовать или нет?», – мысли у меня начали перебивать друг друга и путаться. Я чувствовал, что впадаю в панику. Острое, как бритва, лезвие притягива-

ло мой взгляд, от него было не оторваться.

Разбойник шагнул ближе. Я неловко шевельнул рукой, прошептал заклинание, но оно у меня не вышло. Сильное головокружение и нервы мешали мне сосредоточиться.

«Не может быть», – мелькнула у меня отчаянная быстрая мысль. Гадкий разбойник медленно повернул нож и занёс руку для колющего удара. «Шея», – понял я. Удар придётся в шею и я захлебнусь собственной кровью за каких-нибудь несколько мгновений.

На магию надежды не было. Я инстинктивно поднял руки в отчаянной попытке защититься, но уже чувствовал, что это меня не спасёт.

– Ах ты, мразь! – раздалось сзади резкое.

От удивления и неожиданности я вздрогнул. В злом, свистящем, голосе, больше похожем на шипение змеи, было очень сложно узнать мою проводницу, добрячку-хохотушку Злату.

Гадкий разбойник на миг растерялся и вдруг сделал шаг назад. Хруст веток, от быстрых шагов Златы, был резким и твёрдым, каким-то явно не женским. Такой шанс упускать было нельзя. Любой маг знает, насколько важно в бою правильное положение тела. Я задержал дыхание, сжал зубы, ещё сильнее прижался спиной к дереву и, скользя по его стволу, медленно и осторожно поднялся.

Взгляд разбойника стал каким-то затравленным, бегающим. О ноже в своей руке Гадкий, кажется, даже и забыл,

держал его испуганно, слабо, словно не оружие, а какой-нибудь прутик. Остальные разбойники, которые смотрели в нашу сторону, тоже вдруг почему-то напряглись и притихли.

Злата чиркнула по мне жгучим, полным чистой ярости, взглядом, ещё больше нахмурилась и сощурилась, пролетела мимо, пошла прямо на Гадкого и его нож и остановилась от него лишь в каком-то шаге.

Пощёчина прозвучала в тиши леса звонко и чётко, словно мощный, хлёсткий удар. Голова гадкого разбойника безвольно мотнулась, а самого его едва ли не развернуло. Я видел лишь спину Златы, но даже от неё исходили волны негодования и ненависти.

Гадкий вскрикнул, выронил нож, на миг потерялся, остушился и словно мальчишка схватился за щёку. На полянке на миг наступила полнейшая тишина, затем некоторые парни и мужики, сперва тихо, а затем уже все и в голос, заржали. Гадкий разбойник вспыхнул и стал в растерянности озираться. Репутация в таких шайках значит немало, а он свою только что потерял.

– Тихо! – вдруг раздался мощный, громовой голос. К Злате и Гадкому быстрой походкой подошёл-подбежал крепкий мужик лет сорока пяти, с мохнатыми чёрными лапшами и проседью на коротко остриженных волосах. Гадкий вздрогнул, взглянул на него снизу вверх и проямлил что-то невнятное. Вожак разбойников, а я был уверен, что это именно он, глянул на него тяжело, но переспрашивать и слу-

шать не стал.

На полянке вновь наступила тишина, но уже другая. Парни и мужики, повинувшись безмолвной команде, подтягивались, подходили ближе и окружали нас.

– Баба дикАя, так видно. Не товар. Толкнём будет, как в тот раз.

Главарь обвёл всех быстрым, хмурым взглядом, но спорить с ним никто не рискнул. Злата сделала шаг назад, ко мне, чуть развела руки в произвольном жесте защиты, вновь растерялась и замерла.

Меня взгляд Главного тоже коснулся, только вскользь, но всё же. Был краткий миг, когда мы заглянули с ним друг другу в глаза. У него они были жёсткими, узкими, тёмными и пустыми, словно щели бойниц. По моей спине пробежал холодок. Оценивать противника сразу, быстро и точно определять его силу, учитель научил меня прежде всего. Человек, глянувший на меня, был опасен. Он был злым, мрачным, явно вспыльчивым, скорым на расправу и безжалостным, но явно не слабым.

Двое молодых парней шагнули к Злате и каким-то профессиональным, отработанным движением взяли её под руки. Гадкий разбойник улучил момент, опасно покосился на Злату, Главного, нервно наклонился, поднял свой нож и вскользь глянул на реакцию остальных, но никто его действия словно бы не заметил.

– Бабы перетрусил... – прошипел Главный презрительно

сквозь зубы, так, чтобы услышал только Гадкий, шумно зло выдохнул и пошёл ко мне.

– Погодь, Тесак, я её, кажись, знаю.

Издали, растолкав остальных, пробился рыжий разбойник лет двадцати пяти и подошёл к Главному, тот со вздохом, но, как ни странно, без особого раздражения, развернулся. Я поглядел на Рыжего. Из всех парней и мужиков здесь, он словно бы казался лишним. Не знаю, как это объяснить, но в его глазах, лице, взгляде, даже в том, как он держал свой ровный, армейский, меч, не было грязи и гнили. С таким открытым лицом и веснушками, он выглядел обычным сельским парнем, охранником, служивым в городской страже или кем-то вроде. Неясно было, как он вообще и как давно оказался по эту сторону закона.

– Твою ты... – Рыжий внимательно поглядел на Злату, затем вдруг резко, зло и яростно на Гадкого. – С местных она, точно. Златка-золотко же! Отпустить бы..., хорошая баба... Муж её Светлячкам, кстати, по всей округе булки возит. Говорят, что только у него и берут.

Он повернулся к Главному и с лёгкой надеждой на него посмотрел. Главный помрачнел, как туча, чуть качнул головой и перевёл взгляд на Гадкого, тот весь съёжился, стал быстро-быстро бормотать что-то про то, что не выспался, плохо видит, ошибся, спутал и больше такого не будет. Парни и мужики вокруг безмолвно переглянулись. На лицах некоторых читался откровенный страх, на лицах большин-

ства сильное раздражение и опасение.

– Ты заварил, ты и расхлёбывать будешь! – Главный сжал до белизны руку на мече, едва не рубанул Гадкого, но сдержался. – В этот раз точно свалишь. Молись, кому хочешь, хоть мамочке, хоть своей тупости, чтоб пронесло. Баба на тебе! Что хочешь с ней теперь, то и делай!

Главный ещё раз презрительно, но с каким-то подавляемым волнением, глянул на Гадкого и отвернулся дав знать, что разговор окончен. Рыжий разбойник, судя по лицу, хотел вмешаться, сказать ещё что-то, но не рискнул, лишь в сердцах махнул рукой, бросил виноватый взгляд на Злату, развернулся и пошёл прочь.

– Стой! – Злата отчаянно рванулась из рук разбойников по направлению к Рыжему. Из её глаз вдруг, словно сами собой, потекли слёзы. – Ребёнка, не меня, спаси! Он ведь не из наших!

Рыжий вздрогнул, словно от удара бичом, весь съёжился, но не остановился. Злата вдруг окончательно изменилась. Слёзы её высохли, а с её лица словно кто-то в один миг стёр остатки мягкости и доброты.

– Будь ты проклят, трус! – Она ещё раз рванулась и зло, горячо, плюнула Рыжему вслед. – Будь ты проклят, как я! Чтоб ты сдох, и твой род поганый на тебе прервался! И вы все, твари, тоже!

Злата обвела разбойников полным бессильной ненависти взглядом и с болью и отчаянием посмотрела на меня. Я пода-

вил в себя вспышку гнева и сочувствия, опустил глаза, медленно, по системе, сплёл пальцы и начал их разминать. Из всего, что я сейчас мог сделать, это было самым полезным.

– Завязывай! – Главный подошёл ко мне. – Дёрнешься, просто порешу тебя, понял? Мне срать, кто ты там есть и на мамаш-папаш твоих! Светлячки небось? Думаешь найдут теперь нас? Надейся, чтоб не нашли! Маякнёшь им и ты первый труп, понял? Сам тебя выпотрошу! Жаль, конечно, будет. Люблю детишек. Особенно грамотных. И мой друг, Ишид, тоже любит. Понравишься ему – будешь хорошо жить, не понравись – плохо и недолго.

Главный смотрел мне прямо в глаза, изучал меня, хотел запугать, анализировал и словно оценивал. От его взгляда мне и правда стало не по себе. В его лице было что-то змеиное, непредсказуемое и холодное. Вряд ли он просчитал меня до конца, но и я его просчитать не мог.

– Сука..., сука..., сука... – вдруг начал издали шептать-бормотать Гадкий, так, словно раззадоривал сам себя. По его дрожащему и ещё более истончившемуся, уже совершенно не-мужскому, голосу чувствовалось, что он близок к истерике. Я краем глаза отметил, что он двинулся к Злате. Главный быстро обернулся, хмыкнул, едва заметно поморщился, ещё раз хмуро глянул мне в глаза, развернулся и пошёл прочь.

Гадкий подошёл к Злате и нарочито развязным, похотливым, движением, положил ей руку на плечо. Его выражение

лица при этом стало ещё более мерзким. Он наслаждался беспомощностью этой чрезвычайно сильной и чистой женщины, хотел её сломать, почувствовать себя за её счёт «мужчиной».

– Не трожь меня, мразь!

Злата дёрнулась в руках разбойников-парней и опалила Гадкого презрительно-ненавистным взглядом. Лицо её сильно покраснело, а конец фразы сорвался на яростное шипение змеи. Гадкий на миг растерялся и ослабил хватку, но тут же сдвинул плечо Златы вновь. Остальные разбойники судя по всему ничего не заметили, но от меня его движение не ускользнуло.

«Не трогай её! Не трогай, не трогай, не трогай!», – застучало вдруг у меня в ушах. Я отчаянно пытался успокоиться, вспомнить всё то, чему меня учил учитель, но не мог. Ненависть пылала во мне, пожирала все остальные чувства и разгоралась, словно лесной пожар. Будь это любая другая женщина, возможно я не разозлился бы так, но эта была уникальна. Я чувствовал что-то невообразимо мерзкое, когда видел это всё.

Прежде чем я успел придумать очередной логический довод в оправдание своему бездействию, моё тело вдруг начало двигаться словно само. Боль отступила, голова прояснилась. Какая-то новая сила пробудилась и бурлила во мне. Я был сильно испуган, понимал, что делаю глупость, но меня это почему-то не останавливало.

В несколько быстрых шагов, я подскочил к Гадкому и Злате, перехватил и сбросил с её плеча его руку. Гадкий вздрогнул и как-то странно на меня посмотрел. Парни-охранники, кажется, тоже опешили и не вмешивались.

– Тронешь её и умрёшь! Вы все умрёте!

Я с ужасом понял, что не шучу, хотя и не понимал, что заставило меня произнести эту фразу.

Новая сила внутри не только поддерживала меня..., она же теперь отчасти мной и управляла. Гнев, ярость, агрессия, чувство гордости и превосходства и огонь..., ощущение огня внутри, я едва их сдерживал.

– Пшёл вон!

Гадкий опомнился, занёс ногу и мощно пнул-толкнул меня ей в грудь. Я не удержал равновесие, упал на спину и прокатился по листьям. Дыхание у меня перехватило, а перед глазами вновь полыхнул белый свет. Злата вскрикнула и, судя по звукам, начала яростно вырываться, затем вскрикнула ещё раз, но уже от боли.

– Ещё дернешься, и порешу крысёныша! – услышал я, как сквозь плену, голос Гадкого. Слабым местом Златы был я – едва знакомый ей, но всё же ребёнок.

Сила внутри заставила меня открыть глаза и подняться. Дыхание вдруг восстановилось. «Не позорь меня», – слышал я внутри себя тихий голос, словно одну, затмившую остальные, мысль.

Злата смотрела на меня, а Гадкий на Злату. В её глазах

были отчаяние, отвращение, смирение и ужас, в его предвкушение, похоть и превосходство. Свою руку Гадкий вновь держал на плече Златы, но уже безнаказанно и ближе к шее.

«Сделай это!», – вскричала сила во мне, – «Просто сделай это... , если ты маг».

Я поднял руки. Вытянул их и направил на разбойников-парней. Злату я хотел освободить прежде всего, всё прочее меня не волновало.

Учитель был прав, когда сказал, что мне придётся убивать, был прав, что готовил меня к этому. Предупреждать этих людей бесполезно, я видел это по их глазам. Пустые, циничные, бездушные, слабые, не чувствующие чужую боль. Сила внутри меня ненавидела их, я чувствовал... , как ненавидел и я.

Всё стало удивительно чётким: слова, заклинания, знаки... , время словно замедлилось, я слышал тихие мерные удары сердца в своей груди. Сила внутри молчала. Молчала и ждала.

Я, щёлкнув пальцами, спустил заклинания. Шары огня, шумно хлопнув, сорвались с моих рук и ударили в головы парней.

Разбойники-стражники молча свалились и повалили с собой Злату. От удара об землю их головы оторвались и углями раскатились по листве. Раздалось шипение, вверх хлынул белый, молочный, пар. Вокруг стал растекаться запах палёного мяса и смерти.

Злата оглушительно завизжала, начала отчаянно вырываться из рук мертвецов, в конце концов сбросила их с себя, не вставая попятилась-отползла подальше, вздрогнула оглядевшись, уставилась на головы-угли, а затем с ужасом на меня. Гадкий не понял, что произошло, и тоже ошарашенно обернулся.

Ребёнок оказался чудовищем. Впрочем, я и сам чувствовал себя именно так. В первый раз мне была настолько ненавистна магия. Я не хотел использовать её так. Сила даётся человеку для созидания, а не для разрушения. Какое право я имею отнимать жизни, если не могу их возвращать?

«Щит немедленно! Прямо сейчас!», – вскричал во мне инстинкт, почему-то голосом учителя. Я вздрогнул и просто по привычке подчинился. Арбалетный болт, который должен был воткнуться мне в висок, отскочил и бряцнув упал на землю. Щит от физических повреждений, которым я окружил своё тело, слабо замерцал.

– Мистик... – пробормотал один из разбойников в ужасе, попятился, но натолкнулся на остриё меча Главного, тот шумно, рыча, выдохнул и быстро, с резким злым щелчком, одной левой рукой, перезарядил арбалет.

– Не мистик, а Светлячок! Живо все, вашу мать, успокойтесь! – Главный аккуратно обошёл труса и направил арбалет на меня. – Так и знал, что есть пара секретов у этого мальчика. Да, малыш? В колечке-то ещё много зарядов осталось?

Он хищно мне улыбнулся, параллельно раздавая указания

взглядом, чтобы остальные незаметно меня окружали. С разных сторон одновременно начал доноситься разноголосый шум взводимых луков и арбалетов.

Спустя ещё миг, с очередной чуть заметной командой Главного, в меня хлынул целый ливень болтов и стрел. Они со свистом рассекали воздух, яростно щёлкали по моему щиту и отскакивали. Моя защитная полусфера подрагивала, гудела, мерцала, но раз за разом исправно отражала удары. Затраты энергии на поддержание заклинания выросли в несколько раз и стали ощущаться физически: перед глазами у меня то и дело вспыхивали разноцветные мушки.

«Один путь», – подумал я, сделал шаг назад, вдруг покачнулся, оступившись, мельком посмотрел на Злату и мысленно перед ней извинился. Учитель говорил мне как-то, что худшие ситуации для мага – это нож у горла и окружение стрелков. Дело было уже даже не в ненависти. Вариантов не было. Либо они, либо мы, вот и вся правда.

Я вытянул руки и направил их на двух наиболее опасных и быстрых лучников. В глазах Главного на миг вспыхнуло неверие и удивление, он попытался дать им какую-то команду, но не успел. Огненные шары сорвались с моих рук и ударили одного мужика в грудь, другого в голову. Разбойников отбросило назад и словно кукол протащило по листьям. Новая сила внутри делала мои заклинания слишком мощными. Она поддерживала меня, но она же и жутко пугала.

Выстрелы прекратились. Мой щит перестал мерцать и бо-

лее-менеe восстановился. Парни и мужики растерянно переглядывались. На лицах большинства из них был суеверный ужас. Один из разбойников, вислощёкий здоровяк, с одышкой и пухлыми белыми руками, шагнул назад, бросил арбалет и меч далеко вперёд, почти мне под ноги, быстро глянул на Главного, затем на меня.

– Я пас! Слышь, мелкий! Мне проблемы не нужны!

Он медленно, так, чтоб я видел, повернул ко мне открытые ладони и сделал ещё шаг от меня и в сторону. Трое мужиков, которые стояли рядом с ним, затравленно переглянулись. Главарь бросил на них косо́й взгляд, зло сощурился, шумно рыча выдохнул, перевёл арбалет, молча разрядил толстяку в шею и как ни в чём ни бывало быстро, в одно движение, его перезарядил.

Болт вошёл в тело толстяка с каким-то чавканьем, пробил его навывлет и воткнулся в дерево за его спиной. Толстяк схватился за шею обеими руками, словно пытался остановить кровь, захрипел, захлёбываясь алой пеной, и с шумом повалился на бок. Разбойники, которые стояли рядом с ним, вздрогнули, чуть расступились и, один за другим, опасливо подняли на меня арбалеты.

– Нечестно выходит!

Главный вдруг сделал лёгкий, танцующий, шаг в сторону, совершенно неожиданный для человека его возраста и комплекции. Как я и думал, передо мной был очень и очень опытный лидер и боец, возможно даже бывший военный.

Я помедлил, стараясь понять, что же он задумал, на всякий случай чуть отступил и прислушался к себе. Мерцание моего щита мне не нравилось. До смерти толстяка, мне почему-то казалось, что их арбалеты и луки бьют намного слабей.

– Убирай эту штуку и давай по-честному! Один на один. Ты и я! – Главный вновь хищно, по-звериному, мне оскалился и сделал ещё один танцующий шаг. – Или ты трус? Маленький сыночек, поди?! Как мужик сражайся! Мечом, ножом, а не этими..., фокусами!

Он вдруг как-то по-особенному, но как бы мимоходом, так, чтобы не привлечь моё внимание, глянул на Гадкого и тот, не говоря ни слова, быстро шагнул назад и в сторону и оказался за ним. На лице Главного, глубоко-глубоко под ледяной маской, промелькнуло облегчение. Я никак не мог понять, что же связывало, что вообще могло связывать, этих двоих.

На подначки Главного отвечать я не стал, хоть они меня слегка и разозлили. Нет ничего глупее, чем принимать навязанные тебе правила игры. Маг – не воин. С мечом в руках я бы проиграл после одного-двух взмахов, если бы мне, конечно, дали сделать хотя бы их.

Я, наконец, восстановил и даже чуть усилил свой щит, улучил момент и мельком глянул на Злату. Она каким-то чудом нашла в себе силы подняться, стояла, смотрела на меня, пыталась что-то сказать и не могла. В её глазах были слёзы, но слёзы не страха, а сострадания и сочувствия. Она пони-

мала меня, несмотря ни на что, видела во мне ребёнка.

– Не мать, но близкая... – Главный перехватил мой взгляд, вдруг бросил арбалет, как молния рванулся к Злате, ухватил её за волосы, встал за ней и прижал к её горлу меч. – Убирай щит, Светлячок! Рука дрогнуть может!

Он, с холодным, расчётливым, спокойствием, прижал меч крепче. Злата испуганно вскрикнула, дёрнулась, по её шее, алыми каплями, покатилась кровь.

Я не двигался, молчал и лихорадочно просчитывал ситуацию. Ошибка привычки к одиночеству дорого мне обошлась. Я не привык заботиться о ком-либо, кроме себя. О безопасности Златы я просто забыл. Теперь что-либо делать было уже поздно: я не смог бы накрыть щитом только её. Кроме того, я видимо случайно приписал своему врагу благородство, хотя об этой ошибке учитель меня предупреждал в своё время не раз и не два. Это был наш бой, так я считал. Втягивать в него беззащитную женщину было бесчестно.

– Тронешь её и уroda за тобой я убью следующим.

Я зажёл над рукой шарик огня, чтобы показать, что не блефую и не шучу.

Сила внутри меня была в ярости, и я уже едва мог её сдерживать. «Убей его!», – кричала она мне, – «Убей его и всех остальных прямо сейчас!». Шар огня над моей ладонью раздувался, светился ярко-белым, искрился, полыхал и потрескивал. Я, кажется, тратил больше энергии не на поддержание собственного заклинания, а на его ограничение, сдержива-

ние. Никогда прежде моя магия так себя не вела.

Главный взглянул мне в глаза, нервно на мой огненный шар и чуть отодвинул меч от шеи Златы. С его слабым местом я не ошибся, так же, как и он с моим. Разбойники испуганно переглядывались, многие, после небольших колебаний, опускали оружие и, пользуясь моментом, отступали от нас обоих всё дальше и дальше в лес.

– Они близко..., близко..., Тесак, я боюсь... – вдруг истерично-плаксиво промямлил Гадкий, озираясь по сторонам, на трупы, и тоже чуть отступил, показавшись мне из-за спины Главного, по щекам у него текли слёзы. Я естественно тут же нацелил своё заклинание на него. Главный скрипнул зубами и зло прищурился. Гадкий замер и с ужасом уставился на меня и мой огненный шар. – Брат, отпусти её! Светлячки не ходят по одному! Они уже идут! Слышишь?! Отпусти её! Отпусти! Отпусти! Отпусти!

Он быстро-быстро переводил взгляд с моего заклинания на Главного и обратно, страх и надежда раз за разом сменялись на его лице. Моё сердце против воли забилось шумно и часто, инстинкты напряглись до предела. Я держал на прицеле одного, но на самом деле готовился ударить по другому, чувствовал, что вот-вот что-то произойдёт.

– Не надо, пожалуйста!

Гадкий закрылся от моего заклинания рукой, шагнул назад, едва не оступился, попытался встать на колени, понял, что это не сработает и вдруг как-то странно глянул на свой

нож, так, словно увидел его впервые. Злата закрыла глаза и одними губами шептала что-то, судя по всему молилась.

Любой более-менее опытный маг умеет читать по губам – это основа выживания в магических поединках. Не знаю слышали ли Злату Высшие Силы, но меня то, о чём она их просила, потрясло.

Практически любой лицемерный «верующий», из тех, с которыми я сталкивался за это время, бормотал бы в этой ситуации заученные слова, умолял бы о помощи, о возможности избежать смерти или, в крайнем случае, о посмертном «спасении» собственной жалкой души, о каком-то «рае», мире лучше земного. На самом деле это была основная причина, по которой я, а прежде и мои родители, недолюбливали это всё. Истинная молитва – не заклинание, она должна идти из сердца человека и тут уж неважно знать «верный» порядок слов.

Злата думала не о себе. В своей смерти она видела хорошее: свободу и счастье с другой женщиной для своего мужа, окончание своего «проклятия» бесплодия, помощь мне. Это страшно, когда сильный человек видит смерть так: не как врага, а как друга, избавителя от всех бед и страданий. Это страшно и неправильно.

На лице Гадкого вдруг появилась безумная улыбка и словно какое-то внезапное осознание чего-то очень и очень важного. Он крепко, до белизны, сжал в руке нож и повернулся к Главному.

– Как кусок мяса! – Гадкий сделал неловкий шаг вперёд. – Не дадут умереть! Месяцы..., годы боли...

Он указал Главному глазами на Злату, затем истерично мотнул головой на меня, тот скосил на него взгляд, заметно занервничал, глянул мне в лицо, крепче прижал меч к шее Златы, но не двигался и молчал. Злата была их единственной страховкой и Главный, в отличие от брата, это слишком хорошо понимал. Я максимально незаметно, так чтобы их особо не провоцировать, пробормотал первые, начальные слова заклинания «Бриз».

Гадкий сделал ещё шаг, вдруг взвыл, словно раненный зверь бросился вперёд и с размаху всадил свой длинный, кривой, тёмный нож Главному в спину. Раздался треск ткани и какой-то чавкающий хруст. Лезвие пробило одежду и вошло глубоко, едва ли не по рукоять.

Главный вскрикнул, зло зашипел, чуть повернулся и пнул-оттолкнул Гадкого от себя, тот упал на бок и прокатился по листьям. Злата вздрогнула, зажмурилась и замолчала.

– Сука! – Главный покачнулся, нащупал левой рукой нож, но выдёргивать не стал и лишь криво мне ухмыльнулся. – Фартливый малой.

Меч в его руке чуть дрогнул и опустился, отошёл от шеи Златы. Я шагнул вперёд и без раздумий и колебаний, как учил учитель, ударил заклинанием «бриз». Плохой шанс всегда лучше никакого. В бою, как и в жизни, бывают ситуации, когда уже глупо не рисковать.

Раздался мощный хлопок, словно каких-то огромных крыльев и оглушительный воющий рёв. С моей левой руки сорвался яростный, бешеный поток воздуха, хлестнул в грудь Главного и Злату, отбросил их, словно пушинки, шагов на шесть-семь и ударил об огромное, вековое дерево. Во все стороны полетела грязь, пучки травы, ветки и листья. Небольшие деревца, которые стояли по направлению удара, согнуло, сломало, а некоторые и едва не вырвало из земли. Я на миг растерялся. Сила моего заклинания меня ошеломила.

– Демон... Не Светлячок... Демон..., демон... – зашептал Гадкий в ужасе, тяжело поднялся и судя по всему в надежде, что я сейчас брошусь к Злате, побежал. Я отправил свой огненный шар ему в спину. Из всех, кто здесь был, его бы я не отпустил точно. Не всех и не за всё можно прощать.

Заклинание рванулось вперёд словно гончая. Гадкий почувствовал что-то, попытался на ходу обернуться, но не успел. Огненный шар попал ему в центр спины, точно между лопаток, прошёл навывлет и с шипением, дымом и паром вырвался из его груди. Гадкий сделал ещё неловкий шаг, словно споткнулся, обмяк и мешком рухнул на землю. Заклинание пролетело ещё шагов пять, зацепило небольшое деревце, воспламенило его, распалось на части и лишь затем погасло. Я на миг закрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул, открыл их, заставил себя повернуться и взглянуть на Злату. Ни она, ни Главный после моего удара не шевелились.

«Принимая решения, принимай и их последствия», –

всплыли вдруг совершенно некстати у меня в памяти слова учителя. Я попытался отогнать от себя эту мысль, но у меня не вышло.

Путь, который я проделал до векового дерева, у которого, раскинув руки, лежала Злата, на самом деле всего лишь несколько шагов, показался мне безмерно длинным. По дороге я несколько раз ловил себя на мысли, что смотрю больше не на неё, а на Главного, раз за разом убеждаюсь, что «опасности нет» и он точно мёртв. Удар об дерево измял, изломал всё его тело и вогнал ему в спину всё лезвие и даже часть рукояти ножа. Низ ствола дерева-великана, корни и листья вокруг были залиты кровью. Оружие прошло наискосок и насквозь и вышло пальца на два-три с другой стороны, из груди. Дыра была огромной, после такого не выживают.

– Принимая решения, принимай и их последствия..., – тихо прошептал я, наконец заставил себя отвести взгляд от пустых, застывших глаз-бойниц Главного, подойти и присесть возле Златы. Она лежала на спине, как-то безмятежно, словно даже спокойно, как будто не упала, а легла так сама. Глаза её были закрыты.

В лесу сильно стемнело, и поутих ветер, почему-то я обратил на это внимание только сейчас. Вечер заканчивался, совсем скоро уже должна была наступить ночь.

Я медленно взял руку Златы и нащупал пульс. Сердце её билось, но слабо, медленно, как у человека во время глубокого, спокойного сна. Я почувствовал лёгкое облегчение,

аккуратно уложил руку Златы обратно на листья, осмотрел и ощупал её голову, особенно затылок, который оказался в крови, затем грудь, живот, спину, руки и ноги. Когда я закончил, то успокоился окончательно: раны были небольшими, поверхностными, в основном царапины, ссадины и синяки. Злате повезло, видимо большую часть удара принял на себя Главный.

Я поднялся и огляделся. Нужно было решать, что делать дальше. Время шло и совсем скоро уже должны были начать просыпаться, выходить на охоту, хищники. Оставить Злату одну в лесу, тем более в таком состоянии, я не мог. Ещё больше всё осложняло то что она видела мою боевую магию. Она и остальные. Инструкции учителя на этот счёт были чёткими. Всех таких людей, даже случайных свидетелей, я должен был обязательно нейтрализовать. Учитель сказал, что если слух о ребёнке-маге разлетится, а он в случае прямых свидетелей разлетится точно, то я могу больше не рассчитывать на долгую свободу и жизнь.

– Делай! Просто делай и всё! – Я похлопал себя по щекам и потёр лицо, чтобы собраться. – Нужно! Нужно! Нужно!

Моя решимость пошатнулась с окончанием боя. Расслабление наступило слишком рано, и я изо всех сил старался взять себя в руки, убедить, что ничего ещё не закончилось. Пока Злата спала, была без сознания, у меня ещё оставался, пусть небольшой, но шанс её спасти.

Выбор у свидетелей настоящей, боевой, магии, как пра-

вило, был невелик: быстрая, почти мгновенная смерть от руки мага или долгие, бесконечные, пытки и допросы. Светлые любят точность, они не отпустят ни того, кто проболтается и кого возьмут первым, ни всех остальных. Злата и оставшиеся в живых разбойники конечно же этого не понимали.

Выбора не было. Мне в любом случае когда-то пришлось бы с этим столкнуться. Всё решилось ещё в тот миг, когда я применил первое заклинание. Как сказал бы точно в такой ситуации мой отец: «ты знал на что шёл». Я помедлил, осторожно залез в карман, достал туго перевязанный бечёвкой свёрток из толстой кожи, который всегда носил с собой, и стал торопливо его распутывать.

Специально на такой случай учитель оставил мне один магический амулет, но из всех оставленных им предметов этот я не любил больше всего и, если уж на то пошло, даже его слегка боялся. Не знаю, как это объяснить, но эта вещь..., она была словно какая-то «злая» что ли, мрачная, давящая. Даже просто прикоснуться к ней и то было неприятно. При этом в сопроводительной записке говорилось «постоянно носить с собой».

Заклинание, которое позволял делать амулет, называлось «контроль» – явно тёмная, не совсем чистая, какая-то слегка «нечестная», в отличие от стихийной, магия. Применялось оно лишь на спящем и позволяло на время полностью подавить волю человека, подчинить его себе, заставить выполнить практически любые, но обязательно чёткие и недву-

смысленные, приказы. Неприятным, в большинстве случаев, но не в моём, «побочным» эффектом было полное исчезновение у цели памяти вплоть до предыдущего сна, то есть человека как бы отбрасывало назад во времени. Что мне и требовалось. Позволить Злате забыть весь этот кошмар было лучшим, что я мог для неё сделать.

Большинство людей и не подозревает, что часть воспоминаний, причём едва ли не большая, додумывается ими самими и имеет мало общего с тем, что в действительности ранее произошло. Это я и собирался использовать. История, которую я сочинил для Златы, была простой: женщина шла по лесу, несла корзинку ягод, почти дошла до родной деревни, но каким-то образом упала, запнулась или оступилась, неважно, и сильно ударилась головой. В себя, по моей задумке, Злата должна была прийти под каким-нибудь большим деревом, неподалёку от их деревни, в её памяти, до предыдущего сна, естественно, будет провал и чернота, первое время она даже, скорее всего, не будет понимать, где вообще находится и почему. Голова у неё разбита, на волосах запёкшаяся кровь, корзинка с ягодами будет валяться рядом, прямо возле правой руки, так, словно Злата сама её выронила при падении, часть ягод будет рассыпана.

Любой человек в такой ситуации, как только слегка успокоится, попробует вспомнить, что же с ним произошло, но если, даже после долгих попыток, у него вдруг не выйдет, то просто начнёт действовать по обстановке: прежде всего

пытаться как-то выжить, выбраться из леса и вернуться домой. По дороге он, естественно, будет ломать голову над произошедшим и в конце концов подыщет «временное», самое логичное, ему объяснение и использует его, склеит в своей памяти наиболее вероятное начало истории и самый её конец. Воспоминания, даже такие, фальшивые, дают видимость безопасности, поэтому люди и цепляются за них. Как только Злата попадёт домой, её муж и все, кто знал-видел, как она уходила в лес, лишь подтвердят её догадку, а уже через пару-тройку дней фальшивые, придуманные, воспоминания от настоящих будет уже не отличить.

Я наконец распутал узел на бечёвке, размотал её и достал амулет. Выглядел он тоже жутковато. Это была небольшая, мёртвая, выпотрошенная и набитая чем-то змея, с двумя кристалликами изумрудов вместо глаз и огромными серебряными или серебрёнными зубами. На хвосте её было что-то вроде небольшой детской погремушки. У нас таких тварей не водилось точно, я, по крайней мере, за время своих странствий, о подобном не слышал ни разу и сам их тоже не встречал.

Слова заклинания, необходимые для активации амулета, были написаны-выгравированы прямо на коже змеи, словно какая-то своеобразная татуировка. Читать их было сложно, тем более в таких сумерках, приходилось постоянно поворачивать змею, держать, вертеть в руках, её «погремушка» при этом тихонько, едва слышно, побрякивала.

В лесу вдруг поднялся лёгкий ветер. Деревья недовольно и осуждающе зашелестели. Я чувствовал мощное «поле», которое исходило от амулета, но потоки силы поблизости оставались неподвижны. При всей его невероятной мощи это заклинание было совершенно невозможно отследить.

По мере того, как я произносил слова, они на коже змеи слегка подсвечивались, загорались каким-то мягким, желтоватым, светом. Я чувствовал, как вокруг нас, вокруг меня и Златы, медленно сгущается тьма.

Смысл слов и, тем более, фраз, заклинания, я не понимал. Они были слишком редкими, чуждыми моей обычной магии, сложными. Читать всё мне приходилось посимвольно: «бездна или колодец», «спуск», «холод», «покорность», «пустота»... , ощущения, при этом, у меня, естественно, были не самыми приятными. Каждое слово, каждый новый произнесённый мной символ, был словно шагом по тёмной лестнице, бесконечной тёмной лестнице вниз, по которой я медленно, ощупью, спускался сам и вёл за собой Злату.

К концу заклинания змея у меня в руках начала вздрагивать, довольно ощутимо, словно конвульсивно, дёргаться. Это было страшно до такой степени, что несколько раз я её едва не бросил. Успокоения логики, что это всего лишь последствия, игра, мощных внутренних потоков сил, помогали слабо.

Каким-то образом я закончил заклинание и уложил заряженный амулет на грудь Златы. Теперь мне оставалось толь-

ко ждать. В инструкциях больше ничего сказано не было. Пока я даже не мог понять точно получилось ли у меня хоть что-то или нет.

Некоторое время ничего не происходило, затем змея-амулет вдруг как-то странно шевельнулась и, абсолютно неожиданно для меня, медленно подняла голову. Её изумрудные глаза ярко вспыхнули, татуировки на коже засветились ярче, а «погремушка» на хвосте зашелестела, словно небольшая ветряная трещотка. Интуиция мне подсказывала, что заклинание только что определило цель.

Я на миг опешил, смотрел во все глаза и старался вспомнить, какие именно символы, какой их порядок, мог дать такой эффект. Псевдооживление – сложнейшая вещь, высшая из всех форм наведения магических заклинаний. Книг по ней, со слов учителя, почти не встречалось, даже Свободные маги, не то что Светлые, хранили эти знания, как один из самых величайших секретов.

Змейка амулета негромко зашипела, повернулась, поползла вверх по груди Златы, медленно, неторопливо, вокруг её шеи, словно ожерелье или шарф, широко разинула пасть и вдруг неожиданно вцепилась своими огромными, тускло поблёскивающими серебром, зубами, прямо себе в хвост, чуть выше «погремушки», её глаза и татуировки погасли. Я забыл про символы и произвольно сделал шаг назад. По моей спине пробежал леденящий холод.

Злата шевельнулась, вдруг судорожно, словно человек,

которого только что вытащили из воды, шумно, со свистом, вдохнула-втянула в себя воздух, резко села, распахнула глаза и уставилась на меня застывшим взглядом. Я повидал многое, думал, что полностью привык к магии, но в этот миг едва не вскрикнул. Глаза её были изумрудно-зелёными, глубокими словно бездна и светились тем же мягким, призрачным светом, что и у змеи.

– Приказззывай... – прошептала-прошипела Злата и медленно, каким-то нечеловечески плавным, слегка извивающимся движением, поднялась. Я про себя отметил, что она не моргает. Совсем. Это наблюдение было каким-то далёким, безличным, просто рефлекторным. Я должен был отдать приказ, сказать что-то, но не мог. Мой язык словно распух или намертво прилип к нёбу. В тот же миг я понял, что в глаза Злате лучше не смотреть.

Сосредотачивался я долго: шептал, мямлил, затем уже бормотал. Злата оставалась безучастной. Инструкции должны были быть прямыми, простыми и чёткими. На то чтобы сделать их такими у меня ушло едва ли не четверть часа. От первоначального варианта, при этом, осталось совсем немного.

– Возьми свою корзинку! – Я искоса взглянул на Злату, так, чтобы случайно не пересечься с ней взглядом. – Дойди до тропинки, ведущей к вашей деревне! Найди дерево, с хотя бы одним корнем более толстым, чем у тебя запястье правой руки! Подойди к нему на расстояние одного шага!

Брось корзинку так, чтобы ягода, которая в ней лежит, рассыпалась! Ляг затылком на корни дерева, которое ты нашла!

Я, как и прежде посимвольно, произнёс несколько витиеватых слов-фраз, которые превращали всё сказанное мной в приказы, их я предусмотрительно запомнил-выучил наизусть. Злата медленно кивнула, резко, едва ли не каким-то броском, развернулась, подхватила свою корзинку и быстрым шагом, не оглядываясь, направилась прочь.

Долгое время мы просто шли. Я следовал за Златой в небольшом отдалении. Приближаться к ней было не слишком приятно, внутри, при этом, что-то словно нашёптывало: «не подходи», «не подходи», «не подходи»...

Лес вокруг тихо шумел. Деревья провожали нас осуждающими, напряжёнными, взглядами. Мои шаги, по сравнению с шагами Златы, выходили шумными, неуклюжими, её же почти не было слышно совсем, в какие-то моменты мне вообще казалось, что она даже и не дышит.

Всё шло неплохо, но не успел я этому обрадоваться, как Злата вдруг неожиданно резко остановилась, скорее даже замерла, как вкопанная, так, что я едва не врезался в неё, и пристально уставилась на заросли кустов впереди. Её странное поведение и то, как она вдруг начала двигаться, мне не нравилось. Действие амулета не могло закончиться так скоро, а свои команды ей я не отменял.

Из кустов, на которые смотрела Злата, раздался приглушённый вздох ужаса и, почти сразу вслед за ним, резкий ар-

балетный щелчок. Я растерялся и даже не успел понять, что вообще происходит.

За какой-то миг, или даже меньше, долю мгновения, рука Златы оказалась прямо перед моим лицом, арбалетный болт, который должен был оборвать мою жизнь, был в ней. При всём желании я бы не успел ни уклониться, ни набросить щит.

Злата надавила большим пальцем и металлический, кованый, болт, с громким, стеклянным, звоном переломился, его наконечник мягко, почти беззвучно, упал на листву. Не знаю зачем она это сделала, но выглядело это абсолютно нереально. Злата чуть наклонилась и бережно поставила свою корзину у ног.

– Демон! – заорал мужик-разбойник, выскочил из кустов, держа длинный, грязный, а местами и поржавевший меч двумя руками над головой, и бросился на меня, кажется, это был тот, который тогда сбежал последним.

Перемещение Златы, её движения, я вновь не успел разглядеть, она вдруг как-то просто оказалась далеко впереди, прямо с ним рядом. Два удара прошли почти мгновенно, если бы я не был на таком взводе, то наверняка не сумел бы различить и их. Левой рукой Злата отбросила меч разбойника в сторону, а правой, ребром ладони, тут же сломала ему кадык, возможно и позвоночник, потому что, кажется, при этом был слышен какой-то хруст.

Мужик свалился как-то неестественно: на спину, но с опу-

ценным на самую грудь подбородком, без крика или даже хоть какого-нибудь стопа или хрипа. В тот миг, когда его тело коснулось листьев, он точно был уже мёртв. Злата, как ни в чём ни бывало, вернулась, подняла свою корзинку и пошла дальше. Мне ничего не оставалось кроме как набросить слабый шит о физических повреждений и поспешить за ней.

До тропинки мы добрались быстро и без дальнейших происшествий. Злата нашла дерево, бросила корзинку и улеглась под него, глаза её медленно закрылись.

Змея амулета разомкнула зубы, свалилась на листву, вновь, на этот раз совсем слабо, осветилась, отползла чуть в сторону и замерла. Я сделал шаг к ней, хотел её подобрать, но не успел. Амулет разрушался: гнил, чернел и разлагался прямо на глазах, спустя пару мгновений от него осталась лишь какая-то чёрно-бурая жижа. Я про себя выругался. О том, что эта вещь одноразовая, учитель меня не предупредил.

Магический след на Злате всё же остался, но совсем слабый, такой, что точно бы выветрился до утра. Я быстро подтёр его ещё насколько смог, чуть отошёл, спрятался за деревом неподалёку и набросил на себя лёгкое заклинание «отвода глаз».

Ждать мне пришлось недолго, от силы четверть часа. Злата тихо застонала, очнулась, испуганно вскочила и стала растерянно панически озираться. Глаза её были обычными, разве что слегка покрасневшими и опухшими. Я развернулся и быстрым шагом пошёл прочь.

В лесу совсем стемнело, гулко ухали, а иногда и шумно хлопали крыльями, охотились, ночные птицы, где-то возились и рычали хищники. Я шёл к лагерю разбойников, хотя больше всего на свете хотел просто сбежать, уйти от этого места, как можно дальше. То, что я собирался сделать, ужасало меня, это и то, что я не чувствовал ни жалости, ни сострадания.

Безопасность Златы всё ещё была лишь видимой, маг во мне слишком хорошо это понимал. Без завершения дела, любое, даже самое идеальное, его начало не имеет смысла. Это слишком разные вещи: имитация и борьба. «Не разыгрывай представлений для собственной совести», – говорил об этом учитель, – «не делай пустых, показных, вещей. Лучше уже сразу смирись со вторым вариантом до конца, прими его, как выбор, как свою ответственность». Все недоделки он всегда называл малодушием, глупостью и пустой тратой сил.

Найти оставшихся разбойников заклинаниями «обнаружения жизни» оказалось совсем просто: новая сила внутри всё ещё поддерживала меня, все мои заклинания теперь словно на неё «умножались», становились мощнее в сотни, если не в тысячи, раз. Энергии, впрочем, на этот поиск, не стихийную магию, у меня тоже ушло немало.

Идти мне пришлось недолго, всего от силы час или полтора: лагерь разбойников, как ни странно, был совсем близко от деревни, теперь я понимал почему они старались по

возможности не трогать местных – это было слишком опасно для них самих.

Обжитым это место явно не выглядело: разбойники ютились в лёгких, разборных, палатках из шкур, видимо часто переходили тут неподалёку с места на место. Сторожевых собак, которых я опасался больше всего, да и вообще никакой охраны вокруг не было. В лагере царили полнейший разгром и запустение. Я на всякий случай набросил щит, зажёг над рукой небольшой шарик огня, чтобы стало посветлей, и подошёл ближе.

В воздухе витал запах смерти. Тут и там, в лужах ещё не застывшей крови, валялись рассечённые и заколотые тела. Нападение было неожиданным, подлым. Практически никто из убитых даже не успел достать оружие и дать хоть какой-то отпор. Некоторые же, судя по положению тел, вообще перед смертью от чего-то вырубались и спали, либо от какого-то крепкого вина, которым от них до сих пор сильно разило, либо от яда.

Издали, из арбалетов, были убиты только двое, причём второе тело стояло у дерева и было утыкано болтами и стрелами сплошь, так, что напоминало какого-то абсолютно жуткого, нереального, металлического, ежа. По клочкам оставшейся одежды, росту и очертаниям фигуры в нём смутно угадывался долговязый парень-весельчак. Первым убитым был, кажется, мужик, который меня тогда догнал и толкнул, у него два арбалетных болта торчали из живота и один из

шей, все они были разными. Перед смертью он шёл, а затем и полз по земле по направлению к первому стрелку, кровавый след протянулся за ним по листьям шагов на десять-пятнадцать. Выглядел он действительно жутко: на лице его застыла гримаса чистой злости и неверия, а в огромной лапище он судорожно, словно свою последнюю надежду, сжимал меч.

Понять, что здесь случилось было несложно. Разбойники делили власть. Я знал, догадывался, что рано или поздно так и произойдёт, но не думал, что настолько скоро. Ничего не изменится. Этим людям нечего терять и некуда идти. Они словно лютые, бешеные, звери. Да, первое время они будут растеряны, но лишь до тех пор, пока лидерство в их шайке-стае не возьмёт кто-то другой. Банда реорганизуется, возможно станет осторожнее, но всё начнётся вновь. На чьей совести тогда окажется смерть их следующей жертвы? На их, или на совести того кто их отпустил? И кто это будет? Беспомощный старик? Беременная женщина? Младенец? Теперь, видя это всё, я окончательно убедился в том, что пришёл сюда не зря.

Издали, с другого конца лагеря, доносился тихий треск небольшого костра, громкая мужская ругань и временами совсем неуместный, хриплый, но словно какой-то припадочный, истерический, смех. Судя по голосам там собралось человек семь или восемь. Прятаться смысла не было, как и медлить. Я даже не стал развеивать своё заклинание освещения, усилил щит и просто пошёл на звук.

Увидев меня, разбойники разом вскочили и повыхватывали оружие. Взгляды их были быстрыми, бегающими, зрачки сильно расширенными, а глаза блестели. С первого взгляда я понял, что кроме вина, они все приняли какой-то сильный дурман. Один из них, который постоянно смеялся, указал на меня пальцем, оглядел остальных, явно приглядываясь, затем меня и вдруг вновь истерически захохотал. Своё оружие он держал неловко, расслабленно и несерьёзно.

Дальше всё произошло быстро, мелькнуло перед моими глазами, словно какой-то безумный набор случайных, бессвязных, картин. Разбойники напали первыми, я ответил, целясь в головы крошечными, размером с небольшую монету, огненными шарами. Заклинания по-прежнему выходили слишком быстрыми и мощными, пробивали цель насквозь и лишь затем гасли. «Всех», – шептал у меня в голове тихий, холодный, голос учителя, – «Если нет иного выбора, то всех, кто видел твою магию, ты должен убить». Выбора... не было.

В лагере поднялся шум, к моим противникам начали добавляться всё новые, как оказалось в палатках, которые я прошёл, всё же тоже кто-то притаился или спал.

С каждым новым заклинанием, с каждым новым убитым, делать это становилось всё легче. Смерть стала для меня чем-то естественным, более естественным, чем должна быть для человека. Хорошо, что этого не видела Злата. Не-маг не смог бы такого понять и за такое простить.

Всего разбойников оказалось пятьдесят четыре человека.

Эту цифру я должен был узнать в любом случае и я её узнал: последние оставшиеся в живых были готовы рассказать мне любые тайны, предать кого и что угодно лишь бы я их отпустил.

Голос мой, когда я задавал им вопросы, звучал чуждо, пусто, словно не я сам, а кто-то за меня это говорил. Тех, кто понял зачем я спрашиваю, отказался отвечать, попытался сбежать или напасть, я убил сразу, остальных, как только убедился, что они мне не врут. Обещать я им ничего не обещал и отпускать никого из них, естественно, не собирался.

Когда я закончил, то от усталости и напряжения едва держался на ногах. Заклинания у меня ещё получались, но руки уже заметно подрагивали. Искушение сжечь и сам лагерь было сильным, но я этого делать не стал. О телах в лесу за пару дней позаботились бы и падальщики, а вот след сильной магии вполне мог меня выдать, привлечь ненужное внимание Светлых к этому месту.

Я знал, что всё сделал правильно, но на душе у меня всё равно было тяжело. Учитель вновь оказался прав: с не-магами сражаться сложнее. Если бы они могли хоть что-то сделать, попробовать защититься, возможно было бы проще. Если бы у них был против меня хоть какой-то шанс. Но шанса у них не было.

К своему лагерю я шёл медленно, словно в каком-то трансе. Это состояние нереальности охватило меня ещё в тот миг, когда я перед уходом считал тела. В ушах у меня раз за разом

звучал предсмертный свистящий хрип рыжего разбойника, того самого, который пытался тогда спасти меня и Злату, но не смог, а перед глазами стояло его опаленное, красное, лицо.

Драться с Рыжим было тяжело, он точно был бывшим стражником, как бы не рыцарем Светлых, знал наперечёт все мои сильные и слабые места. В лагерь он вернулся, когда я уже заканчивал, начал подходить, укрываясь за деревьями, палатками и прочим, в руку по пути умудрился ухватить какой-то старый, ржавый, но кованый, с клёпками, щит. Сперва, в горячке боя, я как-то не обращал внимания на его действия, но затем, когда Рыжий подобрался ко мне уже почти вплотную, занервничал всерьёз.

По лицу моего противника было видно, что он знает, что делает. Движения его были чёткими и быстрыми, без паники, отчаяния или суеты. Интуиция мне подсказывала, что у Рыжего есть против меня какой-то козырь, что он знает, может знать, что-то из того, что не знаю я. Все мои заклинания уходили в пустоту и другие разбойники, видя это, тоже чуть ободрились, увидели в этом свой последний, слабый, шанс.

С каждой очередной, из пяти-шести последних, перебежкой Рыжего, я едва сдерживался, чтобы не применить против него площадное заклинание, вроде «стены огня» или «огненной звезды», хоть и знал их ещё по большей части лишь в теории. Умом я понимал, что если не случится ничего сверхъестественного, то мой щит ему не пробить, но хо-

лодная решимость и уверенность этого человека меня пугали. «Зачем он подходит?! Зачем?! Зачем?! Зачем?!», – вот всё, о чём я мог в тот миг думать.

В конце концов страх взял верх над логикой: я пошёл на крайние меры, применил заклинание, о котором позже пожалел. «Площадным», в полном понимании этого слова, оно не было, но и обычным я бы его уже не назвал.

«Искра», которую я создал, была раздутой, огромной, в полтора или два человеческих роста, но намного менее горячей, в разы слабее остальных. Двигалось заклинание тоже медленно, толкать его заклинанием «ветерка» было довольно тяжело: пламя колебалось, в любой миг могло прорваться и погаснуть.

Огонь охватил последнюю палатку за которой прятался Рыжий и его самого. От истощенного, отчаянного, воющего, крика этого человека, я вздрогнул, а остальные разбойники замерли. Именно после этого они побросали оружие и сдались. Любой маг отразил бы эту атаку без проблем: просто прорвал бы каким-нибудь другим, моё заклинание. Любой маг, но не обычный человек.

Рыжий обварился полностью: большая часть его одежды сгорела, кожа облезла, расплавилась, а в некоторых местах даже и почернела до углей. Он умер от боли, я видел это, почему-то из всех разбойников именно ему, тому, с кем я вообще не хотел сражаться, досталась самая страшная смерть.

«Они убивают всех», – шептал он, пытаюсь крикнуть и

глядя на ночное, тёмное, небо ослепшими, выжженными, глазами, пока наконец не замолчал и не затих. Я стоял над ним молча, не мог заставить себя поднять руку и оборвать его жизнь. В тот миг я впервые понял, почему люди нас боятся и ненавидят.

Рот Рыжего остался приоткрыт, а зубы были уже чуть подгнившими, как и у остальных разбойников, не знаю почему это мне запомнилось. Жизнь не равна жизни, вот и вся правда.

За следующий месяц я постарался уйти как можно дальше от своего бывшего лагеря и вообще того леса. Магией я пользоваться боялся: внутри меня всё ещё жила та странная сила, которая появилась тогда, она никуда не уходила и наоборот с каждым днём лишь, кажется, росла и росла.

Чувствовал я себя намного лучше, чем вообще-то должен был: учитель говорил, что первые три человека, которых он убил, снились ему потом, не раз пытались поквитаться с ним и укоряли его в кошмарах. Мне же не снилось ничего, хоть я и довольно часто крутил в уме ту ситуацию. Раскаяние не приходило. Я чувствовал, что был тогда прав.

Заклинание «отнятия памяти» я знал лишь в теории, но мог бы, вполне мог, попробовать стереть свои воспоминания о том случае или хотя бы на время заморозить, блокировать, их. Мог бы, но не стал. Опыт, даже самый болезненный и неприятный, всё же лучше, чем ничего. На будущее я хотел

знать, быть уверенным, что в критической ситуации рука у меня не дрогнет.

Что мне нельзя останавливаться, я знал и что нельзя применять магию, тоже, но было всё же одно заклинание, не попытаться сделать которое, я просто не мог, на которое мне в это время так или иначе пришлось отвлечься. Любая магия действует лишь на определённом расстоянии, и я боялся, что если отойду от деревни Златы ещё дальше, то потом уже не дотянусь. Когда же я смогу сюда вернуться и вернусь ли вообще когда-нибудь, я не знал.

Нашёл я это заклинание на самом деле почти случайно, в очередной раз бегло пролистывая записи учителя в своей книге и не особо надеясь на успех. «Ритуал снятия бесплодия», – гласило его чёткое и ёмкое, без лишних витиеватостей, название. Уровень заклинания был помечен, как «близкий к сложному».

Свои текущие способности я оценивал трезво, поэтому решил не мудрить и сразу начать со звезды, все необходимые для этого ингредиенты обнаружили у меня в сумках, хоть некоторые из них и были уникальными, в единственном экземпляре.

Магия эта для меня оказалась не просто сложной, а едва ли не самой сложной из того, что я делал вообще, скорее всего потому что она была и близко не стихийной. Звёзды, отличные от огненных, я за это время нормально рисовать так и не научился, поэтому провозился долго, день или два,

не раз стирал всё полностью и начинал заново.

По словам, символам заклинания и прочему, было ясно, что стопроцентный результат оно не даёт, лишь какой-то шанс, небольшое увеличение вероятности успешного зачатия, течения беременности и родов. Мы, маги, тоже не всемогущи – вот чего людям никогда нельзя объяснить. Невозможно сделать изначально полностью бесплодное плодородным. Изменить рисунок судьбы человека настолько, может разве что какой-нибудь тёмный ритуал. Другой вопрос, кстати, будет ли потом доволен сам человек его «результатом».

Звезда у меня вспыхнула по всем правилам, да и остальное, кажется, тоже прошло хорошо: я старался не спешить, не нервничать и читать все слова и символы заклинания громко, внятно, чётко и точно. Когда я закончил, то на душе у меня было светло. Стирая звезду и сортируя оставшиеся, многообразные, ингредиенты по сумкам, я, на всякий случай, ещё попросил родителей, чтобы и они тут помогли, чтобы Злата наконец смогла родить здорового ребёнка. В том, что она сможет сделать его счастливым и станет отличной матерью, я не сомневался.

К концу месяца я наконец-то почувствовал себя в относительной безопасности. Погони за мной судя по всему не было, а значит в этот раз всё возможно и обошлось. Я разбил лагерь на берегу небольшой речки и поставил защитные заклинания. Разобраться, что это за странная сила поселилась и живёт внутри меня, мне нужно было в любом случае,

дальше так уже продолжаться не могло.

Изучал я своё состояние долго: около недели или даже больше, с утра до ночи, прерываясь лишь на еду, сон, сбор веток для костра и, изредка, рыбалку и готовку. Магической, да и, кажется, обычной, «жизненной», энергии у меня было хоть отбавляй, не мало, а напротив, даже слишком, чересчур, много: те вещи и заклинания, от которых я раньше уставал, теперь казались мне слишком «детскими» и лёгкими.

Магией я пока пользовался лишь для оценки собственного состояния, тренировки себе запрещал, как бы сильно мне этого ни хотелось, даже костёр развёл «искрой» лишь однажды, в самую первую ночь, а затем уже лишь просто поддерживал, не давал ему полностью прогореть.

Один, основной, «эксперимент» над своим телом, я повторял изо дня в день, уделял ему больше всего времени, хоть он и казался, да и был в общем-то, довольно скучным.

Я садился, или даже вовсе ложился, в удобную позу возле костра, закрывал глаза, старался ни о чём не думать и просто прислушиваться к себе, внимательно «рассматривать» все свои ощущения, отделять старые, собственные, от новых, приобретённых. Все свои наблюдения после этого я естественно максимально подробно записывал.

У любого заклинания, особенно долговременного, сильного, а уж тем более наложенного на живое существо, обязательно существуют «симптомы». Как говорил на эту тему мой учитель: «абсолютно незаметной магии нет и не мо-

жет быть». Мои «симптомы», изменения, которые со мной произошли, были скорее положительными, поэтому заклинание-виновника я искал прежде всего среди «усилений», а не «проклятий», и чувства, кстати, которые я при этом испытывал, были очень и очень двойственными. С одной стороны я понимал, что любая неизвестность, странность, с нашей жизнью, может таить в себе зло, с другой мне жутко не хотелось теперь всего этого лишаться. Моей мечтой в это время стало получить «успокаивающую правду», подтверждение того, что и сейчас и дальше всё будет хорошо.

«Внешние» изменения, изменения тела, меня заботили мало, на самом деле больше всего я боялся потерять не их. Не знаю, как это объяснить, но эта новая «сила» стала моим другом, единственным за долгое время, тем, кто не предаст и не уйдёт, на кого действительно можно положиться, она избавляла меня от одиночества: внутри себя, в своём сердце, я теперь постоянно ощущал тепло.

Продвижение в исследованиях сильно замедляло то, что «объективный» симптом, как его обязательно назвал бы учитель, у меня был лишь один: внезапно повисившаяся устойчивость моего тела к холоду, все остальные были совершенно недоказуемыми, даже ощущение расхода энергии, её полноты и потери на заклинания, было вещью сугубо личной, у каждого мага разной и зависело, в частности, от настроения, здоровья или болезней тела и других подобных мелочей. Учитель говорил мне как-то, что для того чтобы реально

прикидывать запас своих сил, маг должен раз или два практически полностью истощиться, сжечь всю свою энергию до нуля.

Странная всё же вещь человеческий разум: лучше всего он работает не когда его это делать заставляешь, а когда меньше всего от него этого ждёшь. Ответ на всё пришёл ко мне неожиданно, «озарением», вспышкой, и в абсолютно, казалось бы, неподходящее время, в тот миг, когда я готовил и случайно, по рассеянности, ухватил голой рукой уже раскалённый котелок, как-то не ожидал, что он может так быстро настолько нагреться.

Охватившая ладонь боль, а после того, как я бросился к реке и опустил руку в воду, и блаженная, успокаивающая, прохлада, напомнили мне о многом. Я наконец словно «проснулся», осознал и переосмыслил всё, что со мной происходило и произошло. Руку я кое-как, наспех, перебинтовал и до конца дня изучал-обновлял в памяти всё связанное со Словами Силы: какими они бывают, чем отличаются, какие возможности дают, в чём, напротив, ограничивают своего владельца и прочее.

С чем было связано моё столь позднее пробуждение Слова Силы, я не знал: о стихийных Словах, их «поведении» и особенностях было вообще мало что известно, в основном лишь, кажется, досужие домыслы авторов-магов, а не реальные факты. Самому мне навскидку на ум тоже пришло немало вариантов, но лишь два из них казались более-менее прав-

доподобными. В первом случае, который я принял за основной, я сам каким-то образом всё это время подавлял в себе собственное Слово Силы или не понимал, как им пользоваться, что в общем-то сути не меняло. На правду это было похоже потому что после тех событий с огненной собакой, ожогами и прочим, я стал всё же немного опасаться пламени, не мог заставить себя относиться к нему так, как раньше. Во втором, чуть менее вероятном, случае, виновником задержки оказался мой слишком малый на то время для подобной силы возраст: вместить такое количество энергии и перестроиться сразу моё тело просто-напросто не смогло.

Жизнь – непредсказуемая штука. Человек никогда не знает заранее, что в конце концов окажется для него добром, а что злом. Учитель, да и отец до этого, как-то говорили мне, что некоторые возможности и способности открываются лишь в определённой, чаще всего критической, ситуации. В том, что Слово проснулось неслучайно и лишь затем, чтобы меня защитить, я был почти уверен.

Теперь, после появившейся возможности сравнить собственное состояние «до» и «после», я полностью убедился в справедливости фразы: «маг без Слова Силы – не маг». Одно его наличие уже усиливало все заклинания владельца, любой, даже противоположной, стихии и не-стихийные, они как бы действительно «умножались» на него, в этом мои ощущения во время боя с разбойниками меня не обманули. Общий запас энергии Слово тоже увеличивало в разы и де-

лать многие заклинания, в основном из высших, не используя его, на личной энергии, было нельзя вообще, предупреждения учителя об этом в моей книге выглядели недвусмысленно.

Минусы у Слова Силы тоже были: о магии стихии Воды мне теперь можно было сразу забыть. Обычное для водного мага заклинание, вроде того же «дождя», вполне могло убить меня или, по крайней мере, лишить разом всех сил. Вообще эта информация была, конечно, расплывчатой и неточной, но проверять так ли это будет на деле я не хотел.

Ночью от любопытства мне не спалось. Я ворочался с боку на бок на одеяле, а то и открывал глаза, присаживался и смотрел на огонь костра и на подмигивающие мне с неба звёзды. Что у меня стало во много раз больше энергии я уже понял, но..., мне не давал покоя вопрос: во сколько это «во много»? Теперь, когда всё стало ясно, мне не терпелось узнать предел своих сил и уснул я лишь когда твёрдо пообещал себе наутро обязательно это сделать.

Проснулся я, как ни странно, очень поздно. На реке уже всю светило солнце, а мой костёр всё же успел полностью прогореть. Я поднялся, умылся, наспех позавтракал и пошёл практиковаться. От места своей стоянки я на всякий случай отошёл довольно далеко.

Для начала я сделал несколько простеньких, «разминочных», заклинаний, вроде того же «бриза». Заклинания стихий Воздуха и Земли действительно стали отнимать у меня

намного больше сил, пока всё шло именно так, как и должно было.

Проверить стихию Огня я решил на всё той же «искре». Примерно полгода назад я узнал, что при определённых условиях силу в ней можно копить.

Ошибки, которые я специально добавил в заклинание, мог совершить лишь разве что полнейший дилетант в магии: читал я его плавно и напевно, как заклинание Воды, а не Огня и не словами, а посимвольно, знаки пальцами тоже делал неточно, в общем большая часть энергии просто рассеивалась, как я изначально и планировал.

Идея с накоплением силы в заклинании сработала, и в кисть моей правой руки сперва пошёл, а затем вдруг хлынул, мощный поток энергии, он был таким сильным, что ощущался даже физически и заставлял мои пальцы дрожать. Я испугался немного, но всё же решил подождать. Прошло некоторое время. Кисть моей руки стала словно какой-то «тяжёлой», «увесистой», а сила в неё всё текла и текла.

Я торопливо развернулся к ближайшей скале. Вообще я думал выпустить «искру» намного позже, когда почувствую усталость и вдоль берега, чтобы оценить расстояние, которое она сможет пролететь, но теперь уже боялся. Маг должен думать о последствиях своих действий, отвечать за них. Это заклинание было слишком мощным. Это была уже даже не «искра» вообще.

Я досказал заклинание и выпустил его на свободу. Раздал-

ся громкий хлопок и сила из моей руки вдруг ушла. С моих пальцев сорвался огненный шар размером едва ли не с меня самого и ударил в камень. Я успел лишь отвернуться и закрыть глаза.

В спину мне дохнуло жаром. Воздух был настолько горячим, что почти обжигал. Я быстро, не раздумывая, ударил через плечо заклинанием «ветра» и одновременно поднял за собой защитный пласт земли, а затем отскочил и отбежал подальше. В который уже раз инстинкты, вбитые в моё тело сперва учителем, а затем тренировками, меня спасли.

В скале-цели зияла дыра. Камень оплавился и тёк к реке бурлящими, раскалёнными потоками лавы, в небо от него с оглушительным шипением валил густой, молочный дым и пар. Вглубь моё заклинание пробилось шагов на десять-пятнадцать, как бы не больше. На какой-то миг меня вдруг охватило чувство, будто я нахожусь в огромной кузнице, такими были запах вокруг и прочее.

Потоки лавы смели мою земляную преграду и хлынули в реку. Шипение, которое при этом раздалось, было действительно жутким. «Не предел», – подумал я вдруг почему-то. По спине у меня скользнул холодок. Усталости я не чувствовал, только раскаяние и запоздалый страх. Не заметить заклинание такой силы Светлые просто не могли. Интуиция мне подсказывала, что теперь меня начнут искать уже совершенно другие люди. Я заставил себя отвести взгляд и со всех ног побежал собираться. Мне нужно было как можно скорее

отсюда бежать.

В следующие три года я окончательно привык к жизни мага. Мне уже исполнилось шестнадцать и в деревнях ко мне относились всё дружелюбнее. По крайней мере, таких подозрений, как раньше, я уже точно не вызывал.

На лице у меня наконец-то появились волосы, я подрос и окреп. Если у меня спрашивали возраст, то я говорил, что мне восемнадцать. Люди, конечно, улыбались, но некоторые из них всё же верили мне, большинство остальных просто делали вид, что верят.

Деньги учителя понемногу стали заканчиваться, и мне пришлось зарабатывать самому. Это, кстати, оказалось намного проще, чем я думал. Иногда в деревнях попадались люди, которым не нужно было ничего объяснять. Они узнавали во мне Свободного почти сразу. У таких людей можно было взять заказ или даже на время остановиться. О необходимых мерах предосторожности в этом случае учитель мне тоже в своё время говорил.

Кроме того, в любой деревне можно было найти так называемого «знающего». Это был человек, работой которого было знать как можно больше обо всех и обо всём. За определённую плату такие люди с радостью делились информацией. У них можно было узнать например кто из торговцев может сдать Свободного, а кто нет. Они же могли подсказать местонахождение редких магических книг, ингредиентов и

вещей. Алхимия это конечно лишь довесок к магии, но и она иной раз даёт неплохие ответы. В ней можно найти многое о балансе стихий, совместимости элементов и прочем. В последнее время я всё чаще заглядывал в свою небольшую книжку по ней.

Пока мне везло, и со Светлыми я ещё не сталкивался. После того случая с заклинанием-проверкой я постоянно контролировал себя. Применить слишком сильную магию было всё равно, что крикнуть: «я здесь»: в том, что некоторые из поисковых заклинаний Светлых уже перенастроены с абстрактно-безличных на направленные, я был почти уверен, их чувствительность при этом, естественно, увеличилась в десятки, если не сотни, раз.

Заклинание, которое сделано с помощью вещи, намного сложнее отследить. Это, пожалуй, и была основная причина по которой я решил сделать себе посох. От идеи просто купить готовый я отказался сразу. Вещь, у которой уже был хозяин, мне была не нужна. Некоторые вещи Светлые помечали и сами запускали в продажу. В случае же посоха такую магическую метку будет практически невозможно распознать.

Около полугода я копил необходимые вещи и знания на свою задумку. Стихией посоха я естественно сразу выбрал Огонь, а материалом, из которого он будет, дерево. С железным или тем более каменным посохом я себя плохо представлял. Хотя некоторые маги действительно такими пользуются.

Возле рудников я купил несколько довольно крупных неогранённых рубинов и большой кусок янтаря: драгоценные камни, из которых обычные люди делают «украшения», на самом деле очень хорошо впитывают и усиливают магическую энергию, каждый вид, естественно, лишь определённую, «свою».

Посох я изначально планировал сделать по-возможности лёгким и разборным, из двух отдельных колен и навершия. Наверное тут не в последнюю очередь повлияло моё прошлое рыбака. Я знал, как удобно носить с собой именно такую удочку.

Подготовительные работы заняли у меня ещё примерно месяца два. За это время я сделал заготовку на древко, огранил и вставил в неё рубины. Навершием посоха мне нужно было сделать что-то символичное для его стихии. Как например у водного посоха учителя это была снежинка-звезда. Я очень долго ломал голову, пока наконец ответ не пришёл ко мне сам собой. Единственным, что тут подходило было самое обычное солнце. Его я и сделал из янтаря в качестве навершия посоха.

Затем ещё пару недель мне пришлось убирать мелкие недостатки и шероховатости. Я хотел, чтобы этот посох получился, если и не идеальным, то хотя бы почти таким. После ритуала зарядки вещь уже нельзя исправить, поэтому я старался предусмотреть сразу и всё.

Сам ритуал прошёл успешно, хоть и вытянул из меня уй-

му сил. За последние три года я в первый раз действительно устал от магии. Я вливал в посох энергию, а он её всё пил и пил. В какой-то миг мне даже показалось, что я так и не смогу его заполнить. Когда я закончил, то тут же вырубился, а в следующие два дня только и делал, что отсыпался и ел. От усталости меня даже слегка качало.

Последний этап был необязательным, но я всё же решил сделать и его. Для любой магической вещи можно выбрать имя. В общем-то это мало чем отличается от выбора Слова Силы мага. За исключением пожалуй того, что имя вещи может быть абсолютно любым. Слова имени вещи – это как бы её ограничители. Они сужают круг её возможных применений, но делают каждое из тех, которые останутся, сильней. Свой посох я назвал «Огонь справедливости», пусть это даже и звучало слегка напыщенно. С таким именем, как я надеялся, он будет мешать мне преступить свои же правила или недостойно себя повести.

Незаметно пролетели ещё два года. Мне исполнилось восемнадцать, и магом я был вот уже шесть лет. Делать заклинания с посохом действительно оказалось гораздо проще. По крайней мере, мне теперь не приходилось считать сколько силы в них можно вложить.

Заказы в деревнях мне стали предлагать гораздо чаще, причём их виды тоже изменились. Несколько раз меня даже напрямую просили убить кого-нибудь или наоборот укреп-

ко приворожить. Мне естественно приходилось отказываться, а пару раз даже просто сбегать. Я опасался, что обиженный горе-заказчик может в отместку сдать меня Светлым.

Чуть позже я научился выходить из таких ситуаций по одному стандартному пути. Заклинания «отнятия памяти» и «хорошего настроения» неплохо мне в этом помогли. Человек забывал всё о своём намерении и уходил от меня довольным. Деньги я, правда, с таких не брал, чувствовал, что это как-то слегка нечестно.

Иногда в пути мне попадались книги по магии. Я не скупился и старался покупать все, которых у меня ещё нет. Книгу же, которую мне оставил учитель, я уже к этому времени практически полностью изучил.

Мои эксперименты в лечебной магии сильно замедляло то, что я не любил ставить опыты на животных. Растения, которые я использовал, чаще давали зацепку, а не конкретный настоящий результат. Они всё же слишком сильно отличались от человека. Позже я стал представляться странствующим знахарем и находить больных животных. Лечить уже раненое животное я ещё мог, даже если в случае моей неудачи оно умирало. Я конечно понимал, что магия это практика, но ничего с собой поделаться не мог. Наверное просто медицина меня не настолько интересовала. На самом деле я даже и в пище-то стал придерживаться принципов салатоедения. Излишек мяса в рационе вызывает проблемы в работе тела, для меня это доказанный факт, как факт и то, что больное

тело делает человека плохим и слабым.

В своих исследованиях я часто опирался на природу, наблюдал за ней, старался понять смысл. Для мага это было, конечно, слегка странно потому что между магией и жизнью есть чёткая грань. По-настоящему сложная и красивая магия всегда недолговечна. Любое, даже самое совершенное, заклинание нельзя закрепить навсегда. Конечно попадались и другие маги, которые изучали подобное, но их мотивы отличались от моих. Интуиция мне подсказывала, что так не выйдет. Нельзя создать жизнь зачем-то, можно лишь ради неё самой. Наш мир – это глупость. Я не могу этого доказать, но мне кажется, что он тоже был сотворён как-то так. Ради ничего, просто для того чтобы посмотреть, что получится.

Не знаю зачем остальные учатся магии, но я просто её любил. Мне нравилось наблюдать за язычками пламени, нравилось ими управлять. Моей конечной целью всегда была сама магия и наверное её красота. Власть, богатство, известность – это всё без сомнения неплохо, но лишь ради магии, а не за счёт неё.

Свой последний лагерь я разбил в лесу неподалёку от небольшой деревеньки. В последние дни я провёл несколько довольно сложных магических экспериментов и теперь просто отдыхал. Мне не хотелось, чтобы окончательный, самый сложный, эксперимент сорвался из-за моей усталости.

Лес оказался довольно гостеприимным, и тут повсюду было очень много ягод. Я проверил защитные заклинания и

пошёл на полянку неподалёку. Сквозь кроны деревьев ярко светило солнце, а сами они слегка покачивались и шумели. Вокруг перекликались птицы и сновали мелкие зверьки.

Я дошёл до полянки, но вдруг понял, что на ней уже кто-то есть. Мальчишка низенький, рыжий, лет двенадцати стоял и настороженно осматривал верхушки деревьев, на его лице было какое-то злорадство и восторг.

Спустя миг он вдруг достал рогатку, камень из кармана, и медленно её натянул, целился он при этом прямо по гнезду какой-то небольшой серой птички. Она поглядывала на него встревоженно и пыталась успокоить своих птенцов. Они судя по всему лишь недавно вылупились, были ещё совсем голые, смотрели из гнезда в разные стороны, искали опасность и жалобно пищали.

Я в последний миг успел набросить на гнездо заклинание «зеркала физических повреждений». Предмет это был мелкий, поэтому заклинание вышло легко, хоть и отняло у меня довольно много силы. Камень отразился и ударил мальчишку по руке, тот вскрикнул, выронил рогатку и расплакался.

– Сама природа мстит тебе, разве не видишь? – я подошёл ближе, поднял рогатку мальчишки и сломал. – Ты считаешь себя сильным, раз можешь убивать? А ты знаешь, что сохранять жизни в разы сложнее? Сильный человек строит домики для птиц, кормит их..., а убийца – это всего лишь убийца.

Если бы этот мальчишка охотился, добывал еду, я бы его не тронул, но он убивал просто так, ради забавы. Я не пред-

ставлял, каким взрослым он может стать.

Мальчишка зло вытер слёзы, отбежал от меня и остановился.

– Ты дурак и всякую чушь мелешь! Я другую рогатку сделаю! Больше этой!

Он показал мне язык и приготовился убежать.

Я вздохнул и набросил на него заклинание «сети».

– Ты не понимаешь. – я создал в каждой руке по шарик у огня и подошёл к мальчишке вплотную. – Если ты тронешь ещё хоть одно живое существо, я приду за тобой. И ни мамочка, ни папочка, ни старший брат, никто тебя не защитит. Я буду сжигать тебя медленно. Поверь, я знаю заклинания продления жизни. Ты не будешь умирать месяцы и всё это время будешь чувствовать боль.

Я вбросил больше силы в заклинание, чтобы запугать его уже окончательно. Шары огня полыхнули бардовым пламенем и заискрились. Путь в деревню этого малолетнего живоде́ра мне теперь был заказан навсегда.

Мальчишка весь дрожал и смотрел на меня глазами полными ужаса. Кажется, он наконец-то понял, кого додумался оскорбить. Он явно пытался что-то сказать, но ему мешало моё заклинание. Я немного помедлил, словно раздумываю, затем медленно убрал огонь с рук.

– Я всегда буду следить за тобой начиная с этого дня. Пока ты побудешь в лесу немного, потом сможешь уйти, когда воон та птичка решит, что с тебя достаточно.

Я указал на самого мелкого птенца в гнезде, в которое он выстрелил.

Кроны вдруг перестали так сильно шуметь. Лес притих, словно наблюдал за нами.

Я закрепил заклинание «сети» и набросил на мальчишку заклинание «отвода глаз». Теперь в ближайший день у него появилось время подумать о жизни в лесу, в том числе ночью. Ни животные, ни люди его видеть не будут, поэтому его никто не съест, но и не спасёт.

На душе у меня было как-то мерзко и словно пусто. Слабость и злость в детях я не любил больше всего. Наверное потому что это противоречит самой природе. Насколько слабыми и безвольными должны были быть его родители, чтобы такое воспитать.

Я подумал и осторожно снял заклинание «сети» с его рта. Для того, чтобы оставить мальчишке возможность раскаяться мне нужно было, чтобы он мог говорить. Я изменил заклинания и добавил ещё одним условием их отмены слово «прости» в любой вариации произнесённое им более пятидесяти раз. При этом любое проклятие от него сразу сбрасывало на ноль этот счётчик. Теперь всё действительно было честно. Предупреждать его обо всём этом я естественно не стал. Иначе это сразу бы превратилось в самый обычный откуп. Такие дети очень быстро этому учатся: они делают гадости и извиняются, а потом снова делают то же.

На ягоды у меня времени не осталось. Я вернулся к ме-

сту своей стоянки и стал собирать вещи. Вообще Светлые вряд ли бы поверили ребёнку, но всё же рисковать я не хотел. За ближайшие пол дня я планировал дойти до реки, сделать небольшой плот и уплыть отсюда подальше. На своей карте эту деревню я на всякий случай пометил большим жирным крестом.

Ещё два года, до двадцати лет, я жил всё той же странной жизнью. Каждый день я изучал магию, ставил опыты и изменял заклинания под себя. Я следовал совету учителя и старался быть постоянно в пути. С двенадцати лет я уже несколько раз пересёк нашу страну от края до края.

Выглядел я по-прежнему лет на шестнадцать, да и не чувствовал себя взрослее. Люди, с которыми я сталкивался, удивляли меня. В моём возрасте большинство уже женились, заводили детей, учились и работали по указке родителей. Меня же в последнее время стал всё больше заботить один вопрос. Чем я отличаюсь от других, зачем живу, в чём главный смысл именно моей жизни? Моей целью уже были мои исследования и книги, но должно было быть и что-то ещё. Мы знаем многое: элементы, планеты, знаки, но не знаем кто это всё придумал и зачем. Этого не знаем даже мы, маги, даже те из нас, кто потратил на поиск этого ответа всю жизнь.

Учитель не раз мне говорил, что если сомневаешься в чём-то, достаточно это просто сравнить, поэтому в конце концов я решил сравнить смысл своей жизни со смыслами

жизни других людей. Я начал задавать вопросы, но ответы лишь поразили меня и запутали ещё сильнее. Когда я спрашивал про мечту, люди терялись. Они смотрели на меня, как на безумца, глупо отшучивались и отводили глаза. Причём так делали и старые и молодые. Я понял, что о подобном они просто никогда не задумывались. Иногда молодые на полном серьёзе говорили, что мечтают поскорее состариться. Они не хотели работать, копили деньги, чтобы просто пожить «для себя». Это ужасно, но их мечтой судя по всему была смерть. Если конечно называть вещи своими именами. Фраза «Я хочу поскорее состариться» на самом означает «Я хочу умереть, но у меня не хватит духу убить самого себя, поэтому я просто пережду эту жизнь». Некоторые старики же в свою очередь говорили, что им мечтать уже поздно. Они тоже отказывались от жизни и покорно ждали смерть.

Жизнь всех этих людей не была плохой или трудной. Они просто не хотели думать, ставить цели, выкладываться, рисковать. Всё это казалось им каким-то слишком сложным и глупым. Человека с мечтой за это время я встретил лишь один раз.

Я пришёл в эту семью под видом знахаря, врачующего животных, а меня попросили взглянуть и на неё. Худенькая девочка лет пятнадцати, калека с рождения. Она не могла ни видеть, ни ходить. Моя магия в их случае была бессильна, и я посоветовал им обратиться к Светлым. Когда же я спросил этого ребёнка про мечту, то понял свою. Девочка ответила

мне просто, но её слова я почему-то запомнил. Она сказала: «я хочу научиться рисовать».

Из этой деревни я ушёл в тот же вечер. На самом деле я просто не мог больше находиться рядом с людьми. Это было странно, но я почему-то вдруг испугался стать как все, обычным. После этого я установил себе одно правило: осознанно избегать людей. Не общаться с ними, если в этом нет реальной необходимости. Стараться брать то, что нужно у природы, а не у них. Разговор с этой девочкой изменил во мне что-то. Я понял, что главный смысл моей жизни – это заклинание, которое сможет дать всем мечты. Я решил больше не тратить время и окончательно перестал практиковаться в лечебной магии. Мелкие раны и порезы я лечил уже довольно неплохо, а большего мне и не требовалось.

Ещё одно моё правило коснулось животных. Их я решил не заводить никогда. Любое живое существо требует заботы, внимания, времени..., всего того, что маг изначально не может им дать. С моей жизнью никогда не знаешь где окажешься. В этом случае лучше отвечать лишь за себя. Кроме того, каждая лишняя деталь, которую нельзя изменить, может выдать меня Светлым, как и каждое заклинание «изменения облика» или «отвода глаз» от той же, скажем, собаки.

Свой последний лагерь я вновь разбил в лесу, но в этот раз постарался забраться в самую чащу. Людей поблизости не было на пару недель пути. Мало кто знает, но настоящая сила кроется именно в такой тишине. В спокойствии. В без-

различии, которое не замечает препятствий. Этот лес принял меня так, как принял бы любого другого. От огромных вековых деревьев веяло уверенностью и умением ждать.

Несколько дней я просто размышлял и планировал. Понять, что я хочу дать людям мечты оказалось гораздо проще, чем придумать, как это сделать. Ни одно заклинание тут не подходило, потому что даже сама жизнь не могла их растормошить. В конце концов я махнул на всё рукой и просто решил пробовать. Раз жизнь не может заставить людей мечтать, мне нужно было просто её превзойти. Мастерство не может быть познано лишь с помощью книг и чужих мыслей. Я должен был смешать жизнь и магию, открыть свой собственный путь.

На эксперименты у меня ушёл месяц. Каждый день я пробовал создать что-то новое, а затем закрепить. Силы это отнимало просто какое-то безумное количество. Мне очень сильно мешало то, что меня по-настоящему слушался лишь Огонь.

В первые четверть часа закрепление отнимало немного сил, но затем начинало тянуть их всё больше. У меня получилось вывести даже примерную формулу их расхода. Когда я нарисовал по ней линию, то она напомнила мне какую-то бесконечную лестницу. Вначале она шла примерно ровно, затем поднималась всё выше и выше. Интуиция мне подсказывала, что оживление находится где-то там, на самом верху. Я не мог этого доказать, но чувствовал, что конец этой

лестницы существует. У меня просто не хватало сил до него дойти. Всё упиралось лишь в мою слабость.

За годы жизни магом я понял одну очень важную вещь. Человек и его магия крепко связаны. Изменяешься ты, изменяется и она. Причём как в хорошую, так и в плохую сторону. Не знаю, как остальные маги, но я всегда представлял свою силу в виде какого-то внутреннего огня. Чем ярче он горел, тем сильнее у меня выходили заклинания, и тем меньше я от них уставал. Мне всегда интересно было узнать, есть ли у этого какой-то предел.

После очередной неудачной попытки я решил зайти с другой стороны. Чтобы создать жизнь, я должен был вначале лучше понять, что такое её противоположность. Для этого я решил создать действительно мощное боевое заклинание. Причём я изначально планировал сделать его узконаправленным на смерть. Привычные проявления огня тут не годились, и я стал комбинировать, чтобы найти что-то ещё. Я не мог создавать, но точно мог разрушать. Я верил, что смогу создать заклинание, которое будет в силах отнять жизнь у любого. Оно точно станет смертельным и ни один щит не сможет его остановить. Даже мой собственный.

Я очень долго колебался, но всё же решил, что оно должно обладать псевдожизнью. Такие заклинания считаются вершиной современной магии. Их очень долго и сложно делать, но практически невозможно остановить. В общем случае направленное заклинание отнимает у мага больше сил, имен-

но за счёт своей направленности. Псевдожизнь же – это высший её уровень. В этом случае магу достаточно лишь один раз указать цель. Все промежуточные тактические решения псевдооживлённое существо берёт на себя: когда напасть, когда ударить, по какому месту, когда уклониться, когда даже слегка отступить.

В качестве формы я выбрал тело человека. Более приспособляемой и удобной оболочки я не знал. Основной стихией стал Огонь, но мне пришлось добавить ещё и Землю для каркаса тела. Начать я решил со звезды. Это был наиболее простой и надёжный способ.

Я выбрал полянку неподалёку, выжег на ней круг и начал рисовать. Ни одна из классических звёзд тут не подходила, поэтому я решил сделать свою. Я продолжал добавлять лучи пока у меня не заболели руки. В любом магическом знаке важна точность. Именно поэтому так распространены звёзды, которые легко рисовать. Вот только это был не тот случай. Обычной семи или даже девятилучевой звездой тут было явно не обойтись. Все самые сложные заклинания требуют подготовки и символов на земле. Разница тут примерно такая же, как читать книгу и произносить из неё всё по памяти. В тот миг, когда маг осваивает заклинание в совершенстве, звёзды перестают быть нужны. Они просто превращаются в слова и знаки пальцев рук.

На подготовку всего необходимого у меня ушло три дня. Звезда была закончена, формулы перепроверены, а я как

следует отдохнул.

В лесу наступало утро. Сквозь листья пробивались первые солнечные лучи, кроны деревьев-великанов покачивались и тихо шумели. Я пришёл на полянку и остановился возле своей звезды. Какое-то смутное предчувствие не давало мне покоя. Это заклинание отличалось от всех, которые я делал до сих пор. К магии такие понятия конечно неприменимы, но оно было словно какое-то слишком тёмное, злое.

Я несколько раз глубоко вздохнул, перебрросил посох в левую руку, присел и положил правую на звезду. Отступить было поздно. Мне в любом случае нужно было вот-вот уходить. Это заклинание я планировал сделать в этом лесу последним.

Я громко произнёс активирующие слова и приготовился. По линиям пробежали огоньки. Магические печати разом вспыхнули, и звезда осветилась. Я про себя отметил, что цвет этого свечения мне незнаком. Круг Огня должен был осветиться любым оттенком от жёлтого до красного, но этот был каким-то грязно-серым. Таким его не могла сделать даже примесь стихии Земли.

Земля под моей рукой чуть вздрогнула и из центра звезды начало выбираться какое-то существо. Оно сильно отличалось от той формы, которую я хотел ему придать. Тело его было чёрным и на вид словно каким-то скользким. Руки и ноги были удлинёнными и худыми, как у паука. Пальцы и на тех и на других венчали огромные загнутые когти. Оно сто-

яло на четвереньках и смотрело на меня. Его глазницы были пустыми, чёрными и слегка дымились. В этом создании не было души, но я чувствовал исходящие от него волны ненависти. Если бы оно не было сковано магической формулой, то точно бы набросилось на меня. Я чувствовал его голод и яростное желание убивать. Мне стало слегка не по себе, но я постарался взять себя в руки. Заклинание вышло эффективным, но мне всё ещё нужно было его как-то испытать.

Я выбрал дерево неподалёку и набросил на него все щиты, которые только мог: от физических повреждений, Огня, Земли, Воздуха и даже Воды, с помощью одного довольно мощного магического кольца. Держать их было сложно, и я приказал твари разобраться с деревом, как можно скорей. Мне было интересно сможет ли она справиться с моей защитой.

Существо разинуло пасть, оттолкнулось от земли и прыгнуло. Спустя ещё миг оно уже всадило свои когти в мой щит. Мои потери энергии вдруг выросли в несколько раз. У более слабого мага щит рухнул бы сразу. Я покрепче сжал посох и на всякий случай направил его на тварь. Что-то шло не так. Это заклинание вело себя совсем не так, как задумывалось. Тварь царапала мой щит когтями, словно отрывала что-то и тащила в рот: она не пыталась его пробить, а просто пожирала. Я создал с помощью посоха огненный шарик и бросил твари в спину, она резко обернулась, перехватила его и тоже отправила в рот. За это время её живот очень сильно раздул-

ся. Я залез в карман, достал магическое кольцо и попробовал напасть Водой, затем Воздухом и Землёй. Тварь повторила свои действия в точности. Судя по всему ей было без разницы какую магию поглощать.

Я знал, что маг не должен терять хладнокровия, но не мог успокоиться. Если бы это существо вдруг вырвалось я не смог бы его остановить. Я убрал щиты и позволил твари добраться до дерева. На самом деле мне просто хотелось поскорее закончить этот эксперимент. Тварь вдруг остановилась, упала на спину, разинула пасть и беззвучно закричала. Из её живота показалась такая же как у неё когтистая рука, но меньших размеров. Я понимал, что нужно прекратить эксперимент прямо сейчас, но не мог. Часть меня всё ещё хотела узнать всё об этом заклинании.

Спустя ещё какой-то миг живот твари окончательно разорвался и из него вылез «ребёнок», если это существо, конечно можно было так назвать. Раны на животе взрослого существа затянулись, оно прыгнуло на дерево и начало его есть. Ребёнок двинулся ко мне, посмотрел на меня пустым голодным взглядом и тоже прыгнул в листву. Спустя какое-то время тварей стало четыре, затем восемь, шестнадцать. Некоторые из них даже не подходили к дереву, смотрели на меня и словно ели что-то невидимое. Я вдруг с ужасом понял, что они пожирают мой страх. Это заклинание было действительно совершенным. Ему было плевать сколько будет противников, один или миллиард. Чем больше их будет, тем боль-

ше у него будет пищи и тем само оно станет сильнее. Я наконец переосмыслил, «увидел», эту магию полностью, понял её основу, суть. Не знаю, как так вышло, но моё заклинание брало силы на своё закрепление не у мага, а у жертвы. Чем больше проходило времени, тем сильнее становилась эта тварь, при этом, кажется, всё поглощённое ей не уменьшалось, а лишь увеличивало её голод. Больше половины из нарисованного было лишним. Я уже видел, как сделать это заклинание, используя лишь слова и движения рук. От дерева осталось лишь совсем чуть-чуть и твари вдруг замедлились. Они перестали толкаться и стали есть осторожно, так, чтобы насладиться, подольше не убить. В тот миг я понял, что на живом человеке я эту магию не применю никогда.

Я произнёс несколько слов, слегка изменил заклинание и запретил тварям есть. Больше всего я боялся, того, что может произойти, если они съедят достаточно. Они могли достичь вершины «лестницы» закрепления и ожить, остаться навсегда в нашем мире, при этом я был почти уверен, что их голод так и не пройдёт.

Твари остановились, подошли ближе и молча меня обступили. В их пустых глазах бушевал океан ненависти. Они явно ощущали мой страх, видели, как его много. Я чувствовал, что больше всего на свете они хотят съесть именно меня. Я создал этих существ, я дал им голод. Они были виноваты лишь в том, что отчаянно хотели «жить».

Спустя какое-то время одна из тварей-детей упала на зем-

лю и начала корчиться. Она умирала, а остальные просто смотрели и ждали. Больше всего это походило на какую-то абсолютно безумную казнь.

Я искал возможность быстро отменить заклинание, но не находил. Твари одна за другой падали на землю, катались по ней и безмолвно кричали. «Будь ты проклят», – слышал я в их тяжёлых хриплых вздохах, – «будь ты проклят, человек».

Всё закончилось примерно спустя полчаса. Звезда погасла, а вместе с ней и моё желание изучать смерть. Я уничтожил все следы и записи и решил забыть об этом заклинании навсегда. Люди не должны знать подобного. Заклинание «казнь» не та магия, которую можно применять. Настроение у меня было ужасное. Я сжёг остатки осквернённого дерева и пошёл собираться. В этот лес я больше не собирался возвращаться никогда.

Глава 6. Светлые.

С момента, как я открыл то проклятое заклинание «казнь» прошёл месяц. За это время я успел уйти довольно далеко, зайти в пару деревень, взять и выполнить несколько заказов. После провала с магией оживления в мыслях у меня была неразбериха. Что мне теперь делать я не знал и решил пока просто плыть по течению.

Так продолжалось до тех пор, пока я не подошёл к очередной деревне. Когда я увидел её ворота, был уже поздний вечер, почти ночь. Я специально подгадал время так, чтобы большинство жителей уже спали. Здешний торговец продавал одну очень редкую книгу. Я давно за ней охотился и на этот раз точно не хотел упустить.

С неба довольно ярко светила луна и на нём уже понемногу начинали появляться звёзды. Деревенские ворота естественно были уже закрыты, но, что заставило меня сразу насторожиться, возле них, опираясь на толстую грубую суковатую палку, стоял какой-то старик. Одет он был небогато, но и не бедно, внешностью тоже не выделялся, таких, самых обычных, людей за время своих странствий я встречал, пожалуй, чаще всего.

Я, игнорируя правило учителя «при любой странности уходить», сделал ещё пару шагов. Старик увидел меня, прищелкнул, быстро, украдкой, оглянулся на ворота и тороп-

ливо, по пути знаками показывая мне не шуметь и тоже подходить, заковылял ко мне. Левую ногу он слегка приволакивал, было видно, что она его плохо слушается, и шарканье, которое при этом раздавалось, звучало в тиши ночи странно и жутковато.

Меня охватило недоброе предчувствие. Шанс того, что всё это лишь совпадение был слишком мал. Я сошёл с дороги, сбросил сумки и торопливо, в несколько мгновений, выхватил и собрал посох. В бой я ввязываться с ходу, конечно, не собирался, но и безоружным в этой ситуации оставаться не хотел.

Дед подошёл, остановился неподалёку, на расстоянии трёх-четырёх шагов, и задумчиво, с каким-то сухим, строгим, одобрением на меня посмотрел, словно старый мастер, оценивший чужую работу. Я стоял и молча ждал. В разговоре психологическое преимущество всегда на стороне того, кто не говорит.

– Староват я уже за такими зайцами бегать, как думаешь?

Старик улыбнулся и чуть пригладил бороду. Голос его оказался под стать внешности: сиплым и трескучим. Я лишь кивнул. Поблизости никого не было, следов магии иллюзий тоже. Судя по всему это был действительно самый обычный деревенский дед.

Я слегка расслабился и упёр посох в землю. Старик одобрительно хмыкнул.

– Ты меня не бойся, мальчик. Мы тебе зла не хотим, ско-

рее наоборот даже. – Он оглянулся на деревню. – К торгашу не ходи, «светиться» он недавно начал, засада там на тебя.

Старик вдруг залез за пазуху, достал и развернул какой-то свёрток. Я едва сдержался, чтобы не ударить его заклинанием по руке: магические потоки вокруг сильно всколыхнулись, предмет был магическим и явно не слабым. Старик подумал немного и бросил раскрытый свёрток мне под ноги.

– Книжка, что ты искал. Цена десять тысяч без торга. Будешь брать?

Он ещё раз оглянулся на деревню и устало, но уже с каким-то облегчением, вздохнул. Я поводит над книгой посохом, быстро проверил её на ловушки и заклинания обнаружения, поднял, подсветил себе небольшим, с пламя свечи, огненным шариком и полистал.

Всё было чисто, и книга действительно была именно та, которую я искал. Интересного в ней на самом деле оказалось довольно много. И всё же мне всё это слишком не нравилось. Этот человек знал моё описание, знал кто я и что ищу. Даже если он не врал о засаде, он должен был что-то потребовать за свою услугу. Плюс к этому он почему-то не побоялся прийти сюда один.

– Возьму за двадцать, если о ждущих вы не соврали.

Я наклонился, залез в сумку и достал кошель.

Ради любого другого предмета я не стал бы так рисковать и связываться с первым встречным, но эту вещь я был готов купить даже так. Цена её при этом, кстати, оказалась мно-

го ниже той, на которую я рассчитывал: эту книгу я взял бы и за тридцать тысяч и за пятьдесят. В ней говорилось о существах, которые сами были живой магией, впрочем, я ещё до сих пор не понял, сказки это или нет.

Старик нахмурился и покачал головой.

– Хозяин рассердится, если больше возьму. Прости, мальчик, вижу не хочешь должником остаться, но цена книги десять тысяч. Насчёт Светлячков считай это просто небольшим подарком, как новому покупателю.

Он подошёл и протянул руку. Я поколебался немного, затем достал два крупных самоцвета и положил ему в ладонь. Цена у каждого из них была от пяти до десяти тысяч, в зависимости от того, где и кому продавать. Старик хмыкнул, понимающе улыбнулся, убрал самоцветы в карман и пригладил бороду. Я про себя отметил, что проверять их на фальшивость он не стал.

Мы распрощались, и каждый пошёл своей дорогой: старик вернулся в деревню, я постарался сменить направление и запутать следы. Когда я отошёл примерно на пять дней пути, то успокоился окончательно. Погони за мной не было, а значит тот странный дед и человек, на которого он работал, скорее всего действительно были на моей стороне.

В книгу оказалась вложена небольшая записка. Она была защищена магией, но довольно безграмотно. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять, что тут работал новичок. В тексте говорилось куда я могу обратиться, если мне вдруг потре-

буется что-либо достать или узнать. Адрес был городским и это меня сильно смутило. Этот человек, их «хозяин», проворачивал свои дела прямо под носом у Светлых. Это означало, что он был либо непроходимо глуп, либо наоборот очень умён. Хотя судя по тому, что клиентов он выбирал себе сам, я всё же склонялся к последнему. Происходящее мне не нравилось, но было вполне приемлемо. Эту непонятную карту я решил приберечь до плохих времён.

Я не останавливался и уходил всё дальше. По дороге я старался понять, где ошибся и наследил. Я осторожно зашёл в пару деревень и узнал кое-что интересное у местных знающих. Засада на меня у того торговца действительно была. За несколько дней в ту деревню вдруг неожиданно нагрянул специальный отряд Светлых, при этом, по словам местных, вели они себя довольно расслабленно до самого последнего дня. Светлые не могли знать, куда я направляюсь, но они знали. В какой-то из моих вещей точно было заклинание обнаружения. Скорее всего оно срабатывало через определённое время, поэтому я и не мог его отследить.

Я накупил небольших сундучков и стал закапывать возле каждой встреченной деревни по одной вещи. Вернуть их я надеялся примерно через год, все, кроме запятнанной. Мне достаточно было лишь спросить у каждого местного знающего приезжали ли к ним за это время Светлые или нет. В конце концов из вещей у меня остались лишь карта, посох и книга учителя. Одежду, сумки и одеяла я купил новые, а

старые просто сжёг.

Одновременно я стал узнавать как можно больше о самой организации Светлых. От учителя я уже знал немало, но всё равно был сильно шокирован и поражён. Светлые оказались гораздо могущественнее, чем я себе представлял, да и вообще мог представить. Большая, и при этом самая неприглядная, часть их силы просто не афишировалась.

Это была организация примерно того же типа, что и церковь, но намного сильнее. Во главе её стояла коалиция магов, но в самой организации и военных было хоть отбавляй. Популярность Светлых у обычных людей в сравнении с церковью была легко объяснима. В конце концов людей больше привлекают конкретные чудеса, а не какая-то довольно абстрактная вера. Вызвать дождь во время засухи или напротив развеять тучи, согнать в нужное место рыбу или дичь. Маги Светлых изменяли природу, как пожелают и нисколько не задумывались о последствиях. Мощь применяемых ими заклинаний зависела лишь от количества предложенных им за это монет. Во всех же негативных последствиях Светлые всегда обвиняли нас, Свободных магов.

Простые люди недооценивают тех, кто ими управляет. Они идут туда, куда им указывают, не догадываются об этом, и считают всё собственной волей. Одну и ту же правду можно преподнести миллионом разных способов, её можно перевернуть так, что никто уже будет не способен отличить её от лжи. Такой удобной «правдой» можно легко играть с серд-

цами людей как угодно. В общем итоге вера в безгрешность тех, кто это делает, будет лишь расти.

Довольно часто одно «чудо» приводило к необходимости другого. Развеивание туч приводило к засухе, в которой тут же обвиняли «незаконных мистиков». Чтобы прекратить её нужно было вновь заплатить Светлым и вызвать дождь. Кроме того, люди иногда банально боролись друг с другом, ведь что хорошо для одного, другой вполне может назвать бедой. Они и сами не замечали, как начинали зависеть от помощи Светлых больше, чем до этого зависели от самих природных сил.

Бывали конечно и места-исключения, вроде той деревни где я родился и жил до девяти лет. Она находилась далеко от столицы, и Светлые к нам приезжали очень и очень редко. Наверное они делали это лишь затем, чтобы проверить не растёт ли у нас недовольство. Вообще же этой организацией редко кто был действительно недоволен, даже у нас тогда. Выражать недовольство Светлыми, их действиями или принципами было негласно запрещено. Таких людей старались избегать, их не пускали в лавки, на ярмарки и на базары, в общем в любые места, где было много людей.

Некоторые знающие говорили, что за слишком недовольными тоже ведётся охота, будто бы они иногда просто исчезают, и никто их потом не может найти. Впрочем, лично меня это всё совершенно не касалось. Я не собирался бороться с системой, тем более настолько большой. У меня был свой

путь, и я ему следовал. Это было в любом случае лучше, чем потратить всю жизнь на изначально бесполезную и бессмысленную борьбу.

Кого я действительно не любил, так это магов Светлых, которые мнили себя вершителями судеб. Среди нашего брата такие, конечно, тоже встречались, но их было меньше в разы. Эти люди позорили магию, не гнушались заказами на любовные привороты-отвороты или даже проклятия и убийства, ну и конечно брали за это сполна, а то и начинали запугивать самих своих бывших заказчиков. Отвратителен человек, который упивается чувством власти. Если шантаж, грабёж, единение ложью, он делает абсолютно спокойно, то у него уже нет души.

Я пару раз слышал, что и Свободные пытались основать некое подобие организации. Говорят затея эта закончилась очень быстро и очень плохо для них. Светлые обо всём узнали, нашли их и в одну ночь перебили всех, причём там говорят было именно истребление: никого не выпускали и не брали в плен. Возможно это должно было послужить для остальных своеобразным предупреждением.

Спустя ещё полтора месяца я вновь ненадолго остановился. К этому времени я уже слишком долго не занимался магией и боялся, что потеряю навыки. Чем сложнее заклинания, тем быстрее можно разучиться их применять. Местом я на этот раз выбрал обычную пустошь вдалеке от городов

и деревень. В последние дни я совсем мало спал, старался побольше проходить за день. Погони за мной пока вроде бы не было, но я не хотел рисковать.

В первые два дня всё шло, как обычно. Днём я тренировался, ночью проверял защитные заклинания и ложился спать. На третий день меня вдруг охватило какое-то непонятное беспокойство. В шуршании жухлой травы мне чудились чьи-то шаги и шёпот. Кроме того, меня очень сильно раздражала вся эта обстановка вокруг. И днём и ночью здесь дул холодный ветер, а дров для костра поблизости было не найти. Я каким-то чудом продержался до вечера и лёг спать. Наутро я собирался уйти с этого места.

Едва я задремал, как вновь услышал неподалёку чьи-то голоса. Ветер сегодня, казалось, был ещё сильнее и злее. Я раздражённо натянул одеяло на голову. Подниматься и в сотый раз проверять ловушки мне не хотелось. Я крепко уснул и проснулся лишь, когда чей-то голос раздался в нескольких шагах от меня. Теперь я точно был уверен, что не ошибся.

Я осторожно приподнял одеяло и осмотрелся. Небо было всё ещё сплошь усыпано звёздами и с него ярко светила луна. Возле моих вещей стояли и шёпотом переговаривались семь человек в мешковатых балахонах. На шее у каждого из них висел опознавательный знак Светлых, крест-солнцеворот.

Сердце у меня на миг замерло, затем вдруг гулко бухнуло и сильно разогналось, забило шумно и часто. Остатки сна с меня слетели в один миг. Я затаил дыхание и прислушался.

Судя по манере разговора, главный в отряде у них был один. Он был намного старше остальных и его одежды тоже слегка отличались. У остальных они были темно-серые, у него тоже серые, но более светлые. Учитель мне рассказывал как-то, что у Светлых это определяет ранг: у новичков одежды были почти чёрные, у магов верховного совета полностью белые. Естественно, что чем светлее была одежда мага, тем опытнее, а значит и опаснее для меня, он был.

Светлых так близко я видел в первый раз и был слегка сбит с толку. В ловчем отряде должно было быть два-три мага не больше. Для того чтобы схватить среднего по силе Свободного этого, как правило, было достаточно. Кроме того, у них должны были быть и рыцари, просто «для поддержки», а я пока не заметил ни одного. Нападать было опасно, продолжать бездействовать тоже. Я лежал, отчаянно пытался собраться с мыслями и придумать хоть какой-то план.

– Эй, мистик! Встать! Подними руки и без фокусов!

Главный Светлых вдруг словно что-то почувствовал, схватил мой посох и направил его на меня, затем сделал какой-то знак остальным и вышел чуть вперёд.

Я медленно поднялся, отошёл от одеяла и поднял руки. Плана у меня всё ещё не было, и я решил тянуть время, как могу. Маги построились неплохо: полукругом возле старшего, в случае чего он успел бы отвести атаку от любого из них, а то и убрать уставшего молодого за спину. Первым делом мне нужно было как-то разбить это построение или хотя бы

ослабить их веру в него. С каждым из них один на один я скорее всего бы справился, но их было слишком много. К тому же применять заклинания без посоха и выдавать свой магический почерк я не хотел.

Главный Светлых пробормотал что-то и взмахнул моим посохом. Я как можно незаметнее сложил пальцы в знак щита от Огня и приготовился произнести заклинание. С посоха сорвался небольшой кусочек пламени и упал на землю в паре шагов от меня. Младшие восторженно зашептались. Среди Светлых почему-то очень редко попадались люди, которые умели использовать Огонь.

– Это твоё? – главный Светлых задумчиво повертел посох в руке. – Где ты взял эту вещь?

Я лишь опустил руки, чуть отступил и пожал плечами. То что мой противник понял истинную силу моего оружия меняло всё. До этого я всё же слегка надеялся усыпить его бдительность.

– Я не хочу ссориться. У вас своя дорога, у меня своя. – Я кивнул на посох. – Верните мне пожалуйста мои вещи и разойдёмся миром.

В уме я продолжал перебирать наиболее подходящие боевые и защитные заклинания. Самым плохим было то, что противников было много. Мне оставалось лишь надеяться, что стихия большинства из них не Вода.

У главного от моей наглости, казалось, пропал дар речи. Даже в тьме ночи и с такого расстояния я заметил, как из-

менилось его лицо. Младшие испуганно отступили от него и замолчали. Судя по всему он был одним из тех, кто вымещает свою злость на других. Такие люди стараются казаться сильными, но на самом деле, как лидеры они ничто. Страх и уважение слишком разные вещи. Подчинённые должны бояться справедливого гнева своего начальника, а не его самого.

Я стоял и молча ждал, что мой противник будет делать дальше. Как бы то ни было, а вступать в бой первым я не хотел. Мой посох в его руке недобро засветился, главный Светлых оттолкнул стоявшего рядом и неосторожно глянувшего на него младшего и вышел далеко вперёд. В его прищуренных глазах горела ненависть. Я и без слов понял, что он сейчас нападёт.

Главный зло усмехнулся, словно почти взял себя в руки, но всё же сделал ещё шаг и произнёс заклинание. Я про себя отметил, что построение Светлых разбилось окончательно. Своей глупой вспыльчивостью он только что подставил их всех.

С янтарного, но уже сияющего кроваво-красным, солнца, навершия моего посоха, сорвался шар огня и полетел ко мне. Я начал произносить заклинание, но уже чувствовал, что не успею. Время словно замедлилось, шар пламени увеличивался и приближался к моим ногам. Мне оставалось лишь готовиться к боли и надеяться, что я выживу и смогу каким-нибудь чудом остаться в сознании.

Заклинание почти долетело до меня, но вдруг исчезло. Я усилием воли заставил себя разжать пальцы и развеять свой незавершённый щит. Почерк можно определить лишь по законченному заклинанию. Его части это всё равно, что набор бессвязных букв.

Главный зло и разочарованно посмотрел на посох, затем вдруг вскрикнул и выронил его. Младшие стояли, переглядывались и судя по всему не знали, что делать. Я тоже слегка растерялся и просто ждал.

Спустя ещё миг в воздухе прямо передо мной появился блеклый, словно какой-то прозрачный, призрачный, но огромный и раскалённый, огненный шар, на миг завис, повертелся, так, словно мог видеть, а затем вдруг, разделившись на семь частей, устремился к Светлым.

Щиты поставить никто не успел, и у магов вспыхнули ноги. Светлые повалились на землю, начали кататься по ней и истошно кричать. Двое из них, судя по внешности самых младших, просто потеряли сознание.

Я рванулся вперёд, подхватил своё оружие и с ходу, наотмашь, ударил по своим противникам заклинанием ветра. Большинство Светлых волоком протащило по земле, но пламя на их ногах тут же погасло.

Главный шипел, сквозь зубы ругался и пытался встать. От навершия моего посоха, янтарного солнца, исходили волны какой-то безудержной ярости. Оно в такт им слегка светилось и отгоняло тьму. На ощупь посох был раскалённым, та-

ким, что едва не обжигал. Теперь я понимал, почему главный его тогда бросил. Он допустил лишь одну ошибку: имени моего посоха он не знал.

Я подошёл к одному из лежащих без сознания младших и посмотрел на главного.

– Не будете мешать, я просто уйду. Будете, умрёте. Все, начиная с этого.

Я сотворил над посохом небольшой огненный шар.

Главный Светлых почти поднялся и вёл себя так, словно меня не слышал. От странной «зеркальной» магии моего оружия ему, кажется, досталось меньше всех, судя по всему он всё же успел поставить слабый щит, как-то отклонить это заклинание или увернуться. Мои слова он проигнорировал, а на своего подчинённого даже не глянул. Этого человека заботила лишь собственная репутация, а не жизни тех, кто за ним шёл. Я чувствовал, что ещё немного, и он прикажет им идти в атаку. Думать было некогда: и правда убивать всех из-за одного дурака я не хотел.

Я быстро поднял мощностъ заклинания, сделал его направленным, разделил надвое и отправил главному в кисти рук, на всё это у меня ушло каких-то пара мгновений.

Шарики огня рванулись вперёд, но столкнулись с невидимой преградой, с оглушительным рёвом об неё полыхнули и остановились, бросая на землю искры, зависли в воздухе в шаге от цели. Стихией моего противника оказалась одна из смежных с моей: щит, который он всё же успел поставить,

был воздушным. Я прошептал ещё несколько слов и вновь изменил-дополнил своё заклинание, наверху моего посоха засветилось чуть ярче и начало передавать ему дополнительную мощь.

Спустя несколько мгновений лицо главного Светлых побелело, а руки стали подрагивать, он с отчаянием повернул голову и посмотрел на одного из младших.

Я приложил палец к губам и поднял силу своего заклинания сразу в несколько раз. Изначально я не хотел убивать своего противника, но он сам вынуждал меня это сделать. Воздушный щит главного дрогнул, прорвался, пропустил первый огненный шар, а спустя миг и второй, кисти рук того ярко вспыхнули и тут же погасли: к этому времени я уже привык к силе своих заклинаний и делал их кратковременными.

Мой противник неверяще вытаращился на обугленные ладони, с воющим стоном завалился на бок, пару раз дёрнулся и затих. От удара правая кисть у него оторвалась и повисла на куске плоти. Без помощи с такими ожогами он бы вряд ли дотянул даже до утра. В том же, что его путь, как мага, уже закончился я был уверен. По собственной глупости он только что стал калекой и как маг и как человек. Ни одно заклинание не способно вернуть часть тела. Магия тоже не всесильна, с этим сложно смириться, но это факт.

Я быстро собрал свои вещи и подошёл к младшему, которому досталось меньше остальных. Он сидел на земле, ози-

рался, сжимал-разжимал кулаки и с бессильной ненавистью на меня тарашился, но не нападал, явно понимал, что не справится. По его щекам катились крупные злые слёзы. На вид ему было примерно двадцать четыре – двадцать пять. Из них всех, кроме главного, он скорее всего был самым старшим.

Я упёр посох в землю, чтобы показать, что не собираюсь драться.

– Нечестно семеро на одного, да ещё и спящего. Несправедливо, если точнее сказать.

Я оглядел лежащих на земле магов. Навершие моего посоха вдруг ярко вспыхнуло, словно он подтверждал мои слова. Светлый хотел мне что-то ответить, но в последний миг осёкся и промолчал. Судя по его лицу, он так и не смог понять, что значила эта моя фраза.

Я взглядом указал ему на главного.

– Будешь помогать, начинай с него, остальные скорее всего выживут.

Я развернулся, набросил заклинание «щита-зеркала» на спину и быстрым шагом пошёл прочь.

Небо понемногу начинало светлеть, на пустоши наступало утро. С моей стороны было большой глупостью оставить этим людям жизни. В ближайшие пару дней я планировал купить где-нибудь лошадь и уехать как можно дальше. Интуиция мне подсказывала, что теперь Светлые начнут охотиться за мной уже всерьёз.

Мне повезло, и лошадь я раздобыл уже спустя полтора дня: по дороге мне попался какой-то их перегонщик. К этому времени я уже немного успокоился и старался думать логически. От вещей я избавился, но это судя по всему не помогло. Светлые всё равно каким-то образом меня находили. При этом я был почти уверен, что внешности моей до этого они не знали: главный того отряда выглядел удивлённым, когда меня разглядел.

В конце концов я решил рискнуть и отправился напрямиком в город из записки. На многое я не рассчитывал, но надеялся получить хоть какую-то подсказку, если конечно этот таинственный знающий был действительно настолько хорош.

До полосы сторожевых вышек возле города я добирался около двух дней. Там я отпустил лошадь и наложил на себя сильное заклинание «отвода глаз». Маги, которые работали у Светлых сторожами, были как правило не очень сильны. Их одежды были почти чёрными, так что наверняка эта должность была очень низкой.

Времени у меня было совсем мало, и я это понимал. Мне нужно было войти в город и выйти из него до того, как на меня устроят облаву. Я обошёл защитные заклинания и представился на воротах бродячим торговцем. Охранник посмотрел на меня подозрительно, но затем лишь вздохнул и пропустил меня внутрь. Останавливаться и спрашивать у него как пройти на нужную улицу я уже не рискнул.

В городах я бывал редко, и видимо с непривычки меня всё раздражало. По улицам шли люди, со скрипом проезжали телеги, бегали собаки и кошки. Я смотрел на всё это и искренне не понимал, как здесь вообще можно жить. В такой-то суматохе, толкотне и шуме.

Дорогу мне удалось узнать не сразу. Когда я называл нужный адрес, люди просто отворачивались и уходили: это место явно пользовалось дурной славой. В конце концов я схитрил и назвал дом с другим номером. Прохожий посмотрел на меня неодобрительно и лишь махнул рукой на одну из небольших улиц. Я пошёл по ней и спустя какое-то время оказался на краю города у каких-то трущоб.

По адресу, который был на бумажке, стоял небольшой ресторанчик. Я зашёл в него, прошёл к стойке и сел. Посетители на миг замолчали. Чувствовал я себя, мягко говоря, неудобно. В первый раз на меня смотрело сразу столько людей. Судя по всему новички в этом месте появлялись нечасто.

Бармену на вид было около тридцати пяти. Он был довольно полным и от этого выглядел неповоротливым и добродушным. Я достал записку, в которой был адрес этого места и молча протянул ему. Он пробежал её глазами, медленно кивнул и сделал мальчишке-официанту какой-то знак, тот сразу же сбросил фартук, развернулся и выбежал на улицу. Большинство посетителей вдруг потеряло ко мне всякий интерес и вновь разговорилось. Интуиция мне подсказывала,

что пока всё идёт хорошо.

Бармен не спешил возвращаться к своим делам и задумчиво на меня посмотрел.

– Итак, Свободный маг. Выглядит на шестнадцать, но утверждает, что ему двадцать, при этом неплохо умеет врать. Заказы берёт редко и в основном лишь те, которые хочет и может выполнить сам. Необщителен, не интересуется ни деньгами, ни женщинами, в любой ситуации полагается на логику и холодный расчёт. В магии слаб, но точен. И как ни странно всё, за что брался, всегда доводил до конца. Не хочешь к нам присоединиться? Платить будут неплохо, да и со Светлыми проблем нет.

Он заговорщически мне подмигнул и доброжелательно улыбнулся.

Я почувствовал сильное раздражение. Эти люди следили за мной и даже не пытались этого скрыть. При этом я был абсолютно уверен, что этот бармен в их организации лишь пешка, один из тех, кого легко можно заменить.

Я покачал головой.

– Я Свободный и им останусь. Работать на кого-то не моё.

Я как бы невзначай оглянулся и быстро осмотрел зал. Из серьёзных противников-воинов тут были всего двое-трое, магов же и вовсе не было ни одного. Бармен вздохнул, налил мне в стакан чего-то, бросил в него лёд и поставил на стойку. Я благодарно кивнул, подвинул стакан к себе, но пить не стал.

Спустя ещё какой-то миг в ресторан влетел запыхавшийся мальчишка-официант. Бармен раздражённо взглянул на него и молча указал большим пальцем на дверь у себя за спиной. Мальчишка вздрогнул, быстро надел фартук и вернулся к работе. Я про себя отметил, как изменилось при жесте бармена его лицо. Судя по всему здесь довольно жёстко наказывали за даже случайное раскрытие информации. Он ошибся в том, что своей торопливостью едва ли не впрямую заявил мне, что я важный гость.

Бармен достал из кармана огромную звенящую связку ключей, открыл дверь, на которую до этого указывал мальчишке, жестом указал мне обойти стойку и следовать за ним.

Мы прошли сквозь служебные помещения куда-то вглубь ресторана. Здесь было довольно тихо и почему-то прохладно, наверняка под полом или где-то неподалёку был ледник. Бармен завёл меня в небольшую комнатку и усадил за стол.

– Подождите тут немного, хозяин скоро подойдёт.

Он поклонился, вышел и тихо притворил за собой дверь. От его былой фамильярности в моём отношении не осталось и следа. Я откинулся на спинку стула и сделал вид, что расслабился.

Напротив меня стояло большое кожаное кресло, а стена за ним была сплошь закрыта занавесками. Из-за них на меня было направлено что-то острое. Интуиция мне подсказывала, что скорее всего это наконечник стрелы. Хозяин этого места явно серьёзно относился к собственной безопасности.

Я незаметно сложил пальцы в знак щита от физических повреждений. Долг красен платежом и я не имел никакого желания доверять тому, кто не доверяет мне.

Ждать мне пришлось довольно долго, полчаса или даже час. Возможно таким образом этот человек, их «хозяин», проверял мою терпеливость. В конце концов дверь распахнулась, в неё вошёл мужчина, прошёл быстрым шагом по комнатке, уселся в кресло и тут же резким раздражённым движением подвинул его чуть ближе к столу.

На вид ему было примерно двадцать четыре – двадцать пять. В его внешности было что-то не от нашей страны, восточное. У него были чёрные, слегка вьющиеся, волосы и ярко-зелёные глаза. Двигался он мягко, но быстро, что сразу выдавало в нём опытного бойца. Одет он был в лёгкие тёмные штаны и майку без рукавов. Руки у него были мощными, жилистыми и сплошь покрытыми густыми чёрными волосами. Кроме того, на них было довольно много резанных и колотых шрамов. Не знаю, что за жизнь была у этого человека, но он явно не привык прятаться за спины других.

Играть в «кто заговорит первым» с таким собеседником мне не хотелось. Я откашлялся, тоже подвинул стул чуть ближе и положил руки на стол. Знак щита от физических повреждений я при этом демонстративно оставил.

– Я хочу знать на какой из моих вещей стоит метка.

Я скользнул взглядом по острию стрелы за занавеской и взглянул хозяину ресторана прямо в глаза. Он откинулся на

спинку кресла и задумчиво на меня посмотрел. Некоторое время мы с ним просто молчали. За время своих странствий я повидал много людей, но не таких. Этот человек был действительно необычным.

– Слушай, Свободный, мы тут не в игры играем, понимаешь? – Хозяин ресторана наконец перестал меня изучать, холодно улыбнулся, сплёл пальцы и постучал ими по столу. – Все свои вещи ты позарыл прежде чем сюда заявиться. Ты хочешь меня проверить, а я этого не люблю. Лишняя работа.

Он сделал какой-то едва заметный знак, и занавеска позади него чуть колыхнулась. Я едва не произнёс заклинание, но вдруг понял, что человек, который в меня целился, ушёл. В комнатку вошёл официант, поставил на стол графин с каким-то напитком, колотый лёд и два бокала. Хозяин ресторана жестом показал ему уходить и сам взял графин.

– Прости, Свободный, мой недочёт. Нужно было сразу всех предупредить. Не знаю по какой причине, но ты не пьёшь алкоголь, ведь так? Ну а я стараюсь, чтобы мои гости всегда были довольны.

Он доброжелательно улыбнулся, наполнил бокалы, бросил льда, поднялся и протянул один мне. В его слегка прищуренных по-кошачьи глазах при этом по-прежнему стоял холод. Наверняка и убить меня он мог приказать с такой же ничего не значащей улыбкой.

Я взял бокал, пробормотал заклинание «усиления обоняния», принюхался и медленно кивнул. Никаких ядов, в част-

ности алкоголя, в напитке не было точно. Я торопливо развеял заклинание, но понял, что всё равно слегка опоздал. Спустя ещё пару мгновений мои ноздри и глотку начало щипать и жечь. На самом деле я вообще не любил применять заклинания магии трансформы. Магических сил они требовали не так уж и много, но по здоровью так или иначе били всегда. Я слегка приподнял бокал в знак уважения и немного отпил. Хозяин ресторана кивнул мне и сделал то же самое.

В комнатку вновь вошёл официант, но на сей раз другой, намного старше первого. Хозяин ресторана посмотрел на него неодобрительно и тяжело вздохнул.

– Опаздываешь. Я тебе ещё когда сказал принести. Время – деньги, не слышал такого?

Он раздражённо махнул рукой в сторону двери. Официант поставил поднос на стол, поклонился и молча вышел. На его лице за всё это время не отразилось ни одной эмоции. Судя по всему к нраву своего начальника он уже привык.

Хозяин ресторана привстал и подвинул поднос ко мне.

– Посмотри и поймёшь почему последний раз вляпался. Кстати тебе тогда очень сильно повезло.

Он вновь откинулся в кресле, задумчиво покрутил лёд в бокале и отпил из него. Я про себя отметил, что его отношение ко мне стало каким-то слегка покровительственным. Впрочем, с моей-то внешностью к подобному мне было не привыкать.

На подносе лежала какая-то довольно странная карта на-

шей страны и книга. Обе они выглядели совсем новыми, будто были сделаны день или максимум два назад. Я выпил ещё немного сока, оставил бокал и развернул карту. Хозяин ресторана молчал, но я чувствовал, что он пристально за мной наблюдает.

Не знаю, кто учил этого человека торговле, но он явно был неплох. За эту карту, если она верна, я был готов заплатить практически любые деньги. На ней были все секреты Светлых: их базы, места тренировок и даже графики и маршруты патрулей.

Я медленно, чтобы не раздражать хозяина ресторана, достал собственную карту и сравнил отметки. Всё сходилось, но на этой карте информации было намного больше, чем на моей. Меня смущало лишь то, что я не понимал, как этот знающий вообще смог раздобыть эти сведения. Чтобы узнать подобное свои люди у Светлых нужны были в самых верхах. Это был явно не уровень сторожей или даже магов из ловчих отрядов. Впрочем, моя интуиция мне говорила, что подвоха тут нет. В основном потому что это полностью объясняло само расположение этого места. Скорее всего именно здесь, в этом городе, и жил кто-то из Светлых, кто их прикрывал, возможно он приходился хозяину этого ресторана каким-то родственником или другом. Я посомневался немного и в конце концов решил оставить свои догадки и вопросы при себе, уж слишком неудобными и острыми они были.

На этой карте было ещё кое-что интересное. Прямо возле той пустоши, на которой я тогда сцепился со Светлыми, стоял их тренировочный лагерь. Теперь и я понимал насколько мне тогда в действительности повезло. Таким образом этот знающий всё же ответил на мой первоначальный вопрос. Метки на моих оставшихся вещах действительно не было. Я просто сам по глупости умудрился залезть едва ли не в самое осиное гнездо.

Я оторвался от карты и посмотрел на хозяина ресторана. Он выглядел каким-то слегка раздражённым и растерянным. Я не ожидал этого, но он похоже понял, что я догадался насчёт Светлого, который их прикрывал. Вся эта ситуация становилась довольно неприятной и опасной. Ссориться с этим человеком, да ещё и по такой глупости, я точно не хотел. Он же судя по всему тоже не мог решить, что теперь делать дальше. Мы сидели и молча изучали друг друга. Я про себя прикидывал получится ли у меня уйти отсюда и никого при этом не убить. Ситуацию осложняло то, что человек, который сидел напротив, считал меня слабым магом. Его самоуверенность в этом случае могла очень сильно навредить и ему и мне.

В конце концов хозяин ресторана принял какое-то решение. По нему было заметно, что оно далось ему с большим трудом. Он отставил бокал, слегка прищурился и посмотрел мне прямо в глаза.

– Ты довольно догадлив, Свободный, но это всё осложня-

ет, сам ведь видишь. Вопросы можешь не задавать, я всё равно не отвечу. Начнёшь узнавать у других, станешь мне врагом, понял? Где мы берём информацию тебя не касается. Ты просто покупатель, а я просто продавец, ведь так?

Он сплёл пальцы, постучал ими по столу и напряжённо улыбнулся.

Я сложил обе карты, кивнул и как можно доброжелательнее улыбнулся в ответ. Доказывать я ничего не собирался, но у моего любопытства была очень чёткая грань. Если не хочешь ссориться с людьми, то это очень полезный навык.

Хозяин ресторана взял графин и подлил нам сока. Напряжение в комнате немного рассеялось.

Я открыл книгу, которая была вместе с картой, и бегло её просмотрел. На первый взгляд она выглядела довольно занятной. Судя по стилю изложения, её авторы, которых было кстати больше двадцати, жили в разное время. Называлась она «Почерк» и была написана Свободными для таких же Свободных. Некоторые участки были зашифрованы, так, что понять их мог лишь один из нас. О самом магическом почерке, то есть теории, тут было совсем немного. В основном же в этой книге описывались приёмы и способы, которые позволяли его изменить. С нашей жизнью, когда постоянно приходится скрываться, эти знания были явно не лишними. Даже в последней схватке со Светлыми я возможно победил бы и бескровно, если бы не боялся наследить.

Мы обговорили цену, и напряжение в комнате исчезло

окончательно. Похоже хозяин ресторана всё же понял, что мне можно доверять. Интересно было кстати и то, что этот человек не давал с собой торговаться. Впрочем, я и сам больше любил покупать по окончательной цене. Не знаю почему, но это мне всегда казалось более честным. Вещь принадлежит продавцу, а значит он и должен решать за сколько готов её продать.

Я достал из кошелька несколько крупных самоцветов и положил на поднос. Хозяин ресторана оглядел их, медленно кивнул и поднялся. В комнату вошёл всё тот же невозмутимый официант.

Хозяин ресторана взялся за ручку двери, но вдруг замер и оглянулся.

– Твоё имя, Свободный, я спрашивать не буду, но меня, если что, Тигран зовут. В следующий раз так и спрашивай, понял.

Он развернулся и молча вышел. Я успел лишь неловко кивнуть ему вслед. На лице официанта отразилась крайняя степень удивления, но он промолчал. Я пожал плечами, поднялся и сложил покупки в сумку. Теперь мне оставалось лишь убраться из этого города как можно скорей.

С того времени, как я побывал в городе, прошло около месяца. Проблем со Светлыми у меня пока больше не было: карта, которую я купил, оказалась действительно неплоха. Я легко обходил патрули и засады и удалялся всё дальше на

север, там я надеялся хоть ненадолго остановиться и передохнуть.

Книга, которую мне навязал тот знающий, Тигран, тоже оказалась довольно полезной. После того, как я в ней разобрался, я научился делать слабые заклинания другим почерком. Теперь мне оставалось лишь время от времени тоже его слегка изменять.

На очередную ночёвку я остановился возле реки. Солнце уже садилось, и было довольно прохладно. Я сбросил вещи, подошёл к воде, но едва успел умыться, как вдруг услышал сзади чьи-то шаги. Галька похрустывала, но как-то приглушённо, не слишком громко. Идущий явно подкрадывался ко мне и точно был не слишком тяжёл. Я наспех окружил тело щитом от физических повреждений и обернулся.

Неподалёку стоял мальчишка лет четырнадцати и испуганно на меня смотрел. Одет он был почему-то в обычную униформу магов Светлых, а на груди у него висел совсем новенький, ещё блестящий, опознавательный знак крест-солнцеворот. Я не успел понять, что всё это значит, как паренёк вдруг словно опомнился, выпрямился и шагнул ко мне.

– Эй, ты..., незаконный мистик, немедленно замри и брось... всё..., что у тебя там есть!

Он гордо распахнул плащ и указал мне на свой значок, видимо ему плохо объяснили, что для нас это мало что значит.

Я быстро ощупал пространство вокруг заклинанием «обнаружения жизни». Сил это отняло немало, но я не хотел

рисковать. Людей и крупных животных поблизости не было на примерно пол дня пути. Судя по всему этот мальчишка был настолько безрассуден, что пришёл один. Без сомнений именно это и позволило ему подобраться ко мне так близко: мои защитные заклинания срабатывали на определённый вес тел и их количество, я специально их так настроил, чтобы не просыпаться из-за каждого кролика или козы.

Мальчишка наконец отпустил свой значок и посмотрел на меня уже как-то слегка неуверенно.

– Ты должен сдаться и поднять руки!

Он сложил пальцы на правой руке в магический знак и направил её на меня.

Я молча покачал головой, усилил щит и сделал вид, что собираюсь произнести заклинание. Кроме всего прочего мне важно было узнать уровень подготовки этого юнца.

Мальчишка вдруг отскочил на несколько шагов назад и тут же ударил. Заклинание его было слабым, но тем не менее доказывало, что передо мной всё же маг.

Я отбежал чуть в сторону, чтобы увеличить дистанцию. Дальность, на которой мой странный противник мог применять заклинания, тоже была важна.

На лице мальчишки отразились непонимание и обида, видимо он подумал, что я собираюсь сбежать. Я успел про себя сосчитать до трех, и он снова напал. В мой щит полетели крупные и мелкие камни. Теперь я уже не сомневался, что основная стихия мальчишки Земля, кроме того, судя по си-

ле заклинаний, у него даже было Слово. Правда оно было слабым, что-то вроде «песчинки» или максимум «камешка». Его учителя явно не стали с этим рисковать и загубили талант паренька. Он возможно об этом пока и не догадывался, но я видел, что именно это его и сдерживает. Светлых всегда больше интересовало количество магов-подчинённых, а не сила каждого из них. Скорее же всего все более-менее хорошие Слова Силы переходили у них как бы по наследству, конечно Светлые этого не афишировали, но выбор Слов у их магов был явно предопределён. Иначе как объяснить то, что сын зачастую занимал место своего отца, а тот, до этого, своего.

Я отбивал атаки мальчишки и думал, что делать дальше, он же судя по всему уже начал слегка уставать: движения его рук стали какими-то чересчур резкими, дёрганными и естественно его заклинания от этого становились всё слабей и слабей. Стихия Земли вообще не любит спешки и уж тем более суеты. На мой взгляд, кстати, она плохо ему подходила. Человек, который самостоятельно выбрал Землю, никогда бы не пустился в такую авантюру. Я конечно не очень хорошо знал их правила, но так или иначе он должен был обо мне доложить. Выслеживать опасного преступника в одиночку – это уже скорее Огонь, а не Земля.

Мальчишка вдруг перестал атаковать и тоже поднял щит. По его лицу было сразу заметно, что он что-то задумал. Мне стало интересно, что именно и я решил пока ему не мешать.

Импровизация на поле боя от Светлого – это было что-то новенькое.

Некоторое время мальчишка просто стоял и сосредотачивался. Видимо то что я не атакую он трактовал, как мою слабость. Скорее всего он думал, что если приложит ещё хотя бы чуть-чуть усилий, то победит. И сделать это он решил одним мощным заклинанием.

Я на всякий случай всё же слегка усилил щит и тоже приготовился. В бою всегда лучше слегка переоценить противника, чем недооценить.

Мальчишка вытянул вперёд обе руки и начал говорить. Вокруг его щита начали медленно закручиваться довольно мощные потоки силы. Похоже в этот раз он решил рискнуть и поставил на карту всё.

Ещё до того, как мой странный противник сказал последнее слово, я понял что сейчас произойдёт. Он пытался применить заклинание с более высоким уровнем направленности. По его расчёту оно должно было пролететь как бы мимо меня, а затем вернуться и ударить мне в спину. Вообще идея была неплоха, но мальчишку подвела неопытность: слова «эллипс» и «круг» в заклинаниях звучат похоже, он оговорился и не заметил, как стал целью своего заклинания сам.

Огромный кусок скалы, поднятый магией Земли, пролетел довольно близко от меня, но всё же мимо, трогать я его естественно не стал, он ушёл в сторону и, к удивлению и ужасу юнца-Светлячка, начал описывать круг.

Мальчишка замер, смотрел на меня и судя по всему не знал, что теперь делать, с первого взгляда было ясно, что в реальном, а не тренировочном бою, он находится в первый раз. Теперь я был уже абсолютно уверен, что передо мной ребёнок, а не просто молодо выглядящий парень. Настолько по-детски растерянное выражение лица подделать было просто нельзя. Мой странный противник понял, что ошибся и смотрел на меня, как на наставника, который всё исправит, не знаю уж, как это вязалось в его голове с тем, что мы вообще-то враги.

Я вздохнул, сбил кусок скалы огненным шаром и шагнул к мальчишке. На самом деле я не слишком хотел с ним связываться, но это был уже перебор. Смерть – это смерть и то что он формально бы сам убил себя ничего не меняло. Я не смог бы потом оправдаться перед собственной совестью, если бы это не остановил.

Мальчишка посмотрел на меня с удивлением, затем вдруг покачнулся и, как подкошенный, рухнул, его кожа мгновенно побледнела и стала, кажется, даже какой-то слегка синюшной, как у мертвеца. Я про себя выругался, сбросил закливание щита, быстро подошёл к своему бывшему противнику и нащупал пульс.

Скала, которую мальчишка поднял, оказалась для него слишком тяжёлой. Маг может умереть от истощения, и он не мог этого не знать. Сердце мальчишки всё ещё билось, но слишком медленно и с каждым ударом всё тише. Времени

размышлять не было, я чувствовал, что ещё немного и оно остановится навсегда.

Я сложил пальцы в знак передачи энергии и мысленно извинился перед самим собой. Логикой я понимал, что помогаю врагу и возможно спасаю будущего живодёра-убийцу. Я понимал это логикой, но чувства видели лишь ребёнка, который вот-вот умрёт.

Спустя уже пару мгновений лицо мальчишки порозовело, а сердце стало биться нормально. Силы я ему передал ровно столько, чтобы он не умер, но навсегда запомнил этот урок. Лишиться способности применять магию, пусть даже и на время – это едва ли не самое страшное для мага. В его же случае восстановление будет идти долго, минимум месяц, а скорее всего вообще два или три.

Я взял паренька на руки, отнёс к своим вещам и осторожно уложил на одеяло, дыхание его наконец-то стало глубоким и ровным, судя по всему он сейчас просто крепко спал.

Я собрал веток, развёл костёр и уселся возле. Вечер выдался сумбурным, и мне хотелось просто немного отдохнуть.

Солнце окончательно село, ветер на реке затих, а на небе понемногу начали появляться звёзды. Чувствовал я себя как-то немного странно, наверное оттого, что уже отвык быть не один. Я оглянулся на мальчишку и внимательно его рассмотрел. Наверное не зря говорится, что лицо спящего лучше отражает его душу. Маска жестокости слетела и сейчас это был всего лишь ребёнок в чужой одежде и с чужим

дурацким значком, всего лишь несмышлёныш, который попался в сложные и скользкие сети.

Человек не выбирает где и в какой семье родиться. Не выбирает внешность, здоровье, богатство. Нет ничего дурного в том, чтобы гордиться предками, своей страной или самим собой. Но лишь до тех пор, пока эта гордость никого больше не унижает. Говорить «я хороший» – хорошо, зло и слабость начинаются со слов «ты меня хуже».

– Я сохранию тебе жизнь. – произнёс я тихо. – Дам время научиться думать. Но я же и найду и убью тебя, если вдруг окажусь неправ.

Костёр вдруг затрещал, словно принял мои слова, как клятву, в небо кружась поднялись искры. Я подбросил в него несколько веток, расстелил возле ещё одно, запасное, одеяло и лёг спать.

Моё пробуждение утром оказалось совсем не таким, как я ожидал. Вначале я услышал неподалёку шорох, а затем кто-то легко и словно неуверенно, испытывающе, коснулся моего плеча.

Я вздрогнул, мгновенно пришёл в себя, вскочил, поставил щиты от всего, от чего только можно и создал над каждой рукой по шарик у огня. После того случая со Светлыми я тренировался и на всё это у меня ушла едва ли пара мгновений.

Юнец-Светлячок стоял возле одеяла, на котором я спал, и смотрел на меня неверяще и растерянно: судя по всему ему

хватило опыта, чтобы оценить примерную силу моих заклинаний. Я же в свою очередь пока не понимал, что происходит и просто ждал. Если мальчишка привёл своих, то противник мог появиться в любой миг и откуда угодно. Я как-то слышал, что некоторые ловчие Светлых применяют тактику внезапного сверхмощного удара, расчёт в данном случае как раз и идёт на то, что маг-цель попросту не успеет его отразить.

Мальчишка вдруг отступил, изменил стойку на боевую и посмотрел мне прямо в глаза. В его движениях была заметна какая-то обречённость. Странно, но за эту ночь он словно стал старше. Вёл он себя, по крайней мере, совершенно не так, как вчера.

Я на всякий случай ощупал пространство вокруг заклинанием обнаружения жизни. Людей поблизости не было, этот глупый ребёнок просто вновь решил, что он герой.

Я развеял заклинания, присел на своё одеяло и указал мальчишке на второе.

– Садись. Драться не будем. И не води руками, ты сейчас даже не маг.

Я подбросил в костёр пару веток и поставил на огонь котелок с водой. Пытать я мальчишку не собирался, разве что слегка напугать. Больше всего меня интересовало место, где он учился магии: то что Светлые начали обучать детей представляло угрозу не только для меня, а для всех Свободных.

Мальчишка сильно побледнел, испуганно посмотрел на

свои руки, а затем вновь на меня.

– Что... со мной?! Как... ты это сделал?!

Он словно в каком-то трансе вернулся к костру и медленно опустился на одеяло. Я молча бросил в котелок щепотку толчёных листьев покой-травы.

На самом деле этот мальчишка мне скорее нравился, чем наоборот. В конце концов он мог попытаться убить меня во сне, а вместо этого разбудил и вызвал на поединок.

«Людей выдают мелочи» – одна из моих любимых фраз потому что я уже не раз убеждался в её истинности. Соврать или притвориться можно в чём-то большом, но всё контролировать невозможно. Ну и конечно отношение к тем, кто слабее, самая важная из таких мелочей. Забавно смотреть, как человек, который прикидывается образцом добродетели, вдруг забывается и вскрикивает ни за что, без повода, на ребёнка или пинает собаку или кошку, чтобы та ушла с дороги и не «мешала» ему пройти. После этого он может рассказывать о себе что угодно, я всё равно уже не поверю ему.

Я снял отвар с огня и внимательно посмотрел на мальчишку. Он выглядел уже скорее больше растерянным, чем испуганным: судя по всему до него всё же дошло, что его силу отнял не я.

Я разлил отвар по кружкам и протянул одну ему.

– Почему ты пришёл один?

Медлить я не любил, поэтому решил сразу начать с главного, кроме того, мне было интересно скажет ли мальчишка

мне правду или начнёт выкручиваться и врать.

Юнец-Светлячок чуть поколебался, но затем всё же взял кружку, принялся и немного отпил. Вряд ли он сейчас следовал правилам, скорее уж напротив грубо их нарушал, причём вполне осознанно.

– Я сам тебя выследил и хотел поймать. Ты ведь используешь магию незаконно.

Мальчишка посмотрел на меня с лёгкой надеждой, так, словно ожидал, что я скажу ему, что он прав и раскаюсь.

Я немного помедлил, прикинул время и понятливость паренька и покачал головой. На самом деле я очень не любил спорить, но и просто так отступить не мог, что-то подсказывало мне, что наш разговор может оказаться не пустым спором. Мальчишка должен был понять, что это война, сейчас, пока ещё не слишком поздно. Не все Свободные настолько терпимые и ему просто повезло, что с первым он столкнулся со мной.

Я смотрел на него и понимал, что он виноват лишь в том, что дурак и романтик, лишь в том, что бредил когда-то магией, но выбрал самый «правильный» путь. Вряд ли он знал, что в его возрасте люди ещё не умеют отличать общее от правильного. Умение думать своей головой приходит позже, да и то лишь к немногим, а не ко всем. Кто знает, возможно стань он Свободным и его стихией сейчас был бы Огонь, а не Земля. Я не мог ни простить, ни оправдать его учителей, которые убили в мальчишке настоящего мага. Если берёшь на

себя ответственность решать за ребёнка, то делать это нужно правильно.

Я молча повернул левую руку ладонью вверх и зажёл над ней небольшой шарик пламени.

– Итак, по твоему я использую магию незаконно. Ты мне можешь объяснить, как по твоему связан ваш закон и моя магия? Ведь на это заклинание я использую свою силу, не вашу.

Я допил отвар из кружки, поставил её на землю и посмотрел мальчишке прямо в глаза. Он вспыхнул, пробормотал что-то и начал лихорадочно шарить по карманам. Я понял, что он ищет и жестом его остановил.

– Нет, так не пойдёт. Вопрос я задал сам, а ты хочешь отвечать по книге. Сам что думаешь? Я ведь не с книгой, а с тобой хочу поговорить.

Я развеял заклинание и про себя улыбнулся. Мальчишка не искал бы книгу их законов, если бы знал её наизусть. Он явно не был образцовым учеником, и это было мне очень на руку. Чем меньше времени он забивал себе голову разной дурью, тем проще было его переубедить. Мне нужно было просто обратить его внимание на дыры и откровенные нелепости в их учении, так, например о том, как Светлые иной раз мародёрствуют в отдалённых деревнях он вряд ли знал, как и о том, какие пытки они применяют в тюрьмах и как на самом деле действует их хваленый «суд».

Я посмотрел на огонь и вдруг почувствовал, что по-

кой-трава уже начала действовать. Напряжение последних дней постепенно слабело, я ощущал спокойствие, уверенность и ясность в мыслях. Мальчишка тоже, кажется, слегка повеселел и расслабился и тоже задумчиво смотрел на огонь. На мой вопрос он так и не ответил, но заострять на этом внимание и переспрашивать я уже не стал, в основном потому что отсутствие ответа в данном случае и было самым лучшим ответом.

Правда в том, что магия выше людей и над ней не должно быть никаких человеческих законов. Светлые просто своровали, присвоили, себе право решать, кто может быть магом, а кто нет. И сейчас я чувствовал, что в душе мальчишки происходит что-то, что он это всё понимает. Некоторое время мы с ним просто молчали, затем я задал ещё вопрос, а затем ещё и ещё. Поначалу мальчишка терялся, не понимал, зачем я спрашиваю, но потом уже отбивался вовсю. На некоторые вопросы он даже находил подобия ответов, но я всё равно каждый раз его переубеждал.

Так незаметно наступил обед. Мы с мальчишкой устали, слегка охрипли, проголодались и сели есть. Странно, но за это время граница Светлый – Свободный у нас, кажется, уже стёрлась окончательно. Мальчишка убедил меня, что искать его не будут и мне ничто не угрожает. С его слов я понял, что Светлые всё ещё не знают, что я тот маг, за которым они уже так долго охотятся. По некоторым признакам я определил, что он говорит правду. Чем человек моложе, тем проще по-

нять, когда он врёт, если конечно разбираться хоть немного в психологии. Соврать можно словами, но тело всё равно тебя выдаст.

Как я и предположил с самого начала мальчишка оказался сиротой. Такие вещи скрыть сложно, это чувствовалось даже по самому его взгляду. Он был действительно интересным собеседником и как ни странно довольно неплохим магом. В теории он знал довольно много заклинаний, просто ещё не успел научиться их правильно применять. Но гораздо важнее было то, что он, как и я, не относился к магии, как к инструменту, а просто её любил. Наверное именно это и позволило нам найти общий язык так быстро и на время забыть о вражде. В конце концов достаточно сложно ненавидеть человека, если настолько хорошо его понимаешь.

За едой я на всякий случай сказал юнцу-Светлячку, что он не пленник и в любой миг может уйти, он в ответ лишь неопределённо хмыкнул и посмотрел на меня как-то странно. Как я понял уходить он в ближайшее время никуда не собирается и не собирался. У меня немного отлегло от сердца, ведь я понимал, что провожать мальчишку всё равно придётся мне, то, что он не был пленником мало что меняло: одного я бы всё равно его сейчас никуда не отпустил. Маг без своей магии по сути беззащитен, причём беззащитен, как перед природой, так и перед людьми. Кто мог поручиться, что по дороге до ближайшей деревни он не встретит другого Свободного? Слово Силы, даже такое слабое, как у него, всё

же довольно ценная вещь, а любые ценности, как известно, всегда опасны для своего владельца.

Мальчишка сказал, что его зовут Олесь, но сразу предупредил, что это имя не совсем настоящее. Так его нарекли уже Светлые, когда он только попал в их школу магов – приют. Учили там только мальчиков и только почему-то именно его возраста, он сказал, что за всё время обучения ни разу не видел ни старших ни младших групп. Скорее всего всё это было каким-то своеобразным экспериментом. Я был почти уверен, что Светлые наблюдают за дальнейшей жизнью этих детей. Возможно это было сделано, чтобы исключить вероятный вред их организации. Психика ребёнка получившего с детства такую власть меняется всё же довольно сильно.

Олесь был слишком умным для своего возраста и слишком уверенным в своей магии и в себе. Он изо всех сил старался как следует играть возложенную на него роль взрослого Светлого. Проблема в том, что платить ему за это приходилось собственными желаниями и мыслями, своей душой.

До вечера этого дня и в течение следующих двух мы спорили, пока Олесь наконец не сдался. Он замолчал, не приводил больше никаких аргументов и лишь растерянно на меня смотрел. Я к этому времени слишком хорошо изучил их организацию и знал куда бить. Попытки, убийства невинных по одному лишь подозрению, своевольные изменения природы. Светлые лишь прикрывались тем, что несут порядок, от их действий было куда больше вреда. Мне всегда было интерес-

но, что они станут делать если вдруг перебьют всех Свободных. Их организация ведь на этом и держалась, на ненависти, им нужен был постоянный враг. Хотя что-то мне подсказывало, что они тут же нашли бы нового: высокие-низкие, кудрявые-прямоволосые, мало ли признаков, по которым можно разделить людей. Умение-неумение использовать магию наверняка просто оказалось в своё время самым удобным. Слабого врага они победили бы слишком быстро, а им судя по всему нужна была именно затяжная война.

На реке уже вновь понемногу наступал вечер, и становилось довольно прохладно. Я молча указал Олесю на три оставшиеся у нас ветки для костра и посмотрел на небо. Солнце садилось в тучи, и закат был багрово-красным. Странно, но мне впервые за долгое время было грустно на него смотреть. Завтра утром или максимум в обед нам нужно было выдвигаться. Я уже и без того потратил слишком много времени и больше задерживаться не мог.

Олесь носился по берегу, пыхтел и собирал нам ветки. Вчера мы собирали их вместе, а сегодня я решил свалить это на него. За ним всё равно был небольшой должок за то что я спас его, когда он тогда чуть не умер. Но вообще дело было даже не в моей лени, и я понимал, что сильно лукавлю перед собой.

За какое время можно узнать человека? День? Месяц? Год? Сколько времени нужно, чтобы определить то главное, что отличает одного человека от множества? Путь мага – это

путь одиночки, поэтому я и не хотел сближаться с этим мальчишкой слишком сильно. Возможно мне было бы легче, если бы и он это понимал, а не видел во мне какого-то старшего друга.

Я вдруг почему-то вспомнил учителя и поразился силе его души. Наши отношения с ним были примерно такими же, какими становились и у меня с Олесем. И всё же учитель смог просто разорвать их и молча уйти. Сейчас, с высоты прожитых лет, я уже понял, какое добро это было для нас обоих.

Олесь закончил с ветками, подошёл и бесцеремонно залез в одну из моих сумок.

– Ты есть не хочешь?

Он насыпал в чашки сушёных фруктов и протянул одну мне.

Я вздохнул, молча взял её, забросил в рот какую-то ягоду и стал жевать. В голове у меня творился настоящий хаос. Мне нужно было что-то сказать Олесю, как-то обобщить весь наш спор, но я не мог. Потому что это означало бы, что ему придётся уйти из Светлых и стать одним из нас. В то же, что он сможет жить такой жизнью, я не верил. Даже обстоятельства нашей с ним встречи говорили, что он не станет бегать и прятаться, а скорее уж сразу попробует дать глупый бой. И попадёт прямиком в могилу или, что ещё хуже, в их специализированную тюрьму. Учитель мне рассказывал как-то, как Светлые наказывают отступников. Маги-лекари поддер-

живают в них жизнь, которая становится единой бесконечной пыткой. И это безумие может длиться десять, двадцать, а то и все тридцать лет, пока тело наконец-то не умрёт. Олесь судя по всему не понимал этого, но из Светлых так просто не уходят. Если бы он это сделал, его бы начали искать ещё сильнее, чем даже меня сейчас.

Я поставил чашку на землю, разжёл костёр заклинанием «искры» и поглядел Олесю в глаза.

– Все люди разные и у каждого свой жизненный путь. В детстве я и предположить не мог, что однажды стану магом, да ещё и отшельником. Иногда мы выбираем свой путь сами, иногда за нас это делает жизнь. Выглядит это, как череда каких-то на первый взгляд, казалось бы, абсолютно бессвязных случайностей, но каждая из них приближает тебя к уготованному тебе пути. Какого-то божественного провидения я тут не вижу, кстати, если ты вдруг подумал, обычная работа подсознания. Мне кажется путь даже в этом случае выбирает себе сам человек, просто сам он об этом и не догадывается. Для него это всё случайности, но делает он их сам, как например ты сам пришёл сюда один вместо того, чтобы доложить обо мне своим начальникам. Это тоже случайность, которую ты создал сам.

Я замолчал потому что понял, что моя долгая речь вполне могла сбить паренька с толку. Любому человеку иногда нужно выговориться, вот и меня, кажется, немного занесло.

Олесь неуверенно улыбнулся, кивнул и забросил в рот

ещё пригоршню сухих фруктов. Для восстановления его телу нужны были силы, и я сам посоветовал ему побольше есть. На реке тем временем уже окончательно стемнело и стало ещё холодней. Я быстро проверил свои защитные заклинания и подбросил в костёр несколько веток.

– Завтра мы уходим, поэтому пока ещё есть время я всё же скажу тебе кое-что ещё. Сейчас просто выслушай и запомни, а спорить будешь потом. Так вот, душа человека не зависит от таких мелочей, как пол, возраст, страна, религия, цвет глаз или кожи и даже умение-неумение использовать магию, это всё чушь. Вам дают образ «идеального врага», чтобы объединить вас и направить вашу ненависть. И чтобы потом вами же с её помощью и управлять. Светлые извратили саму идею превосходства силы над слабостью. Вместо того, чтобы бороться с собственными пороками и становиться сильнее они стали нападать на тех, кого считают слабыми. Заметь, на тех, кого считают. Мы ведь оба понимаем, что из нас двоих я сильнее тебя. И как человек и как маг.

Я внимательно посмотрел на Олеся, но он, кажется, не обиделся и лишь молча кивнул. Именно это мне, пожалуй, в нём больше всего и нравилось. Умение признавать очевидное, уже довольно большая сила души.

Олесь вдруг поставил чашку, поднялся и снял с шеи цепочку с опознавательным знаком.

– Светлые, Светлые, Светлые... ты не забыл, что я тоже один из них?!

Он посмотрел на меня с вызовом и словно с каким-то отчаянием. Случилось то, чего я и боялся, он захотел уйти и начать новую жизнь. Прежде чем я успел его остановить, мальчишка размахнулся и бросил свой значок в темноту. Больше всего в тот миг я испугался, что услышу всплеск. С водой я могу делать некоторые фокусы, но не больше, а Олесь не понимал, что натворил.

Потеря личного знака считалась вторым по тяжести проступком у Светлых, хуже был лишь самовольный уход. По этому факту точно назначат разбирательство, и тогда вскроется уже всё. То что паренёк рассказал мне об их «школе» и прочем можно было легко подвести под предательство. И судьи вряд ли сделают скидку на то, что он какой-то особенный, скорее уж наоборот. Остальные Светлые видели в детях-магах не равных, а лишь подопытных, Олесь не сказал мне этого, но я чувствовал, что для них они не были ни магами, ни детьми. Возможно именно поэтому он и привязался ко мне так быстро. Мне было плевать ребёнок он или взрослый, маг или нет, я видел саму его душу. Олесь был сильным хоть пока и не понимал этого, не задумывался о том, что он делает и почему.

Я поднялся, торопливо потёр ладони друг о друга, наспех размял пальцы и взял посох.

– Неделя, Олесь, максимум две. Столько времени ты сможешь бегать от ваших. Я уже объяснял тебе, что Свободные – одиночки, в этом наш единственный козырь, я не смогу

взять тебя с собой.

Я постарался сосредоточиться и вспомнить форму и размер его знака. У меня было одно подходящее заклинание, но оно было, мягко говоря, непростым. Любая вещь, особенно настолько личная, со временем «заряжается» от своего владельца и её вполне можно при определённых условиях заставить излучать видимый свет. Проблема в том, что для этого маг должен максимально точно себе её представить. На воображение я не жаловался, но и заклинания с его участием не любил. Уж слишком они у меня выходили непредсказуемыми и нестабильными.

Я поднял посох повыше, представил себе значок и произнёс заклинание. Олесь, казалось, не слышал меня и молча смотрел на огонь. В его глазах читался холод, отрешённость и уверенность. Такой взгляд мог быть лишь у человека, который всё понимал. И судя по всему я зря решил, что он надеялся на мою помощь.

От земли неподалёку пошёл мягкий мерцающий свет. Я быстро зажёл над свободной рукой шарик огня и побежал туда. Мне повезло, что я не стал тратить время и сразу использовал магию. Значок всё же упал в реку, но возле самого берега и завяз в речном иле. Без помощи заклинания я бы возможно искал его до утра.

Я прополоскал значок в воде, вернулся к костру и сел на одеяло.

Олесь долго смотрел на меня, но затем вздохнул и тоже

сел.

– Я не хочу больше быть Светлым, хочу остановить это всё.

Он взял одну из веток и медленно положил её в костёр.

Я развеял заклинания, отложил посох и посмотрел на огонь.

Нельзя просто так забирать у человека веру. Нельзя изменять путь человека, если не знаешь для него иного пути. Самое страшное было в том, что теперь я уже даже не был уверен, что смогу его переубедить. У меня был один вариант, но слишком рискованный, почти такой же опасный, как и полный уход.

Я повертел знак в руках и посмотрел личный номер Олеся. У него на груди слева, под сердцем, должна была быть магическая татуировка с таким же символом и числом. Это было небольшой подстраховкой Светлых на случай проблем с подчинёнными. Стоит ему податься в бега и ловчие легко его по ней найдут.

Два-шесть, шесть-три, два-пять, два-один, один-два, всего десять цифр. Я несколько раз повторил их про себя, чтобы запомнить накрепко. Надежды на это было, конечно, немного, но возможно тот знающий, Тигран, мог нам позже как-то помочь, например, сделать так, чтобы «личное дело» Олеся слегка изменилось.

Я вздохнул, помахал рукой, чтобы привлечь внимание мальчишки и демонстративно надел его знак.

– Смотри. Что-то изменилось? Я вдруг превратился в убийцу, мародёра или насильника? Да, формально ты тоже один из Светлых, ну и что? Этот значок даёт тебе очень большую власть, но лишь ты сам решаешь, как ей пользоваться. Если же ты уйдёшь, то потеряешь всё и даже жизнь. Это ничего не изменит, твой побег, я имею в виду. Да, на какие-то несколько дней одним Светлым станет меньше, а Свободным больше и что? Тебя они просто убьют, а на твоё место тут же поставят кого-то другого. То что ты хочешь сделать не выход и даже не вариант. Кстати, ты знаешь, что этот крест, который присвоили и опорочили Светлые, очень древний символ? Солнцеворот, не слышал о таком?

Я снял значок, подбросил его в ладони и поймал. На деле он был намного тяжелее, чем казалось.

Олесь пожал плечами и потупился. Да уж, им вряд ли бы дали читать книги о таком. Ведь в самих этих книгах прямо говорится, что плохо и неправильно делать то, что они сейчас делают, что в мире всё вращается и возвращается и что однажды вся эта их извращённая правда, которая хуже лжи, обернётся и ударит по затылку их же.

– Лови. – Я бросил значок Олесю. – Стань настоящим Светлым. Доберись до самого верха, собери команду и измени вашу организацию изнутри. Если ты хочешь остановить войну, то это единственный путь к твоей цели. Настоящие Светлые должны бороться со слабостью, а не с людьми. Я могу очистить от грязи вещь, но не символ. Сможешь сде-

лать так, чтобы однажды он засиял? Чтобы люди увидели в вас, Светлых, настоящую силу и справедливость? Все люди и даже такие, как я.

Олесь задумчиво потёр большим пальцем личный номер на знаке и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я должен буду прикидываться Светлым, но быть на стороне Свободных, так?

Он ещё немного повертел значок, но затем всё же надел его.

Я подбросил в костёр пару веток, вздохнул и покачал головой. Проблема детей, да и большинства даже взрослых в том, что они всё определяют лишь с двух сторон. Думать своей головой – это означает прежде всего перестать видеть во всём лишь «за» и «против». Мир к счастью не так прост и зачастую верным оказывается совершенно иной, ещё не проложенный, а то и вовсе не открытый, путь.

Олесь вымученно улыбнулся, но его взгляд наконец потеплел и стал прежним. Выглядел мальчишка уставшим, наверняка оба решения дались ему не без труда.

– Выбор любой стороны это уже ошибка. – Я тоже улыбнулся. – У тебя должен быть свой путь, Олесь, понимаешь, свой. Отличный от пути многих. Я тоже не стараюсь быть «свободным» или «мистиком» или кем-либо ещё. Я просто маг, человек, который любит магию, вот и всё.

Я посмотрел на реку и вдруг почему-то вновь вспомнил учителя. Он при таком разговоре точно бы встал и подошёл

поближе к воде. Чем старше я становился, тем лучше понимал его странные слова и уроки. Магия, кажется, была лишь самым меньшим из того, чему он успел меня научить.

Мы с Олесем поговорили ещё немного, поели, собрали мои вещи и легли спать. Я решил, что в путь мы отправимся с раннего утра и поодиночке. Олесь по моему плану должен был идти первым, я позже на один-два часа. Для Светлых, если они будут разбираться, это будет выглядеть, как побег и погоня. В эту версию вписывались даже заклинания, которыми я собирался за ним приглядывать. Самому же Олесю я настрого наказал не беречь сил и бежать от меня, как от чудовища. Полуправду сложно опровергнуть и именно поэтому это самый эффективный вид лжи.

Спал я плохо и проснулся буквально через пару часов после того, как вроде заснул. Отдохнуть мне так и не удалось, не знаю что мне снилось, но точно что-то недоброе. В голову лезли разные бредовые мысли, варианты развития событий и прочая чушь. Я поднялся, уселся на одеяле, стал смотреть на огонь и перепросчитывать всё ещё раз. План был хорош, но в нём слишком многое зависело от самого мальчишки. Из всех ситуаций такие я не любил больше всего.

Олесь спал беспокойно: ворочался и что-то бормотал. Спустя какое-то время я не выдержал, подошёл и разбудил его. Напоследок мы быстро обсудили всё самое важное. Я объяснил Олесю, что он изначально ошибся в выборе стихии и Слова, он, как ни странно, принял эти слова молча и лишь

растерянно кивнул. По пареньку было заметно, что в мыслях он уже далеко отсюда.

Затягивать наше прощание я не стал, поднялся и протянул ему руку.

– Неси Свет, Олесь. Как знать, может ещё и свидимся.

Я ещё раз бегло оглядел его с головы до ног и кивнул. Выглядел он сейчас вполне как пленник.

Олесь крепко пожал мою руку и вдруг посмотрел куда-то вверх, за меня, на небо. Не знаю, как так вышло, но за ночь тучи на нём вдруг почему-то рассеялись. Солнце бросило первые лучи, и значок Олеся ярко блеснул, так, словно был горд находиться на шее своего владельца.

– Прощай, маг. – Олесь улыбнулся мне. – Прощай и будь Свободен.

Глава 7. Месть.

Прошло ещё два года. Мне исполнилось уже двадцать два, а моя жизнь оставалась всё такой же стабильно переменчивой. Событий было так много, что они постепенно сливались в моей памяти в какой-то единый разноцветный поток.

Я не задерживался на одном месте и старался быть постоянно в пути. Знакомство с тем знающим, Тиграном, оказалось для меня настоящим благословением. Его подчинённые, к которым я время от времени обращался, не только оказывали мне услуги, но и предлагали небольшие заказы, которые я с удовольствием выполнял. Работа была несложной: наловить рыбы, отогнать от деревни стаю волков, убить медведя-людоеда..., в общем всё то, что можно было бы сделать и без магии. Оплата, конечно, была соответствующая, как и отношение. Иной раз это слегка раздражало, но я не давал себе забывать, что незаметность – это моя основная сила. Любой Светлый, который начал бы обо мне узнавать, подумал бы, что я скорее уж дилетант, чем профи.

Выглядел я по-прежнему не старше восемнадцати, что ещё больше усиливало этот эффект. Пока мою истинную силу не мог понять даже Тигран, скорее всего он, как и все остальные, думал, что всё дело не во мне, а в моём посохе. Слегка снисходительное, покровительственное, отношение ко мне этого человека всегда меня смешило. В реальном бою

и у тысячи таких как он против меня не было ни единого шанса. Один удар воина – это одна смерть, один удар мага – десятки, если не сотни. Тиграну я естественно об этом не говорил, не хотел зря с ним ссориться. В гневе я его не видел ни разу, но что-то подсказывало мне, что до этого лучше не доводить. Самое слабое место таких людей – это их вспыльчивость. Он мог предложить мне поединок и уже спустя миг об этом пожалеть. Отступить же и забрать своё слово ему не дала бы гордость. Его имя на языке его страны означало «тигр» и если подумать, то оно действительно подходило ему. Он и правда был чем-то похож на эту большую кошку: недоверчивый, смелый и сильный. Я чувствовал, что он может быть как преданным другом, так и опасным врагом.

За эти два года я обращался к Тиграну напрямую довольно часто, хоть и понимал, что рискую. Светлые могли обратить внимание, что я кручусь возле одного города и понять, что тут что-то не так. Я же в свою очередь опасался, что лавочка Тиграна может вот-вот прикрыться, и запасался впрок. Ну и плюс в паре ситуаций мне просто не к кому было больше обратиться. В первый раз я узнавал про того мальчишку, Олеся, во второй про свою бывшую приёмную семью: мне было интересно, как они живут, и не возникло ли у них из-за меня проблем со Светлыми. Сделать это мне нужно было максимально незаметно, так, чтобы в случае чего их не подставить.

Тигран конечно брал в разы дороже, чем любой из знаю-

щих, но и работал лучше. Иной раз мне действительно казалось, что он знает всё и обо всех. Причём и о вещах и о людях. Он редко предоставлял информацию сразу и всегда брал аванс. Да и вообще если уж на то пошло был довольно странным человеком. Так, например, иногда он возвращал часть денег и объяснял, что добыть сведения в этот раз оказалось проще, чем он ожидал, иногда напротив говорил не всё и предлагал доплатить ещё за получение остальной информации. Плюс к этому узнать что-либо о других его клиентах через него было попросту невозможно. В этом случае он говорил простую фразу «прости, но он такой же человек, как и ты» и деньги не брал. Лицо его при этом становилось непроницаемым, а взгляд холодным, словно он смотрел сквозь тебя. Дураком я не был, поэтому старался просто больше никогда не задавать о том человеке вопросов. По крайней мере, Тиграну. Он же, в свою очередь, не мешал узнавать эту информацию из других источников. Судя по всему его основной целью в данном случае был самый обычный нейтралитет.

С того времени, как я стал бродягой, я просто возненавидел зимы. Перемещаться по снегу было сложно, а останавливаться нельзя. Магии плевать на такие мелочи, как температура и ветер. Заклинания обнаружения одинаково эффективны всегда. Кроме того, в это время меня почему-то вновь стали донимать кошмары. В последнюю зиму я практически не мог спать. Скорее всего моё подсознание как-то

связывало эти вещи: холод и смерть. Холод и пустота, незнание, непонимание, того что тогда в действительности произошло. Почему мои родители и вообще все, кто был мне дорог, должны были просто взять и погибнуть.

Я промучился до самой весны, а затем дал себе слово, что разберусь. Некоторые проблемы нельзя игнорировать, иначе однажды они просто поглотят твою душу и убьют тебя изнутри. Кроме того, Светлые уже всё равно всюю меня искали, так что по сути мне было особо нечего терять.

Интересно, у каждого есть воспоминания, которые не можешь забыть, даже если и пытаешься? Что вообще является основой человека, что делает его таким, какой он есть? Останется ли человек самим собой, если полностью потеряет память? Ответов на эти вопросы я не знал.

Поначалу я не хотел посвящать во всё Тиграна, решил вернуться ближе к родным местам и расспросить других знающих. Большинство из них довольно холодно относились к Светлым и обычно рассказывали всё, что знают о них довольно легко. Наверное причина тут была в самом свободолюбии этих людей, их отвращении к любой организации с чёткой иерархией.

Так было обычно, но не в этот раз. В своих попытках что-либо узнать я словно наткнулся на каменную стену. Большинство знающих молчали, а в рассказах тех, кто говорил хоть что-то, не было ни описаний, ни имён. Истинных, пусть даже и примерных, причин трагедии никто не знал. Я не мог

избавиться от ощущения, что кто-то специально уничтожил все следы. И все ниточки, которые остались, вели прямиком к Светлым. В их архивах эта информация точно должна была быть.

В бесплодных поисках я провёл весну и первые дни лета. Ночные кошмары закончились, но воспоминания о них всё ещё мешали мне засыпать: каждый раз, когда я закрывал глаза, мне казалось, что именно сегодня я увижу всё снова. В конце концов я не выдержал и решил рискнуть. Тигран был моим последним шансом.

До города я добрался на лошадях. Вышло это слегка накладно, но зато удобно и быстро. Уже знакомый мне, вечно хмурый стражник на воротах быстро оглядел меня и пропустил внутрь. Других дел у меня тут не было, поэтому я направился прямиком к Тиграну, он по-прежнему жил на самом краю города и содержал всё тот же небольшой ресторан.

По дороге через трущобы мне несколько раз попались, мягко говоря, недобро настроенные люди, но они просто проходили мимо и словно не замечали меня. Совпадением это быть не могло и лишь подтверждало мою догадку о том, что Тигран занимается не только информацией и в этом городе имеет довольно большую неформальную власть. Личное знакомство с ним словно давало какой-то иммунитет от попыток карманных краж, запугиваний или ограблений. Впрочем, и самому Тиграну подобные проблемы у его клиентов были ни к чему хотя бы потому, что они могли при-

влечь слишком много внимания и к его «бизнесу».

Я зашёл в ресторан, подошёл к стойке бара и попросил позвать хозяина. Бессменный толстяк бармен доброжелательно мне улыбнулся и молча кивнул официанту, тот торопливо сбросил фартук и куда-то убежал.

Бармен налил мне яблочного сока, бросил в него три кубика льда и подмигнул. Память у этого человека действительно была отменная. Я почувствовал, что не могу сдерживать улыбки. Всё же такие вот мелочи иногда тоже довольно важны. Это был тот самый редкий случай человека на своём месте. Сложно было бы представить этот ресторан без него.

Настроение у меня слегка поднялось. Я взял стакан и направился к приватной угловой кабинке. В этом месте я был не в первый раз, и мне не нужно было уже что-либо объяснять.

Посетители продолжали пить, есть и негромко беседовать. На моё появление обратили внимание лишь парни-охранники за столом у входа. Взгляд их лидера был каким-то довольно жёстким, профессиональным, ощупывающим, я чувствовал, что он прекрасно знает, кто мы, Свободные и чего от нас ожидать. Впрочем он, как и Тигран, сильно недооценивал наши или мои способности, так спустя ещё какой-то миг он лишь кивнул мне и вернулся к разговору с парнями.

Я прошёл сквозь ряд столов, уселся за столик кабинки, но дверь закрывать не стал. Тигран мог и задержаться, а ждать

его в полной тишине я не хотел. Не знаю уж, что за мастер делал тут защиту от прослушки, но своё дело он точно знал.

Сок был холодным и вкусным, музыка приятной, да и вообще я не особо спешил. Вообще если уж на то пошло, то мне здесь скорее нравилось, чем наоборот. Это местечко было едва ли не единственным, где я мог более-менее расслабиться. Оно было неброским, довольно уютным и словно каким-то зрительно маленьким. Из посетителей тут чаще всего собирались лишь завсегдатаи, одни и те же люди. За всё это время я ни разу не видел тут ни потасовок, ни даже серьёзных ссор. Все конфликты решались снаружи и даже не близко к самому ресторанчику. Впрочем, с такой охраной это было и неудивительно. Интересно было лишь кто доводит до всех эти правила. И почему в таком случае он не объяснил их и мне.

Я отпил сока, прислушался и достал небольшую деревянную табличку. Судя по началу песни, которая звучала в зале, она была вполне достойна пополнить мою коллекцию. Музыка была довольно жёсткой, а в самой песне говорилось о свободе, море и холодном ветре.

Было одно заклинание магии талисманов, которое я специально искал и на которое тренировался. Оно позволяло захватить любую мелодию или песню и вложить её в какой-либо предмет. Я для этой цели использовал такие вот небольшие связанные таблички, вроде чётков. Из всех вещей, которые у меня были, их я берёг и боялся потерять больше все-

го. Остальное всё можно было купить, починить или вообще сделать заново, любое искусство же зачастую не может повторить даже его творец, он может сделать похожее, лучшее или худшее, но такое же никогда.

Сложнее всего сохранить то, что нельзя скопировать без потери качества. Книги – наиболее устойчивый вид искусства, рисунок – самый уязвимый. Музыка и песни находятся где-то посередине между ними. Странно всё же, что люди не задумываются об этом, не понимают таких очевидных вещей. Табуретка, которая куплена на базаре, восстановима, любой рисунок их ребёнка – нет. Большинство же вообще не видят этой разницы и берегут совсем не то, что нужно беречь.

Я допил сок, отставил стакан и набросил на табличку окончание заклинания – закрепление. Спустя ещё миг входная дверь ресторана хлопнула, и народ в зале тут же слегка притих. Я повесил новую табличку на связку и с сожалением убрал остальные пустые в сумку. В кабинку лёгкой, какой-то слегка кошачьей походкой, вошёл Тигран и уселся напротив.

– Мой добрый знакомый, Свободный маг. Какими судьбами? – Он с неодобрением покосился на мой пустой стакан. К кабинке подошёл официант и замер на пороге. Тигран бросил на него быстрый взгляд. – Что мне ты знаешь, что нашему гостю тоже. И чтоб никакой соли, ясно?

Он повелительно взмахнул рукой. Официант слегка поклонился и вышел.

Я пожал плечами, улыбнулся, достал из сумки карту и положил на стол. К этому разговору я уже подготовился и точно знал, что буду спрашивать и говорить.

Тигран тяжело вздохнул и недовольно прищурился.

– Слушай, Свободный, ты совсем не меняешься. Сначала еда, потом дела, ведь так?

Он взял мою карту и демонстративно отодвинул её на край стола. Я вновь пожал плечами и лишь удивлённо приподнял бровь. Насколько я знал, их традиции запрещают им есть с кем попало: судя по всему мне только что была оказана довольно высокая честь.

В кабинку вошёл официант и поставил на стол два подноса, на миг вышел и принёс ещё два.

Тигран придирчиво оглядел стол, кивнул, взмахом руки отослал официанта и закрыл дверь.

– Мясо и вино мне. Салаты, фрукты и сок тебе. Вроде ничего не напутали. Если ещё что особое нужно говори, не стесняйся. Времени в последнее время совсем нет, вот и решил перекусить пока обсуждаем. Ты ведь понимаешь, я не с каждым могу поесть.

Он посмотрел мне в глаза слегка пристально и самодовольно ухмыльнулся. По нему было заметно, что моя растерянность ему льстит.

Я налил себе сока, приподнял стакан и немного отпил, получилось что-то вроде небольшого бессловесного тоста. Ухмылка на лице Тиграна тут же стала ещё шире, он плеснул

себе вина, поддержав мой «тост», отпил и бросил себе на тарелку огромный ломоть мяса, я, чтобы не отставать, взял на пробу понемногу разных салатов, вместо соли в них действительно оказался обычный лимонный сок.

Забавно было всё же, что мои привычки в еде не осуждал именно Тигран, ведь судя по тому, что я сейчас видел, у него они были прямо противоположные. Я был почти уверен, что чаще всего он ест солёное, острое, жаренное и мясо, в общем как раз всё то, что я себе в своё время есть строго-настро-го запретил. Тогда я ещё не знал с какими неожиданными проблемами мне после этого придётся столкнуться. Учитель действительно был прав, когда говорил, что люди не любят и боятся непохожих, они изначально против любых ограничений, которые человек устанавливает для себя сам. При этом эти же самые люди не имеют ничего против общих ограничений законов, наверное как раз потому, что они действуют на всех, обезличивают и уравнивают.

Интересно, сколько бы людей осмелились есть соль, если бы её запретили Светлые? Или даже не Светлые, а например просто какая-нибудь новая сверхмодная традиция. Готов поспорить, что после этого тех, кто её ест, непохожих, все бы осуждали или жалели. Вот и сейчас происходит всё то же самое, но только с точностью до наоборот. Есть соль, жирное, острое, вредное почему-то считается нормальным, а не есть нет. «Все же едят и ничего», говорят люди словно самый весомый аргумент. Объяснять и доказывать что-либо в данном

случае просто бесполезно. Они всё равно будут высмеивать логику и не позволят себя переубедить. Да и вообще, если все добровольно укорачивают себе жизнь – это их проблема. Раздражает вот только, что при этом они постоянно цепляются ко всем остальным.

Чуть позже я научился заканчивать такие споры одной расхожей фразой. «Сколько людей – столько путей», – говорил я и многозначительно замолкал. При этом я намекал на свою приверженность одной довольно экзотической вере. На меня конечно смотрели по-прежнему странно, но уже хоть не лезли так. Скорее всего как раз потому, что я прикрывался связью с традициями, а значит как бы запрещал себе не сам, не выделялся.

Соль и мясо рыб и птиц я, кстати, всё же ел, но в совсем малом, незначительном, количестве, которое однажды, уже довольно давно, определил для себя сам опытным путём. Любые оздоровительные практики бесполезны, а зачастую и вовсе вредны, если применять их «по книге», бездумно: они не могут совершенно одинаково действовать на всех людей.

Я оторвал виноградину, повертел её в пальцах и отправил в рот. Хлеб я не ел уже давно, а вот привычка заедать хоть чем-нибудь основное блюдо осталась. Тигран проследил за мной с нескрываемым интересом и словно даже каким-то уважением.

– Нет, ну не умеют же готовить.

Он тяжело вздохнул, взял перечницу, густо посыпал кусок

мяса и тут же впился в него зубами.

Я улыбнулся, подложил себе ещё самого вкусного из салатов и уже всерьёз принялся за еду.

Разговор у нас как-то не клеился, скорее всего потому что мы были слишком разные. Болтать о пустом не хотелось, а кроме работы нас вроде бы и не связывало ничего. Кроме того, я не хотел использовать свою обычную маску доброжелательности. Тигран оказал мне доверие этим обедом, и было бы нечестно вот так его обмануть.

Я закончил есть первым, наверное сказалась привычка не тратить время зря. Тигран посмотрел неодобрительно, но ничего не сказал и лишь кивнул. Сам он провозился ещё где-то четверть часа, затем вызвал официанта, тот быстро всё убрал, протёр стол и заменил вино, сок и лёд на новые. Взгляд Тиграна тут же стал каким-то более собранным и профессиональным.

Он поднялся, закрыл дверь на щеколду и развернул на столе мою карту.

– Слушай, Свободный, ты больше любишь людей или вещи?

Тигран присел и подвинулся чуть ближе к столу.

Я подавил тяжёлый вздох и заставил себя улыбнуться.

– Сейчас почему-то людей, хотя люблю это вряд ли. Есть небольшая деревня вот здесь.

Я указал пальцем на отмеченную точку на карте. Область вокруг неё была обведена и залита зловещим коричнево-зе-

лёным цветом.

Тигран взглянул на карту, неторопливо налил себе вина и бросил в него лёд.

– Была, я слышал.

Он прищурился и внимательно меня изучал. В глубине его глаз таилось лёгкое удивление. В первый раз я просил его найти человека, а не вещь. Да ещё и плюс к этому человека из такого прошлого. Я тоже плеснул себе сока, отпил, собрался с мыслями и посмотрел на Тиграна.

– Знаешь, бывает так, живёт семья, живёт счастливо, а потом вдруг один бродячий мистик убивает в их деревне всех, всю деревню. Я слышал о подобном, но всё лишь какие-то слухи да домыслы. Кроме того, окончание этой истории я не знаю. Светлые схватили того Свободного вроде бы, но вот где он сейчас, жив ли, чем занимается...

Я бросил в стакан лёд и слегка его покрутил.

Тигран задумчиво посмотрел на карту и что-то прикинул в уме.

– Интересная история. Действительно жаль, что неизвестен конец. Цена предыдущая, но умножай на десять. Человек не вещь, плюс время, сам понимаешь, ведь так?

Он прохладно-вежливо мне улыбнулся. Я сдержал вздох облегчения и лишь кивнул. Сделка была заключена.

На поиск информации у Тиграна ушла неделя. Всё это время мне пришлось жить в городе и не скажу, что я был

этому слишком рад. Даже само количество людей вокруг уже раздражало меня, действовало мне на нервы. Может кому-то подобное и даёт силу, но явно не мне.

Папка, которую мне передал Тигран, сильно смахивала на копию досье какой-то организации. Хотя, учитывая его связи, было в общем-то вполне понятно какой. Никогда не думал, что смогу вот так просто копаться в секретных документах Светлых. Все даты и часы тут были точными, а вместо имени человека везде упоминался лишь его номер. С кем встречался «объект», когда, где, о чём говорил, что делал, в общем здесь было всё.

Я расплатился с Тиграном и наконец смог уехать из города, чтобы спокойно это изучить. Кроме того, мне не мешало попрактиковаться в магии, я прямо чувствовал, что ослабел. Впрочем, конечно, возможно это сказывалась обычная психологическая усталость. Спешить мне особенно было некуда и на всё это я потратил ещё почти неделю. Мои заклинания выходили всё лучше, а неприязнь к человеку из досье лишь росла.

С первых страниц мне стало ясно о каком типе людей здесь идёт речь. Манипуляторы. О них учитель в своё время предупреждал меня отдельно. У этих людей нет ничего святого. Они окружают себя паутиной лжи и живут в ней. Цели у них при этом самые мелкие, приземлённые и обычные. «Хочу больше денег», «хочу больше власти», «хочу больше дом», «хочу», «хочу», «хочу»... Они гребут всё под себя и

никак не могут остановиться. Наверное даже все богатства мира не смогли бы насытить их.

Для достижения своих целей манипуляторы используют любые, даже самые грязные и бесчестные методы, топчут и давят всех, перешагивают и через семью и через друзей. Другие люди для них лишь куклы в их игре, они врут им и этой ложью вертят ими.

Чтобы заполучить в свои сети женщину они лгут ей о любви, если не выходит прикидываются другом и делают так, что она расстаётся со своим возлюбленным, лгут и ему и ей, пускают меж ними ростки будущей ссоры.

В обществе они стараются слыть добропорядочными, ведь это позволяет им легче врать, быстрее влазить в уже подготовленные души. В этом им помогает репутация «честного семьянина», «хорошего отца», «верного друга», «патриота» или любая другая, которую они сами себе тщательно создают и за которой прячутся. Делают они кстати это довольно легко: просто рассказывают о «себе» и «своих делах» всем и каждому, естественно, что при этом о плохом они умалчивают, а хорошее увеличивают до небес. Никто ведь всё равно не станет проверять их слова, а зачастую это вообще нельзя будет сделать. В крайнем случае люди считают всё это самым обычным фантазёрством или хвастовством, а зря. Манипуляторы всегда точно знают, что и зачем они делают и скорее уж циники, чем фантазёры.

Маску человека «не от мира сего», нелогичного, они то-

же используют, кстати, довольно часто. Она позволяет им защищаться от честных людей, тех, кто не выносит несправедливости. Такие люди, как правило, довольно великодушны, что манипуляторы и используют против них. Ведь мало кто захочет связываться с дурачком-фантазёром, которому и так плохо от недостатка ума. С точки зрения человека простого и честного это тоже будет подло, неправильно и несправедливо. Ещё манипуляторы жалуются на то что у них нет денег, их все вечно обманывают и так далее. И всё это тоже входит в часть маски, за которую они прячутся, в часть их грязной игры. Легко ли будет спросить долг с человека, о котором все знают, что у него и так постоянно нет денег? И что после этого о тебе скажут ваши общие друзья, родственники, да и даже просто знакомые? Редкий человек в этом случае сможет отбросить в сторону их мнение и всё же добиться своего.

Манипуляторам нельзя верить на слово, они могут нарушить его в любой миг. При этом всю вину за нарушение договора они, скорее всего, свалят на тебя же, по крайней мере, в глазах большинства их друзей, родни, знакомых и так далее. Я старался просто не иметь дел с такими людьми и держаться от них подальше, но вообще учитель в своё время приводил мне хорошие выражения на этот счёт: «некоторым людям не подавай руки, а лишь лапу и неплохо бы с когтями», «прощая подлость, ты тем самым помогаешь сделать ещё одну». Нельзя прощать человека, если понимаешь, что он обманул тебя совершенно осознанно. Нельзя, даже если

он изображает раскаяние, но при этом ты сам уверен, что он лжёт.

Одним из излюбленных ходов манипуляторов является именно показная капитуляция. Она позволяет им выгадать время, присмотреться к тебе и отыскать твои слабые места. Или, как вариант, найти себе сильных союзников в борьбе с тобой, тех, перед кем ты уязвим. Это может оказаться твой лучший друг, близкий родственник, а то и вовсе жена или ребёнок. В итоге чем добрее, честнее и миролюбивее человек, тем опаснее для него такие кровопийцы.

Но даже при всей их хитрости и изворотливости манипуляторам вполне можно успешно противостоять. В этом случае нужно просто отбросить все эмоции, гасить их и думать лишь логикой. Слова и действия такого человека нужно воспринимать несерьёзно, лишь как игру. И всегда помнить, что то что ты видишь может быть лишь маской, одной из многих. Манипулятор может потом сменить её и ещё и ещё до тех пор, пока не подберёт к тебе ключ. Всем своим близким нужно сразу напрямую объяснить, что это за человек и как он действует. И при этом своих эмоций отвращения, злости и прямой ненависти к нему не скрывать. Действовать тут нужно лишь правдой, обращать внимание людей на дыры в его лжи. И ни в коем случае, никогда и ни за что не пытаться лгать и его переманипулировать. Это очень заразно и затягивает, ты и сам не заметишь, как станешь таким же как он. Ну и конечно не прощать его, не отступать при полной по-

беде, давить его до конца. Тому, кто убегает с дуэли, нужно стрелять в спину. Мразь, которую прижал к стене, нужно добивать. Когда он поймёт, что ты не остановишься, то сбежит сам. Манипуляторы не герои и своя шкура им дороже всего.

Самое смешное и грустное, что мне несколько раз даже встречались книги с заголовками типа: «как легко манипулировать людьми и достигать любых целей», «как стать профессиональным манипулятором за семь дней» и прочие подобные, в общем уже отравленные своим манипулятором люди отравляли других, учили их этой мерзости. Хотя если бы я сам писал о них книгу, то назвал бы их в ней недолюдьми. Скользкие, подлые, наглые, хитрые, они врут и лицемерят с каждым. Я даже не уверен, что у них вообще есть какое-то собственное лицо.

Вот и человек из досье был абсолютно таким же. Как оказалось, кстати, даже в нашу деревню он тогда ходил не сам. Светлые вышли на него уже сравнительно недавно: всего около двух лет назад. Щагр, как звали этого человека, жил в довольно большой деревне ближе к центру страны. Работал он каким-то мелким лавочником, занимался в основном скупкой и перепродажей. При этом самое интересное, что по данным Светлых это вообще был даже не маг. Впрочем, конечно возможно он просто слишком хорошо маскировался.

К концу досье у меня понемногу начала составляться полная картина событий. Вначале, тринадцать лет назад, Щагр нашёл где-то заклинание и решил его применить. Мотив его

при этом мне был пока что по-прежнему непонятен. Одного беглого взгляда мне хватило, чтобы понять, что заклинание это явно далеко от совершенства. Произнести его мог лишь человек обычный, потому что любой маг сразу бы понял, чем это грозит. Секрет жуткой силы заклинания был прост: его творец приносил в жертву себя и свою душу, естественно, что в таком случае первым умирал он сам, и вряд ли это было безболезненно. Интересно, что такого мог наплести Щагр этому несчастному, чего тот ждал? Ему ведь судя по останкам, которые нашли Светлые, всего около шестнадцати было.

Самому Щагру, кстати, если прикинуть, на тот момент было чуть меньше тридцати. Похоже сам он знал о возможных последствиях применения заклинания, или, по крайней мере, точно догадывался. За время своих странствий я повидал много разных людей, и даже манипуляторов, но не таких. В общем он нашёл где-то юнца, мальчишку шестнадцати лет и отправил его в нашу деревню. И это при том, что до неё было как минимум несколько недель пешего пути. Чем и как он смог заставить его пойти на такое безумие тоже оставалось загадкой.

Мальчишка пришёл к нам где-то в начале того проклятого лета и остановился неподалёку. Пару дней он готовился, а затем прочитал заклинание и убил этим себя, а заодно и всех нас. Причём именно всех, потому что какая-то часть меня тогда всё-таки умерла.

Когда всё закончилось, Светлые сожгли то, что осталось от нашей деревни, дотла. Узнали они обо всём намного раньше, но лишь наблюдали, не вмешивались. После смерти его творца это заклинание уже нельзя было остановить. Вернее скорее всего можно было, но это было бы слишком затратно и хлопотно. Старший их отряда решил, что проще пожертвовать одной захудалой деревней. Докладывать наверх, беспокоить вышестоящих и просить помощи он не хотел.

В итоге их же отряду и было поручено разобраться во всём этом до конца. Спустя ещё месяц или два они отследили тип бумаги и прочее и вышли на Щагра. Он, кстати, к тому моменту был месяц, как женат, а его жена уже даже была беременна.

Светлые пришли в их деревню, но тут произошло что-то действительно странное. Не знаю уж как и каким образом, но Щагр смог договориться со старшим того отряда. Все обвинения против него были сняты, а улики таинственным образом исчезли. Спустя же ещё месяца три дело было объявлено нераскрытым и ушло в архив. Тому Светлому, старшему отряда, был объявлен строгий выговор и понижение.

После тех событий старший отряда каждый год зачем-то стал наведываться в деревню Щагра, логично предположить, что он просто-напросто шантажировал того и заставлял платить. Досье это, которое я читал, кстати, судя по всему вёл человек из внутренней службы безопасности Светлых. Уровень связей Тиграна не переставал меня поражать. Все фак-

ты были изложены строго и сухо, без следа эмоций, оценок или прикрас.

Дальнейшее следствие по этому делу, кажется, тоже вёл составитель этого досье. Светлые начали его после внезапной смерти того бывшего старшего отряда. Произошло это всего два года назад, когда тот вновь наведлся к Щагру.

Не знаю уж чего ожидал Щагр, почему это сделал, но тут он явно просчитался. Убийство Светлого, пусть даже и такого, это далеко не убийство простых селян. Такое их организация не прощает, и каждый случай попадает на особый контроль. Даже мы, Свободные, в схватках со Светлячками до последнего стараемся не убивать, ну, кроме отдельных, конечно, совсем безрассудных или фанатиков-революционеров, но они, как утверждали мой учитель, Тигран, да и почти все знающие, которых я знал, долго не живут.

В общем естественно, что под подозрение Светлых сразу попал именно Щагр. Многие в той деревне видели к кому бывший старший отряда постоянно приезжал. Следовательно, тот кто вёл это досье, покрутился там немного и сделал вид, что уехал. Чего чего, а веры в свою интуицию и терпения у этого человека было явно не занимать. Он не стал торопиться сразу брать Щагра, а просто следил за ним, изучал его жизнь и ждал. Так он пытался выйти на его поставщика, узнать где Щагр смог раздобыть эти заклинания. Плюс к этому он почти сразу поднял из архива то дело о нашей деревне и объединил его со своим.

Интересно, что при всей своей изворотливости, манипулятор Щагр был человеком недалёким. Наверняка он и не предполагал, что Светлые умеют действовать в частности и незаметно. Возможно его успокоило само время, всё же столько лет прошло, а он всё жил себе и жил.

С женой они полтора года назад расстались, и он нашёл себе женщину намного моложе. Дети, девочка одиннадцати лет и мальчик семи, естественно, остались с матерью.

«О, какой хороший отец, глава семейства», – наверняка говорили тогда многие про Щагра, – «Какие красивые у него их общие портреты на стенах: его и его детей. И даже как-то странно, что он расстался с женой, наверняка она была просто мегера. Ну ничего, он нашёл себе моложе и лучше и наконец-то получил от жизни, что заслужил». Правда была спрятана так хорошо, что поначалу даже следователь Светлых ему поверил. Хорошо, что потом он решил копнуть чуть глубже и лично убедиться во всём.

На самом деле бывшая жена и дети уже давно были для Щагра лишь пешками в его игре, он пользовался ими, как удобным инструментом для получения тех или иных жизненных благ. Это, кстати, и было основной причиной того, что с женой они в конце концов всё же расстались. Щагр просаживал кучи денег на развлечения и любовницу, а списывал всё на жену и детей. То что его семья в этот момент живёт впроголодь его волновало мало, он думал лишь о себе. Всем он рассказывал, что подновляет дом, покупает им но-

вую одежду, игрушки и прочее. На деле же у его жены и детей в тот момент из еды была одна лишь дешёвая крупа. Денег, которые он им давал, к концу месяца часто не хватало даже на хлеб и соль.

Забавно, что партнёр Шагра по торговому делу безоговорочно тому верил, ведь суммы-то Шагр забирал из их общего дела абсолютно безумные, что ни говори, а в оплетании людей ложью у этого человека явно был талант. Удобно прикрываться детьми, когда хочешь чего-то добиться. К тому же их легко можно кинуть, как только они окажутся не нужны.

«Мне нужно больше денег, жена и дети их вечно куда-то тратят», – постоянно твердил Шагр. Дома он устраивал как бы из-за этого скандалы, злился и до хрипа орал на жену и детей. Его маска была идеальна: никто бы и никогда не поверил, что он наглый вымогатель и лжец. Интересно, что в этот миг чувствовала его совесть, она-то ведь знала, что он тратит всё сам.

Когда они расходились с женой, ей Шагр оставил один лишь старый дом и обещания помогать детям. Она до последнего верила, что он плохо относится лишь к ней одной, но их действительно любит. Кстати, если подумать, то она со своей глупой наивностью тоже была не слишком хорошей матерью. Взрослый человек должен быть прагматичнее, не должен принимать на веру то что касается его детей.

Год назад, через полгода после его ухода, жена Шагра тяжело заболела и умерла, а дети остались одни. Хотя, по на-

блюдениям следователя Светлых, после этого их жизнь почти не изменилась. Уже до этого старшая девочка взяла на себя обязанности взрослой и научилась делать всё сама. Заниматься детьми Шагр особо не собирался, денег давал им по-прежнему очень мало, если вообще давал. В какие-то месяцы он просто говорил, что взять их ему неоткуда и он тоже сам монеты не чеканит. Нет, он, конечно, всё равно заходил к детям иногда, чтобы сохранить репутацию, но не более. И всё жаловался дочери, что совсем плохо идёт торговля и что кругом у него одни долги. Она же в свою очередь жалела его, а иногда так и утешала, угощала, если было чем. Дети – они намного добрее взрослых, вот её отец и пользовался её добротой. Ну и конечно на их дни рождения он обязательно приносил им показной большой торт: все ведь должны были видеть, как он хорошо относится к своим детям, даже балует их. Девочка молчала, потому что понимала, что её слова ничего не изменят, что в любом случае все будут винить их, а не его, а может быть за свою жизнь и глядя на свою мать, она просто ко всему этому привыкла.

Наконец, спустя ещё полгода, Шагра арестовали и отправили в тюрьму. Его молодая жена на первом же допросе рассказала Светлым всё, что только знала, не знаю уж, что её связывало со Шагром, но это явно была не любовь. С её слов сообщник Шагра, Свободный – поставщик заклинаний, был уже давно мёртв: как оказалось после случая с нашей деревней Шагр каким-то образом убил его, а тело спрятал. Этот

факт я на всякий случай постарался запомнить накрепко: если Щагр смог убить одного мага, то наверняка может и другого, тем более, что за это время он стал старше, а значит и опаснее.

Интересно, что арест Щагра никак не коснулся его детей, а ведь забирать на допросы всю семью было обычной практикой Светлых. Возраст тут был почти неважен, детей брали начиная с пяти лет. В случае же Щагра сам следователь защитил их от этого, своим словом, своими показаниями, он спас их от допросов, а возможно и пыток. Редкий человек смог бы не побояться и так поступить. Представляю, что бы ему было, если бы ему не поверили, возможно и поэтому он всё так досконально раскапывал и узнавал.

На этом досье кончалось и дальше шли уже приложения. В них был адрес тюрьмы, текст заклинания и даже карандашный портрет Щагра. Тигран выполнил свою работу идеально, и всё же мне было этого мало. Я так и не получил ответа на свой главный вопрос. Светлых больше интересовало, «что» и «как» Щагр сделал, а меня «зачем». Какова была его цель? Для чего он принёс в жертву столько жизней? Я понял, что успокоюсь лишь когда найду Щагра и заставлю его рассказать мне всё.

Две недели у меня ушло на то чтобы подготовиться и добраться до тюрьмы. Проникнуть я туда, естественно, решил ночью и по возможности незаметно, то что это была тюрь-

ма для обычных людей мало что меняло, даже в этом случае мой план был сущим безумием и я это понимал. В одиночку вторгнуться на любой объект Светлых – это самоубийство, большей глупости я не делал, пожалуй, и за всю свою жизнь. Кроме того, у меня совсем не было времени на разведку, я даже не знал есть ли у них тут сторожа-маги и если да, то сколько их, в общем в вечер перед вылазкой мне было о чём подумать.

Время тянулось медленно, и до выбранных мной трёх часов ночи я еле дотерпел. Вещи я спрятал неподалёку и с собой взял лишь самое необходимое: посох, длинную верёвку с крюком-кошкой на конце, сплошную тряпичную маску с прорезями для глаз, моток ткани, мягкие перчатки, амулет-отмычку, лечебный амулет и наплечную сумку с книгами по магии из тех областей, в которых я был особенно слаб, просто на всякий случай.

Мне повезло, и небо было сплошь затянуто тучами, в воздухе стояла особая ночная прохлада и тишина. Стена вокруг тюрьмы была высотой в три дома и выглядела довольно старой и обшарпанной. Я медленно подошёл ближе и остановился от неё примерно в ста шагах. Отступить было поздно, как и думать о том, что может мне помешать.

Я произнёс заклинание «обнаружения скрытого», подождал пока глаза перестанет жечь и пригляделся. Всё было, как я и предположил: вокруг тюрьмы шла сплошная полоса магических ловушек. Светлячки всегда больше полагались

на магию, а не на людей, в конце концов она неподкупна, довольно надёжна, а главное ей не нужно платить.

Я быстро обмотал ноги толстым слоем ткани и надел маску и перчатки. Магию я всё равно пока больше применять не собирался, а случайный шум вполне мог меня раскрыть. Магические ловушки были старыми и практически разрядившимися от времени, большинство из них я даже не обезвреживал, а просто-напросто обходил.

Спустя примерно четверть часа защитная полоса кончилась, и я подошёл к стене. Закинуть на неё крюк и перелезть тоже оказалось делом не таким уж и сложным. Тело своё я поддерживал в форме и каждый день начинал с довольно серьёзных физических упражнений. Была одна такая древняя практика, которая заключалась в методичном переборе различных оздоравливающих поз. Силы она давала не так уж и много, но вот выносливости хоть отбавляй и мне, как магу, это вполне подходило.

Конечно тот способ, который я выбрал, чтобы добраться до Шагра, был довольно примитивным. Можно было, к примеру, использовать какое-нибудь экзотическое заклинание, вроде того же «очарования» или «сна». В первом случае охранники бы пропустили меня сами, во втором просто заснули бы глубоким беспробудным сном. Однако и то и другое не было стихийной магией, а значит в любом случае отняло бы у меня целую прорву сил. Кроме того, я не хотел оставлять следов, особенно магических. Всё же проникнове-

ние в тюрьму обычного человека – это одно, а мага совсем другое. И расследовать эти вещи в случае чего будут совершенно разные люди.

Я снял верёвку, огляделся и развеял заклинание «обнаружения скрытого». Магических ловушек здесь вроде бы уже не было, а моим глазам срочно нужно было дать отдохнуть. При длительном или неправильном применении магия трансформы повреждает тело, вернее она в любом случае его повреждает, но в какой-то момент этот процесс уже становится необратим.

Здание тюрьмы было довольно большим, но тоже старым, ветхим и обшарпанным. Решётки на некоторых окнах уже давно проржавели и развалились, но их видимо никто не хотел чинить. Заключённых из этих камер скорее всего просто переводили в другие, или вообще в другую тюрьму. Судя по тому, что я видел, это место уже явно доживало свой век.

Сторожевых собак здесь тоже судя по всему не было, хотя я больше всего опасался именно их. Животное – не человек, его невозможно запугать и заставить вести себя тихо, да и скорость и громкость лая у той породы, которую разводят Светлые, ещё та. Хорошо хоть эти псы часто болеют и жутко дорогие и редкие. Всего одна такая собака могла свести мои шансы на бескровный успех практически к нулю.

Я пригнулся, подбежал ближе к зданию и нашёл три сломанные оконные решётки подряд. Внутри мне нужно было попасть в любом случае, а это был пожалуй самый лучший

путь. Я подпрыгнул, уцепился за центральную решётку и протиснулся сквозь её прутья в камеру. Внутри было темно, холодно и пахло пылью, сыростью и плесенью. Дверь-решётка почему-то была приоткрыта, и в коридоре за ней тоже было темно.

Я ненадолго замер и прислушался, но вокруг стояла тишина. Судя по всему я не ошибся и соседние камеры тоже пустовали. Я боком выскользнул из камеры и прошёл по длинному коридору, он кончался массивной железной дверью, из-за которой шёл мягкий мерцающий свет.

Дальше по моему плану должно было начаться самое неприятное и опасное. Стоять и раздумывать смысла не было, тем более, что время было против меня. Я достал амулет-отмычку, вскрыл замок, несколько раз глубоко вздохнул и толкнул дверь. Она открылась настежь, но с громким и протяжным лязгом и скрипом. Я быстро наклонил посох, перехватил его поудобнее и шагнул в проём. Единственными моими козырями в этой ситуации были скорость и неожиданность.

В небольшой комнатке охраны оказалось тепло, светло и словно даже как-то уютно. У дальней стены стоял массивный деревянный стол, за которым полулёжа сидел охранник. Я направил посох на него и быстро огляделся. Больше в комнате никого не было, а он меня словно бы и не замечал. Спустя ещё миг я понял, что он не прикидывается, а действительно крепко спит: сыграть такое мирное и глубокое дыхание было

попросту невозможно.

Судя по одежде магом охранник не был и на вид ему было уже примерно лет за пятьдесят. Он был не то чтобы слишком толстым, но пухлым и низким, наверное от этого его лицо выглядело добродушно, а не жёстко или хотя бы строго, да и вообще, если уж на то пошло, он был скорее уж похож на сельского пекаря, чем на охранника тюрьмы: видимо когда тут всё начало разваливаться сюда перевели на работу всех штрафников и лентяев.

Я припустил посох, тихо подошёл к столу и взял журнал. Раз уж всё так сложилось глупо было бы не узнать где сейчас держат Щагра. Журнал был заполнен едва ли наполовину и судя по почерку одной и той же рукой. Интуиция мне подсказывала, что тут явно что-то нечисто. Либо журнал заполняли перед проверкой, либо, что скорее всего, переписывали, чтобы что-то скрыть. Впрочем, меня это всё не касалось, если конечно не касалось Щагра. Я нашёл, что искал, положил журнал на место и тихо вышел из комнаты.

На безуспешный поиск нужной камеры у меня ушло ещё едва ли не полчаса. Коридоры тюрьмы были извилистыми, а номера на части камер переписаны или вообще стёрты. Один раз за всё это время мне попалась камера с нужным номером, но она оказалась пуста. В конце концов мне пришлось сдать и вернуться в комнату охраны. Блуждать вслепую и будить всех подряд заключённых я не хотел.

Я подошёл к столу, остановился напротив и легонько

толкнул охранника концом посоха в плечо. На самом деле будить его мне тоже не хотелось, но это был единственный способ всё узнать. Охранник с шумом втянул носом воздух, так, словно вынырнул из воды, вскочил, продрал глаза и ошарашенно уставился на меня и мой посох, я, в ответ на немой вопрос в его глазах, лишь кивнул. Никто из Светлячков никогда бы не подумал, что Свободный может заявиться в их тюрьму сам, на что в общем-то у меня и был самый большой расчёт, когда я только всё это планировал.

Охранник каким-то чудом взял себя в руки, быстро залез в стол и достал оттуда небольшую деревянную дубинку. Я рефлекторно окружил своё тело заклинанием щита от физических повреждений. Подобную ситуацию я тоже просчитывал, хоть она и была маловероятна, кроме того, я ожидал, что он достанет хотя бы арбалет или меч.

Охранник вышел из-за стола и шагнул ко мне.

– Стой где стоишь, мистик, и брось эту свою штуку. Если сдашься по хорошему, это потом учтут, если нет, я вынужден буду применить силу.

Он нахмурился и демонстративно похлопал дубинкой по открытой ладони другой руки.

Я на всякий случай быстро проверил его оружие на магию и улыбнулся.

– Силу? А ты, что, маг?

Я сделал шаг назад, к коридору, и наклонил посох. Сохранять дистанцию в поединке меня тоже заставлял уже ре-

флекс. Вообще же ситуация эта была скорее комичной. О поединке воина и мага нельзя говорить всерьёз, если конечно маг не истощён настолько, что едва не теряет сознание, и если воин не напал неожиданно и не приставил сходу к его горлу свой меч. И то в последнем случае есть довольно большой простор для незаметных заклинаний. Воинам Светлых было настрого запрещено пытаться схватить Свободного самостоятельно, и, конечно же, любой из нас прекрасно об этом знал.

Охранник на миг замешкался, но затем лишь перехватил свою дубинку поудобнее.

– Я всё равно буду бороться!

Он замахнулся и судя по всему приготовился атаковать. Выбора он мне не оставил, хотя человек видимо был и неплохой: сражаться вот так, до последнего, без шанса на успех, редко кто на это способен, да и драться с самого начала он не хотел, пытался решить всё миром.

Я торопливо прицелился и ударил по оружию охранника заклинанием «искры», сделать его при этом я постарался максимально слабым, но быстрым, за время своих тренировок я понял, что лишь это может сохранить моему противнику жизнь. С конца моего посоха сорвалась вспышка яркого света. До этого я и не думал, что «искру» можно так разогнать. Моменты удара и попадания почти совпали. Дубинка охранника вспыхнула, почернела и рассыпалась пеплом, он громко вскрикнул и бросил обугленный огрызок на пол, ожог он, судя по его лицу, тоже получил неслабый. Комнатку

заполнил удушливый едкий дым.

Я развеял заклинание щита и вернул посох в вертикальное положение. Охранник баюкал раненную руку, шипел сквозь зубы и зло на меня смотрел. Я пожал плечами и кивнул на журнал на столе.

– Щагр, знаешь такого? У вас он должен быть.

Я отошёл и встал так, чтобы видеть и охранника и выход. Охранник вдруг перестал качать руку и удивлённо на меня вытаращился.

– Щагр?! Так ведь дёрнул он позавчера!

Он явно хотел добавить ещё что-то, но осёкся и промолчал, хотя по его лицу и так стало ясно, что он обо всём этом думает. Я усилием воли подавил в себе вспышку гнева и постарался мыслить логически. Мой план рухнул, и прямо сейчас нужно было что-то решать. Мысли путались, этой ситуации я в принципе никогда не предполагал. Щагр не был тем, кто способен вот так рискнуть и поставить всё на карту, кроме того, неясно было куда он надеялся сбежать, как скрыться от Светлячков.

Я посмотрел на охранника, наклонил посох и направил на него.

– Сколько вас здесь вообще? Людей в смене, магов и самих смен.

Я прислушался, но пока в коридоре вроде бы было тихо. Взгляд охранника изменился, судя по всему он понял, что я борюсь с желанием всё тут разнести.

Он тяжело вздохнул и нахмурился.

– Один я, следить не за кем, всего несколько заков осталось. Сменщики двое ребят, один женился вот только, их не трогай, лучше меня уж возьми.

Внешне он храбрился, но я чувствовал, как ему страшно, наверняка его фантазия сейчас уже просто сходила с ума. Практикующие тёмную магию среди нас тоже встречались, а пятно ложилось на всех, люди ведь не хотели разбираться, что ты там за «мистик», да и Светлые подливали масла в огонь и тоже как могли нас очерняли.

Я несколько раз глубоко вздохнул и вроде немного успокоился.

– Веди меня к его камере. Хотя нет, вытяни руку. – Я достал из сумки амулет исцеления и наложил заклинание ему на кисть. – Теперь пошли. Быстро и без глупостей.

Я чуть отступил, чтобы пропустить его вперёд. Охранник поморщился и удивлённо взглянул на ладонь, ожог на глазах затянулся, и у него на руке не осталось ни раны, ни даже шрама, он как-то слегка задумчиво посмотрел на меня и молча вышел в коридор.

С номером камеры Шагра я не ошибся, и охранник привёл меня именно к ней. На успех я особо не рассчитывал, но и сдаться вот так просто не мог. Мне нельзя было позволить Светлым найти Шагра раньше, они явно не стали бы церемониться со сбежавшим из тюрьмы. И потом мне можно даже не надеяться что-либо узнать. В лучшем случае ему просто

полностью отняли бы память и сделали рабом, в худшем же его зарубил бы какой-нибудь их рыцарь или застрелил лучник. Судьба ироничная штука, никогда бы не подумал, что буду пытаться этого человека спасти.

Я подождал пока охранник войдёт в камеру и вошёл следом.

Он подошёл к койке, присел и кивнул мне на окно.

– Вот отсюда и вылез знакомец твой. Не знаю уж, как решётку сломать умудрился. Я её кажись вот только сам проверял. Хотя..., на его месте я бы её не то что ломал, зубами бы грыз наверно. – Охранник заметил моё непонимание и ухмыльнулся. – Бумага на него ведь пришла, на рудники. За денёк или два раньше. Так что зачем он дёрнул как раз ясно: терять нечего стало и всего делов. Хотя я бы с ним не знался. Говорят он уже как-то одного знакомого своего на тот свет спровадил. Гад он гад и есть.

Охранник вдруг осёкся и замолчал, словно вспомнил кому помогает-советует. Я молча кивнул, подошёл к окну и набросил на него заклинание «след жизни». Не знаю уж, Щагр это был или нет, но отсюда явно кто-то недавно выбрался. Энергетический след был ещё довольно свежим, как раз двух или трёхдневной давности. При желании отследить сбежавшего мне бы не составило труда.

Решётку ломали с сильным страхом и даже почти отчаянием. В общем-то это вполне укладывалось в то, что охранник мне рассказал. Из рудников не возвращались, они в

принципе были той же самой казнью, но медленной и наверняка Шагр не хуже других это понимал. Не знаю, правда, понимал ли он, что будет если его поймают, хотя, в его случае, скорее уж не «если» поймают, а «когда». Побочные эффекты полного отнятия памяти могут оказаться ужасны: человек при этом может разучиться говорить, ходить, а то и самостоятельно есть, в общем он как бы становится несмышлёным младенцем в теле взрослого, его, конечно, можно будет потом научить чему-то элементарному, но не более того и конечно это уже будет не личность – исполнительная кукла, но не живой человек.

Я развеял заклинание и повернулся к охраннику.

– О Шагре кто ещё знает? Ты наверх уже доложил?

Я посохом указал ему подняться и выйти из камеры и сам пошёл следом. Здесь нам в общем-то делать было уже нечего, я уже узнал всё, что хотел. Охранник молчал до самой их комнаты, затем, когда мы дошли, остановился и нехотя кивнул мне на журнал.

– Смена не моя была, если по-правильному, но был здесь я. И дёрнул он при мне, гад. Вот и переписываю теперь. Парням тоже пока не говорил, свадьба у него, говорю же, гуляют они. Мне-то уже куда гулять, вот и..., так в общем.

Он заметно разнервничался и, кажется, даже слегка покраснел, я кивнул и быстро прикинул, что теперь со всем этим делать. Убивать я охранника не хотел, да и лишать памяти в общем-то тоже. К этому времени я уже неплохо на-

учился разбираться в людях, и он мне скорее нравился, чем наоборот. С другой стороны мне нужно было как-то заставить его молчать, чтобы выиграть хоть немного времени.

Я посохом указал охраннику на веник с совком в углу, затем на огрызок его дубинки и пепел.

– Собери и заверни во что-нибудь, рубашку, тряпку, неважно, главное, чтобы не сыпалось. Дальше так. Я спокойно уйду, а ты обо всём этом забываешь. Если сам не проболтаешься, то ваши никогда не узнают, что я вообще здесь был. Следов, кроме тебя, я не оставил. О Щагре молчишь неделю, потом можешь доложить. Ну и на всякий случай. Попробуешь меня обмануть и всё кончится очень плохо. Тебя я не убью, но кого-нибудь из тех ребят точно, того, который женился или второго или ещё кого-нибудь: всех, кто тебе дорог, ваши не смогут, да и не будут защищать.

Я зажёл над посохом шар огня размером с лошадиную голову, толкнул его к охраннику и почти сразу же погасил. Пугать этого человека мне не хотелось, но он должен был понять, что я не шучу.

Заклинание исчезло в шаге от лица охранника, волосы на его голове резко взметнулись, он должен был почувствовать себя так, словно заглянул в костёр. Охранник шумно выдохнул, кивнул, опасливо взглянул на мой посох, сбросил рубашку и взял веник. Я подождал пока он закончит, осмотрел всё ещё раз и тоже кивнул.

– Ну всё. Прости за демонстрацию и за руку и больше сам

к магам не лезь, понял. Ваши правила насчёт этого они не просто так.

Я взял узел из рубахи, убрал в сумку и забросил туда же и веник с совком.

Охранник помолчал немного и лишь устало махнул рукой.

– С Щагром осторожнее, гад он. Про тебя рыбой буду, так и знай, а вот о нём доложить придётся. Неделю попробую выгадать, но не знаю смогу ли. Денька три-четыре, дальше проверка будет, если погода устоится, если дождь, то может и нет. Так что тут уж не серчай, либо я, либо они сами узнают.

Он подошёл к столу, уселся и задумчиво на меня посмотрел.

Я ещё раз кивнул в знак благодарности за предупреждение, вышел и прикрыл за собой дверь.

Выбрался я из тюрьмы без особых проблем и даже намного быстрее. Интересно, что бы случилось, если бы люди узнали, как Светлые их охраняют?

Я отошёл подальше, развёл костёр и бросил туда перчатки, маску, тряпки с ног, узел из рубахи охранника, верёвку, веник с совком и оба амулета. Сумку я там не снимал, посохом и одеждой вроде тоже ни к чему не прикасался. В общем я надеялся, что уже спустя пару-тройку часов отследить меня станет уже просто невозможно.

Конечно я уже слегка рискнул, когда вылечил охраннику руку, но во-первых такой ожог и сам по себе мог вызвать

ненужные подозрения, а во-вторых нехорошо было вот так просто оставить его страдать, не по человечески, тем более, что он довольно долго приглядывал за Щагром, человеком, которому в тюрьме самое место. Редкий случай, но тут я действительно был со Светлыми солидарен: зверю, который устраивает подобное, не место среди людей, его, как и всякое бешеное животное, можно лишь убить или, по крайней мере, держать в клетке.

Я вернулся к стоянке, собрал свои вещи и уже спустя примерно четверть часа вышел на след.

Пока я шёл по следу ауры Щагра, меня одолевали противоречивые чувства: досада на то, что я его упустил и радость от того, что тогда в тюрьме всё вышло как нельзя лучше. Погони за мной пока вроде бы не было, а значит охранник своё слово держал.

Что я буду делать, когда встречу со Щагром я, если честно, не знал. Судить его и тем более убивать я не собирался, во всяком случае не собирался пока. В конце концов прежде всего мне нужна была от него лишь информация. Многое зависело от того, что он расскажет мне сам.

У одного философа есть выражение: «месть – это попытка изменить прошлое», оно одновременно и верно и нет. На самом деле месть бывает двух видов. Первый – это действительно попытка изменить прошлое, человек при этом пытается сделать его таким, каким хотел бы его видеть сам и ко-

нечно же это и в самом деле очень и очень глупо. Второй же – это попытка изменить как раз будущее, наказать и обезвредить того, кому мстишь. Украл у тебя – украдёт у кого-то другого, обманул тебя – обманет кого-то ещё. В таком случае если не ты ему отомстишь – его накажешь, то кто должен его остановить? Вот уж действительно: «прощая подлость, ты помогаешь сделать ещё одну». В отношении некоторых людей месть является оправданной мерой. В конце концов за всё в этой жизни человек должен платить.

По мере удаления от тюрьмы страх Щагра слабел и его след становился всё менее чётким, косвенно это могло означать, что он знает куда и зачем идёт, почему-то считает это место безопасным. Если бы я пустился в погоню чуть позже, то уже возможно вообще бы его потерял. Хотя и не факт, что его потом не смогли бы разыскать Светлые. Всё же усилия группы магов это явно не усилия одного. Я уже молчу о самой их специализации. Заклинания поиска не относятся к магии стихий. Сам я их на практике применял всего раз второй или третий. Ловчие же маги Светлых делали это постоянно и конечно в этой области любой из них был куда сильнее меня.

В конце концов, спустя три дня, след Щагра привёл меня к какой-то пещере, здесь он был уже совсем слабым, заходил прямиком в неё и почти сразу же обрывался, по крайней мере, я, с моими способностями, больше его найти так и не смог. Мне оставалось лишь надеяться, что это место одиноч-

ная пещера, а не природный подземный лабиринт.

Вход в пещеру был довольно большим, а сама она выглядела старой, пустой и мрачной, хотя... , если уж на то пошло, я вообще не слишком любил такие места. Человек рождён, чтобы ходить по земле, а не прятаться под ней в норах, не знаю, правда, согласились ли бы с этим или нет маги стихии Земли.

От моих шагов по пещере прокатывалось громкое гулкое эхо. Я старался ступать как можно тише, но уже особо не надеялся застать Щагра врасплох. Меня окружила тьма, и мне пришлось зажечь над посохом небольшой огненный шарик. Свет от него дрожал и прыгал, но, по крайней мере, позволял хоть как-то продвигаться вперёд.

Спустя несколько поворотов издали, из глубины пещеры, начал доноситься тихий мерный треск. Эхо сильно искажало звук, но его я бы всё равно никогда и ни с чем не спутал: так мог потрескивать лишь огонь, причём именно настоящий, живой, огонь, а не магический. Щагр оставил костёр, а значит и сам должен был быть где-то недалеко. Я прошёл ещё поворот, остановился, развеял огненный шарик, немного подождал и пригляделся. Интуиция меня не обманула, из конца коридора пробивался неяркий пляшущий свет.

Я всеми силами старался успокоиться, но сердце у меня всё равно билось слишком часто. Это было странно, потому что такого я не чувствовал даже тогда в тюрьме. Не знаю как, каким образом, но сейчас я просто знал, что Щагр здесь и

всё. Без всяких заклинаний я ощущал присутствие этого человека и то что я приближаюсь к нему.

Остаток пути я прошёл ещё медленнее и вышел наконец в другой зал пещеры. Посреди него горел костёр, а возле него на небольшом брёвнышке сидел Щагр. Одет он был в обычную тюремную одежду и судя по всему готовил что-то вроде жаренной рыбы. По тому, как он смотрел на палочки над костром, было сразу видно, насколько он голоден. Вообще же, кроме того, что он сильно похудел, узнать его было довольно просто. Портрет, который Тигран тогда приложил к досье, как оказалось, был очень и очень неплохим.

Щагр был намного ниже меня, а когда-то и довольно тучным, по крайней мере его теперешняя худоба нормальной для него явно не выглядела. У него был низкий покатый лоб и маленькие глаза, скрытые под густыми чёрными бровями. Вообще же он был не слишком похож на беглого преступника, скорее уж он выглядел, как несчастный торговец-лавочник, который волей случая попал в беду. В его глазах был, конечно, какой-то хитрый блеск, а сам он казался довольно прижимистым, но не более того. Неясно было, как его смог так быстро раскусить охранник тюрьмы, впрочем, возможно ему в этом сильно помог сам его возраст. Некоторым вещам нельзя научить, им можно лишь научиться самостоятельно. Определение вот таких, «гнилых», людей сходу – это видимо одна из них.

Едва я вошёл в зал пещеры, как Щагр поднял голову и

установился на меня. Я сразу отметил, что возле него, под правой рукой, стоит явно магический посох. Причём это точно была не безделушка, а довольно сильный предмет, даже сам внешний вид этой вещи уже говорил о многом: посох был полностью чёрным, гладким и с навершием в виде паука, работа была настолько тонкой, что насекомое казалось живым и словно чего-то выжидающим. Тип этого посоха я пока определить не мог, но он был явно не стихийным. Вообще я ещё раньше решил на всякий случай до последнего считать, что Щагр маг, то что Светлячки не считали его одним из нас ещё ничего не доказывало, как-то ведь он умудрился убить того Свободного, да ещё и из их тюрьмы потом сбежать.

Я наклонил посох, направил на Щагра и зажёг в воздухе шарик огня.

– Встань и отойди.

Я подошёл ещё на пару шагов, чтобы поточнее прицелиться. Убивать я Щагра не собирался пока в любом случае, но и посох ему позволить взять не мог.

Щагр медленно встал, поднял руки и чуть отошёл от бревна, на свой посох он при этом посмотрел с явным сожалением. Я вдруг понял, что не знаю, что делать дальше, что ему говорить, наверное я помимо своей воли ожидал, что внешность моего врага будет более отталкивающей, он не выглядел ни безумцем, ни психом, который способен убить столько людей.

Щагр видимо заметил, что я замешкался, чуть приопу-

стил руки и сделал небольшой шаг вперёд.

– Ты не Светлый? Хвала небесам, а я-то уж подумал. Мистик? То есть, прости, Свободный маг, да?

Он с видимым облегчением вздохнул и вдруг расплылся в добродушной улыбке.

– Стой там! – Я заставил шарик огня искриться. – Ещё шаг и останешься без ноги.

Как он убил того Свободного, у которого брал заклинания, я не знал и решил на всякий случай держаться от него подальше.

Улыбка Щагра стала слегка виноватой, а в глазах вдруг вспыхнули непонимание и обида, он поднял руки повыше, демонстративно пожал плечами и сделал шаг назад.

– Спокойно, спокойно, зачем ссориться? Я ведь не со зла это. Испугался, а потом обрадовался, что ты свой. Если тоже в бегах, то всегда можем договориться. Убивать тебе меня резона всё равно мало. У меня вон, пока, даже еды и той толком нет. На одежду мою глянь и поймёшь, что не вру. Время такое. Светлячки нашего брата совсем прижали.

Щагр тяжело вздохнул, перестал улыбаться и бросил голодный взгляд на костёр. Я усилием воли подавил в себе жалость. Смотреть на то, как он мучается и глотает слюну действительно было тяжело. «Логика и только логика», – напомнил я себе. Любые мои чувства сейчас могли меня подвести и предать.

Я бросил огненный шар в костёр, спалив всю рыбу Щагра

дотла, и зажѣг новый.

– Поешь ты потом, возможно..., а сейчас будем говорить. Я спрашиваю – ты отвечаешь, всё ясно?

Я быстро прокрутил в уме все самые важные вопросы, которые хотел ему задать. Один философ сказал: «проще один раз запретить себе что-либо, чем каждый раз бороться с искушением». Рыбу я сжѣг лишь затем, чтобы не бороться с искушением дать Щагру вначале поест. Падение в пропасть начинается с одного шага в неё, даже если это пропасть жалости.

Голод в глазах Щагра сменился сильным страхом, он опасливо посмотрел на мой посох и быстро-быстро кивнул.

– Если про место это знать хочешь – всё расскажу. Я тут не первый день: ходы-выходы все, как свою пятерню знаю. Хочешь, могу далеко-далеко отсюда тебя на поверхность вывести? От Светлячков так точно оторвѣмся. Предупреждаю сразу, за мной погоня может быть. Да ты и сам уже наверняка это понял. Тебя я втягивать не хотел, но если ловчие сюда нагрянут, то выбираться ведь всё равно вместе придѣтся.

Щагр слегка занервничал и стал говорить чуть быстрее, судя по всему моё поведение и правда его пугало. Меня же в свою очередь раздражала необходимость постоянно за ним следить. Обыскать его я не мог, потому что не хотел к нему приближаться, но и дальше так продолжаться не могло. Кроме того, я не представлял себе его возможную реакцию на мои вопросы. Даже мышь, которую кот загнал в угол, может

сама вдруг на него напасть. Небольшая страховка в этом случае точно бы не повредила.

Я развеял огненный шарик и свободной рукой указал Щагру на пол.

– Садись и быстро, иначе будет больно.

Я сотворил посохом заклинание «сеть», подождал пока Щагр сядет, и набросил на него, это точно было гораздо надёжнее, чем продолжать удерживать его одним лишь страхом. Заклинание я, впрочем, сделал не слишком сильным, таким, чтобы он смог говорить. Страх в глазах Щагра усилился, но он пока ещё держал себя в руках.

Я вернул посох в вертикальное положение и подошёл к Щагру на расстояние пяти-семи шагов.

– Тринадцать лет назад ты кое-что сделал. Я хочу знать об этом всё. И поподробнее, времени у нас достаточно. По крайней мере, у меня. Если Светлячки придут раньше, чем ты закончишь, я просто уйду.

Я присел на корточки, посмотрел на Щагра и выжидательно приподнял бровь. Опыта в таких делах у меня конечно было маловато и всё же в теории я многое об этом знал. Информация с нашей жизнью это вещь слишком важная и добывать её я должен был уметь даже так.

– Давно это было... – Щагр посмотрел на меня с недоверием и удивлением. – На Светлячка ты вроде не похож, откуда столько знаешь?

Я молча покачал головой и указал глазами на свой посох.

Вопросы здесь задавал я и менять это не собирался.

Щагр тяжело вздохнул, нахмурился и словно прикинул что-то в уме.

– Тебя ведь заклинание интересует, да, маг? По глазам вижу. Мы с тобой похожи, ты и я. Я и сам раньше таким был: нетерпеливым, горячим, жестоким даже. И власти, как и ты, хотел, женщин, денег. Ты ведь тоже не просто так магом стал? Балуешься, небось, приворотами? – Он хитро усмехнулся и «понимающе» мне подмигнул. – С селом там всё просто было. Было заклинание, на болезнь. Тёмная магия, не просто так, риск, азарт, сам понимаешь. Доставал я его сложно, не сразу нашёл. Прости, это, конечно, дело десятое. Так вот, ну и в общем, сам-то я его конечно не дурак был делать, нашёл одного, рассказал ему байку. Мол иди туда, в «место силы», прочитай свиток вот этот и сразу магом сделаешься. Мы-то с тобой знаем, что всё сразу не бывает. Всё трудом и умом нужно добывать. Особенно умом. Продумать, планы строить. Иначе на кой ляд человеку вообще голова? Не шапку же носить право слово.

Щагр замолчал и посмотрел на мою реакцию. Я лишь повертел посох и одобрительно ему кивнул. Лицо я при этом постарался сделать максимально надменным и непроницаемым. Что в этот миг творилось у меня в душе он не должен был знать.

Щагр вновь улыбнулся, но уже не добродушно, а хищно.

– Договоримся, маг? Ты и я, неплохая команда выйдет.

От заклинания того в том виде толку мало, вот если бы ты его, скажем, доработал чуть-чуть. Представь, отдалённая деревня, никаких Светлячков и вдруг, на тебе, люди в ней ни с того ни с сего начинают болеть. Не умирать, как тогда, а просто болеть, тяжело там, к примеру, и долго. Для верности конечно бы лучше, чтобы парочка всё-таки померли, но это не суть. Ну и в общем дальше появляется спаситель: либо я, либо ты, либо можем даже вместе, если хочешь. Одно-двух вылечим, и деньги к нам рекой пойдут. Главное потом надолго там не задерживаться, чтоб людишки неладное не пронюхали.

Щагр попробовал двинуться, едва не упал и одобрительно усмехнулся, это судя по всему должно было означать, что мой уровень, как мага, его вполне устраивает.

Я заставил себя холодно улыбнуться, положил посох на пол у ног и размял пальцы.

– Тёмная магия имеет цену. И доработкой её не изменить. С мальчишкой тем знаешь ведь что стало?

Я взял посох, поднялся с корточек, отошёл к костру и подбросил в огонь пару веток.

Щагр фыркнул и сделал вид, что глубоко оскорблён.

– Мальчишка, мальчишка..., идиот он, а не мальчишка. Такие люди всё равно, что жуки: больше их, меньше, невелика разница. Я ж не прошу тебя самого заклинание делать, найдём кого-нибудь. Кстати, если бы идиоты-Светлячки тогда всё не сожгли, я бы уже озолотился. Проклятье то, про-

клятье сё. Зачем самому-то этот хлам использовать из деревни? Можно ж было его сразу скинуть.

Щагр наклонил голову вперёд-назад несколько раз, затем несколько раз влево-вправо. Сидеть без движения на холодном каменном полу ему вряд ли было приятно.

Вопросов у меня к этому моменту уже в общем-то не осталось, Щагр и без того рассказал мне даже больше, чем я хотел. Странно было то, что при этом я почти ничего не чувствовал. В какой-то миг все мои эмоции словно покрылись льдом. До этого я думал, что играю непроницаемостью, но теперь это уже начинало меня пугать. Убить Щагра сейчас я мог без каких-либо колебаний: медленно раздавить его той же «сетью», например, он бы кричал прямо передо мной, умолял, звал на помощь, мучился, а мне бы было на это всё просто плевать.

Деньги. Самые обычные жалкие монетки – вот ради чего этот недочеловек разрушил мой мир. Он отнял то единственное место, где я был счастлив. Отнял, чтобы продать, но не смог. Если бы он сказал, что испытывал новое заклинание, что потом всё вышло из под контроля, если бы он раскаивался, то возможно я и смог бы его понять, не простить, но хотя бы понять возможно, поставить на его место себя. Но Щагр не раскаивался и мало того, даже сейчас он был готов всё повторить. Он ошибся, не смог подобрать ко мне ключ, лишь потому что был уверен, что в нашей деревне тогда умерли все.

«Убей его, убей, убей, не отпускай, убей его сейчас», – звучало у меня в мыслях, это был мой голос, но детский, это говорил ребёнок, которому едва исполнилось девять лет.

Я отвернулся от Щагра и стал просто смотреть на огонь. Странно, но впервые за всё это время, вместо тепла от посоха в своей руке я чувствовал холод. Посох молчал, не вмешивался и оставлял это решение мне, он, словно хороший друг, не стал меня останавливать и просто на время ушёл. Скорее всего он чувствовал, что если я решусь, то даже он не сможет мне помешать. Если бы я решился, то Щагра не спас бы уже никто и ничто в этом мире. При этом что меня пока ещё останавливает я не знал.

Я повернулся к Щагру, подошёл ближе и посмотрел ему прямо в глаза.

– Ты вроде хвалился умом? Не угадаешь, откуда я родом? Из какой маленькой, отдалённой, деревни.

Я покрепче сжал посох и сильно упёр его в землю: было бы нелогично убить Щагра до того, как я увижу его реакцию на мои слова.

Лицо Щагра на миг застыло, а затем в его глазах стал медленно нарастать суеверный страх. Думаю, если бы он не был скован «сетью», то уже упал бы на колени и стал бы молиться. По крайней мере, большинство людей на его месте так бы и сделало. Возможности магов в истязаниях и пытках практически безграничны. Конечно почти все из них даёт тёмная магия, но то что я её не использую он не знал.

Щагр сильно побледнел, с видимым усилием попытался улыбнуться, но у него не вышло.

– Прости за то что наговорил, я же не знал, не думал..., хотел тебя заболтать, обмануть, понимаешь, не знал, что тут правду нужно. – Он судорожно сглотнул и всё же испуганно улыбнулся. – Я плохой человек, очень плохой, ужасный. Каждый день я думаю о том, что тогда натворил. Но ты жив, ты выжил. Наверное сами небеса послали тебя ко мне. Мне нужно было это, я молился, я просил дать мне возможность хоть как-то всё искупить. Я дам тебе денег. Много. Очень много, обещаю. Всё это время я работал, копил и молился. Я знал, что однажды кто-то придёт.

Голос Щагра стал умоляющим и приторно-сладким. Он и до этого был у него слегка слащавым, но тогда это не так резало слух. Похоже сейчас Щагр уже полностью осознал размер своей ошибки, понял, что и кому рассказал.

Я сжал посох ещё сильнее просто чтобы не ударить им Щагра.

– Твои деньги мне не нужны и сказки тоже. Ты, что, думаешь, я идиот?

Я вдруг почувствовал, как мои эмоции понемногу начинают возвращаться. Посох в моей руке тоже быстро теплел.

– Нет, нет, что ты! – Щагр вновь криво и заискивающе улыбнулся. – Деньги это ещё не всё. Это просто потому что все их любят, вот я и подумал, что и тебе они тоже нужны. Вон там, под камнем, есть тайник. Там много сокровищ для

мага: амулеты, талисманы, посохи. Я их очень долго собирал. Забирай всё, что хочешь, можешь хоть всё забрать. И пещеру эту, кстати, тоже бери, если тебе дом вдруг нужен. Ни один Светлячок тебя тут никогда не найдёт. Карту я тебе по памяти хоть сейчас нарисую. У меня дома дети, мальчик и девочка, отпусти меня хоть ради них.

Щагр умоляюще на меня посмотрел и вдруг тихо, но отчётливо всхлипнул. На его лице было написано самое искреннее раскаяние, которое только может изобразить человек. Если бы Щагр не сталкивался с магией сам, то возможно сейчас боялся бы меньше. Другой человек не знал бы, что я могу с ним сделать, но он как раз прекрасно об этом знал.

Я молча покачал головой и оторвал посох от пола. На слова Щагра о сокровищах и прочем мне тоже было плевать.

– Стой! Стой! Ты не понимаешь! Меня заставили! – Щагр испуганно зажмурился. – Тот Светлячок и заставил, гнусь, сказал, что детей моих поубивает. Ты ведь знаешь, как дело было? Я его потом сам, мерзавца, и убил. И Светлячки конечно на меня ополчились. Я понял, что тебе дать, понял, что небо от меня хочет. Я лишил тебя дома, я же тебе его и верну. Можешь забрать мою дочь. Она красавица, хорошо готовит, мало говорит, послушная, ни разу с мужчиной не была, ей сейчас четырнадцать, но скоро пятнадцать будет. Ты же постоянно странствуешь, вот она и будет тебя сопровождать. Очень хорошая девочка.

Он медленно открыл глаза и нерешительно и заискиваю-

ще улыбнулся.

Я вдруг почувствовал, как от лица у меня разом отхлынула вся кровь.

– Ты предлагаешь мне свою дочь, как рабыню?!

Я начал читать заклинание, осознал это и оборвал себя буквально на последних словах. Навершие моего посоха ярко вспыхнуло и засветилось недобрым багряным светом. Ещё немного и я бы сделал «сеть» самозатягивающейся. От тела Щагра, после того, как заклинание перестало бы работать, остались бы лишь куски мяса и лужа крови, в общем лишь то, что смогло бы пройти сквозь «ячейки». И самое страшное, что заклинание это я произносил изначально необратимым, запутанным, если бы я сказал последнее слово, то потом бы не смог его остановить даже сам.

Щагр с ужасом на меня вытаращился, видимо заметил что-то в моих глазах.

– Стой! Стой! погоди! Я же не то имел в виду! Ты меня не так понял! – Он бросил быстрый взгляд на навершие моего посоха. – Я же вижу, что ты хороший человек, вот и решил, вдруг получится сразу дочурку пристроить. У нас-то она за кого пойдёт, одни пьяницы, да пустообрёхи нищие только, а ты настоящий Свободный маг и наверняка даже со Словом Силы, не то, что я. Она, кстати, тоже магией интересуется, спрашивает, а я её и научить ничему не могу, понимаю, что сам не маг, только этими безделицами и пользуюсь.

Он сильно побледнел и говорил быстро-быстро, словно

пытался успеть всё сказать, губы у него при этом как-то криво перекошились, тряслись и прыгали.

Мой посох вдруг сильно нагрелся и стал обжигать мне ладонь. Щагр мог заговорить меня, но на него это всё не действовало. «Он врёт», – напомнил я себе. Слова Щагра о несчастной девочке были всего лишь очередной его ложью. Ни один хороший отец не стал бы предлагать свою дочь в жёны мистика. Любой знает, что наша жизнь – это удел неудачников, изгоев и глупцов. Жизнь вне закона не предполагает счастья, по крайней мере для большинства людей. Для любой же женщины наш путь и вовсе может быть лишь путём отчаяния и боли. О домашнем очаге, безопасности, стабильности и детях она сразу может забыть.

Степень своей ненависти к Щагру я явно недооценил. Я не знал, когда он таким стал, сам, начитался книг, или наслушался кого-то, но я знал, что жизни он с тех пор не достоин и поэтому прямо сейчас он умрёт. За то что сделал и собирался сделать, затем чтобы больше никому не вредил. Убить его я должен был хотя бы ради этой девочки, его дочери, потому что лучше уж у неё пусть вовсе не будет отца, чем такой вот.

Я быстро перебрал в уме подходящие заклинания. Моей целью была смерть Щагра, а не его боль. Удар должен был быть быстрым, внезапным и смертельным. Странно, но я не хотел видеть, как мучается даже этот человек. Некоторым своим чувствам нельзя давать свободу в любом случае и наслаждение чужой болью первое из них.

Шагр вдруг горько заплакал и умоляюще на меня посмотрел. Если бы я не знал, что он манипулятор, то точно бы расстрогался, уж слишком хорошо он играл. Раскаяние было в его глазах, на лице, в просящем и жалком выражении на губах и даже в молчании. Он уже судя по всему понял, что слова на меня не действуют и отбросил их, как бесполезный инструмент. И всё же всё это было лишь очередной маской, простым тактическим ходом. Шагр был загнан в угол и пытался сдаться, чтобы помешать мне нанести последний удар. Жалость не всегда хорошее чувство и не всех людей стоит жалеть и прощать. Показное раскаяние манипулятора – это лишь его попытка выиграть время.

Я отошёл на несколько шагов назад и приготовился. Казнить человека, осознанно отнимать у кого-то жизнь, нелегко.

Шагр истошно взвыл, рванулся, вдруг прорвал мою «сеть», бросился и схватил свой посох, глаза паука на наверхии того вспыхнули зловещим ярко-красным огнём.

Я слегка растерялся, принял боевую стойку и отступил ещё на пару шагов. Что вдруг произошло с моим заклинанием «сети» я пока что так и не понял.

– Теперь ты поплатишься, гнусь! – Шагр злорадно ухмыльнулся. От показного раскаяния на его лице не осталось и следа. – Давай, давай, шепчи свои заклинаньишки! Пока у меня есть ЭТО, ты, по сравнению со мной, никто!

Он перехватил свой посох поудобнее, наклонил его и направил на меня. Магом мой противник действительно не

был, даже эти его движения выдавали его с головой. И новичку было ясно, что в таком положении, с таким наклоном, его посох будет тратить большую часть своей силы впустую. Щагр не учитывал элементарных вещей: направления потоков силы, ветра, сторон света и прочее. У любой вещи есть свои сильные и слабые расположения, особенно у посоха, конечно многое тут зависит от предмета, но Щагр нарушал даже основные законы, общие для всех. И у него действительно не могло быть Слова Силы, с таким-то уровнем, в этом он не соврал. Логично, что Светлячки тогда не стали морочиться и бросили его в обычную тюрьму. Магом можно назвать лишь того, кто может пользоваться магией сам, без каких-либо вещей и побрякушек.

И всё же, несмотря на всё это, мои инстинкты твердили мне об опасности. Со Щагром всё было понятно, а вот от этой вещи в его руках было неясно чего ожидать. Где и как Щагр смог раздобыть этот посох для меня оставалось загадкой: по силе, которая от него шла, можно было с уверенностью утверждать, что ему уже не одна сотня лет.

Щагр медлил, смотрел на меня, ехидно скалился и словно чего-то ждал. Вообще я не любил нападать первым, но эта его уверенность меня раздражала, кроме того, это мне изначально нужно было его убить, а не наоборот. Я создал небольшой огненный шар и бросил своему врагу в лицо. Этот «бой» я надеялся закончить быстро.

Моё заклинание чуть не долетело до цели, вдруг замед-

лилось и остановилось, что-то произошло с ним, хотя я был уверен, что Щагр здесь ни при чём. Магический огонь, из которого был шар, окутал и заместил какой-то странный, белесый, словно «призрачный», дым. Все мои инстинкты опасности разом взвыли. Я едва успел уклониться и отпрыгнуть в сторону. Заклинание рванулось назад, пролетело в шаге от моей головы и с каким-то хлопаньем разбилось об стену пещеры. Камень в месте удара оплавился и зашипел. В стене осталась довольно глубокая, в пару-тройку шагов, неровная, дырка.

Щагр победно ухмыльнулся и призывно взмахнул посохом. Впервые за свою жизнь мага я растерялся в бою и не знал, что делать. О таком виде энергии я до этого, если уж на то пошло, даже не слышал. В иной ситуации при таких обстоятельствах я бы постарался выйти из поединка, но отступить или сдаться сейчас означало бы, что я ничем не отличаюсь от Щагра. Это был тот самый, редкий, случай, когда можно лишь победить или умереть.

Медлить тоже было нельзя, мне нужно было срочно понять с чем я имею дело. Щагр не двигался, когда моё заклинание изменилось, значит его посох мог действовать и сам. Эта вещь точно обладала собственной волей, подобием человеческой души. Настолько мощных предметов я пока видел всего три: посох моего учителя, мой собственный, а теперь ещё и этот. Косвенно, кстати, это могло объяснить, как и откуда Щагр вообще его взял. Хоть это и было маловеро-

ятно, но всё могло произойти с точностью до наоборот: возможно не Щагр нашёл посох, а он сам нашёл Щагра, нашёл хозяина, который ему подойдёт. Интересно в этом случае, что произошло с его прежним владельцем. В конце концов сложно представить, что он добровольно отдал эту вещь.

Я создал ещё один шарик огня, бросил в Щагра и отступил ещё на пару шагов. В этот раз всё было по-другому: я хотя бы примерно знал, чего ожидать. Пока моё заклинание менялось, я готовился и не сводил взгляда с посоха моего врага. Глаза паука на его наверху горели чуть ярче, а само насекомое словно ожило: его жвалы подёргивались, и оно шевелило лапами так, будто оплетает муху, которая попала в его сеть. Это белесое вещество, которое я принял за дым, было своеобразной «магической паутиной», спустя ещё пару мгновений вместо моего огненного шара в воздухе висел расплывчатый её ком. Мои инстинкты вновь закричали, и я торопливо отпрыгнул в сторону. Изменённое заклинание пронеслось мимо меня и оставило в стене пещеры ещё одну оплавленную дыру.

– Что, не выходит, гнусь?! – Щагр злорадно расхохотался. – То-то же, сопляк! Знай своё место!

Он выставил посох перед собой словно копьё и вдруг медленно пошёл вперёд. Я отступал и изо всех сил старался не паниковать и думать логически. Пока слабым местом Щагра была лишь его самоуверенность, желание меня унижить, со мной поиграть. Если бы он захотел, то уже закончил бы

этот поединок: противодействия этому типу магии я не знал. Очередное прямое нападение, тем более мощное, было не вариантом сразу. Эта его защита больше всего походила на «магическое зеркало», но какое-то кривое, неправильное. Интуиция мне подсказывала, что исказить и отразить посох Щагра может не только «огненный шар». Скорее же всего его сила и заключалась в извращении, спутывании, магии. Щиты было ставить тоже бесполезно: они же сами могли стать ловушками и меня раздавить.

По мере приближения ко мне Щагра, мой посох нагревался всё сильнее. Меня не отпускало ощущение, что так он реагирует на его оружие. Мы, мой враг наступая, а я отступая, прошли десять или пятнадцать шагов, затем он остановился и направил своё оружие прямо мне в грудь.

– Ну всё, поиграли и будет!

Щагр взмахнул посохом и выкрикнул слова освобождения, он не понимал, как им пользоваться, поэтому просто бил самым его Словом Силы и всё. Посох в его руках был чем-то вроде сверхсильного амулета, но не больше. В руках умелого мага эта вещь стала бы опаснее в сотни, если не в тысячи раз.

Глаза паука ярко вспыхнули, он быстро-быстро зашевелил лапами, так, словно предвкушал еду. В воздухе между мной и Щагром начала появляться огромная магическая «паутина». Я вдруг с холодной отчётливостью понял, что проиграл. В этом заклинании чувствовались элементы выс-

шего типа направленности – самонаведения: от него было ни увернуться, ни сбежать.

Моим единственным вариантом оставалось полное безумие. Если сегодня мне суждено было умереть, то я хотел, по крайней мере захватить с собой и Щагра. Я торопливо создал заклинание «круговой огненной волны» и завязал его на собственную смерть. Как только моё сердце перестало бы биться, во все стороны от моего тела хлынул бы сплошной поток огня. Время игр и прятков кончилось, и это заклинание я сделал максимально сильным. С моим Словом Силы это означало, что тут наступит самый настоящий ад. Я надеялся, что, по крайней мере, большая часть пещеры будет расплавлена и разрушена. Посох Щагра, конечно, мог изменить и это заклинание, но полностью его погасить бы не смог. Эта энергия в любом случае должна будет во что-нибудь разрядиться. Хотя и глупо было, что я этого уже не увижу и всё закончится так.

Я посмотрел на «паутину», вдруг почему-то вспомнил учителя и грустно усмехнулся. Всего один раз я забыл про его уроки, и вот к чему это привело. Заклинание Щагра засветилось бледным мертвецким светом и медленно поплыло ко мне: если паук знает, что его жертве некуда деться, он не будет спешить.

Щагр ухмыльнулся, чуть отступил и злорадно помахал мне рукой. На его лице читалось довольство, но и страх: он сам боялся своего посоха.

«Прости учитель», – подумал я и шагнул вперёд, к «паутине», – «прости, но книгу я тебе не верну».

Мой посох вдруг резко раскалился и сильно обжёг мне ладонь, с его наверхия в сторону «паутины» хлынул ослепительный поток белых искр, от соприкосновения с ними нити «паутины» вспыхивали, шипели и исчезали. Я замер и боялся даже пошевелиться. Такого от своего оружия я точно не ожидал.

– Ах, ты, гнусь!

Щагр испуганно отступил ещё на пару шагов. На его лице вдруг на миг появилось заискивающее и жалобное выражение: судя по всему он всерьёз разнервничался и плохо контролировал себя.

«Паутина» исчезла буквально в шаге от меня, и поток искр с моего посоха тоже прекратился, он слегка остыл, ровно настолько, чтобы перестать причинять мне боль, энергии у него заметно убавилось. Навершие из янтаря светилось ярко, ровно, спокойно, но в то же время и словно с какой-то ненавистью, больше всего мой посох сейчас походил на большую собаку, которая встала на защиту своего хозяина.

Я поднял своё оружие высоко над головой и нарисовал им в воздухе круг вызова. Этот вариант я отмёл с самого начала, а теперь понял, что зря. Предмет не может сам вызывать другой на поединок, но я, его хозяин, мог сделать это за него. Это было как бы своеобразным «магическим поручительством» и этого мой посох сразу от меня и хотел.

Центром круга я сделал себя, а ценой поединка свои жизнь и душу. Мой посох изначально получился у меня чем-то большим, чем просто вещь: он был искусством, я знал это и я верил в него также, как отец верит в своё дитя. При такой ставке посох Щагра просто не мог теперь не принять этот бой. Сам же Щагр, судя по выражению его лица, вообще не мог понять, что и зачем я делаю: он стоял, крепко сжимал своё оружие и испуганно на меня смотрел.

Круг вспыхнул и активировался. Паук на навершии посоха моего врага вдруг резко распахнул жвалы и зло зашипел. Щагр вздрогнул и едва не бросил своё оружие на землю, хотя..., в этом случае его как раз можно было понять: даже у меня от этого звука по спине сами собой пробежали мурашки. В шипении паука слышалась бессильная ярость и неприкрытое желание убивать. Звук отражался от стен пещеры, усиливался и, казалось, шёл одновременно отовсюду.

С навершия посоха Щагра потянулась тонкая, едва заметная, нить «паутины», мой посох нагрелся чуть сильнее и выбросил вперёд, в пустоту, сноп искр: они, словно два опытных бойца, проверяли друг друга, провоцировали лёгкими ударами.

Нить «паутины» на миг замерла и вдруг изогнулась в сторону, её кончик разбух и заострился, на нём возникло какое-то подобие жала. Мой посох на всё это не реагировал и просто ждал. Я чувствовал, как его энергия медленно восстанавливается.

Нить потянулась к стене пещеры и вдруг резко вонзилась в сидящего на ней небольшого слизня. Паук пошевелил жвалами и в посох Шагра тоже начал вливаться мощный поток силы.

Я мысленно поблагодарил судьбу за то, что мы здесь со Шагром одни. Не узнать это заклинание было попросту невозможно: классическая тёмная магия, превращение в энергию боли и смерти. Шагр был идиотом потому что не понимал насколько опасную он держит вещь. Теперь я уже был уверен, что это не он нашёл этот посох, а наоборот. Интересно, что в Шагре его притянуло? У них должна была быть какая-то связь. Впрочем, вариантов тут было немного, скорее всего это была сама его лживость. В конце концов любой манипулятор это тот же огромный, наглый, ядовитый паук хоть и в теле человека. Словом же Силы этого посоха должно было быть само слово «Ложь» или, по крайней мере, очень к нему близкое. Это и позволяло ему изменять мои заклинания: он просто-напросто их «перевирал».

Мой посох вновь выбросил сноп искр, но уже прицельно, по нити «паутины». Она вспыхнула, зашипела и оборвалась. Слизень со стены пещеры беззвучно шлёпнулся на пол.

Глаза паука загорелись чуть ярче, а жвалы яростно задёргались. С навершия посоха Шагра во все стороны одновременно выстрелили десятки, если не сотни, нитей. С моего посоха хлынул мощный поток искр и начал пережигать их одну за другой.

Я поворачивал руку с посохом, помогал ему экономить силу, а Щагр свой просто держал, он уже не злорадствовал, не говорил и, кажется, боялся всё больше, возможно наконец понял, что может и проиграть.

Мой посох сильно раскалился и жёг мне руку. Странно, но когда он уничтожал эти нити, то словно становился сильнее. Посох Щагра бессильно ярился и выпускал их всё больше и больше. На стенах и потолке пещеры уже не осталось ни одного живого слизняка.

Светлячки должны были быть мне благодарны за то что я нашёл Щагра раньше: их средней силы поисковый ловчий отряд эта вещь уничтожила бы без проблем, тем более, что они считали, что Щагр не опасен потому что даже не маг. После такого пира этот посох, а вместе с ним и Щагр, стали бы сильнее в сотни раз, после следующего уже в тысячи, затем в десятки, сотни, тысяч и так далее. Я уже молчу о том, что бы случилось, если бы Щагр понял, как это работает. Не знаю, кто создал этот предмет, но в тёмной магии он явно был гением.

Количество нитей начало медленно, но неуклонно сокращаться. По собственной силе посох Щагра был судя по всему всё же слабее моего. Жала на концах нитей нервно вертелись, искали хоть что-то живое и не могли найти. Я чувствовал, что наша победа теперь это уже лишь вопрос времени.

Щагр держал посох на вытянутой руке, пяtilся и оглядывался на выход из зала пещеры. Я был почти уверен, что

он вот-вот бросит своё оружие и попытается сбежать. Хотя у него это в любом случае бы не получилось: я бы ему не позволил. Человек не может двигаться быстрее магии, даже если убегает от смерти.

– Сдавайся и умрёшь быстро. – Я посмотрел своему противнику прямо в глаза. – Брось посох.

Щагр испуганно вздрогнул, жалко мотнул головой и сделал ещё шаг к выходу. Нитей «паутины» в воздухе осталось всего штук десять-пятнадцать. Мой посох выбросил ещё сноп искр и пережёг большинство из них.

Щагр взмахнул рукой в попытке бросить посох, но вдруг почему-то не смог. Паук яростно зашипел и оставшиеся нити устремились к самому Щагру, тот в ужасе замер и с неверием смотрел, как они приближаются, спустя ещё миг первая из них с размаху вонзилась прямо ему в живот.

Щагр истошно закричал, согнулся, свалился и стал корчиться. Паук на навершии тёмного посоха быстро и алчно зашевелил жвалами, его глаза, до этого слегка потухшие, вновь вспыхнули неистовым красным огнём. С навершия тёмного посоха сорвались разом сотни нитей и устремились ко мне. Это всё уже явно переставало быть честным поединком.

В голосе Щагра уже не осталось ничего человеческого. Он корчился на полу пещеры, выл, стонал, плакал и вопил одновременно. Пытка, которую применял посох, чтобы получить из него энергию, точно была не физической. Не знаю, что делали эти нити со своими жертвами, но такого я не ви-

дел никогда.

Мой посох пока ещё отбивался от нитей, но их становилось всё больше, они, словно дикие змеи, кружили вокруг и бросались в попытках меня достать.

Я наспех создал заклинание «передачи энергии» и отдал часть своей посоху, в конце концов лишь от него зависело сможем ли мы победить. Искры моего посоха стали больше и ярче, а сам он нагрелся ещё сильнее. Количество нитей перестало расти, а затем снова понемногу стало уменьшаться. У меня начала слегка кружиться голова: всё же силы я похоже передал слишком много.

Щагр кричал всё тише и тише, а спустя какое-то время и вовсе замолчал. К нити, которая его терзала, добавилось ещё несколько, его силы таяли, и тёмный посох усиливал свои попытки: наверняка он чувствовал, что если проиграет, то я точно его сожгу.

Спустя ещё несколько мгновений Щагр вдруг перестал шевелиться и обмяк. Посох выпал из его руки и с громким стуком прокатился по полу. Оставшиеся нити на миг зависли в воздухе, а затем вдруг все разом исчезли. Паук на посохе как-то судорожно дёрнул жвалами и застыл, его глаза мигнули и погасли. Без хозяина этот проклятый предмет был бессилён, он хотел победить слишком сильно и именно поэтому проиграл.

Я медленно опустил свой посох и на всякий случай отступил на пару шагов. Тело Щагра посинело, распухло, и от

него уже шёл отчётливый трупный запах. Учитель был прав, когда предупреждал меня не связываться с тёмной магией: после того, что я сегодня увидел, я был уверен, что и близко к ней теперь не подойду.

Костёр Щагра за время нашего поединка почти догорел, и в пещере становилось темновато. Навершие моего посоха перестало светиться, а сам он медленно остывал. Это немного успокаивало, но всё равно мне хотелось поскорее уже отсюда выбраться. Может не в последнюю очередь это было связано с самим моим Словом Силы: в конце концов огонь под землёй, без воздуха, не слишком хорошо горит.

Я забросил в костёр оставшиеся ветки, подошёл и осторожно отвернул камень тайника Щагра. Как он и говорил под ним оказалось много чего: амулеты, талисманы, разные зелья и прочее. И от всего этого просто веяло злом, все эти вещи совершенно точно были тёмными. Учитель как-то говорил мне об этом: что тёмная магия исключает в конце концов другие её виды, когда человека ослепляет её кажущаяся лёгкость и мощь, он сам перестаёт использовать что-либо другое. Хотя, если подумать, кстати, то из видов магии она действительно проще всех, но именно это меня в ней всегда больше всего и отталкивало. В конце концов любой бесплатный сыр может стать для мыши последним.

Интересно, что в этом тайнике не было ни одной, даже самой тонюсенькой, книги. Щагр действительно не хотел учиться магии, а хотел лишь использовать её. Логично, что

проще всего это было делать вот так: используя уже готовые вещи. Я конечно мог попробовать во всём этом разобраться и вдруг да найти что-нибудь полезное для себя, но не стал. В любом человеке живут пороки и слабости и любой человек должен сам им противостоять. Как любил говорить мой отец: «у дороги слабости всегда есть начало». Первым шагом может стать, что угодно: маленькая подлость, маленькое воровство, маленькая ложь. Даже сейчас я мог либо взять что-то, либо не брать ничего отсюда. Для дороги тёмной магии это и был тот самый «первый шаг». И кончалась она тем, что однажды я бы взял этот посох, стал вторым Щагром. С этим оружием я бы мог перестать бегать от Светлых, а то и заставить их самих меня избегать. Интересно, кстати, не это ли всё тогда искал следователь Светлых? Если да, то теперь я уже более чем хорошо понял зачем. Эти вещи не должны были попасть в плохие руки. Хотя..., они больше вообще никуда были попасть не должны.

Мне не нравилась эта пещера, но виновата в этом была явно не она, и теперь мне было даже странно, что я сразу этого не понял. Мне было проще отказаться от всего этого, чем Щагру. На самом деле эти вещи не могли мне ничего предложить. Мне не нужна была призрачная сила ценой чужой боли и обмана. И власть ценой человеческих жизней мне тоже была не нужна.

Я подошёл к груде магического хлама, закрылся щитами и просто начал жечь. Странно, но иногда мне казалось, что я

слышу проклятия, стоны, а то и крики: наверняка ни у одной из этих вещей была своя воля и подобие души. Даже в руках любого глупца, вроде Щагра, они могли бы натворить ещё немало бед.

Посох я сжёг прямо там, где он и лежал: к этой вещи я не хотел даже притрагиваться. Энергии из него освободилось даже слишком много, в разы больше, чем я ожидал. Поначалу я ставил вокруг щиты, пытался её сдерживать, но потом понял, что не выйдет. Уничтожить тихо его в любом случае бы не получилось: уж слишком это был мощный и древний предмет.

Последним я сжёг тело Щагра, собрал пепел, вышел из пещеры и развеял его. Раскаяния, как, впрочем, и какого-либо удовлетворения, я не чувствовал, по крайней мере, сейчас.

Сил у меня почти не осталось, но я собрал свои вещи и сразу же отправился в путь. Меня клонило в сон, но отдых я себе позволил лишь когда отошёл достаточно далеко от пещеры. В ту ночь я впервые за долгие годы заснул мгновенно и не видел больше никаких проклятых снов.

Возмущения потоков силы и волны тёмной энергии чувствовались даже здесь. Трава и деревья вокруг уже начинали желтеть, сгибаться и сохнуть. Несложно было предсказать, что совсем скоро это место станут называть нехорошим, недобрым, а затем и вовсе проклятым. Я втайне надеялся, что Светлячки доберутся сюда раньше, чем кто-ли-

бо из местных. От Тиграна я слышал, что часто такие слухи распускают и поддерживают именно они. В конце концов их авторитету это тоже напрямую угрожает: люди не станут им подчиняться, если не будут чувствовать себя в безопасности вот и всё.

Инстинкт говорил мне уходить, как можно скорее и как можно дальше. Сколько сил сюда вскоре стянут Светлые, я не хотел себе даже представлять. И всё же у меня оставалось ещё одно неоконченное дело: Щагр говорил, что его дочь тоже интересуется магией, и не проверить его слова теперь я просто не мог. Если был хотя бы минимальный шанс, что это правда, я был обязан её остановить. Не знаю можно ли представить больший кошмар, чем тёмный предмет, который попал в руки ребёнка. Ещё до того, как она поймёт, что происходит, в их деревне уже может будет некого спасать. И я знал, что в этом случае, я никогда не смогу простить себе опоздания.

По пути до деревни девчонки я вновь и вновь перепросчитывал план своих действий. Просто прийти туда и надеяться, что она сама во всём сознается был явно не вариант. Спрашивать её с моей внешностью можно было даже и не пытаться, да и шанс того, что она действительно окажется тёмным магом был совсем небольшим. Узнать я бы всё равно ничего не узнал, а вот напугать ребёнка на всю оставшуюся жизнь вполне мог бы. Всё же не к каждому может вот так заявиться в гости мистик, человек вне закона, и можно лишь гадать,

какие слухи после этого о ней поползут.

Когда одним визитом можешь начисто сломать человеку жизнь, поневоле приходится быть осторожнее. Мне ужасно не хотелось использовать магию трансформы, но сейчас это был единственный вариант. Обычной иллюзией тут было явно не обойтись: я бы попросту не смог продержаться её настолько долго. Кроме того, магия трансформы, в отличие от магии иллюзий, совершенно не оставляет следов. Под этим заклинанием я мог бы запросто пройти прямо рядом с любым Светлячком. И всё же применять его учитель мне в своё время крайне не советовал. Цена изменения облика, даже временного, всегда очень и очень высока. И дело тут, кстати, даже не в заклинании, а в самом человеческом теле: организм борется с этими изменениями, отторгает их, как и всё инородное. Но одно дело, когда, например, тебе в руку попадает заноза и совершенно другое, когда такой «занозой» становится сама твоя кожа и плоть.

Даже в случае успеха период восстановления напоминает серьёзнейшую болезнь. Изменённого в это время ждёт бешеная температура, слабость, рвота, обмороки и прочее. Ну и конечно это, как и любая такая болезнь, очень сильно сокращает жизнь и может дать осложнения. В самых страшных их случаях у человека может необратимо повредиться один или несколько органов. Возможно если бы я лучше разобрался в лечебной магии, то риск был бы хоть чуть меньше, но по факту, сейчас цена этого заклинания для меня была

действительно велика.

К деревне я подошёл на рассвете, остановился неподалёку и спрятал свои вещи. С собой я решил взять лишь посох, да и то лишь потому, что не знал, что меня там может ждать. Всё же большинство предметов из того тайника Щагра были явно не рядовыми вещами. Я, кстати, до сих пор так и не мог понять, где и как он вообще смог их раздобыть.

Необходимую для образа одежду я приобрёл у дорожного купца чуть ранее. Я собирался изменить свой облик так, чтобы выглядеть максимально богато и солидно. С внешностью я решил не морочиться и за основу взял лицо самого Щагра, так в случае чего, я всегда мог сказать, что я какой-то его дальний родственник. Возраст я при этом выбрал тоже близкий к его, примерно около сорока-сорока пяти лет. Без нужды давить на ребёнка я не хотел и метод запугивания оставил на самый крайний случай: так я решил действовать, если буду точно, ну или хотя бы почти точно, уверен, что девочка маг.

Все необходимые приготовления я закончил примерно к полудню. Мне осталось лишь сотворить заклинание, переодеться и сразу идти в деревню. Я ни на миг не давал себе забывать, что от времени в моём плане зависит сама моя жизнь. В идеале я хотел управиться за два-три часа, крайним сроком поставил шесть. Была одна не совсем надёжная формула, которая позволяла хотя бы примерно это всё рассчитать, но основная проблема была в том, что здоровье че-

ловека в ней принималось за идеальное. Во время же изменения облика любая обычная болезнь становится опаснее в сотни раз. Защиту тела от всего инородного нельзя подавить выборочно, а лишь сразу и полностью. В общем мне оставалось лишь надеяться, что я ничем не болен и за это время не заражусь.

Я долго колебался, но в конце концов надел на лицо защитную повязку с травами. Выглядел я в ней, конечно, нелепо, но всё же решил рискнуть и потерпеть. Главное теперь было в таком обличье не столкнуться ни с кем из магов Светлячков. Хорошо, что они тоже чаще всего жили уединённо и избегали толп. Может у них даже было на этот счёт какое-то определённое предписание. Скорее же всего это делалось, чтобы не разочаровывать обычных людей, чтобы те ни в коем случае не догадывались, что и маги это тоже люди, что они тоже иногда курят, пьют, горланят песни, ссорятся и дерутся.

Мне повезло, и день выдался жарким и солнечным, в такое время большинство деревенских точно должны были работать на полях. Незаметно войти в деревню и выйти из неё было бы очень неплохо, тратить время и отвечать на досужие вопросы я не хотел, да и вообще понимал, что чем меньше зевак меня увидит, тем лучше: меньше будет сплетен и пересудов о дочери Шагра потом.

Я набросил на посох заклинание иллюзии и быстрым шагом пошёл в деревню. Любой не-маг увидел бы у меня в ру-

ках лишь изящную трость с резьбой и камнями.

К знающему я идти не рискнул, ведь в случае чего именно к нему бы первому нагрянули Светлячки. Кроме того, с моим текущим обликом, он бы всё равно вряд ли что-либо мне рассказал. В общем я не стал мудрить и просто сразу зашёл к местному кузнецу, как правило люди этой профессии не отличаются болтливостью, не знаю уж почему. Зевак они тоже прогоняют сразу, говорят, что их работа не терпит лишних глаз.

Кузнецом оказался огромный, высоченный, но довольно добродушный мужик лет сорока. Он вышел ко мне мокрый от пота, босиком и в одних лишь коротких, неровно и явно когда-то наспех обрезанных, штанах. Всё его тело было сплошь покрыто густыми чёрными волосами. Встретил он меня довольно уважительно и приветливо, но когда узнал, что я не покупатель, слегка помрачнел: судя по всему дела у него в кузнице сейчас шли неважно.

Кузнец ответил на пару моих вопросов, затем поднял свою огромную ручищу и указал мне на небольшой дом вдалеке.

– Там они живут, почтеннейший. Там всё и узнаете.

Мой собеседник выразительно на меня посмотрел и поднял свой молот, его намёк на то, что я ему мешаю, было сложно не понять. Я поблагодарил его, пожелал хорошей работы, откланялся и пошёл к дому детей Щагра. О побеге того кузнец уже знал, поэтому мне нужно было быть осторожнее

и поторапливаться.

Вообще я был уже почти уверен, что девчонка не маг и просто перестраховывался. В деревне, со слов кузнеца, пока всё было более-менее тихо, да и мачеха девочки была до сих пор жива и здравствовала. Взгляд кузнеца, кстати, когда он мне об этом рассказывал, был очень недобрый. Видимо по прошествии времени ложь Щагра всё же начала понемногу вылезать на свет. Когда того бросили в тюрьму, его дети опять же не получили ничего и даже наоборот потеряли последнее: не знаю уж каким образом, но их мачеха умудрилась забрать их старый дом, а их попросту выгнать. В итоге дети поселились здесь, на самом краю деревни, в одной из ветхих брошенных лачуг.

Учитель мне говорил как-то, что любой, кто занимается тёмной магией, однажды приходит к грани. Убийство любого существа ради силы – вот та опасная черта, которую нельзя пересекать. Сперва в деревне начали бы пропадать собаки и кошки, затем козы и лошади и, наконец, люди. Логично предположить, что мачеха девочки и стала бы первой, кто бы вдруг внезапно исчез. Однако шанс того, что дочь Щагра похожа на своего отца тоже был. В этом случае можно было не ждать, что она так глупо подставится. Да и окраина деревни не такое уж и плохое место для тёмного мага в конце концов: пришлых бродяг и бедняков-пьяниц, которые здесь живут, никто считать и искать особо не станет. Мне хотелось верить, что я ошибаюсь, но это тоже был факт, и его нельзя

было просто игнорировать.

Всего одно незаметное убийство человека или даже животного и дочь Щагра уже не остановилась бы. Если же она настолько умело прятала следы, то кто знал на что она могла оказаться способна. Следующим психологическим барьером стало бы убийство детей, а затем и вовсе младенцев, при этом её возраст, то что она сама всё ещё ребёнок, могло лишь навредить. Опасность в том, что у дочери Щагра не было бы того раскаяния, которое обязательно испытал бы взрослый, она вообще могла начать мстить другим детям лишь за то, что они «слишком счастливо» живут.

Я ни разу не слышал, чтобы тёмный маг смог одуматься и отказаться от своей магии. Больше всего это напоминало людей, которые оказались во власти какого-то дурмана. Их действия тоже иной раз становились нелогичны, а то и просто безумны: они могли мучить и пытаться одного ребёнка и этой силой делать чудеса для остальных. Крайне редко, но некоторые из них ломали свои посохи и сами приходили к Светлячкам. При этом они не пытались избежать наказания, а наоборот словно жаждали его. Как будто это и впрямь могло уже что-то исправить.

Я остановился в паре-тройке домов от нужного мне и сделал вид, что просто слегка притомился. Неподалёку, впереди, возле какой-то лачуги, стояла довольно большая компания девушек и парней. Одеты они были все довольно неплохо, а некоторые даже слишком на мой взгляд ярко и броско.

Судя по всему большинство из них были из зажиточных, а то и откровенно богатых, семей. В нашей стране таких детей иногда ещё называли «золотыми», хотя на мой взгляд это и оскорбляло этот благородный металл.

В воздухе даже с такого расстояния чувствовался запах вина и дорогих благовоний. Парни шумно переговаривались, а девушки делано и натужно смеялись над их глупыми шутками. Происходящее меня в общем-то бы и не касалось, если бы не одно «но»: дом детей Щагра был слишком уж близко к тому, возле которого они стояли. Да и на деревенского из этой компании явно никто не тянул. В общем пока мне было неясно, что они вообще здесь делают.

Я опёрся на свой посох-трость и решил ещё немного тут постоять. С моей текущей тучной внешностью в такую жару это вряд ли бы вызвало подозрения.

Один из парней подошёл к забору лачуги, занёс руку, чтобы постучать, но затем остановился.

– Дед, выходи! Выходи, дед!

Он несколько раз пнул ногой по забору, покачнулся вместе с ним и засмеялся. Большинство девушек тут же подхватили его смех и начали всячески кривляться и тоже шатать забор.

Дверь лачуги скрипнула, и на крыльцо вышел худощавый старик с взъерошенными и белыми, как снег, волосами. Он непонимающе осмотрел компанию и рваными шаркающими шагами двинулся к ним. Некоторые парни словно только это-

го и ждали и тут же стали его передразнивать. Парень, который позвал старика, кстати, судя по всему был всё же из местных: одет он был попроще остальных, да и вёл себя как-то слегка по-хозяйски, что ли. Едва старик вышел из калитки, как он сразу шагнул к нему.

– Сыграй нам, дед, покажи им, что можешь.

Парень обвёл глазами остальных и загадочно им подмигнул. На лицах многих из компании отразилось откровенное раздражение и скука, не знаю уж, что они ожидали увидеть, но этот старик их явно разочаровал.

Местный парень заметно занервничал, повернулся к старику и зачем-то изобразил игру на дудке, тот неуверенно улыбнулся беззубым ртом и быстро, опять как-то рвано, кивнул. Теперь я был уже точно уверен, что парня этого он знает. Родством это, конечно, быть не могло, но всё же старик смотрел на него тепло, как на внука.

Дед прислонился спиной к забору, достал из-за пазухи дудку и медленно поднёс её к губам. Его худые, сухие, морщинистые, руки при этом слегка дрожали, но в глубине полуслепых глаз была гордость, видимо ему нечасто выпадало поиграть для такого количества людей.

Первый же звук рассёк жаркий летний воздух, словно острый нож. Он был поразительно чистым, высоким, прозрачным и громким. Больше всего это было похоже на крик хищной горной птицы. Не знаю, кем был этот человек, но он явно не терпел полутонов.

Я вдруг ощутил внутри себя какую-то свободу. Эта музыка изменила что-то во мне, словно горная лавина смела все барьеры и границы. Ещё никогда я не чувствовал своё Слово Силы, Огонь в своей душе, таким ярким и близким.

Музыка рассказывала о борьбе, преодолении, войне с природой и самим собой. Старик-музыкант закрыл глаза и больше, казалось, никого не видел и не слышал.

Горная птица хлопала крыльями, кричала, взлетала всё выше и уносила с собой всех нас. Внизу оставались снежные горы, облака и люди со своей неуёмной суетой. Я знал, что цель этой птицы Солнце, я просто чувствовал это и всё.

Моё время уходило, но я не мог заставить себя двинуться с места. Этот старик не был магом, но для меня он несомненно им был. То, что он делал, было для меня недостижимо. Заклинанием можно лишь воспроизвести мелодию, но не сотворить. В его игре было то, до чего я никак не мог дотянуться: в ней была жизнь.

Я стоял и растерянно изучал лица парней и девушек компании. Интуиция мне подсказывала, что сейчас что-то будет. Эта музыка была слишком уж не для всех. Я дышал этой мелодией, а они судя по всему от неё задыхались. Даже с такого расстояния я чувствовал их стыд, слабость, неуверенность и страх. Они не хотели слышать этой музыки потому что боялись её, их пугала высота и одиночество. На лицах девушек появились гримасы злости, показной скуки и раздражения. Так продолжалось довольно долго, затем одна из них всё же

решилась.

– Чокнутый дед! Говорила на реку нужно было идти!

Она бросила взгляд на самого разодетого парня, презрительно надула губки и отвернулась, лицо того сильно покраснело, он засопел, вдруг шагнул, размахнулся и выбил дудку прямо у старика из рук.

Мелодия оборвалась, дед вздрогнул, открыл глаза и удивлённо огляделся, выглядел он при этом, как человек, которого внезапно и не вовремя разбудили.

Навершие моего посоха под иллюзией ярко вспыхнуло, и удерживать её мне стало в разы сложнее. Я изо всех сил старался держать себя в руках, наблюдать, ждать и пока не вмешиваться. Логика мне подсказывала, что худшее уже позади и бить старика они всё же не посмеют.

На лице местного парня, того, кто скорее всего сюда всех и привёл, читались растерянность, страх, стыд и запоздалое раскаяние: судя по всему он всё же понял, что попытался показать самоцветы свиньям.

– Давайте уйдём..., на реку, хотели же. Там и вода уже тёплая.

Парень прошёл мимо старика, как тень и постарался не встречаться с ним взглядом. Я знал, что за это решение, он теперь будет ненавидеть себя всю жизнь. Перед ним встал простой выбор: пойти против всех или остаться в стаде, он просто не рискнул поставить своё мнение выше мнения остальных. Защитить старика означало стать изгоем, а он

был явно к этому не готов.

– Уйдите пожалуйста, не трогайте дедушку! – раздался вдруг чей-то звонкий взволнованный голосок.

Калитка дома детей Щагра со скрипом распахнулась и из неё выбежала маленькая худая девочка. На вид ей было лет двенадцать не больше, у неё были короткие волосы и огромные голубые глаза. Одета она была довольно просто, если не сказать бедно. На потрёпанных серых штанах было уже около десяти-пятнадцати заплат. Рубашка на ней была явно мужской и слишком для неё большой, неподходящей, даже в такую жару девочке приходилось носить её заправленной, а не поверх. Длинные рукава были аккуратно закатаны едва ли не до самых плеч.

По внешности на тёмного мага дочь Щагра явно не тянула. В её глазах было что-то чистое, светлое, слишком детское и непорочное. На какой-то миг я даже засомневался, что это вообще его дочь. От Щагра ей пожалуй достались лишь чуть слишком густые и тёмные брови.

Девочка подбежала, подняла дудку старика с земли, смахнула с неё пыль и повернулась к разодетому парню.

– Дедушка вас не слышит! Он совсем не слышит и почти не видит, а вы!

Она перевела взгляд на старика и едва не расплакалась, тот стоял и в растерянности сжимал одну руку другой, губы у него дрожали, он явно пытался что-то сказать, но не мог.

Разодетый парень шагнул к девочке и протянул руку.

– Дай-ка, я один фокус покажу.

Он повернулся к своей девушке и ободряюще ей подмигнул, та посмотрела заинтересовано, но губки продолжала держать слегка надутыми, на языке жестов это должно быть означало «рассмеши меня и я так и быть тебя прощу».

Дочь Шагра быстро убрала дудку за спину и помотала головой. В компании вновь зазвучали подначки и злые грязные шутки. Большинство из них на этот раз приходилось в адрес разодетого.

Парень пару раз огрызнулся, затем нахмурился и сильно побагровел.

– Отдай!

Он шагнул к дочери Шагра, но та лишь вновь помотала головой и быстро шагнула назад. На её лице читалась причудливая смесь страха и какой-то непреклонной детской решимости. К шуткам парней в адрес разодетого начали присоединяться и девушки, его девушка надула губки ещё больше и вновь от него отвернулась.

Разодетый сделал ещё шаг к дочери Шагра, затем остановился, притворно-тяжело вздохнул и залез в карман.

– Ты мне дудку – я тебе монету. Ну, давай, мелкая! Да не трусь ты – не обману.

Он достал серебряную монетку, подбросил её, неловко попытался поймать, но не смог. Денежка упала ему под ноги, в дорожную пыль, и где-то в ней затерялась. Парень чиркнул ногой по земле в сторону девочки, засмеялся и достал ещё

одну монету. На лицах некоторых парней и девушек из компании на миг отразилась зависть. Шутки в адрес разодетого вдруг потеряли остроту и стали какими-то масляными.

Мой посох нагрелся ещё сильнее, и я в общем-то был с ним согласен. По гнусности с этим зрелищем мало что могло сравниться. Злословить в адрес человека, а затем тут же к нему подлизываться, как люди вообще могут себя так вести? Неужели им самим от этого не противно?

Я усилил заклинание иллюзии на посохе и задумчиво повертел его в руке. Вообще, конечно, я мог вмешаться, но усилием воли заставлял себя ждать, тем более, что предсказать дальнейшие события было в общем-то нетрудно. Между дочерью Шагра и разодетым парнем назревал серьёзный конфликт: его деньги она не возьмёт, в этом я был почти уверен. Сама жизнь устроила дочери Шагра проверку и сделала меня её невольным свидетелем. Начинаящий маг, каким она только и могла быть, обычно плохо контролирует свои рефлексy: при реальной опасности она должна была применить заклинание не задумываясь.

Разодетый парень ухмыльнулся и бросил монету дочери Шагра под ноги.

– Вторую тоже можешь забрать, если найдёшь, конечно. – Он протянул руку. – Дай. Фокус покажу и старику твоему отдам. Я серьёзно.

На лице девочки на миг отразилось колебание, было заметно, что она боится, да и вообще не очень любит ссорить-

ся с людьми.

– Отдашь – сломает.

Я поднял свой посох-трость и медленно двинулся вперёд. Проверка проверкой, но совсем безучастным мне оставаться всё же не хотелось. Чистота и доверчивость девочки вот-вот могли обернуться против неё самой, она ещё просто не знала, что далеко не всем словам и людям можно верить.

– Сломаю! – разодетый парень оглянулся и злобно на меня посмотрел. – Теперь точно сломаю, хоть до этого и не хотел! А тебе-то, что до этого..., дядя?! Ты вроде мимо шёл, вот и иди себе..., мимо!

В компании все попритихли, а некоторые даже отошли чуть в сторону.

– Эта из семьи того Щагра что ли? – Разодетый парень взглянул на местного и вновь перевёл взгляд на девочку. – Знаешь, что папаша твой в тюрьге Светлячкам ботинки лижет? Подрастёшь, туда же пойдёшь, дура, если, конечно, раньше с голоду не подохнешь.

Он повернулся к местному парню и выжидательно на него посмотрел, тот медленно и словно нехотя повернулся к дочери Щагра.

– Заплатка, дай мне.

Он подошёл чуть ближе к ней и протянул руку. Девочка помотала головой и отступила ещё чуть назад, я про себя отметил, что на то, как он её назвал, она никак не отреагировала, судя по всему это обидное прозвище-кличка уже было

ей вторым именем.

Я медленно прошёл сквозь компанию к забору и остановился возле старика, тот поднял на меня свои полуслепые глаза и вдруг горько заплакал, не знаю уж, что он подумал обо мне, скорее всего решил, что и я тоже с ними.

Часть парней и девушек отделились и куда-то пошли, судя по разговорам на реку. Забавно, что вместе с ними пошла и девушка разодетого парня, видимо осмеянным и опозоренным он стал ей не очень-то и нужен. Интересно, такие люди вообще знают, что такое верность и любовь?

Я взглянул на дочь Щагра, а она на меня и на старика, тот вдруг медленно отшатнулся от забора и подошёл к разодетому парню, по его впалым худым щекам катились мелкие слёзы.

Старик ухватил парня за рукав, попытался что-то сказать, но лишь невнятно замычал. Разодетый зло вырвал рукав и брезгливо потряс им.

– Дай сюда, сучка мелкая!

Он вдруг бросился за дочерью Щагра, а она от него. Для меня этого уже в общем-то было достаточно: что-что, а бегать от обычного человека маг бы точно не стал.

Разодетый в несколько скачков догнал дочь Щагра и толкнул её в спину. Девочка вскрикнула и кубарем прокатилась по земле, дудку при этом из рук она так и не выпустила.

Парень подскочил к ней и одним резким рывком отобрал инструмент. Дочь Щагра громко вскрикнула, упала в дорож-

ную пыль и бессильно зарыдала.

Разодетый парень повернулся ко мне и демонстративно перехватил дудку обеими руками. «Не успею», – мелькнула у меня тревожная мысль.

Парень занёс дудку над коленом, но вдруг его словно что-то сильно ударило: он шумно выдохнул, выронил инструмент и согнулся. Дудка старика взмыла в воздух, завертелась, описала дугу и упала тому прямо под ноги. Дед неверяще наклонился, поднял инструмент и повернулся ко мне.

Ещё никогда на меня так не смотрели, в глазах старика была безграничная благодарность, радость и теплота. Лишь спустя миг я понял, что эти заклинания применила не девочка: иллюзия на моём посохе светилась безудержной яростью и сильно мерцала.

Дочь Шагра поднялась, подбежала к старику и встала между ним и разодетым парнем, тот тоже с видимым усилием разогнулся и поковылял к нам. Я вышел чуть вперёд, так, чтобы его встретить, и наклонил посох.

В компании рос суеверный ужас и напряжение. С магией и магами шутки плохи, это понимали даже эти «золотые» дети. Парень остановился шагах в пяти от меня, ближе подходить не рискнул. В его глазах я видел нерешительность и желание уйти, спрятаться, он смотрел на меня так, как люди обычно смотрят на больших пауков или змей. Я же в свою очередь изо всех сил старался успокоиться и взять себя в руки. Видимо музыка старика всё же изменила что-то во мне,

сломила барьер логики. Хорошо, если заклинаниями, которые я применил, был обычный «ветер», а не «телекинез». Парню, кстати, сильно повезло, что каким-то чудом я выбрал не свою стихию, жаль, правда, что он сам этого пока так и не понял.

Разодетый наконец смог полностью выпрямиться и с вызовом на меня посмотрел.

– Зря ты, дядя, меня тронул, не знаешь ведь с кем связываешься.

Он вдруг быстро и с какой-то отчаянной надеждой обернулся.

Я упёр посох в землю, просто чтобы не наделать глупостей, и вздохнул.

– Твоего отца здесь нет, а я есть. – Я глазами указал ему на свою трость-посох. – Никогда не слышал о магии? Мой хороший друг, Светлый, подарил мне эту вещь, сказал, что с ней я могу ходить хоть один, без охраны. Сегодня мне впервые довелось проверить его слова. Так что из нас двоих именно ты чего-то не понимаешь.

Я как можно добродушнее ему улыбнулся и посмотрел поверх него, на небо. Все знали, что Светлячки жёстко контролируют оборот магических вещей, то, что у меня такая есть уже само по себе означало, что у меня неплохие связи. Парень сильно побледнел и весь его гонор вдруг куда-то разом подевался. Я развернулся к дочери Щагра и ободряюще ей подмигнул.

– Ты в дом пока, красавица, иди и дедушку захвати, хорошо? Дальше мы тут сами уже разберёмся, не стоит тебе на это смотреть.

Я подошёл к ней, осторожно развернул её за плечи и легонько подтолкнул в спину, девочка судя по всему была слишком напугана и даже не стала сопротивляться. Я подождал пока они со стариком уйдут и вернулся к парню.

– Итак, ждём твоего отца, так я понимаю? А вон, кстати, и он, кажется, идёт.

Я мысленно вздохнул и приготовился к серьёзному конфликту. К нам быстрой, твёрдой походкой приближался мужик лет сорока и один из парней, которые тогда ушли. Лицом мужик был похож на разодетого парня, но явно был проще. Одежда на нём была добротной, но неяркой и не слишком дорогой. По дороге сбежавший парень ему что-то втолковывал, а он лишь хмурился и молчал. Мужик разглядывал меня, своего сына и оставшихся парней и девушек из компании. На вид он казался довольно сильным человеком, но как он себя поведёт в этой ситуации я пока не знал.

Я подождал, пока они подойдут, и чуть кивнул отцу парня в знак приветствия, право говорить я отдал ему, сам я объяснять и доказывать что-либо не собирался. Мужик хмуро ответил на приветствие, но было заметно, что ему явно не по себе. Насчёт того, что он человек сильный я точно не ошибся. Отчасти мне стало его даже жаль, потому что я понимал его чувства: он хотел защитить сына, но знал, что тот сам не

прав. Из всех проверок на силу эта проверка жизни пожалуй самая сложная. Редкий человек может поставить закон справедливости выше своих близких, но мудрый человек понимает, что только это и есть настоящая защита. Научить своего сына уважать справедливость, лишь так он мог действительно ему помочь.

Мужик помолчал немного, затем слегка склонил передо мной голову.

– Прости, добрый человек, рассказали мне уж, что здесь случилось. Дураки молодые..., учишь их учишь, а толку всё равно ноль.

Он ухватил сына за волосы и заставил тоже поклониться, с самого прихода отца тот, кстати, не проронил ни звука. Я был почти уверен, что настоящее наказание ждёт его дома, вдали от людских глаз, он же скорее всего, по внешнему виду своего отца, понял это ещё раньше.

Мужик так же за волосы развернул сына и подтолкнул в спину.

– Мы уезжаем. Сегодня.

Он обвёл быстрым взглядом остальных. Многим из компании это явно пришлось не по нраву, но спорить с ним никто не рискнул. Мы с отцом парня кивнули друг другу в знак прощания, и он развернулся.

Калитка дома детей Щагра скрипнула и на улицу выбежала дочь Щагра, она подбежала к дому старика, искала и нашла что-то в пыли.

– Подождите. Вы деньги забыли.

Девочка догнала отца парня и протянула ему обе монеты. Не знаю уж, что он увидел во взгляде этого ребёнка, но он молча их взял и даже слегка ей поклонился. Когда они уходили в компании молчали все.

Дочь Шагра подошла и встала со мной рядом.

– Спасибо вам..., за дедушку. И за всё.

Она посмотрела на меня и несмело мне улыбнулась.

Я тоже улыбнулся и кивком указал ей на её коленки.

– Тебе не больно? Обработать нужно, а то загноится. Я не сказал тебе, не успел просто, в общем я старый знакомый твоего отца. Можно сказать нас с ним свело одно общее несчастье, но это было давно. Ты не скажешь, где он? Я тут спрашивал в деревне, но все говорят какую-то несурязицу. Мол то ли в тюрьме он, то ли вообще сбежал оттуда и теперь от Светлых скрывается.

Я задумчиво повертел посох и внимательно следил за реакцией девочки. Время у меня ещё было, и я хотел узнать то, что об отце знает она. Шагр мог оставить ей какие-то вещи или рассказать про свои тайники. Моё желание защитить людей деревни изменилось в желание защитить этого ребёнка. После того, что я видел, бросить её вот так я просто не мог.

Дочь Шагра смущённо отвела глаза и приглашающим жестом руки указала мне на свой дом. Разговаривать об этом на улице она явно не хотела.

Дом у детей Шагра был небольшой, старый и покосившийся, было заметно, что за ним уже давно никто особо не следит. В прогнившем заборе было больше пустых дыр, чем досок. Во дворе сидела большая, серая, беспородная собака на довольно длинной цепи, едва мы подошли ближе, как она сразу же начала бросаться на забор, громко звенеть цепью и лаять.

Вообще зверя тоже можно обмануть заклинанием изменения облика, но это намного сложнее. Животные не понимают почему они видят перед собой одного человека, а чувствуют совершенно другого, но трансформация и запаха, который идёт от тела – это уже просто запредельное мастерство.

Девочка извинилась, ухватила собаку за ошейник, оттащила к будке и пересадила на более короткую цепь. Я молча ждал у калитки и размышлял об отце раздетого парня. Интересно, удастся ему перевоспитать сына или нет? Может ли вообще слабый духом человек вдруг стать сильным? И почему вообще так выходит, что у такого сильного отца такой слабый сын? Если сила и слабость не зависят даже от крови, то от чего они тогда зависят вообще?

Я рассеянно повертел посох в руке и чуть ослабил на нём заклинание иллюзии. После того, как компания ушла, он перестал светиться, а сейчас даже уже почти и остыл.

Дочь Шагра подошла, широко распахнула передо мной калитку и пропустила меня во двор.

– Проходите, пожалуйста.

Она проводила меня в дом, на кухню, и указала на небольшой табурет у стола. Я послушно присел, как и подобает хорошему воспитанному гостю. Даже несмотря на свой возраст в этом доме дочь Щагра действительно была хозяйкой и вела себя именно так.

Девочка быстро залезла в печь и на полки и поставила передо мной нехитрые блюда. Я не стал её огорчать, поблагодарил, снял с лица повязку и принялся за еду. Как только я закончил, она тут же унесла посуду и начисто вытерла стол. Я улучил миг, когда девочка отошла и отвернулась, сделал одно небольшое незаметное заклинание и проверил этот дом на магию.

– Спасибо тебе, красавица. Давно я так вкусно не кушал. Прости, но так и не узнал, как зовут-то тебя? Совсем вот из головы как-то вылетело.

Я вновь надел свою повязку и вдруг почувствовал смущение: об элементарной вежливости, со всеми этими подозрениями и домыслами, я и правда начисто забыл. Девочка тоже смутилась и слегка покраснела.

– По-настоящему меня Оной зовут, но вы лучше, как и все, называйте Заплаткой, меня так больше людей знает.

Дочь Щагра перевела взгляд на стол и смутилась ещё больше, видимо слово «гость» очень много для неё значило. Я понял, что ей неудобно, что она не может меня, «как следует» угостить.

– Прости, я вообще не очень люблю есть в гостях. – Я

ободряюще подмигнул девочке. – А насчёт больше-меньше я так скажу, человек, который может заступиться за незащитного, не «заплатка» уж точно, зря позволяешь так себя называть. А вот твоё настоящее имя мне нравится. Она. Красиво звучит, да и тебе подходит. А лет тебе, Оночка, сколько? Почему волосы так коротко остригаешь, не думала подлиннее отрастить? От женихов тогда точно отбоя потом не будет.

Я хитро подмигнул девочке и улыбнулся. На душе у меня и правда было хорошо и словно как-то светло.

Она смутилась ещё больше, потупилась и покраснела.

– Тринадцать... , недавно исполнилось. Волосы я бы и сама хотела, но времени на них просто нет, так проще. Брат вот подрастёт, тогда может.

Девочка отошла к печи, заварила и налила мне и себе отвара из ягод. Я подул, немного отпил и грустно про себя усмехнулся: было забавно, что насчёт дочери Щагр мне действительно не соврал. Красавица, умница, прекрасно готовит, говорит совсем немного и внимательно слушает собеседника, хотя её возраст он и увеличил всё же довольно сильно, выходит и правда собирался ей от меня откупиться, либо даже хотел таким образом заполучить меня в союзники, на правах «отца жены».

Я отпил ещё немного отвара и посмотрел на девочку. Повторять свои вопросы я пока не хотел, решил подождать пока она сама всё расскажет. Она тяжело вздохнула, подошла к окну и окинула взглядом дворик.

– Насчёт папы всё правда. Его Светлые маги в тюрьму бросили, а потом он, вот недавно, вроде бы оттуда сбежал. Я всего не знаю, конечно, но думаю, что его просто подставил кто-то. Не мог он сам что-то настолько ужасное натворить. – Девочка помолчала немного и отпила из кружки. – Как мама умерла, мы одни остались. У папы другая семья уже до этого была, но тогда он заходил чаще..., по моему. Вы простите, но я правда мало что теперь о нём знаю.

Она с видимым усилием повернулась и посмотрела на меня. Я сделал вид, что огорчён разве что лишь слегка и пожал плечами. Мне вдруг вспомнилось лицо моего друга, вспомнилось, как горел и рушился их дом. «Просто подставил кто-то», – повторил я про себя, – «просто подставил». Я один тогда выжил из всей деревни и всё же правду до сих пор не знал никто.

Я допил отвар, благодарно отставил кружку и окинул кухню быстрым взглядом.

– Я задам тебе один довольно необычный вопрос, Оночка, ты не против? Как ты относишься к магии? Что думаешь о ней?

Я серьёзно посмотрел на девочку, чтобы она поняла, что я не шучу.

Она украдкой взглянула на мой посох-трость и чуть заметно поёжилась.

– Если честно, то я её боюсь. Вы ведь спрашиваете потому что заметили, да? Я и вас сначала испугалась..., немножко,

пока не поняла, что вы хороший человек. У меня с детства это. Я даже рассказов-страшилок и то боюсь, не сплю потом ночами, иногда мерещится, что в углу или под кроватью что-то ползает, особенно здесь, в этом доме, мы ведь недавно совсем здесь живём. Простите, кстати, что всё такое старое: стулья, стол... , вам, наверное, неприятно. Как мама умерла, я работу себе нашла, брат ещё маленький, денег мало, да и надеемся вот только на себя.

Девочка вдруг осеклась, смущённо кашлянула и замолчала.

Я улыбнулся ей и провёл ладонью по столу.

– Главное, что хозяйка в доме есть, а остальное приложится. Насчёт твоего отца, ты не знаешь, где бы он мог быть? Потайное его место например: пещера, дом в лесу, землянка или что-то вроде. Может тайник у него какой-то был, записку там чтоб ему оставить? У меня неплохие связи, может и получится как-то ему помочь разобраться с этим недоразумением. Не будет же он теперь вот так всю жизнь бегать.

Я притворно-тяжело вздохнул и посмотрел на девочку. На самом деле меня больше интересовало не то, что она скажет, а её реакция на мои слова.

Она тоже тяжело вздохнула и виновато покачала головой, я про себя отметил, как изменилось при этом её лицо: она точно доверяла мне, хотела помочь отцу, но ничего о нём просто не знала. Странно, но, кажется, даже после всего этого, она продолжала его любить. И что не помогает он им не

сказала ведь прямо, завуалировала, по другому выразилась, скорее всего, чтобы отца своего передо мной не унижить и не обижать. Щагр провёл между ними черту отчуждения, а она молчаливо её поддержала. «У меня своя жизнь и я вам ничего не должен», – вот к чему он видимо всё плавно подвёл. Требовать от него что-либо его дочь считала ниже своего достоинства. Ведь как можно требовать от чужого, от того, кто тебе ничего не должен? Жаль, что при этом она так и не поняла, что попала в сеть. Она считала, что не хочет лезть в грязь, а его это вполне устраивало. О том, что он её отец, Щагр вспоминал лишь когда она была нужна ему, а не он ей. И даже ведь жизнь свою, поганую, за неё пытался выторговать. Интересно, смогла ли бы она пойти против его слова, смогла бы рассориться с ним?

Я поднялся из-за стола и взял свою трость-посох.

– Ладно, пора мне, красавица, а мы всё болтаем, болтаем. Раз уж отца твоего не застал позволь тебе за него долг отдать. Я ведь в основном за этим сюда и приехал.

Я снял с пояса кошель с деньгами и развязал его.

Она удивлённо и словно как-то испуганно посмотрела на меня и нахмурилась.

– Нет. Папе деньги должны, ему и отдавайте, а я ничего не буду брать.

Девочка убрала руки за спину и сделала шаг назад. Я пожал плечами, завязал кошель и повесил на место. На самом деле я почти не надеялся, что мои деньги она возьмёт. В лоб

тут в любом случае не вышло бы, нужен был какой-то другой путь.

Я попрощался с девочкой, напомнил ей, чтоб перевязала коленки, и ушёл. В этой деревне у меня осталось всего одно неоконченное дело. Я не мог дать деньги девочке, но мог по крайней мере наказать того, кто у неё всё забрал. Я хотел, чтобы её мачеха раз и навсегда запомнила, что чужое добро не приносит счастья. Учитель, конечно, вряд ли бы одобрил подобное применение силы, но я... был другим. Интересно, что и посох в моей руке вёл себя на удивление спокойно.

Я узнал где живёт эта женщина, выследил её и подошёл к ней тихо со спины. Удар я нанёс всего один, короткий и резкий, воздухом, в район второго шейного позвонка. Мачеха Оны громко вскрикнула и мешком свалилась на землю, если я не ошибся с силой заклинания, то выжить она должна была, не смогла бы лишь двигаться.

Чужое добро не приносит счастья.

Я развернулся и молча пошёл прочь.

От заклинания «изменения облика» я отходил недели две или три. На самом деле это оказалось ещё ужаснее, чем описывают. Всё это время я провёл практически без сознания, меня тошнило, рвало, разрывало изнутри и выкручивало. Судя по всему поесть, во время его действия, было всё же слишком безрассудно. Когда всё закончилось, я пообещал себе, что больше применять его я не буду.

Из головы у меня никак не шёл тот старик и его странная музыка. Уйти сейчас означало потерять это чудо навсегда, позволить ему исчезнуть. На моих табличках было уже много записей, но ни одна из них не могла с этим сравниться. При этом сколько у меня оставалось времени я не знал. В любой миг старик мог умереть или ослабеть настолько, что забросил бы свою дудку. Хотя в последнем я на самом деле довольно сильно сомневался, что-то мне подсказывало, что он из тех людей, которые идут до конца и не взирают на последствия.

Всегда и во всём человеку больше всего мешает его собственный страх. «Что, если у меня не получится», – думает он, вместо того, чтобы сосредоточиться на действии. У стихии всё получается потому что ей просто на всё плевать, она не разменивается на мелочи. Взять хотя бы гигантские волны на море, о которых мне рассказывал отец, а позже и учитель. Когда вода наступает на сушу, она просто идёт и всё, медленно, неторопливо и спокойно. Самые стойкие препятствия она огибаёт, а остальные просто-напросто сносит. Так происходит потому что у неё есть цель, ей некуда отступить и незачем колебаться. Человек, у которого есть великая мечта, большая цель, всегда похож на стихию.

Вот и этот необычный старик-музыкант тоже был таким. В звуке таилась огромная сила, а он с лёгкостью и изяществом ей управлял. Наверное именно поэтому он и казался мне одним из нас, магом. Причём не просто недоучкой-ми-

стиком, а настоящим, со Словом Силы. И оно точно было не каким-нибудь хилым, как «отзвук» или даже «мелодия». Если бы старик был магом, его Словом Силы точно было бы само слово «музыка», в этом я был уверен.

После долгих колебаний я всё же решился навеститься в ту деревню ещё раз. Инстинкты говорили мне уходить, но словно какая-то неведомая сила тянула меня назад. Пойти я решил налегке и все свои вещи, кроме деревянных табличек, спрятал. Внешность я конечно в этот раз изменять уже не стал и обошёлся обычным переодеванием и гримом.

На дворе стояла глухая ночь, но вот-вот должно было уже наступить утро. В воздухе разливалась прохлада и пахло свежестью и росой. Пока я шёл до дома старика, я думал, как убедить его мне сыграть, Ону я во всё это впутывать точно не хотел и не собирался.

Я прошёл по пустынной улочке и остановился у лачуги музыканта. Прошло примерно четверть часа и небо начало понемногу светлеть. Я опёрся на ветхий заборчик и решил пока, от нечего делать, просто понаблюдать за рассветом.

Спустя пару мгновений издали, с другого конца улочки, вдруг послышались тихие шаркающие шаги. Ко мне медленно брёл тот самый местный парень, который тогда предал старика. Судя по его блуждающему взгляду и движениям, он был просто мертвецки пьян. В его глазах была непроглядная тоска, он словно потерял и не мог найти что-то важное. Волосы его были сильно растрёпаны, а одежда на нём была са-

мой простой, обычной и недорогой.

Раскаяние всегда очищает человека, наверное в этом и есть его единственный смысл. Парень предал старика, предал человека ему близкого, но только ли его одного? Если так подумать, то предательство вообще всегда работает, как минимум в две стороны. Потому что каждый раз предавая кого-то, ты предаёшь и самого себя, свою душу. Предательство это вообще очень обширное слово. Предать можно не только человека, но и веру, идею, мечту. Знать свою цель и не двигаться к ней – это тоже предательство. Самого себя можно предать однажды или делать это каждый день, по мелочам, медленно. Чувства, которые предают разум, не верят в него, ставят под сомнение его решения, разве может быть что-нибудь хуже?

Я ещё раз взглянул на парня, отвернулся и продолжил смотреть на небо. Зачем он шёл сюда и почему вообще не спал в этот час меня в общем-то не касалось.

Спустя какое-то время шаги стихли. Судя по звуку парень остановился совсем недалеко от меня.

Небо было на удивление чистым и уже совсем светлым, вот-вот должно было показаться и солнце. Я достал пустую деревянную табличку и быстро прошептал заклинание «захвата мелодии», почему я решил вдруг так поступить я не знал, но чувствовал, что это будет правильно.

С первым лучом солнца по улице полилась всё та же замысловатая музыка. Старик играл со двора, но впечатления

это не портило и даже наоборот. От такого приглушения возникало чувство завершенности, последнего и самого важного штриха.

Огонь в моей душе рвался наружу и я вдруг понял, что едва могу его сдерживать. Мне представилось, и я почти видел это, как от моих ладоней идут огненные потоки, медленно закруживаются, переплетаются и поднимаются в небо. Каждая из струй пламени была частью мелодии старика, а искры её отдельными звуками. Я рисовал его музыку огнём и смотрел, как медленно восходит солнце. Несколько раз мне пришлось останавливать себя, когда я вдруг понимал, что и вправду шепчу слова заклинаний. Сколько это всё продолжалось я не знал, но когда мелодия вдруг стихла, я не сразу понял, что произошло.

Я прошептал заклинание закрепления и кое-как повесил табличку на связку, руки у меня дрожали. Неподалёку раздался тихий всхлип, я повернулся и посмотрел на парня. Он сидел на корточках, уткнув голову в колени, и словно ребёнок плакал. Старик простил его, в этом я был уверен, но прощение другого человека зачастую получить намного проще, чем собственное.

Я вздохнул, вновь снял табличку, которую записал и быстро скопировал магию с неё на пустую. Всё же вся эта ситуация казалась мне слегка несправедливой. Парень был ещё молод, а цена его ошибки была слишком уж высока. При этом я был почти уверен, что больше никто из той компании

ни в чём не раскаивается.

– Держи. Сохрани это для него. – Я протянул табличку парню. – Здесь его музыка, записана магией, чтобы слушать просто щёлкни по ней, вот так и всё, чтобы перестать щёлкни снова.

Я щёлкнул по табличке и шагнул к парню, в прохладном утреннем воздухе вновь зазвучала мелодия старика.

Парень вздрогнул и поднял на меня удивлённый и испуганный взгляд, я вновь показал ему, как именно всё это работает. Он поднялся с корточек, взял у меня табличку и молча сжал её в кулаке. В его опухших, красных от слёз, глазах появилась решимость. Он точно понимал, что за предмет я ему дал и что будет, если его с ним вдруг однажды застукают Светлые. Доказанная сделка с незаконным мистиком это как минимум неподъёмный штраф, допросы и год или два тюрьмы. Именно поэтому заказы на создание различных магических безделушек нам практически не делали.

– Спасибо..., мистик. – прошептал парень хрипло и посмотрел на меня, как на своего спасителя. – Я сохраню, обещаю..., сохраню.

Он дрожащими руками убрал табличку за пазуху. Я кивнул и быстро пошёл прочь. Деревня только-только начала просыпаться, и я очень надеялся убраться отсюда раньше, чем это произойдёт.

До деревенских ворот я добрался без особых проблем, но возле них меня уже кто-то ждал. Я замедлил шаг и пригля-

делся к этому человеку. На вид ему было примерно лет двадцать пять – двадцать семь, он был довольно высокого роста, худощавый и смуглый, с каким-то слишком обычным, не запоминающимся лицом. Одежда на нём тоже была самой простой, сельской, но всё же что-то тут было не так. Незнакомец смотрел на меня как-то чересчур пристально, по-змеиному и холодно, официально, мне улыбался.

Я на всякий случай окружил своё тело щитом от физических повреждений, подошёл ближе и остановился от него в пяти-семи шагах. Теперь я уже слегка жалел, что не захватил с собой посох.

– Вижу вы осторожны. Это хорошо. – Парень слегка склонил голову, в его голосе звучали нотки лёгкого удивления и уважения. – Хозяин хочет с вами поговорить. Это срочно.

Он окинул меня внимательным оценивающим взглядом. О том, что я маг и могу за себя постоять, он похоже прекрасно знал.

О каком «хозяине» шла речь я конечно же понял сразу. Лишь один мой знакомый был настолько могущественен, что его так называли без доли усмешки. Кроме того, внешность этого парня была чем-то схожа с внешностью самого Тиграна, скорее всего они были родом из одной страны. И всё же всё это мне сильно не нравилось. Приятельство приятельством, но подставляться и добровольно идти в город Светлячков я не хотел. Парня этого я не знал и прежде даже ни разу не видел, да и вообще на обычного посыльного, или то-

го, с кем мне приходилось сотрудничать в их организации раньше, он явно не тянул. Плюс к этому сам этот случай был тоже из ряда вон: за всё время нашего знакомства, кроме того самого первого раза, Тигран ни разу не связывался со мной первым и уж тем более не вызывал к себе.

Я тоже быстро оценил парня, как противника и поискал вблизи глазами других.

– Что будет, если я откажусь? У меня вообще-то другие планы.

Я сделал вид, что успокоился и расслабился, хотя на самом деле нервничал всё сильнее. Деревня была слишком близко для открытого боя, в случае чего будет лишь делом времени, когда во всё это вмешаются и Светлячки. Парень же этот просто не мог быть один, я чувствовал, он был слишком спокоен для того, кто хочет остановить мага.

Подручный Тиграна перестал улыбаться и чуть распахнул рубаху. На его поясе висели два коротких изящных меча похожие на слегка удлинённые кинжалы и от каждого из них шла сильная магическая аура.

– Хозяин просил передать, что очень настаивает. Вы ведь не хотите его обидеть?

Парень запахнул рубаху, скользнул взглядом у меня за спиной и как ни в чём ни бывало мне улыбнулся. Драться со мной здесь и сейчас он всё же видимо не собирался и скорее предупреждал.

Я вздохнул. В этом мире у меня и без того было слишком

много врагов, чтобы ссориться с последним властью имущим человеком более-менее ко мне лояльным.

– Хорошо, передай ему, что я всё понял.

Я выжидающе посмотрел на парня, он чуть подумал, медленно кивнул и отошёл в сторону. Я прошёл мимо него сквозь ворота и быстрым шагом двинулся к месту, где спрятал свои вещи. После такого предупреждения без своего посоха я чувствовал себя едва ли не нагим.

К Тиграну я естественно решил пойти не сразу, а лишь после того, как обдумаю всё это и составлю хотя бы какой-то план. Как бы то ни было, а использовать в случае чего своё Слово Силы на полную мне не хотелось. Жертв будет слишком много, в этом я был уверен, причём не только среди магов Светлячков. Большая сила предполагает большую ответственность, кроме того, после такого мной точно займутся уже всерьёз и как бы не сам их верховный совет магов.

В деревушке по пути я раздобыл подробный план города, в котором жил Тигран, и потратил несколько дней на его изучение. Я старался запомнить каждую улочку и закоулок, все тупики и места с излишне плотной застройкой. Стихийные, и в особенности огненные, заклинания я решил применять лишь в самом крайнем случае, например если придётся прорывать кольцо. Вообще, конечно, в то, что Тигран хочет сдать меня Светлячкам я не верил, но если это было так, то, ситуация складывалась не из приятных. Тигран

был моим самым близким знакомым, и это делало его действительно опасным для меня. Он чувствовал, как я думаю, мог поставить себя на моё место и просчитать мои дальнейшие ходы. Его люди находили меня уже дважды, хотя даже Светлячки своими сложнейшими заклинаниями поиска этого сделать не могли.

Спустя ещё неделю я подошёл к окрестностям города. Примерный план действий в случае предательства Тиграна у меня к этому времени уже сложился, я просчитал все возможные маршруты отхода и запомнил места, где можно поставить ловушки. Ключевых момента в моём плане было всего два: выход из города на открытую местность, по возможности быстрый и незаметный, и применение не смертельных, но мощных заклинаний с целью замедлить погоню, оторваться и запутать следы. В остальном я решил действовать по обстановке и положиться на интуицию и удачу.

К полосе сторожевых вышек вокруг города я подошёл на рассвете, спрятал там неподалёку все не боевые вещи и миновал её без особых проблем. Небо было сплошь серым, затянутым мрачными тучами, время от времени начинался и тут же прекращался мелкий дождь.

Я разобрал свой посох, спрятал в одежду, добрался до городских врат, заплатил уже знакомому стражнику и прошёл внутрь. Пока вроде бы всё шло, как обычно и я даже слегка успокоился: у Светлячков была уже уйма возможностей напасть, но они этого не делали.

В городе всё тоже выглядело обычным: люди смотрели себе под ноги или поглядывали на хмурое небо, бурчали и спешили каждый по своим делам. Я смешался с толпой и окружным путём подошёл к нужному мне райончику с дурной славой.

Я остановился неподалёку от ресторанчика Тиграна, собрал посох и некоторое время просто следил и ждал. Светлячков видно не было, а вот внешняя охрана на меня внимание обратила явно. Один из парней, тот, что был постарше, сказал что-то другому и кивнул на меня, тот нахмурился, тоже мельком глянул в мою сторону и быстро исчез в ресторане. Я решил подождать, пока они обо всём не доложат и Тигран не выйдет ко мне сам. В нашей с ним похожести были и свои плюсы: он мог просчитать меня, но и я его, пустые конфликты были не в наших интересах.

Из ресторана высыпала группа парней человек в десять-пятнадцать, к ним присоединился парень со входа и они быстрым, не предвещающим ничего хорошего, шагом направились ко мне. Я про себя вздохнул, Тиграна судя по всему на месте не оказалось.

Парни подошли и остановились напротив. Магов среди них явно не было и скорее всего они просто решили задавить или запугать меня числом.

Я примирительно выставил свободную руку ладонью вперёд и взглянул на самого на вид спокойного и уверенного в себе парня. В любой стае всегда есть вожак и если хочешь

чего-то добиться, то общаться нужно именно с ним.

– Я к Тиграну, он тут?

Я на всякий случай чуть поднял посох: взгляды охранников мне не нравились, все они были изначально настроены сперва бить, а уже затем разговаривать. Их старший неясно пожал плечами, сам он отвечать мне судя по всему не собирался.

Восемнадцати-двадцатилетний низкий крепыш с татуировками на мощных ручищах, который стоял рядом с ним, вышел чуть вперёд. На вид он почему-то напомнил мне отчаянного и бесшабашного моряка-матроса.

– Имя Хозяина тише бубни, понял?! И ваще хлебальник свой завали! Думаешь совсем бессмертный или чё?! С нами ща пойдёшь. Хреновину эту сюда гони давай по шустряку, а то мало ли.

Он криво ухмыльнулся мне, обнажив жёлтые зубы, один или два из них были явно сколоты в драке.

Я поставил щит от физических повреждений и зажёг над посохом небольшой, размером с кулак, шарик огня: как бы то ни было, а заходить внутрь на таких условиях я точно не собирался.

Охранники растерялись: открытая демонстрация Свободным своей силы – это было точно событие из ряда вон, особенно здесь, в городе полном Светлячков.

Я разделил шарик огня на несколько, примерно по одному на каждого человека и заставил их выстроиться в воздухе

перед собой полукругом. Мой посох слегка нагрелся, судя по всему ему тоже всё это сильно не нравилось.

– Убери! Ты, чё совсем двинутый? – Старший глянул на меня, затем быстро по сторонам. – Убери и пошли побазарим нормально раз на раз.

Он искоса посмотрел на парня-матроса, тот тоже хотел сказать что-то, но осёкся и промолчал.

Ситуация была явно неразрешимой: я чувствовал, что стоит мне развеять заклинания и парни тут же на меня нападут, они в свою очередь медлили потому что понимали, что сейчас я сильнее.

Я покачал головой и заставил шарики огня щёлкать и искриться. Конечно всё это была лишь дешёвая клоунада, и я это понимал, но мне нужно было хоть как-то выгадать время.

Старший, судя по его взгляду, колебался и медлил. Понять его было нетрудно, за подобное зрелище возле своего ресторана Тигран спустит шкуру с каждого из них, в этом я был уверен. Наконец он не выдержал, наклонился к парню-матросу и что-то ему негромко сказал, тот посмотрел удивлённо и слегка разочарованно, развернулся и со всех ног бросился назад в ресторан.

Мои подозрения относительно Тиграна постепенно таяли, если бы он действительно сдал меня Светлячкам, то его парней здесь сейчас наверняка бы не было вообще. Ловчие маги Светлых, особенно опытные, как бы не кичились своей избранностью, понимают, что наша магия ничуть не слабее

их. Одно моё слово и люди напротив меня превратились бы в прожжённые трупы, ни увернуться, ни защититься от этого никто бы не смог. Именно поэтому магу зачастую бывает проще сражаться одному, защищать лишь себя и не отвлекаться на защиту союзников. И всё же подобный приём Тигран мне устроил в первый раз. Провокация, конечно, была с моей стороны, но всё, что сейчас творилось, было, мягко говоря, чересчур.

Случайные прохожие поглядывали в нашу сторону, но затем лишь отводили глаза и торопливо проходили мимо. Здесь, в этом районе, лучше других понимали основное правило большинства животных «каждый сам за себя». И всё же с течением времени любопытные взгляды становились всё внимательнее и дольше. Светлячкам обо всём этом должны были уже донести и не раз и было, кстати, довольно странно, что их всё ещё здесь не было.

Старший охранников заметно нервничал и зло поглядывал на меня, мой посох и особенно огненные шары. Судя по его лицу он уже жалел, что попытался решить вопрос силой и не стал со мной разговаривать. Я в свою очередь просто ждал: отступить и менять тактику было уже поздно.

Наконец дверь ресторана вновь открылась, оттуда вышел Тигран и, что заставило меня вновь слегка насторожиться, какой-то маг Светлячков. Тигран выглядел взвинченным, злым и заспанным. Он хмуро шурился, его волосы были слегка растрёпаны, а походка и движения не такими мягки-

ми и плавными, как обычно. Одежда Светлячка, который шёл с ним, была серой, он был среднего возраста и такого же среднего звания. Вообще же судя по его манере движения и цепкому внимательному взгляду, он скорее всего был кем-то вроде патрульного.

Меня и мои заклинания маг заметил сразу. Он остановился, резко остановил Тиграна и поднял вокруг себя и него щиты. В его взгляде читалось сильное удивление и нарастающая тревога, всё же очень и очень редкие маги могли использовать огонь, тем более так свободно. Моё Слово Силы он не знал и должен был предположить, что на свою демонстрацию я трачу целую прорву энергии.

Маг что-то сказал Тиграну и тот задумчиво посмотрел на меня и мой посох, должно быть Светлячок, как и все, решил, что всё дело не во мне, а в нём. Они медленно подошли чуть ближе и остановились. Тигран протянул магу руку и тот неуверенно её пожал.

– Свободен-свободен, не переживай, мы тут сами уже разберёмся. – Тигран поднял руку и издали меня поприветствовал. – Своим доложишь, что ложная тревога, нормально всё. За бдительность позже поблагодарю отдельно, что не обижу знаешь, ведь так?

Он оставил мага позади и быстрым шагом пошёл к нам.

Я тоже поднял руку и также издали его поприветствовал, от лица старшего охраны при этом отхлынула, кажется, разом вся кровь. Маг Светлых ещё раз посмотрел на меня и

мои заклинания, что-то про себя прикинул, вздохнул, развернулся и медленно пошёл прочь. Вес Тиграна у Светлячков я похоже даже сильно недооценивал.

– Стоп, стоп, стоп! – Тигран подошёл и положил руки на плечи двух своих самых нетерпеливых ребят, они при этом сразу заметно поостыли. Он слегка обиженно взглянул на мой посох. – Зря ты так, Свободный, заходи, поговорить нужно. Игрушку свою можешь с собой взять, только огоньки убери, ладно?

Он сделал своим едва заметный жест, и они молча начали расходиться. На лицах многих из них было написано непонимание, открытая ненависть ко мне и даже зависть. Я пожал плечами и развеял все заклинания, кроме щита. Своей цели я так или иначе добился, а на остальное мне, если честно, было плевать.

Мы с Тиграном зашли в ресторан, прошли в приватную кабинку, уселись друг напротив друга и закрылись, угощения и напитки он в этот раз мне не предлагал.

Некоторое время мы с ним просто изучали друг друга и ждали, кто первым заговорит. У него ко мне были какие-то вопросы, из-за которых он меня вызвал, но теперь и у меня появилось немало вопросов к нему.

Напряжение в кабинке постепенно уменьшалось и это было странно, потому что вообще-то при таких обстоятельствах всё должно было происходить с точностью до наоборот. Как бы то ни было, а враждебности от Тиграна я не чув-

ствовал, скорее какое-то подавляемое раздражение и неудовольствие.

– И, зачем звал?

Я положил посох плашмя себе на колени, а руки на стол. Свою обычную маску доброжелательности я в этот раз отбросил полностью.

Тигран тяжело вздохнул, потёр руками глаза и слегка пригладил волосы.

– Видишь, Свободный, из-за тебя всё. Ночами не сплю, думаю, как узел развязать, который ты понапутал. Сам-то хоть понял, что натворил? – Он судя по всему заметил недоумение на моём лице. – Посох. Посох того Щагра, будь он неладен. Светлые несколько десятков лет пытались найти эту штуку, а ты её взял и сломал. Знал бы зачем он тебе нужен, не дал бы тебе то досье.

Тигран сощурился ещё сильнее, сплёл пальцы и постучал ими по столу. По нему было заметно, как ему сложно сдерживаться и говорить хотя бы более-менее без эмоций.

Я промолчал. Для того, чтобы объяснить почему я это сделал мне пришлось бы рассказать ему всё, а я этого делать не хотел. Можно было конечно попробовать сочинить что-то, но во-первых обмануть Тиграна было бы действительно сложно, во-вторых я просто не хотел ему врать.

– Два, шесть-шесть, три-два-пять, двадцать один-двенадцать. – произнёс Тигран задумчиво. – Знакомые цифры? Что тебя связывает с этим пареньком? Олесь, его зовут, ка-

жется. Он ведь Светлый, тем более из ловчих, я думал ты их не особо чувствуешь. Когда тут всё только завертелось он первый под подозрение попал, ребята из их внутренней до тебя добраться пытались. Я рискнул и сделал кое-что без твоего ведома, вот теперь думаю, будешь ли ты за это платить. Хотя не в том суть. Я тебя вообще зачем так дёрнул, побоялся, что ты к той пещере вернуться можешь, вдруг забыл там чего или посмотреть захочешь. Даже близко там не ходи, понял? Туда около тридцати отрядов согнали, изучают там всё, раскапывают, если напорешься сам виноват будешь, и твоя игрушка тебя уже не спасёт, там же настоящие маги. Я к тому, что уровень обучения у Светлых другой, не ваш, у них всё-таки и школы и преподаватели и тренировочные площадки и прочее, ведь так?

Тигран мельком взглянул на мой посох и, кажется, даже слегка смутился.

Я медленно кивнул. Всё о чём он говорил было в общем-то похоже на правду и вполне логично, хотя масштаб и скорость событий действительно поражали. Если уж Светлячки вышли даже на Олеся, то они подобрались близко, на этот раз и правда близко ко мне. Интересно, кому и зачем у них так уж понадобился тот проклятый посох?

– Если не врёшь, то спасибо тебе. – Я посмотрел Тиграну прямо в глаза. – С Олесем мы, можно сказать, приятели, так вышло, жизнь столкнула. С ним всё нормально?

На душе у меня было тяжело. О том, что я могу не только

подставиться сам, но подставить и мальчишку я как-то не подумал.

Тигран расплёл пальцы и безразлично пожал плечами.

– Олесь, потом ты, я следующий, ведь так? Считай, что себя защищал. Из его личного дела это убрали, а его предупредили как бы «в последний раз», ну и плюс перевод ему оформили, сюда, в деревню поближе, так, чтоб я в случае чего дотянуться мог. Другие варианты насчёт вас, кстати, тоже были. Без обид. – Он посмотрел на меня как-то слегка пристально и в его глазах на миг появился и тут же исчез холодный огонёк. – Впрочем, я рад, что всё так кончилось, но в следующий раз о таких вещах предупреждай сразу, ясно? Я такого не люблю. Подставишься сам и меня подставишь. Если Щагра убрать собирался, то нужно было так и сказать, посох тот тоже можно было уничтожить как-то потише. Мы и сами можем разобраться, в том числе с магом, стоять это, конечно, будет дороже, но зато без риска. Досье то, надеюсь, ещё у тебя?

Тигран посмотрел на мою наплечную сумку, кивнул на неё и протянул руку, выглядел он при этом сильно напряжённым. Я достал досье, про себя поблагодарил свою интуицию, которая подсказала мне взять его с собой, и молча протянул документы Тиграну, мне они в общем-то были уже без надобности. Тигран открыл дверь и несколько раз громко и раздражённо хлопнул в ладоши. При мне он судя по всему ещё сдерживался, а вот его подчинённым я сейчас не завидо-

вал. В кабинку быстро вошёл официант, забрал досье, торопливо выскользнул и плотно закрыл за собой дверь. Тигран устало откинулся на спинку кресла и вымученно мне улыбнулся.

– На ребят моих не обижайся, Свободный, не умеют они вести передавать. Я просил как-то поделикатнее, но судя по всему не вышло. Но и ты тоже хорош, зачем людей-то пугал? – Он усмехнулся, вновь потёр глаза, зевнул, поднялся, с хрустом размял пальцы и протянул мне руку. – Ну, что, мир? Мы ведь с тобой не бабы друг на друга обиды таить.

Остатки моих подозрений испарились полностью, Тигран не смог бы так нагло соврать мне, а потом протянуть руку, в этом я был уверен, не тот это был человек. Интересно было кстати, что его прежнее чуть снисходительное отношение ко мне заметно поуменилось, возможно из-за той сцены, которую я устроил на улице или из-за того, что столько Светлячков сбивалось с ног в попытках меня найти. Я снял посох с колен, поднялся, поставил его в угол, вернулся и пожал Тиграну руку. Мы уселись, и напряжение в кабинке окончательно сошло на нет. Тигран вновь открыл дверь, хлопнул и кивнул официанту на пустой стол.

– Ты, Свободный, есть не хочешь? Хотя, всё равно придётся, потому что я хочу. – Он подождал пока официант поставит перед нами подносы, жестом отправил его и закрыл дверь. – Ты никогда не спрашивал почему я не пытаюсь узнать твоё настоящее имя, не думаешь, что у тебя их

слишком много? О тебе никто ничего не знает, даже я. Не сложно так жить, без друзей, вообще никому не доверяя?

Он приглашающим жестом указал мне на мои подносы с салатами и принялся накладывать себе со своих мясо, густо солить и перчить его и наливать вино. Я лишь пожал плечами, взял тарелку с виноградом и отправил несколько штук в рот. Тигран не сказал этого, но по нему было заметно, что его вся эта ситуация оскорбляет. Мне же на самом деле просто нечего было ему ответить: есть ли у меня ещё настоящее имя, имею ли я на него право, я не знал. Эта кличка, которую он мне дал, «Свободный», наверное им и была.

Ели мы молча. Тигран думал о чём-то своём, а во мне бо-ролись два одинаково сильных противоречивых чувства: желание хоть как-то помочь дочери Щагра и её брату и нежелание впутывать во всё это Тиграна ещё сильнее. Всё осложняло то, что я в принципе не мог просчитать, как он может отнестись к моей просьбе, а с его вспыльчивостью было лучше не шутить. Я долго колебался и медлил, но в конце концов решил передать этот выбор ему.

– За Олеся я заплачу, но мне нужно ещё кое-что, если тебе не будет сложно, конечно. В общем да-да, нет-нет, тут сам решай. – Я поглядел на Тиграна, тот не стал отрываться от еды и лишь неопределённо мне кивнул, я налил себе ягодного сока, бросил в него лёд и немного отпил. – Дети Щагра, за ними можно как-то последить, в смысле присмотреть, года три-четыре, только так, чтобы девочка этого не заметила?

Понимаю, что это не совсем ваш профиль и всё же.

Я замолчал, отпил ещё сока и попытался собраться с мыслями. Моя просьба, после того, как я её озвучил, стала казаться мне действительно глупой. Тигран на миг оторвался от еды, глянул на меня и хмыкнул.

– Рано судишь, Свободный. Наш это профиль или нет, ты не знаешь, ведь так? Мы многое делаем, на самом деле почти все, за что люди готовы платить. Не все же ваши такие упёртые одиночки, как ты, у многих есть близкие, семьи. Опять же к нам не только и не всегда обращаются ваши. Имён я тебе, конечно, не назову, но среди моих клиентов есть и Светлые и обычные люди, торговцы и прочие. Заказы разные бывают, и всё же ты меня удивил. Шагра ты убил, причём, как я слышал, убил неслучайно, а теперь вдруг хочешь помочь его детям. Зачем?

В его голосе вдруг промелькнула какая-то искорка интереса, видимо он и вправду не мог меня понять. Убил врага – убей и его детей, это логично. Вот только логика – это не жизнь.

Я покрутил лёд в стакане и задумался. Чувством вины это не было, да и жалостью в общем-то тоже, наверное я просто хотел восстановить справедливость, вот и всё.

– Почитай то досье и поймёшь. Кстати их мачеха жива, ты не в курсе? Как она там? Я слышал, что что-то случилось, но не успел узнать что.

Я посмотрел на Тиграна и отпил из стакана немного сока,

ОН ВНОВЬ ХМЫКНУЛ, ОТОДВИНУЛ ТАРЕЛКУ И ПЛЕСНУЛ СЕБЕ ЕЩЁ ВИНА.

– За детьми этими слежу, мог бы и прямо спросить, Свободный, ну и про мачеху знаю, спину ей говорят кто-то сломал, ни ходить, ни двигаться теперь не может, может брешут, конечно, и сама упала, но явно нечисто что-то там. С этим посохом все, как с ума посходили. Кстати эта информация уже платная, но ты это и сам уже наверняка понял, ведь так?

Тигран слегка прищурился, смотрел чуть более пристально и говорил уже без тени иронии, как и всегда, когда речь шла о делах. Я кивнул, снял с пояса кошель и молча положил на стол. Тигран слегка приподнял бокал в безмолвном тосте за сотрудничество и я ему ответил.

– К девочке недавно заходил кто-то, какой-то родственник вроде бы, в возрасте, при деньгах и возможно даже из ваших, Свободный я имею в виду. Трость у него, говорят, непростая была, вроде как у тебя посох. Не слышал о таком? – Тигран посмотрел на меня, я покачал головой, он вдруг взял с моего подноса виноградину и отправил в рот. – Кто это был я так и не понял. Сколько не искал, нет такого человека. Не было и нет. Первый раз мои ребята с таким столкнулись.

Тигран выглядел слегка озадаченным и расстроенным, а в его голосе на миг промелькнуло разочарование.

Я махнул рукой, дав понять, что эта информация меня интересует мало. Тигран задумался.

– Дорого это всё будет, Свободный, действительно дорого. Я как-то не подумал сразу чьих детей ты мне пытаешься навязать. Дело Щагра ведь вновь подняли, допросы, сам понимаешь, его детям светят, а то и что похуже. – Он сильно помрачнел и прищурился как-то зло. – Сложно будет. Не говорю, что невозможно, но действительно сложно и дорого, плюс, если возьмусь, то уже до конца, не вздумай потом отказать.

Я молча подвинул весь свой кошель ему. У меня оставались ещё кое-какие сбережения и на первое время, до очередного заказа, мне должно было хватить. В крайнем случае пришлось бы продать что-то из безделушек или книг.

Тигран убрал все тарелки с одного из подносов, высыпал кошель на него и задумался.

– Хватит. Не наверняка, но хватит. Чтобы наверняка ещё процентов двадцать от этого нужно. Если что должным останешься, идёт?

Он поднял глаза и серьёзно на меня посмотрел, я лишь кивнул, с души у меня в этот миг словно сняли тяжёлый камень, наверное я до последнего не верил, что Тигран сможет и согласится мне помочь.

Тигран открыл дверь и вызвал официанта, тот быстро унёс поднос с оплатой, остатки еды, вытер стол и заменил нам лёд и напитки на новые. Тигран налил себе вина, мне сока и поднял бокал.

– Я редко говорю тосты, Свободный, но сегодня ты меня

пронял. Пью за тебя и твоё безумие. Этот заказ самый красивый из всех, что у меня были, спасибо тебе за это, когда столько вертишься в моём бизнесе забываешь, что такое человек. – Он вдруг слегка склонил голову. – О детях я позабочусь, не переживай, слово даю, что счастливы будут. Скоро у них появится один дальний родственник, скорее всего женщина, старая, больная, но с деньгами, попросит за ней присмотреть, девочка твоя сердобольная, уверен, что не откажет. Чуть позже «родственница» скажет мол тесно жить, а деньги с собой в могилу не утянешь, дом купят, ну и прочее. Это, конечно, пока наброски, но примерно будет так. Девчонка, эта, Она, по-моему, на тебя, кстати, в этом похожа, тоже последнее ради чужого может отдать, по старику-соседу вон недавно плакала, убивалась сильно, в долги залезла, но похороны ему достойные справила, хотя старик чудной был, ни с кем говорят не общался. Умер он тоже странно: с улыбкой, на рассвете, на Солнце смотрел и на дудке своей играл до последнего, так его потом и нашли.

Тигран выпил вина, задумчиво прищурился и посмотрел куда-то словно вдаль. Он казался выбитым из колеи и слегка рассеянным. Некоторое время мы с ним просто думали каждый о своём и молчали. Я вспоминал старика-музыканта и парня, которому тогда отдал табличку, представлял, что может сейчас чувствовать Она.

Мы посидели ещё немного и обговорили детали. В основном я предоставил всё решать Тиграну и настоял лишь на од-

ном. Информация о смерти Щагра, пусть даже и ложная, но достаточно правдоподобная, должна была дойти до деревни, в которой жили его дети, в любом случае. Позволить им жить с мыслью, что их отец просто сбежал и исчез я не мог.

Из города я ушёл сразу же после того, как мы закончили, Тигран предлагал мне задержаться, но я решил на всякий случай не искушать судьбу, всё же мои фокусы перед его рестораном видели слишком многие.

Глава 8. Падающие звёзды.

В следующие пять лет я просто жил обычной жизнью отшельника: совершенствовал и изучал заклинания, пытался их комбинировать и изобретать новые. Такая жизнь мне нравилась, и я даже был по-своему счастлив, но меня стал всё чаще мучить один вопрос. Для чего я живу, в чём смысл конкретно моей жизни?

Мне исполнилось уже двадцать семь, а выглядел я по-прежнему максимум лет на двадцать, ну или самое крайнее двадцать один, да и как-то не чувствовал себя старше. Мои не-маги сверстники уже давно все завели семьи и одного, двух, а то и трёх детей, важно кичились своей «взрослостью» и даже говорили всегда медлительно и устало, что судя по всему должно было означать, что у их слов и у них самих есть в этой жизни немалый вес. Естественно, что меня это всё забавляло. Добиться таких приземлённых целей и при этом всерьёз гордиться... их самомнение не переставало меня поражать.

Я никогда не понимал почему большинство людей такие пассивные, особенно не понимал мужчин. Они хотели одного: жить мирно, пусть без мечты, но стабильно, не хотели даже капельки преодоления, не хотели побед и борьбы. Их жизнь ничего не изменит, они были уверены в этом и поэтому просто жили, переживали жизнь и ждали смерти, как

спасения и избавления. Спасение от жизни – может ли это желание вообще считаться нормальным? У человека, когда он рождается, уже есть враг – это он сам, его слабости, не нужно искать противника где-то ещё, даже убийцы зачастую оказываются слишком слабыми соперниками, не достойными честного сражения и истинной вражды. Человек, который отнял чью-то жизнь не потому, что защищал то, что ему дорого, а ради, например, денег, ради того, чтобы нахапать, набить брюхо, получить что-то лично для себя, достоин ли он уважения и сильный ли это человек? Бороться нужно не с людьми, а со злом в людях и начинать в этом случае нужно с себя.

Двадцать семь лет стали для меня начальной точкой нового отсчёта. Я постоянно менялся, как змея сбрасывал старую кожу, избавлялся от хлама, старых вещей и знакомых. Нет смысла не меняться, ведь если ты перестал меняться, значит ты не растёшь, остановился в развитии.

Мои попытки смешать жизнь и магию провалились, и я это помнил до сих пор, но не мог найти своей жизни большего предназначения и смысла. Я, как и мой учитель в своё время, начал писать книгу, очень часто задумывался над жизнью и смертью, над возможностями человека, разностью и похожестью людей. Многого теперь виделось по-другому: чувства, поступки, мысли..., к чему-то я стал более терпимым, к чему-то наоборот.

Вещей у меня стало ещё меньше, чем было до этого, те-

перь я уже полностью осознал и прочувствовал, что имел в виду учитель, когда говорил мне: «Не копи, не тащи на себе разный хлам». В общем я оставил лишь самое-самое необходимое и наконец-то до конца освободился от стяжательства на «чёрный день» и мыслей вроде «вдруг пригодится когда-нибудь». Книг у меня прежде скопилось всё же слишком много, перечитывать их времени не находилось и выходило, как с жадной собакой, которая не ест сама и не даёт остальным: и я эти книги не читал и другие их из-за меня достать не могли, не читали.

Стояло лето. Я вновь устроил лагерь у реки, писал свою книгу и упражнялся в магии. Место тут было глухое и отдалённое, так что вполне можно было ненадолго задержаться и отдохнуть. Единственное, что слегка меня раздражало, так это ночные кошмары, почему-то здесь я вдруг снова стал очень тревожно и чутко спать.

В последнюю ночь я почти не сомкнул глаз, проснулся очень рано и теперь стоял, дышал прохладным утренним воздухом с запахом водорослей и воды и смотрел, как небо над рекой медленно начинает светлеть.

Я вспоминал учителя. Маг Воды. Он многое мне дал, но многое и отнял. Спокойствие его стихии было не моим.

На воде иногда появлялись круги, а то и слышались резкие шумные всплески: рыба ловила неосторожных насекомых, которые упали в реку.

Я посмотрел на место, где появился последний круг, сло-

жил пальцы в магический знак и щёлкнул ими. «Искра» сорвалась с моей руки, упала и воду и погасла в ней. Следов не осталось.

Я вдруг почему-то почувствовал какую-то невыразимую и необъяснимую печаль и тоску. Не стану ли и я такой же бесполезной искрой? Может и я вот так однажды просто исчезну, не оставив след? Будет ли кто-то жалеть о моей смерти? Будет ли вспоминать, что вообще был такой человек?

– Не твоя стихия, да, Свободный? – раздался вдруг позади меня тихий, но глубокий мужской голос.

Я резко, рывком, развернулся и поднял щиты.

Неподалёку стоял мужчина примерно моего возраста или чуть старше и задумчиво на меня смотрел. Его глаза были тёмно-синими, а взгляд чуть холодноватым, отстранённым и созерцательным. Этот человек как-то неуловимо напоминал моего учителя, но и отличался от него, был «более совершенен» что ли, даже больше чем учитель похож на мага Воды, мне даже вдруг стало интересно, что у него может быть за Слово. Странно было также, что идеальной была даже его кожа, на ней не было ни единой морщинки, прыщика, родинки, шрама или бугорка. Волосы тоже были чистыми и, кажется, даже слегка блестели. В руке он держал явно магический, Водный, посох опять же очень сильно напоминающий посох учителя. На его навершии была почти такая же, но даже более красивая, изящная и совершенная снежинка-звезда.

Я изо всех сил старался справиться с охватившим меня

удивлением: учитель говорил мне, что у него не было братьев, как и любой другой, даже далёкой, родни.

Маг направил руку на воду, плавно сжал её в кулак, чуть поднял, повернул и провёл ей вдоль берега. По реке прокатился небольшой дождь из капель. Свою стихию он мне открыл, что было обычным знаком миролюбия и вежливости.

Я посмотрел на мага, снял щиты и резко щёлкнул пальцами. Над моей ладонью загорелось пламя. Я взмахнул рукой и заставил его разделиться на такие же мелкие капли-искорки, а затем также просыпаться на воду, словно звёздный дождь. Маг удивлённо приподнял бровь и как-то слегка растерянно повертел свой посох.

– Огонь... Нечасто встретишь вашего брата. – Он смущённо кашлянул. – Прости, всего раз третий такое вижу. Даже не знаю, что сказать. Думал вас вообще уже не осталось.

Он подошёл чуть ближе, остановился и упёр свой посох в землю, драться он судя по всему не собирался и это уже было хорошо. Я украдкой взглянул на свою стоянку. Все вещи вроде бы были на месте, но самое главное, что там же сейчас лежал и мой посох, прямо возле костра. Маг перехватил мой взгляд, с заметным интересом оглядел моё оружие, но промолчал. Я отошёл к стоянке, взял посох и вернулся, здоровое недоверие и наглость помогает в нашей жизни намного больше, чем ложная и лишняя учтивость.

– Осторожность не повредит, тут ты прав. – Маг прохладно мне улынулся. – Но я не драться пришёл, а поговорить.

Он посмотрел на совсем уже светлое небо и подошёл чуть ближе к воде. Странно было, что при этом я совсем не услышал его шагов. Он перемещался не просто тихо, а абсолютно бесшумно, и как ему это удавалось я не знал.

С посохом я чувствовал себя гораздо спокойнее. Конечно и этот незнакомец и его интерес ко мне были странными, но не более того. Настроен он был вроде мирно, да и плохим человеком навскидку не казался, мог ведь и внезапно напасть, обошёл же как-то мои защитные заклинания. Я кивнул, но сам ничего спрашивать пока не собирался, последовал одному расхожему выражению: «не лезь в чужие дела, чтобы они не стали и твоими».

Из-за реки начало медленно появляться солнце. Первые робкие тёплые лучи приятно гладили и согревали. Это время я, пожалуй, любил больше всего.

– Красиво, да? – Маг тоже поглядел на солнце. – Имя я твоё спрашивать не буду, понимаю, что у тебя, как и у меня, их немало. Меня, для удобства, пока можешь звать, скажем, Илей.

Он чуть повертел свой посох и приподнял бровь. Я вновь кивнул. Илей, так Илей, вполне даже неплохое имя, я и сам уже не раз его использовал. Маг помолчал немного, словно собираясь с мыслями, и тяжело вздохнул. Наверняка он ожидал встретить более разговорчивого собеседника.

Начальный вопрос и ответ были в общем-то стандартными, он поинтересовался давно ли я пришёл сюда и зачем.

Врать о таком в принципе особого смысла не было, и я объяснил всё, как есть, что место это тихое, красивое и удалённое, ловчих отрядов Светлячков тут нет, да и патрулей тоже, впрочем, откуда мне всё это известно я всё же умолчал: не хотел случайно по глупости подставить Тиграна.

Дальше разговор пошёл уже интереснее. Илей окольными путями, полунамёками и двойными смыслами пытался вытянуть из меня информацию о том, насколько сильный я маг и почему-то приходилось ли мне участвовать в сражении более чем с одним противником. Прямых вопросов он, впрочем, пока не задавал, медлил и иногда как-то словно оценивающе поглядывал на мой посох. Я чувствовал, что он чего-то недоговаривает, или даже откровенно боится мне сказать.

Всё это не нравилось мне всё больше и больше. Кем бы ни был этот странный «Илей» и откуда бы он ни взялся, он явно меня изучал, словно прикидывал достоин ли я доверия.

«Неприятности, особенно крупные, всегда случаются неожиданно», – говорил мой учитель и заставил меня накрепко запомнить эти слова. За свою жизнь мага я уже не раз и не два успел убедиться в их истинности.

С каждым новым вопросом Илея моё предчувствие беды усиливалось. Я не прерывал разговор лишь потому что и сам хотел побольше узнать.

Солнце взошло уже полностью. Мы с Илеем проговорили час или два. К костру я его не приглашал, что-то мне

подсказывало, что он всё равно откажется. Это было странно, но мне показалось, что прямо сейчас, в процессе нашего разговора, его внешность слегка изменилась и стала ещё более совершенной. Естественно я с раздражением отбросил эту мысль, но какой-то неприятный осадок у меня всё же остался. Наверное это сказывалась усталость или обострённое чувство опасности, желание во всём найти какой-то подвох.

Последние вопросы Илей задал уже в довольно лёгком и непринуждённом тоне, почти приятельски, затем вдруг замолчал ненадолго и уже серьёзно и задумчиво посмотрел мне в глаза.

– Скажи, ты истинный Свободный? Как думаешь, что отличает нас от них?

Он повертел свой посох, слегка приподнял его и постучал его концом по земле, виду он старался не подавать, но я почувствовал, что что-то изменилось, он занервничал.

Я пожал плечами. Что он имел в виду я даже, если честно, не понял. Каждый по своему оценивает возможности магов. Для меня, например, истинным магом был тот, у кого есть Слово Силы, а остальные нет.

Илей слегка растерянно нахмурился и вновь замолчал. Я сделал вид, что меня начинает утомлять этот пустой разговор и его недомолвки, хотя на самом деле отчасти это так и было. По лицу Илея скользнула чуть заметная тень.

– Ты верующий? – Он чуть крепче сжал в руке свой по-

сох. – Ну, знаешь, деревня, храм, избранный, новая вера... и всё такое. Мне просто интересно.

Он отвернулся и сделал вид, что смотрит на воду, но я чувствовал, что на самом деле он изучает меня, внимательно следит за каждым моим движением, и не скажу, что это чувство мне нравилось.

Вопрос Илея сбил меня с толку. Услышать подобное от такого человека я ожидал меньше всего, хотя его поведение и становилось иногда немного странным, у меня почему-то возникало ощущение, что он более общителен, чем старается показать и менее похож на мага Воды, скорее уж на воздушного.

– Прости, это всё не ко мне, у меня своя вера. Не говорю, что ваша чем-то хуже, просто мне с вами не по пути.

Я про себя выругался. Из всех ситуаций эту я не любил едва ли не больше всего – споры о том, чья вера правильнее и тщетные попытки меня обратить. Как я уже знал по опыту, такие разговоры всегда начинаются мирно, а заканчиваются дракой или по меньшей мере яростной словесной перепалкой. Странно было лишь то, что на истового верующего человек передо мной был явно непохож, да и вообще подобное среди магов встречалось нечасто. Чтобы управлять потоками силы нужен холодный ум и большое самомнение, эгоизм, как ни странно, любовь к себе. Верующие Светлячки, да, встречались, но Свободные почти никогда.

– По человеку всегда видно, когда он врёт..., ты не

врѣшь. – Илей ослабил хватку на посохе. – Я расскажу тебе одну вещь, а дальше уже сам будешь думать. В деревне неподалёку, на реке которая стоит, а не та, что дальше в двух днях, образовался новый... культ, не знаю, секта или как это ещё можно назвать. В общем один из бывших Светлячков связался с тёмной магией, довольно крепко так, наверное, связался. Не знаю, кстати, был ли он в тот момент бывшим. Место тут глухое, сам говорил, проверки сюда ездят ох, как нечасто, хорошо если раз в лет пять. Не знаю, как и с чего у них там всё начиналось, но то, что там творится сейчас – это просто какое-то безумие. Тот Светлячок объявил себя «избранным» и подмял всю эту деревушку под себя. Они называют себя «истинными» Свободными, борцами за «магию для всех» и «свободу». У них даже уже есть свой «храм», в нём они молятся и приносят жертвы. Ты ведь понимаешь о чём я? Тёмная магия, ритуалы изъятия силы, это тебе не просто кого-нибудь на улице случайно заколоть. При новичках они, конечно, этого не делают, сперва заманивают по-сильней, дают тёмной силой попользоваться. Как я посмотрел, так многие из них скорее всего даже и вообще не маги, ни Светлячки, ни Свободные, ни даже мистики-клоуны-базарные дурачки, просто люди, те, кто от деревенских остался. Но их лидер, тот, который «избранный», точно маг, причём довольно старый и опытный, со Словом Силы и возможно даже из ловчих. Светлячки на всё это внимания не обращают, а когда обратят может быть уже поздно. Слышал ведь

историю про ящик, который нельзя закрыть?

Илей замолчал и посмотрел на меня, а затем на реку. Я задумался. Если всё было, как он говорил, то ситуация и впрямь складывалась паршивая. Тёмную магию могут использовать все, это правда. Большинство людей просто не знает, какие возможности она даёт..., и о том, что это затягивает, как наркотик, они естественно тоже не знают. Жить в стране, которую контролируют Светлячки, конечно несладко, но жить в стране полной тёмных фанатиков точно будет хуже в сотни раз. И всё же была одна деталь в этой истории, которая меня сильно смутила.

– Вы непохожи на человека, который любит воевать.

Я внимательно посмотрел на Илея, тот лишь пожал плечами.

– Мы все не те, кем кажемся, разве нет? Внешность иллюзия, важно то, что внутри. – Он задумчиво поглядел на мой посох, затем на свой. – Один я не справлюсь, даже вдвоём-то мы и то вряд ли. Нужно ещё, как минимум, человека два-три, магов, я конечно имею в виду.

Илей вдруг зачем-то огляделся, словно рассчитывал и впрямь найти их прямо здесь, поблизости. Я задумчиво повертел свой посох, он за это время, кстати, почему-то слегка нагрелся, я заметил это лишь сейчас.

– Зачем мне магия, если я не смогу никого защитить?

Я посмотрел на воду. Не знаю почему я вдруг снова произнёс эти слова. Илей молчал: судя по всему понял, что я

говору не с ним. Река тоже молчала и просто неторопливо бежала мимо. Ответ на этот вопрос помнила лишь моя совесть. Дети всегда живут в нас, просто большинство людей стараются убить, задавить их в себе, не слышать и именно поэтому ещё живые умирают. Я знал, что если отвернусь и пройду мимо сейчас, то предам в себе того ребёнка, который когда-то в ярости выкрикнул эти слова.

Илей смотрел вдаль и видимо думал о фанатиках. В его синих глазах был какой-то спокойный, водный, гнев. Сейчас он больше всего напоминал мне моего учителя, человека, который знает ответ на всё.

Мой посох вдруг нагрелся ещё сильнее и кольнул мне руку. Такое предупреждение игнорировать я уже не мог и внимательнее пригляделся к своему собеседнику. Это казалось безумием, и я долго не мог поверить в эту мысль, но... его внешность действительно менялась, словно подстраивалась под меня, моё понятие человеческой красоты и даже настроение. Я стал анализировать это всё снова и мои подозрения лишь росли. Человек передо мной вёл себя нелогично, странно. С его характером, да и стихией, он не должен был обращаться за помощью вообще, но он это сделал, а теперь ещё и предлагал собрать побольше людей. От мага Воздуха этого ожидать можно было, они вообще довольно общительны, от мага Земли в принципе тоже, они любят всё продумать и не любят риск, но для мага Воды такое поведение было странным. Учитель никогда бы не стал собирать армию,

чтобы на кого-то напасть, пусть даже и на тёмных фанатиков-сектантов.

И всё же поведение это одно, а внешность совершенно другое. «Иллюзия», – вдруг понял я. Причём не какая-нибудь, а созданная из моих воспоминаний. Этот человек передо мной был так совершенен, потому что не был настоящим.

Я медленно подошёл к реке и присел на корточки, сделал вид, что мне вдруг захотелось потрогать воду. Можно было, конечно, узнать всё с помощью магии, но был и другой, более простой и надёжный путь.

– Вода такая тёплая сегодня, смотри.

Я набрал в руку пригоршню воды и бросил её в мага. Как я и ожидал капли прошли сквозь него.

Я вскочил, наспех закрылся щитами, быстро огляделся, ничего не увидел и просто ударил потоком ветра по реке. Вода яростными брызгами полетела во все стороны. Иллюзорный маг передо мной задрожал и исчез, неподалёку раздался испуганный шумный вздох. Огромный кусок скалы шагах в пятнадцати от меня тоже замерцал, и в нём начали угадываться очертания какой-то другой, меньшей, фигуры.

Пока мой противник лишь дурил меня, использовал иллюзии вместо реальных боевых заклинаний и его основную стихию я не знал, вполне возможно он делал это именно затем, чтобы её скрыть.

Фальшивый камень вновь замерцал, восстановился и стал, кажется, даже правдоподобнее, чем был. Смотреть на него

было сложно: маг явно добавил ещё и сильное заклинание «отвода глаз», судя по всему то, что я его уже разгадал, он не понял.

– Не знаю, кто ты, но кончай свои игры!

Я направил свой посох на иллюзорный валун.

Нападать без предупреждения, как мой противник, мне не хотелось. При любом раскладе я предпочитал честный бой.

Валун вновь замерцал и растворился. Внутри него, на корточках сидел, весь сжавшись, худой, высокий, бледный мужичок лет тридцати. У него были длинные рыжие волосы, редкие, словно общипанные, усы и борода, тонкие светло-жёлтые брови и веснушки. Руки и ноги его были слабыми, тонкими, почти без мышц, волос на них тоже не было, кисти рук были вытянуты, удлинены и с длинными тонкими пальцами. Он как-то неловко поднялся и посмотрел на меня. Я заклинанием ветра прошёлся по реке и окатил его брызгами. На этот раз обмана уже не оказалось.

Мужичок вытянул руку и сделал шаг ко мне. Я чувствовал, что ещё немного, и он что-то скажет. Первый раз своими иллюзиями он уже напал неожиданно и я не собирался дать ему сделать это вновь. Времени, что это за новый враг разбираться не было, я тоже взмахнул посохом и отправил ему в руку шарик огня, против магов это действовало почти наверняка.

На лице мужичка отразился ужас. У меня в голове словно что-то щёлкнуло, какая-то мысль, чувство, которое я сразу

не смог уловить. Мой посох резко нагрелся и обжёг мне руку. Я уже в полёте развеял огненный шар и ударил «сетью». Мой противник почему-то не стал защищаться и просто упал.

От неожиданности я даже слегка растерялся. В иллюзиях этот маг был превосходен, я ожидал не просто трудный, а действительно сложный бой, эта «сеть» вообще-то должна была послужить лишь отвлекающим манёвром, ловушкой, чтобы выгадать время. Что здесь происходит я не понимал, не верилось, что маг такого уровня мастерства просто сдался. Детали своих иллюзий он менял тогда практически на лету, без подготовки, подобное я вообще видел в первый раз. У меня было одна догадка на этот счёт, но я в неё не верил. У него должно было быть Слово Силы, у настолько искусного мага должно. Я подошёл и остановился над ним.

– Ну что, признаёшь поражение? Ты меня не убил.

В поединках магов условия победы встречались разные, и одним из них была смерть. Некоторые хитрецы-заказчики очень подло этим пользовались, для простофили-мага заказ звучал вначале, как «победи в поединке того-то», условия победы заказчик называл лишь получив клятву Словом Силы в победе, как аванс. Меня о подобной ловушке учитель предупредил сразу, но встречались всё же и те, кто не знал. Признание поражения после взятия такого заказа для них было равнозначно смерти: Слово Силы нельзя бросать просто так.

– Признаю. – мужичок посмотрел на меня угрюмо. – Спа-

сибо... , что не убил. Ты всегда так на всё реагируешь?

Я пожал плечами. С моей точки зрения ничего необычного не случилось, да и с точки зрения любого Свободного всё было вполне в порядке вещей. Этот человек был странным. Он точно был магом, но вёл себя совсем не так, как один из нас.

– Убери «сеть», я не сбегу, обещаю. – мужичок поморщился. – Ну и силища у тебя.

Он внимательно и с заметным уважением посмотрел на мой посох.

Я задумался, вообще-то было довольно логично подвести его к костру и допросить уже там, кроме того, из-за всей этой кутерьмы я так и не позавтракал.

– Я убираю «сеть», ты клянёшься Словом Силы, что не причинишь мне больше никакого вреда, включая обман иллюзиями, идёт?

Я направил на него посох и приготовился снять заклинание.

Мужичок тяжело вздохнул и посмотрел на меня с обидой.

– Не могу. – он отвёл глаза. – Нет его у меня, сам не чувствуешь что ли?

Я пожал плечами, взмахнул посохом и развеял «сеть». Видимо в ней и вправду не было никакой необходимости, уже после того, как он признал поражение, я стал почти уверен, что Слова у него нет, а теперь лишь окончательно в этом убедился.

– Иди вон туда и садись.

Я посохом указал ему на одеяло возле своего костра, подождал пока он поднимется и пройдёт вперёд, и медленно пошёл следом. По дороге я проверял свои защитные заклинания, все они были на месте и заряжены, как выходило так, что они на него не реагировали, я не знал. Людей и крупных животных поблизости не было на расстояние примерно пятисот шагов. Судя по всему этот фокусник пришёл один.

Мы дошли до костра и уселись друг напротив друга. Я бросил в кострище несколько веток, искру и разжёг огонь. В присутствии своей стихии я всегда чувствовал себя спокойнее.

– Ну, «Илей», – я посмотрел на мужичка, – рассказывай и теперь только правду. Зачем был весь этот балаган? Иллюзиями задурил, наплёл мне какой-то чуши, учителя моего оскорбил.

Я забросил в котелок щепотку трав, плеснул воды и повесил его на огонь.

Мужичок поглядел на меня, и по нему было заметно, что ему всё же слегка стыдно. Он поднял руку к лицу и пощипал свою редкую бородку.

– Илей, это настоящее имя. Нет у меня, как у тебя, кучи кличек, я ведь не маг.

Он вдруг посмотрел мне прямо в глаза, смущённо, но словно с каким-то вызовом.

Я потянулся было к припасам, но замер.

– Не маг? Это почему ещё?

Я внимательно посмотрел на него, на его руки. После того, что он тут устроил заявлять, что он не маг было действительно странно, но я видел, что он не шутит.

Мужичок помолчал, с какой-то тоской посмотрел на небо, затем тоже на свои руки и задумчиво пошевелил пальцами. С такими быстрыми и лёгкими движениями его стихией точно должен был стать Воздух.

– Я не маг, Свободный, веришь ты мне или нет. Скажу более, я не маг потому что это мой выбор. Так же, как ты однажды решил взять себе Слово, я решил не брать его никогда. В общем если мистики и существуют, то перед тобой один из них. – Он поднёс руку к голове, сделал вид, что снял несуществующую шляпу и слегка мне поклонился. – Магия, магия, верх волшебства! Игрушки и вертушки для озорства! Фейерверки, прыгалки, всё для детей! Вам подарит фокусник дядя Илей!

Последние слова он произнёс нараспев, словно базарную зазывалку, улыбнулся мне, но его глаза не смеялись.

Я открыл сумку, насыпал в две чашки сушёных ягод и фруктов и протянул одну ему. Будет он это есть или нет мне в общем-то разницы не было, а вот предложить почему-то захотелось. Не знаю, как это объяснить, но этот человек почему-то сразу располагал к себе, было в нём что-то чистое что ли, кроме того, эта фраза «я не маг потому что это мой выбор» выдала его с головой, её мог сказать лишь человек

сильный.

Илей взял чашку, забросил в рот несколько ягод и задумчиво на меня посмотрел.

– Станный ты человек, Свободный, многие бы побрезговали. – Он попробовал фрукты и довольно кивнул. – Нас считают недостойными, черню даже среди Свободных, сам ведь знаешь. Светлые нас не трогают, потому что мы остальным репутацию портим, да и просто не хотят «мараться», за такое у них, говорят, свои потом заклюют. Я иллюзионист и лекарь, а не воин, устраиваю представления для детей, лечу людей и животных, продаю разные штуки, не магию, так, баловство: фейерверки, вертушки, светящиеся ленты, заколки в волосы и прочее в общем. Ты моя полная противоположность, у тебя ведь большинство заклинаний боевые, я прав? В другой магии ты вряд ли хорошо разбираешься.

Илей пощипал себя за редкую бородку и лукаво усмехнулся.

Я медленно кивнул. Времени нормально обучиться не-боевым заклинаниям у меня до сих пор так и не нашлось, всё откладывал и откладывал. Но как это смог узнать он, я не понимал, тем более за такое короткое время.

– Психология. – Илей забросил в рот ещё фруктов. – Насчёт учителя прости, кстати, не хотел я ни его, ни тебя оскорбить, просто создал образ того, кого ты хотел увидеть, вот и всё. Обычная психология, не очень глубокая даже. Мне нужен был тот, с кем ты точно станешь говорить. Насчёт сек-

тантов всё правда, было бы у меня Слово, поклялся бы.

Он перестал жевать и посмотрел на меня хмуро и серьёзно.

Я кивнул, снял котелок с костра и разлил отвар по кружкам. Вообще-то, если не брать во внимание его обман, Илей мне пока ничего особо плохого не сделал, хотя верить ему на слово я конечно не спешил.

– Доказать сможешь? – я взял свою кружку и протянул вторую ему. – И на этот раз без иллюзий, ясно? Нет у меня на это времени.

Я подул на отвар, немного отпил и посмотрел Илею в глаза.

Он растерянно взял кружку и пощипал свои усы и бородачку.

– Смочь-то смогу, но опасно это... – В глубине его глаз на миг возник, но почти тут же исчез страх, он тоже отпил из своей кружки и посмотрел на меня. – Эту деревню нам уже не спасти, но мы можем попытаться спасти следующую, они собираются на неё напасть, я знаю, слышал их разговор. До этого они использовали лишь тех, кто приходил к ним сам и крали людей в лесу и на безлюдных дорогах, но теперь решились. В той деревне они сразу хотят возвести такой же «храм», начать расширяться. Я докажу тебе и если ты не пойдёшь потом, пойду один. Пусть я не маг, пусть всего лишь клоун и фокусник, но я буду бороться до конца.

Илей вновь отпил из кружки, ещё сильнее нахмурился и

яростно подёргал свою бороду. По нему было заметно, что он боится и очень сильно нервничает, но изо всех сил преодолевает сам себя. Так ведут себя трусливые, да и просто излишне миролюбивые люди, когда им приходится защищать то, что им дорого. В этой, второй, деревне наверняка жил какой-то близкий ему человек.

Мы молча доели фрукты и допили отвар. Илей поднялся и знаком указал мне тихо следовать за ним.

Маршрут этот я, конечно, знал. Мы шли к деревне, которая стояла близко, на реке. В последние пару лет я в неё как-то не заглядывал, да и сейчас, когда сюда шёл, почему-то обогнул, прошёл мимо, словно предчувствие возникло какое-то нехорошее.

До места мы дошли быстро, подошли к полям возле деревни и остановились. Я смотрел вокруг и не мог поверить своим глазам. В воздухе стоял сладковатый смрад разложения. Трава на полях вся почернела, а земля растрескалась. На ней тут и там лежали трупы, людей, коров, птиц, крыс и прочие. По одному взгляду было ясно, что ни одно из этих существ не умерло своей смертью: все их тела были изуродованы и обезображены.

Я проверил всё на иллюзии, но их не было, кроме того, некоторых из людей здесь я знал, встречал в разное время в этой деревне. Останки самых достойных из них были совсем старыми, уже полностью сгнившими, их можно было узнать лишь по тем или иным памятным вещам: клочкам одежды,

цепочкам и прочему.

– Иногда мне просто хочется сделать так и ничего не видеть.

Илей провёл рукой и вместо трупов на земле появились цветы. Он постоял немного, резко сжал руку в кулак, и иллюзия исчезла. В его глазах был гнев. Я молча кивнул. Скрывать правду, делать вид, что ничего не происходит, было худшим вариантом. По лицу Илея скользнула тень. Он с видимым усилием разжал руку.

– Я очень долго сюда добирался, чтобы увидеть... это. – Он с горечью посмотрел вокруг. – «Магия для всех», очень красивые слова, мне они сразу понравились и думаю не мне одному. У тех, кто отказывается, они забирают Слово, если оно есть конечно, а тело используют для ритуалов. Я не дурак был просто сразу туда соваться, сперва разведал и как оказалось не зря.

Я смотрел на изуродованные трупы людей и животных и понимал, что такой «магии для всех» я не хочу. Илей был прав, то что творилось здесь было чистым, абсолютным, безумием. Некоторые заклинания тёмной магии, вернее даже не заклинания, а ритуалы, позволяют получать силу из боли любого существа, и конечно более высокий её тип даёт её в разы больше. Так, например, из кошки можно получить больше силы, чем из крысы, из собаки, чем из кошки и, конечно, на вершине всего этого стоит человек, а из людей дети. Именно их боль, та, которой вообще не должно быть,

даёт максимум силы, сектанты видимо знали это, потому что тел младенцев здесь было больше всего.

В самой деревне было пусто и жутко: ни одичавших лошадей или коров, ни собак, ни кошек, ни даже крыс. Судя по всему сектанты переловили всё, что могли и «превратили» в силу. Это место без сомнения было проклято. Большая часть домов была разобрана, а заборов не было вообще, заготавливать дрова в лесу сектанты видимо сочли делом слишком хлопотным, огонь же довольно часто применяется в тёмной магии, как бы мне ни было противно это признавать.

По дороге обратно я думал, что делать дальше. Тёмная магия – это не шутки и даже моё Слово могло оказаться бессильно перед ней. Можно было, конечно, напасть неожиданно, сразу спалить их «храм» и перебить большинство из сектантов, но этот вариант мне не нравился. В нападении исподтишка всегда есть какая-то подлость, даже если нападаешь на заклятого врага. Мой посох мог не понять этого и подвести меня в самый ответственный миг.

Мы с Илеем подошли к моему костру и уселись. По нему, да и по мне наверняка тоже, было видно, чего нам стоила эта разведка. Говорить не хотелось, да было и не о чем. Уйти после того, что увидел, я бы уже всё равно не смог.

В молчании перед костром мы провели час или два. Илей дёргал себя за усы и бороду и бормотал что-то. Я просто пытался хоть немного сосредоточиться и смотрел на огонь. Ещё спустя примерно четверть часа Илей вдруг поднялся.

По нему было заметно, что он только что окончательно всё для себя решил. Я вздохнул и указал ему глазами на одеяло.

– Сядь. Сейчас не пойдём, рано ещё, хоть какой-то план нужен. До завтра ведь время есть?

Я посмотрел на Илея, он постоял немного, неохотно кивнул и сел. То что он так рвался в бой было, конечно, неплохо, но после схватки со мной и обмана меня иллюзиями ему точно не мешало хоть немного восстановиться. Кроме того, мне нужно было подумать, как со своим не-боевым набором заклинаний он вообще может мне помочь и не станет ли на-против помехой и обузой.

Илей сильно помрачнел и смотрел куда-то вдаль серьёзным, глубоким взглядом. С его внешностью это вязалось как-то слабо, возможно этот человек был намного меньшим клоуном, чем пытался показать, всю жизнь носил маску. В его душе что-то происходило, я чувствовал, что-то менялось, разрушалось и восстанавливалось в ней прямо сейчас.

– Завтра..., – он посмотрел на свою руку и пошевелил пальцами. – Думаешь буду лишь помехой? Иллюзии не настоящая магия, все так говорят. Ты не первый Свободный, которого я встречаю. Когда часто сталкиваешься с одним отношением поневоле привыкаешь. Нас называют по разному, начиная с мистиков, заканчивая шутами и базарными дураками, я привык. Защищать меня тебе не придётся, главное секту эту разорить. Даже если просто боем к местности внимание привлечём, дальше Светлые уже разберутся. По-

за, молчание, положение рук, движения, мимика, по тебе всё видно, я же говорил. Зря оставить меня хочешь. Одному туда соваться точно нельзя.

Илей бесцеремонно взял котелок и налил себе в кружку немного холодного отвара. Сейчас, когда я уже немного к нему попривык, я заметил, что он и правда кажется довольно сильно уставшим. Два часа держать полную иллюзию человека, да ещё и того валуна вообще бы не каждый смог, я бы, к примеру, вряд ли, у меня они вообще выходили не очень, отнимали массу сил и выглядели куда менее реалистично.

Я взял наши чашки и насыпал себе и ему сушёных фруктов, ягод и орехов, на этот раз других, специально для ускоренного восстановления. Илей как-то двусмысленно хмыкнул, но чашку взял и кивнул с благодарностью.

Пока мы ели я прикидывал, что делать завтра. Лучшим вариантом казалось действовать по одному, но командой. Илей мог запутать сектантов иллюзиями и дать мне время разобраться с их главарём. Времени собирать армию у нас в любом случае не было. Каждый день промедления, каждая новая жертва, делали наших противников лишь сильнее. Кроме того, я вообще не был уверен, что кто-либо из Свободных захочет к нам присоединиться. Наш план изначально был слишком безумен. Разбираться со всем этим должны были Светлячки, а мы собирались сделать их работу за них.

Илей отставил чашку, плеснул в кружку ещё отвара, залпом его выпил и похлопал себя по животу.

– Ну всё, накормил гостя, время и сказку слушать, ты ведь не против?

Он, не дожидаясь моего ответа, взмахнул рукой и быстро, но с какой-то чуть уловимой нежностью произнёс заклинание. Между ним и мной, справа от костра, появилась иллюзия девушки ростом примерно с ладонь, но жутко реалистичная и правдоподобная. На вид девушке было примерно лет двадцать, и она была действительно красивой: длинные волосы, округлые, мягкие, очень женственные формы тела, огромные глаза с длинными ресницами и какая-то мягкость во взгляде, словно материнская, казалось она готова принять и простить весь этот мир.

– Сказка обо мне будет. Обо мне и о ней. Могу сбиться, конечно, первый раз рассказываю.

Илей как-то слегка суетливо пощипал свои усики и бороду и взглянул на меня. Я лишь молча кивнул. К этому возрасту я уже довольно хорошо разбирался в людях, чтобы понять, когда человека нельзя останавливать и нужно просто дать ему выговориться.

– Всё началось давным-давно..., – Илей задумчиво нахмурился, – лет, в общем, десять назад. Я, Илей, был тогда почти что Свободным магом.

Он вновь взмахнул рукой и рядом с девушкой появился прыщавый, длинный и тощий юнец лет семнадцати поразительно похожий на него, словно это действительно он сам каким-то чудом вернулся в прошлое. Тело и даже лицо и ру-

ки его были грязными, одежда старой и продранной, волосы всклооченными, а взгляд хмурым, злым и полным спеси и ненависти.

Некоторое время Илей показывал мне картинки из жизни парня, добавлял в свою иллюзию места и людей. Парень бродил туда-сюда то по одному городу, то по другому в попытках хоть как-то заработать на жизнь, брал мелкие, почти смехотворные, заказы и развлекал шутовскими иллюзиями людей на площадях и в пивных. Отношение к его искусству и к нему самому, конечно, было соответственное. Парень много и часто пил, но много и учился, покупал, а то и воровал, книги по магии и читал их от корки до корки.

Последнюю книгу он читал особенно быстро и внимательно, а когда захлопнул её, на его лице было написано торжество. В тот же, судя по всему, день парень выбежал за город, в поле и начал рисовать на земле магический круг. Илей ускори́л время в своей иллюзии, но я понял, что парень провозился около десяти или пятнадцати дней. Внутри круга была огромная четырёхлучевая звезда, а на концах её четыре меньших круга стихий. Даже без объяснений Илея я понял, что парень собирался сделать.

– Я был другим, Свободный. – Илей остановил свою иллюзию. – Я был другим, но изменился ради неё, а тот, бывший я, умер. Забавно, но я встретил её в тот день, когда решил провести ритуал выбора. Если бы ты увидел меня тогда, то вряд ли бы даже узнал. Мои родители были пьяницами и

побирушками, когда я ушёл из дома они вряд ли это даже заметили. Я знаю людей, Свободный, вижу их..., теперь вижу, она научила меня. Не знаю, зачем стал магом ты, но явно по другой причине, не потому, почему им хотел стать я. Моей причиной была тяга к власти. Да, я хотел денег, хотел силы, могущества..., чтобы судить, наказывать и разрушать. На самом деле я ненавидел весь этот мир за то, что он со мной сделал, каких дал родителей и судьбу.

Я промолчал. Разрушить этот мир, спалить его дотла и залить очищающим пламенем, искоренить слабость хотя бы таким образом, перебить всех слабых людей. Иногда эта мысль вспыхивала и у меня, была словно моим проклятьем. Я уже молчу о том, что с моей стихий сдерживаться и гнать её от себя было действительно тяжело. Огонь ненавидит полумеры и рамки. Илей и правда неплохо разбирался в людях и наверняка неспроста решил это всё мне рассказать.

– А вот, что произошло дальше.

Он провёл рукой, и его иллюзия вновь ожила. Паренёк вошёл в круг и назвал слово. Амбиций и бесстрашности у него, как и у меня в детстве, было хоть отбавляй. Словом Силы он хотел себе «ураган» магии Воздуха. По кругу потекла энергия, он замкнулся и активировался. В этот же миг к полю подошла девушка и в нерешительности остановилась неподалёку.

Паренёк стоял довольный, счастливый и гордый, но что-то пошло не так, энергия в круге вдруг начала раскачиваться,

словно вода в ведре, которое сильно трясут. Я пробежался взглядом по знакам и тут же всё понял. Та книга, которую прочитал парень, была книгой-ловушкой специально для таких вот глупцов. Некоторых магов бесило поверхностное отношение к магии, в основном магов Земли. Чтобы уменьшить количество дилетантов среди нас они специально сочиняли и распространяли лже-учебники по выбору Слова и прочим важнейшим темам.

Парень понял, что ошибся, но растерялся и не знал, что делать, просто присел и закрылся щитом. Из всех возможных его решение было, пожалуй, самым глупым. Девушка подбежала ближе, остановилась шагах в пятнадцати от круга, медленно подняла руки, направила на него и что-то начала говорить. «Маг», – вдруг понял я. Она тоже была магом.

Слова ложились тяжёлые, грубые, словно камни. Девушка медленно сжала руки в кулаки. До этого по её виду я бы никогда не догадался и не поверил, что её стихией может быть Земля.

Почва под кругом начала осыпаться и подрагивать, девушка-маг сильно побледнела, но продолжала говорить. Энергия в круге бушевала, металась, паренёк едва-едва удерживал свой жалкий щит. Илей смотрел на свою иллюзию вместе со мной, и по его лицу было заметно, как ему стыдно.

Иллюзорная девушка закончила говорить, медленно, словно никуда не спешит, опустилась на колени, занесла обе руки и ударила ими по земле. От мест удара к кругу парня

зазмеились два мощных, широких разлома. От удивления я даже слегка опешил, в двадцать лет она знала просто безумно мощные и сложные заклинания.

– Впечатляет, скажи?

Илей довольно хмыкнул, посмотрел на девушку с гордостью, но затем вдруг вновь нахмурился и рассеянно пощипал свою бородёнку.

Парень в круге вскочил, с ужасом посмотрел на свою спасительницу, закричал ей что-то и знаками показывал уходить, барьер круга рухнул, и вся взбесившаяся энергия устремилась через место разрыва к ней. На лице девушки на миг отразился испуг, она поставила блок из земли и камней, но их пробило, словно песок, её ударило в живот и отбросило шагов на десять назад, как безвольную куклу. Парень выбежал из круга и бросился к ней. Илей дождался пока он возьмёт её на руки, и развеял свою иллюзию.

– Она лежала у меня на руках, истекала кровью, а я ничего не мог сделать. Маг недоучка, недомаг. Впервые я встретил того, кому на меня не наплевать... и потерял, по крайней мере тогда я так думал, эта жалкая иллюзия лишь пародия на то, что я чувствовал, я не смог передать, наверное просто боюсь вспомнить. – Он как-то слегка виновато на меня посмотрел. – В общем я так и сидел с ней на этом поле, пока не подошли Светлые. За какой-то миг до этого она перестала дышать, этого я никогда не забуду. Ты не поверишь, возможно, но я кричал им тогда, сюда, сюда, лекаря, пожалуй-

ста помогите. Наверное именно этот миг изменил меня, стал моим настоящим раскаянием. Я сделал бы всё, отдал бы всё, чтобы с ней поменяться, поменяться и умереть за эту абсолютно незнакомую мне девушку, которая меня спасла.

Илей замолчал, посмотрел на небо, глубоко вздохнул, резко выдохнул и взмахнул рукой. На прежнем месте вновь возникла та же иллюзия. Парень сидел в девушкой на руках, а вокруг него молча и словно в каком-то шоке стояли Светлые.

– Дай сюда! – их лекарь пробился вперёд и подбежал к девушке. – Доченька, доченька..., ну что же ты...

Он опустился рядом с ними на колени, быстро осмотрел и ощупал её, затем поднял глаза на остальных Светлых. Одного его взгляда хватило, чтобы те построились вокруг них и начали один за другим произносить заклинания передачи энергии. Илей не совершенно точно, как я понял, отразил в своей иллюзии заклинания, которые маг-лекарь тогда применял, но само количество использованной энергии поражало. Спустя какое-то время девушка вдруг судорожно вздохнула и открыла глаза. Её раны быстро затягивались. Она посмотрела на паренька, а затем на мага-лекаря и слабо виновато улыбнулась.

– Это мой друг. – прошептала она чуть слышно. – Мы ставили опыт. У него нет Слова, и он не будет его выбирать.

Лекарь Светлых кивнул, а сам смотрел на неё с облегчением, но и с каким-то сожалением, тревогой.

Илей вновь остановил свою иллюзию, затем подумал

немного и развеял её.

– Итак, действующих лиц ты видел, дальше уже сказ пойдёт. – Он пощипал свои редкие усики. – Девушка эта, которую ты видел, моя жена, вернее уже после ей стала. Со Светлыми у меня тогда проблем не возникло, её отец как-то всё устроил, уладил. Сама она тоже числилась Светлой, но лишь изучала магию, была теоретиком, а не практиком, даже одежду носила всегда обычную, только значок, хотя и показывала мне как-то свою форму. В общем она поправилась и мы начали встречаться, разговаривать, вместе гулять. Когда я спросил её почему она меня спасла, знаешь, что она мне ответила? Она сказала, что сделала это потому что я человек. Её родители были Светлыми, а сама она из богатой, элитной семьи, я должен был её ненавидеть, должен был, но не мог. Я рос один, всегда один, а она в большой, дружной семье, была из детей самой старшей и сколько её помню всегда возилась со своими младшими, братом восьми лет и пятилетками-двойняшками сёстрами. Первые свои детские иллюзорные представления я, кстати, показывал именно им. Её родители были тоже людьми необычными, не делили людей по каким-то признакам, даже к Свободным относились довольно терпимо. Кстати и мать её тоже была лекарем, а не боевым магом. Отец не был против нашего брака и поинтересовался лишь, какая у меня работа и цели. Я, конечно, тогда соврал, но думаю он всё понял. Потом была свадьба, домашняя, без лишних людей. Её отец помог нам купить дом и некоторые

вещи для начала. Так я и стал мистиком, работал, она тоже, на жизнь нам хватало.

Илей вдруг нахмурился ещё сильнее и помрачнел. Я молчал и лишь подбросил в костёр пару веток. Даже по себе я знал, что с нашей жизнью шанс вот так выговориться выпадает нечасто. Сам я, впрочем, вряд ли бы решился кому-либо открыться и всё рассказать. Илей как-то слегка нервно поднёс руку к подбородку, но тут же опустил.

– Уже когда я решил жениться, то понял, что магом мне не стать, тут либо-либо, сам ведь понимаешь. Её отец учил меня лечебной магии, простой, конечно, той, которую можно делать без Слова. В кошмарах мне часто снилось то поле, как она задыхается у меня на руках, а я ничего не могу сделать, вот он и решил мне помочь. Три года мы жили счастливо, но потом она захотела родить мне ребёнка, хотя её отец уже до этого говорил и мне и ей, что этого делать нельзя, после того случая её тело и здоровье и без того были слишком хрупкими. И всё же она была упрямецкой, всегда такой была, о том, что она беременна ни он, ни я очень долго не знали, пока не стало поздно. – Он помолчал и посмотрел на небо. – Когда она умерла, я сорвался, долго пил, долго спрашивал небо за что мне это и зачем мне теперь жизнь. Её родители и брат с сёстрами-близняшками пытались мне помочь, и от этого становилось лишь хуже. С каждой новой их попыткой контраст между этой семьёй и остальным миром, который я видел вокруг и видел в детстве всё больше и больше рос. Я

чувствовал, что ещё немного и я сойду с ума или возненавижу всех и всё, как и прежде. В общем я не выдержал и ушёл, вновь стал бродягой, разве что к магии отношение изменил. Я бросил пить и дал обещание, ей, что больше на моих руках, при мне, никто не умрёт. Лишь оно до сих пор и помогает мне хоть как-то держаться.

Илей осёкся, словно понял, что уже начал говорить явно лишнее. Я сделал вид, что не заметил его последних слов, подбросил в костёр ещё веток, долил в котелок воды и поставил его на огонь. История Илея была действительно красивой и необычной. Как я и думал под внешностью шута, под весёлой маской, он многое прячет, не понимал лишь почему он вдруг решил её снять.

– Мы можем умереть завтра, поэтому. – Илей вдруг посмотрел мне в глаза. – Твои мысли видно очень ярко, ты хороший человек. Она бы, конечно, осудила, но этих людей уже не спасти, не вразумить, сам же понимаешь.

Он с надеждой посмотрел на меня. Я медленно кивнул. Если он ожидал, что я стану говорить что-то в защиту этих извергов, то зря. Тёмная магия или не тёмная, а выбор у них всё же был. Могли в конце концов сбежать куда-то подальше или хотя бы попробовать это сделать. Молчаливое потакание злу – это тоже зло, причём зло едва ли не худшее.

– Спасибо за историю. – Я посмотрел на Илея. – Только больше никому её не рассказывай. Отдашь другим – потеряешь в себе. Дураки ведь могут и смеяться начать.

Я достал сушёных грибов и бросил в котелок. Совет Илею я мог, конечно, и не давать, но меня самого злила мысль, что кто-то мелкий может залезть этому человеку в душу, испоганить там всё и сломать. Илей с лёгким удивлением взглянул на меня, задумался и медленно кивнул. Я сварил суп, мы поели, до вечера обсуждали план, а затем легли спать. К сектантам мы решили отправиться на рассвете, в это время тёмная магия почему-то наименее сильна.

Ни мне, ни Илею в эту ночь не спалось. Мы ворочались и оба проснулись часа за два до срока. С неба ярко светила луна и звёзды. На реке было прохладно, безветренно и тихо. Мы быстро умылись и вернулись к костру. Илей нервно пощипывал свои усы и бородёнку, да и вообще выглядел слегка испуганным. Я молчал и делал вид, что ничего не замечаю. О том, что он может в любой миг отказаться, я его уже предупреждал. Илей взял мой котелок, плеснул в него воды и поставил его на огонь.

– Прости..., привычка, да и всё равно вместе пить. – Он посмотрел на меня. – Деревню в двух днях пути отсюда ведь тоже знаешь? Я там был недавно, но днём, сюда торопился. Там у одной девочки день рождения послезавтра, так что нужно вернуться..., нужно сделать фейерверк. Обещал ей, если вернусь ночью сделать звёздочки падающие.

Илей улыбнулся, но как-то не особо весело, его глаза при этом не смеялись.

Я кивнул, достал смесь бодрящих трав и бросил щепотку

в котелок. Вообще-то этот отвар слегка вредил здоровью, но сейчас, на ближайшие полдня, нам нужны были максимально свежие и ясные головы. Илей принялся, понимающе хмыкнул и вдруг задумался.

– Знаешь..., дети тоже бывают разными, бывают злыми и добрыми, но когда я вижу злого ребёнка, я почти всегда вижу, что это не его вина. Злые родители воспитывают его так, сами меняют в его душе добро и зло местами, хвалят за плохое и наказывают за хорошее, вот и всё, разбираться в истинных мотивах и причинах его поступков у них просто не находится времени. «Украл у брата пряник? Ну ничего, мы ему их всё равно много дали, пусть не жадничает. Не жадничай, понял, иначе больше вообще ничего не получишь!», – говорят они строго брату маленького вора, наказывая его ни за что, или просто умиляются кажущейся безобидностью этой кражи и смеются, а потом вдруг почему-то удивляются, когда их ребёнок-вор подрастает и начинает красть деньги у них и у других людей. Второй ребёнок тот, которого ни за что наказали, тоже выносит для себя «урок», что справедливости нет, а все вокруг лишь подлецы и негодяи, раз уж даже его родители такие и нет ничего зазорного в том, чтобы тоже стать таким. Некоторые дураки наказывают или хвалят детей за один и тот же поступок в зависимости от собственного настроения, бывает и так, тогда ребёнок вообще перестаёт понимать, что такое добро, а что зло, ведь даже собаку и то так можно запутать: сперва гладить за то, что таскает пироги

со стола, потом бить, потом снова гладить. Такое я уже видел не раз, самые яркие примеры просто. В той деревне, о которой я говорил, меня приняли плохо, на самом деле даже слишком. Не знаю, может это начинает влиять этот проклятый храм, его сила тут повсюду. Я видел злых детей, они смеялись надо мной, а не над моим представлением, помню их жестокие глаза, взгляды. Но была одна девочка, ради которой я продолжал. Она смеялась и даже мне хлопала. Одна. Её матери было неудобно, но она её не останавливала. Это у неё послезавтра день рождения. Вот так. – Он задумался, вдруг задрал голову и посмотрел на небо. – Я учу детей, а не смешу их, Свободный. В основном учу. Просто так проще это делать.

Я кивнул и тоже поглядел на небо, в общем-то добавить тут было уже нечего, я и сам думал так же, жаль вот только, что результатов своей работы он уже не увидит, разве что в мире станет чуть больше добра, а некоторые цепочки зла, когда злые воспитывают злых, разорвутся.

Илей снял котелок с огня, разлил отвар по кружкам, как-то нервно отхлебнул, буркнул что-то под нос, начал сильно дуть на свой отвар, ещё раз что-то буркнул и поставил кружку у ног.

– Никогда почти не обжигаюсь, сегодня первый раз за пять лет. Времени жалко мало, ты хороший человек, я никогда никому не открывал свои секреты, но тебе бы показал, вдруг бы да пригодилось... в будущем, потом уже. Иллюзии – это

просто... , это не магия и убить ими нельзя, запутать или рас- смешить только.

Он вдруг начал говорить чуть быстрее обычного и как-то слегка сбивчиво. Я молча кивнул. У такого учителя в иллюзиях было действительно не грех поучиться. После того, как всё закончится, я и сам планировал попросить его объяснить мне, как он их так делает, хотя бы в двух словах. Илей вновь поднял голову и взглянул на небо. Звёзды на нём уже понемногу начинали исчезать.

– Как думаешь, там, куда я уйду..., если вдруг так получится, будут дети? Так хотелось бы ещё раз поговорить с ними, услышать их смех. Я стал фокусником не просто так, Свободный, в мире слишком мало добра, слишком мало. С женой встретиться не надеюсь, как многие, понимаю, что не судьба, она другая..., там, куда я попаду, ей делать нечего.

Он схватил кружку и едва ли не залпом её осушил.

Я усилием воли подавил в себе вспышку гнева.

– Не прощайся раньше времени. Как на смерть собираешься. Плохая примета, не знал? – Я посмотрел на него. – И иллюзиям меня поучишь и фейерверк той девчушке сделаешь, не переживай, сегодня ещё наверняка всё и закончим.

На самом деле я и сам довольно сильно нервничал, но о смерти думать точно не собирался, по крайней мере, настолько всерьёз. Я на всякий случай подул на свой отвар и немного отпил, травы действовали быстро и уже спустя какой-то миг мысли начали проясняться, а последние сомне-

ния отступить. Илей чуть приободрился и с надеждой на меня посмотрел.

– Ты так уверен в себе..., у тебя и правда настолько сильное Слово?

Он долил себе ещё немного отвара. Я лишь пожал плечами. Мне, конечно, хотелось его успокоить, но я сдержался. Илей был неплохим человеком, но всё же слегка болтливым и я не был уверен, что он сможет сохранить мой секрет. Кроме того, со всеми этими его психологическими штучками он вполне мог узнать и само моё Слово, а этого я допустить точно не мог.

– В основном я не Словом пользуюсь. – Я кивнул на свой посох. – Он нас защитит. Но никаких фокусов, как и договаривались, ясно? Без предупреждения не нападать.

Илей перехватил мой взгляд и тоже посмотрел на моё оружие, но как-то слегка недоверчиво. Я допил отвар и тоже налил себе ещё.

Больше до выхода мы практически не разговаривали и каждый думал о своём. Илей довольно часто поглядывал на небо и шептал что-то, скорее всего молился или говорил с умершей женой. Я просто сидел, смотрел на огонь и ждал.

К мёртвой деревне мы подошли как раз на рассвете. Солнце только-только показалось и начало бросать на землю первые робкие лучи. Небо было чистым, но воздух вокруг каким-то слишком уж неподвижным, вязким. Илей тяжело

вздохнул и знаком указал мне следовать за ним. Всю дорогу и даже теперь он с надеждой и недоверием поглядывал на мой посох.

Мы прошли ещё немного и остановились. Илей указал пальцем куда-то вверх и вдаль.

– Ничего не видишь? Как я и думал..., ты проверял всё на иллюзии, но примитивно, эту не заметил, я не стал уже объяснять, чтобы ты не подумал, что я это делаю. – Он тяжело вздохнул. – Плохо у тебя с не-боевой магией, Свободный, совсем плохо. Их «храм» прямо здесь, а ты его не видишь.

Он ещё раз вздохнул, поводит руками, прошептал заклинание, и в воздухе перед нами появилось довольно большое, едва ли не в человеческий рост, магическое окно. Я подошёл ближе.

«Храм» сектантов был действительно прямо передо мной. Огромное чёрное здание, заострённое и угловатое, впивалось в небо своими шпилями, словно десятками острых мечей. Построено оно было явно с помощью магии. Как Светлячки не замечали такое скопление энергии, и как его до этого не заметил я сам, я не понимал. Потоки силы закручивались вокруг этого места словно в гигантском водовороте. Я не был уверен, хотел ли я знать, откуда берётся вся эта энергия, сколько людей нужно было замучить, чтобы возвести хотя бы одну стену этого «храма». Это место излучало энергию в несколько раз большую, чем пещера Шагра после того, как я сломал в ней тот проклятый посох. Вокруг зда-

ния горели и чадили факелы и чаши с маслом, на самом же нём был изображён огромный человек без лица в балахоне мага, с длинными волосами и бородой, на голове у него был венец, а на нём четырёхлучевая звезда с крестом-солнцезвездой внутри: мудрить сектанты судя по всему не стали и лишь слегка изменили символику Светлячков.

– Можно повернуть? – Я поглядел на Илея. – Они ведь нас не видят, надеюсь? Ты сам-то как насчёт этого всего догадался?

Моя уверенность в лёгкой и быстрой победе таяла. Интуиция говорила, что эта задача не по силам одному человеку, даже с таким Словом Силы, как у меня. Илей вздохнул и заставил окно плавно перемещаться туда-сюда.

– Как догадался..., иллюзия ж это, я в таком разбираюсь, не забыл? – Он нервно пощипал бороду. – Сделана плохо, но большинство проведёт, силы на неё не пожалели. Их никто не видит, но и они никого, вот почему плохо, я бы мог в одну сторону прозрачную сделать. И, кстати, не только для людей, но и для любого заклинания поиска всё выглядит совершенно обычно, кроме действительно хороших, конечно, но они такими не пользуются. Светлые ничего не знают в общем, как я и говорил.

Илей сцепил пальцы на руках, выгнул их с сухим треском, размял и потёр ладони друг о друга.

Я молча упёр свой посох в землю и пригляделся к магическому окну.

Возле «храма» сектантов, по обе стороны, росли плодовые деревья и, как ни странно, даже яркие и красивые цветы, трава была сплошь зелёной, пушистой и свежей, везде порхали бабочки, а на ветках деревьев сидели и судя по всему распевали песни птицы.

– Ого, как они там всё обустроили.

Я посмотрел на Илея, но он лишь покачал головой.

– Это всё фальшивка, иллюзии. Всё, кроме здания. Скорее всего такой «новый мир» он обещает им устроить, когда они победят. «Он» – это в смысле их главный. – Илей раздражённо потрепал свою бородёнку и захлопнул магическое окно. – Ну, что, командир, есть идеи?

Он посмотрел на меня, а затем как-то задумчиво на небо. Я никак не мог сосредоточиться и взять себя в руки. С этими сектантами всё было не просто плохо, а в сотни раз хуже, чем я себе представлял. Илей тоже кое-чего не заметил. Потoki силы, их направление, мощь, скорость... Сектанты не тратили силу, а копили её и готовились к полномасштабной войне.

– Иллюзию нужно снять в любом случае. – Я посмотрел на Илея. – Не провести нас туда, а именно снять сможешь? Или хотя бы ту часть, которая от заклинаний поиска их прячет.

Мне не хотелось этого признавать, но после того, как я увидел всё это даже моя уверенность в себе, кажется, дала слабину. Светлячки должны были узнать обо всём этом, как можно раньше, чтобы в случае чего закончить то, что мы тут

начнём.

– Мог бы, сразу бы так и сделал. Сил не хватит. Здоровенная она слишком и переплетённая. По частям такую не снимешь, только разом и всю. – Илей сильно нахмурился и пощипал бороду. – Понял теперь, почему я говорил, что ещё люди нужны? Справимся, справимся...

Он слегка разочарованно вздохнул и посмотрел в сторону проклятого храма.

Я подошёл к нему и молча протянул свой посох. Передавать его кому-то пусть даже и на время, мне, конечно, не хотелось, но это был единственный вариант.

Илей взял мой посох, вздрогнул и судя по лицу едва его не бросил. Навершие моего оружия вспыхнуло недобрым бордово-красным огнём: посох привыкал к новой руке, изучал владельца.

– Где ты... взял эту вещь?! – Илей поражённо посмотрел на навершие и слегка поводил посохом по воздуху. – Он же живой, ты знаешь?

Он перевёл взгляд на меня. Я лишь молча кивнул. Навершие моего посоха медленно гасло. Он судя по всему тоже понял, что всё справедливо, так нужно и иначе нельзя.

– Я попробую. – Илей крепко сжал посох в руке и направил его на невидимый «храм». – Но если получится будь готов, они нас тоже увидят.

Он громко, во весь голос, начал читать какое-то заклинание и чуть ударять посохом по воздуху, словно отбивая ритм.

С первым таким «ударом» навершие моего оружия вновь слегка засветилось, а с каждым следующим начало разгораться всё сильнее и сильнее. Воздух перед нами едва ли не до самого неба начал радужно мерцать, словно мыльный пузырь и в нём медленно проступали очертания огромного здания.

Илей сильно побледнел, но выглядел радостно и даже отчасти восторженно. Наверняка это заклинание было самым мощным из всех, которые ему доводилось делать. Я чувствовал, как сила моего посоха тает, но уже видел, что мы победим и по крайней мере маскировку сектантов нам подпортить удастся.

Спустя какое-то время здание тёмного храма стало видно уже отчётливо. Илей резко выкрикнул последние слова и ткнул посохом вперёд себя, словно копьём. С навершия моего оружия сорвался небольшой шарик огня и ударил в «мыльный пузырь»-мембрану, она с оглушительным гулом вогнулась, с хлопком лопнула и исчезла. Илей устало улыбнулся и опёрся на мой посох, как на самую обыкновенную палку.

– Твоя игрушка пуста полностью, я почти, надеюсь продолжение ты придумал. – Он попытался выпрямиться, чтобы вернуть мне оружие, не смог и виновато покачал головой. – Пусть пока у меня побудет, хорошо?

Он посмотрел на меня, я лишь быстро кивнул. Из здания «храма» выходили и почему-то строились от двери в две ли-

нии сектанты. На шее каждого из них поблёскивал значок: четырёхлучевая звезда и в ней крест-солнцеворот. Самым страшным было то, что в их глазах горела ярость и вера, они и правда были убеждены в своей избранности, в том, что несут в мир какое-то добро. Их молчание и сплочённость мне не нравились, я сделал шаг вперёд и закрыл собой Илея, он своё дело сделал и настал мой черёд делать своё.

– Не будем ссориться прежде времени. – донёсся вдруг откуда-то из глубины «храма» тихий, но властный голос. – Худой мир, говорят, всё же лучше доброй войны.

Сектанты почтительно и благоговейно молчали. Из дверей вышел человек в балахоне и пошёл между двумя линиями выстроившихся прислужников к нам.

По лицу ему было всего лет сорок, но его длинные, словно у женщины, волосы были седыми до белизны, они были распущены и свисали свободно по его плечам. У него были густые, длинные и такие же белые борода и усы. Глаза его были странными, красноватыми, а взгляд пронзительным и горящим, кожа вся была бледной и тоже практически белой. Я слышал о такой болезни-отклонении у людей и животных, но вживую видел такого человека в первый раз. На его голове был изящный золотой венец с камнями и четырёхлучевой звездой с крестом-солнцеворотом по центру лба.

Глава сектантов, а это несомненно был именно он, подошёл к нам на расстояние пяти-шести шагов и остановился. Даже отсюда я чувствовал силу, которая от него шла. Вод-

ворот потоков энергии закручивался и передавал всё ему, я ошибся, когда посчитал, что его центром является здание. Свою жизнь этот человек уже тоже должен был поддерживать с помощью магии: такой безумный поток силы не выдержал бы никто.

– Приветствую в нашей скромной обители, дорогие гости. Чем мы обязаны визиту столь сильного мага Огня и его друга?

Глава сектантов вскользь взглянул на Илея и вновь перевёл взгляд на меня. Начало было не очень: мою стихию и наши возможности он смог разгадать всего за какой-то жалкий миг.

Я большим пальцем указал на поля позади нас.

– Убивать людей нехорошо, разве нет?

На самом деле этот разговор в наш план не входил, но я понимал, что самым лучшим решением сейчас будет немного всё затянуть и дать Илею возможность хоть чуть-чуть восстановиться.

– Мы жертвуем, чтобы строить. Нельзя созидать не разрушая. – Глава сектантов сделал паузу и поднял указательный палец. – Мудрость приходит с годами..., ты поймёшь..., или понимаешь сейчас?

Он внимательно поглядел мне в глаза своим пронзительным сверлящим взглядом. Я лишь пожал плечами, того что он попытается договориться я не ожидал.

– А Светлые, как на всё это смотрят?

Я боковым зрением следил за его приближёнными, но смотрел лишь на него одного. Пока он пытался нас обратить бояться было вроде бы нечего и всё же мои вопросы явно не нравились ни ему, ни, особенно, его людям, пока они ещё молчали, но напряжение в их рядах росло.

– Эти зазнавшиеся глупцы ничего не знают и не узнают, пока не будет слишком поздно. Их время прошло. Пришло время свободной магии! Истинной Свободы и Магии!

Глава сектантов вдруг искренне и радушно мне улыбнулся, словно я был, как минимум его близким знакомым или даже приятелем, которого он давно не видел. На Илея он при этом не смотрел вообще, будто его здесь и не было. У меня почему-то создалось ощущение, что он чувствует моё Слово, возможно даже отчасти видит потоки силы вокруг меня. Та мощь, которую он поглотил, вполне могла ему это позволить.

– Вашей иллюзии больше нет.

Я словно между делом сжал и разжал кулаки и пошевелил пальцами. На посох надежды не было, а нападение сектантов вполне могло оказаться и внезапным, если тут, конечно, были и другие маги, кроме их вожака, хотя его фанатичный взгляд, да и сам внешний вид мне тоже не особо нравились. Глава сектантов перехватил мой взгляд и устало, с пониманием, словно как-то по-отечески, вздохнул.

– Тебя смущает мой облик, мальчик? Я не всегда был таким, это лишь небольшая плата за мою силу. Фактически, по-земному, мне сейчас около сорока, но, как видишь, я

старше, гораздо старше. – Он самодовольно улыбнулся. – На счёт иллюзии не переживай, ещё сегодня мы её восстановим. Вы ничего не знали, поэтому я вас прощаю. Люди всегда боятся того, чего не понимают в конце концов. Тупицы Светлые всё спишут на сбой в системе поисковых заклинаний. Дураков, если они доложат, выгонят или понизят, конечно. Ты не такой, как другие, я чувствую, иначе бы не говорил с тобой. Ты волен сам сделать выбор: присоединиться к нам, или уйти, мы не будем тебя задерживать. Твой друг, конечно, тоже.

Глава сектантов быстро оглядел приверженцев и под его взглядом они покорно опустили горящие ненавистью глаза. Я был прав, что он чувствует силу моего Слова, он дал мне возможность уйти лишь поэтому, потому что понял, что я и правда для него опасен, по крайней мере, пока ещё. Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Прости, у меня своя дорога. Вызываю тебя на поединок, как Свободный Свободного. Кто из нас прав, а кто нет, пусть решит магия. Условие победы смерть.

Я мысленно прикинул слабые места своего будущего противника, но сходу их не нашёл. Илей кряхтя выпрямился и отошёл чуть в сторону. Глава сектантов выглядел разочарованным, видимо не ожидал, что дело всё же дойдёт до боя. В его взгляде стало читаться превосходство и отчасти даже презрение.

– Жаль, мальчик, на вид ты казался мудрее, мог бы стать

вторым после меня... , в новом мире. Неужели тебе не надоело бегать и прятаться словно помойной крысе?

Он сделал какой-то едва заметный знак своим приближенным, и они тоже чуть отошли ближе к храму. Я молча щёлкнул пальцами и зажёл над рукой шарик огня. К этому времени я уже всё сказал, а если мой противник собирался болтать во время битвы, то это было его делом.

– Да будет так. – Глава сектантов вдруг заливисто расхохотался, он точно был фанатиком и выглядел теперь ещё безумнее остальных. – Все отступники будут уничтожены! Я Бог этого нового мира! Я несу и Свободу и Свет!

Он по одной, медленно и торжественно поднял свои руки. Над одной из них закружился небольшой вихрь, от второй повеяло несокрушимой мощью и уверенностью Земли. Как мой противник умудрялся сочетать противоположные стихии, я не знал.

– Магия и Свобода! Магия и Свобода! Магия и Свобода! – вдруг, как по команде начали повторять остальные сектанты, их глава медленно сжал руку Земли в кулак.

В нас со всех сторон сразу полетели камни. Я бросил быстрый взгляд на Илея, едва успел сбить летящий в того булыжник потоком воздуха и поднять вокруг наших тел щиты. Драться честно, один на один, глава сектантов явно не собирался. И он и я понимали, что необходимость отвлекаться на защиту другого человека будет тянуть меня вниз. Илей рывком поднял руку, направил на нашего противника и что-то

быстро произнёс, но судя по его лицу у него ничего не вышло. Глава сектантов презрительно глянул на него, тихо пробормотал заклинание и вдруг медленно начал подниматься в небо, словно у его тела разом пропал весь вес.

– Не вмешивайтесь, дети мои, я лично накажу этих жалких глупцов.

Он поднимался всё выше и смотрел на нас с превосходством, словно на каких-то мелких надоедливых жуков. Его белые волосы развевались, одежда трепетала, а на лице было написано упоение собственной силой и властью. Играть со слабыми противниками ему уже судя по всему наскучило. Он хотел продемонстрировать свою силу тому, кто был действительно способен её оценить. Нужно ли говорить, что с человеком он ошибся: идиоты, которые пытались доказать что-то другим, меня никогда не впечатляли. В глазах Илея отразилось чуть заметное колебание и страх: вид человека, который запросто шёл по воздуху мог сбить с толку кого угодно.

– Узрите же, ничтожные, мою истинную мощь!

Глава сектантов вновь сжал руку Земли в кулак и сильно ей потряс. Почва под нашими ногами задрожала и покрылась сеткой трещин. Илей покачнулся, выронил посох и упал, поднимать его времени у меня не было. Из земли чуть левее «храма» медленно поднимался огромный, в рост пятнадцати-двадцати человек, каменный истукан, силы главы сектантов хватало даже и на такое. Его приверженцы смот-

рели на всё это с восторгом и ужасом, некоторые падали на колени, молились ему и плакали.

Илей бросил на меня быстрый взгляд. На его лице было написано запоздалое раскаяние, извинение и прощание. Я лишь молча покачал головой, сдаваться раньше времени дурная привычка.

– Держись рядом!

Я подскочил к Илею, объединил щиты вокруг наших тел в один большой и ударил по каменному исполину веером огненных шаров, почерк мне приходилось менять, поэтому это было скорее не нападение, а лишь проверка.

Спустя какой-то миг мои заклинания достигли цели. Раздалась череда оглушительных взрывов-хлопков и ослепительных ярких вспышек. Каменный исполин несколько раз слегка вздрогнул, но даже не покачнулся. Глава сектантов поглядел на нас задумчиво, набросил на себя щит и отлетел чуть назад, за своё творение.

Вмятины и дыры на теле каменного исполина вдруг стали сами-собой затягиваться, заполняться землёй, она поднималась от его ступней по ногам к голове и телу. На эффекты глава сектантов явно не скупился: левитация, псевдооживление такой громады и плюс ко всему её самовосстановление, всё это слишком сложная магия, зачастую недоступная одному отдельному человеку, но он обходил ограничения, давил грубой силой, словно верил, что она у него и впрямь безгранична. Возможно он хотел позже применить это всё

на Светлячках, а пока испытывал на мне. Он подлетел ближе к каменному исполину и положил тому руку на голову, громада покорно её склонила, словно провинившийся ребёнок перед отцом.

– Стихии склонились предо мной! Они меня выбрали, даже та, которую ты считаешь своей! – Он тихо засмеялся, а вместе с ним гулко и громогласно каменный исполин. – Твой Огонь, тот, кому ты поклоняешься, кого молишь дать тебе хоть крупинку сил, мой раб, слышишь, а раб ни за что не причинит своему господину вред! Смотри!

Глава сектантов громко произнёс заклинание и щёлкнул пальцами. Руки каменной громады вдруг вспыхнули до локтей.

– Магия и Свобода! Магия и Свобода! Магия и Свобода! – истоиво взвыли остальные сектанты и уже все поголовно рухнули на колени.

Илей посмотрел на меня, сжал зубы, застонал, медленно поднялся и сплюнул в сторону псевдооживлённой земляной твари. Я смотрел на него и не узнавал того человека, с которым сюда пришёл. Последние колебания у него закончились, и теперь он действительно был готов драться насмерть.

Глава сектантов мягко подтолкнул своё творение в спину, каменный исполин поднял ногу и сделал шаг к нам, земля глухо вздрогнула, застонала, в стороны от его ступни посыпались камни и песок. Илей закусил губу, но отступить и убежать судя по всему не собирался. Я смотрел на горящие

руки земляной громадины и чувствовал, как во мне медленно закипает гнев, просыпается чистая ярость. За подобное осквернение своей стихии простить главу сектантов я не мог. Своей дурацкой выходкой он, сам того не ведая, поднял ставки до предела. Я понимал, что теперь просто не имею права ему проиграть. Игры в прятки со Светлыми и прочее было уже неважно. Этот бой стал для меня делом чести.

– Я не раб своей стихии, тварь, как и ты ей не господин!

Я поднял руку, взмахнул ей и резко её опустил. Пламя на руках каменного исполина взметнулось, взревело и погасло, словно задутая внезапным порывом ветра свеча. Глава сектантов удивлённо посмотрел на меня, а затем на своё детище. Некоторые сектанты подняли головы и тоже посмотрели в нашу сторону, в их глазах была ненависть, но также и неверие и страх.

– Ты просто жалкий фокусник, как и твой друг!

Глава сектантов вновь произнёс то же заклинание, но я тут же его развеял, он произнёс снова и я снова его развеял. Руки каменного исполина больше не загорались, а тот замер с поднятой ногой и ждал. В рядах сектантов на миг возникло брожение, их глава мельком глянул на них и они замолчали.

– Невелика беда, мальчик, на вас хватит и одной Земли.

Он кивнул своему каменному великану, тот завершил свой следующий шаг к нам и вновь занёс ногу. Убегать было бесполезно, как и надеяться на щиты. Я быстро перебирал в уме подходящие заклинания. Чтобы справиться с этим чу-

довищем мне нужно было что-то настолько же, а лучше более мощное. Обычные атаки тут не прошли бы, он каждый раз всё так же бы восстанавливался. Выбора у меня не было, оставалось лишь использовать своё Слово Силы на полную и тоже сотворить что-то псевдооживлённое и большое: огонь способен восстанавливаться за счёт того, что поглощает, в этом был мой единственный шанс.

Я глубоко вздохнул. Никогда не думал, что мне придётся применить этот козырь вот так. Я прекрасно сознавал, что изменение почерка тут точно уже не поможет.

«Огонь, моё истинное Слово, взываю к тебе», – произнёс я про себя стандартную фразу обращения. Воздух вокруг нашего щита в тот же миг стал слегка потрескивать и нагреваться.

– Создай иллюзию того, что я сейчас представлю, вон там.

Я указал Илею на небо. Моей силе нужно было воплощение, мне нужно было что-то, во что я мог поверить, от чего оттолкнуться, форма заклинания, желательно что-то живое, но точно не человек. Я залез в карман, щёлкнул по табличке старика-музыканта и крепко сжал её в руке словно наш оберег, почему я решил сегодня взять её с собой я не знал, просто в миг до выхода это показалось правильным.

Громкая и чистая мелодия рассекла тяжёлый, застойный, душный воздух, словно острый клинок, я вновь видел снежные горы, чувствовал их, слышал яростный вой ветра и мерные удары крыльев огромной птицы, в этот раз она не уно-

сила меня с собой, а напротив спускалась, спускалась к нам с самого солнца.

Илей восторженно пробормотал что-то, поднял руки и тихо стал говорить, он внимательно смотрел на меня, а я в небо. Каменный исполин продолжал медленно идти к нам, но мы его уже не замечали.

В небе вдруг возникла огромная, тёмная туча. Илей говорил всё быстрее, громче, увереннее, его поначалу бесформенная иллюзия менялась, становилась всё больше похожа на птицу, которую я себе представлял.

С неба раздался мощный хлопок, второй, третий – шум огромных в пол-неба крыльев. Илей выкладывался на полную и создавал магией даже звук. Мощный изогнутый клюв, пронзительный взгляд, когти, перья, он прорисовывал всё это с поражающей воображение детализацией и быстротой. По рядам сектантов прокатился шепоток, то что это просто обман, кажется, поняли далеко не все. Искусство этого человека, как мастера иллюзий было совершенно, то что он показывал мне раньше было судя по всему для него лишь несерьёзным баловством.

Глава сектантов вдруг поднял руку, и его творение замерло в каком-то шаге от нас, видимо ему тоже стало интересно, что же мы такого задумали, он был уверен в своей победе и забавлялся с нами словно кошка с мышью перед тем, как уже её съесть. Я на миг опустил глаза на Илея и одобрительно кивнул.

– То что надо, но остальное ты никогда не видел, понял.

Я глубоко вздохнул, расставил ноги, выпрямился, поднял руки и направил на иллюзорную птицу, она редко взмахивала крыльями, глядела прямо перед собой в лицо каменному исполину и ждала. Я на ходу изменял заклинание «воплощения», смешивал его с заклинанием «жертвы», чтобы сила Илея, которую он потратил на свою иллюзию, тоже не пропала зря. Над одной ладонью у меня горел огонь, над другой сгущалась зловещая чёрно-серая плазма. Смешивать настолько разнородные энергии было сложно, в птицу должно было воплотиться то из заклинаний, которое победит, тьма это будет или огонь зависело лишь от моего мастерства, хладнокровия и силы воли. Я чувствовал на себе заинтересованный и задумчивый взгляд главы сектантов: додуматься применить тёмную магию против тёмной, наверняка я всё же смог его слегка удивить.

– Что ты... творишь?!

Илей покачнулся и отступил, в его голосе звучало разочарование и неприкрытый ужас.

Энергия вокруг меня закручивалась, образуя такой же, если не больший, чем у главы сектантов, незримый водоворот, моё тело трясло словно в лихорадке, но я знал, что если упаду или сделаю хотя бы шаг в сторону, то меня сметёт, подхватит и разорвёт на куски моей же силой. Перед глазами у меня всё покачивалось и плыло и единственным маяком, который связывал меня с реальностью, была музыка старика,

хотя и её уже начал понемногу заглушать всё нарастающий рёв и гул.

– Прости, будет больно, но иначе нельзя. – Я посмотрел на птицу. – Моё Слово пусть станет твоим, моя сила твоей, мои враги и решения твоими.

От моих рук вверх, в грудь птицы, в её сердце, ударил столб тёмной энергии и пламени, вошёл в иллюзию, на миг задержался и вдруг двумя потоками ярчайшего белого огня вырвался из её глаз. Птица забила крыльями и оглушительно закричала. Её перья вспыхивали, пламя внутри неё побеждало тьму и больше всего это напоминало перерождение.

– Вперёд! Раздави их!

Глава сектантов с надеждой глянул на своего каменного исполина, резко усилил свой щит и быстро отлетел назад к храму. В его голосе прорезались нотки сожаления и неуверенности, хоть он и пытался всеми силами их скрыть.

Каменный исполин занёс ногу, но моя птица резко взмахнула крыльями и сильно ударила его когтями в грудь, он покачнулся и сделал шаг назад, за ней, из-за её крыла, вдруг на миг показалось солнце, теперь она и правда выглядела так словно спустилась с него. Илей смотрел на меня с восторгом и ужасом, мне не нужно было даже называть своё Слово, после такого и он и остальные точно его поняли.

Огненная птица плавно и величественно взмахивала огромными крыльями и парила в воздухе чуть перед нами, даже оттуда, с высоты десяти-пятнадцати человек, от её те-

ла шёл почти нестерпимый жар, смотреть на неё тоже было довольно сложно.

– Сперва он.

Я указал птице на каменного исполина и слабо улыбнулся. От меня в этой битве уже мало что зависело, теперь, после воплощения силы, мне оставалось лишь наблюдать и ждать. Внутри меня впервые была странная пустота, похоже я всё же слегка перестарался и потратил слишком много энергии. Илей подошёл, молча протянул мне мой посох, помог его взять и на него опереться.

Птица била исполина клювом и рвала когтями, он медлительно отмахивался, покачивался от каждого удара и отступал, с его головы и плеч с грохотом падали куски земли и камни. Глава сектантов вдруг начал тихо, но отчётливо завывать: его вера в собственную исключительность рушилась прямо у него на глазах. Каменный исполин не успевал восстанавливаться, но вместо риска и нападения всё равно целиком сосредоточился на защите, скорее всего надеялся, что у моей птицы не хватит сил на длительное противостояние и пытался всё затянуть.

– Отступи и ударь сильно!

Я прикрыл глаза рукой и посмотрел вверх, на птицу, она оглянулась, резко хищно кивнула, за несколько десятков мощных ударов крыльями поднялась высоко в небо, сложила крылья и спикировала. Пламя её тела яростно взревело, удар когтями пришёлся исполину в голову и грудь, раздался

оглушительный грохот, исполин гулко застонал, сильно покачнулся, сделал несколько неловких шагов назад, оступился, взмахнул рукой в попытке удержаться и ударил по зданию тёмного «храма» локтем. «Храм» дрогнул, вновь раздался оглушительный грохот и гул, с высоты вниз полетели огромные глыбы обломков, а по самому зданию зазмеились сеточки трещин, некоторых сектантов раздавило, остальные с криками ужаса отбежали подальше.

– Дозволяю и вам вмешаться, дети мои!

Глава сектантов посмотрел на приверженцев, большинство из них повернулись к нам, пять-шесть подняли руки и судя по всему приготовились произнести заклинания, я не стал ждать пока они и правда это сделают и указал своей огненной птице на них, каменный исполин и без того был почти что повержен.

Птица издала оглушительный крик, в два удара крыльями подлетела к сектантам и приземлилась прямо среди них. Немаги сгорели сразу, маги пытались сопротивляться, ставить щиты и даже нападать, но безуспешно, несколько мощных ударов когтями в один миг разметали и сожгли их всех.

Глава сектантов направил обе руки на своего каменного исполина и произнёс заклинание передачи энергии, его творение начало быстро вбирать в себя землю, восстанавливаться и даже расти прямо на глазах. Я хотел было приказать своей птице напасть, но сдержался, воплощённая энергия – это всё же видимый враг, а значит и сражаться с ним в любом

случае было бы проще.

Каменный исполин вырос примерно раза в полтора и полностью восстановился. На лице главы сектантов вспыхнуло торжество, но почти сразу же сменилось страхом. Он медленно начал снижаться, водить руками и что-то быстро бормотать. Его снижение всё ускорялось. Он судя по всему пытался его замедлить, но не мог. Спустя ещё какой-то миг он вскрикнул, нелепо взмахнул руками в попытке ухватиться за воздух и рухнул вниз.

Звук удара был примерно такой, как если бы с неба упал мешок с овощами: глухой и тихий. По одному взгляду на тело было ясно, что глава сектантов мёртв. Его энергия всё же оказалась не безгранична. В попытке исправить одну ошибку он допустил другую, ещё большую. О последствиях своих действий маг должен думать всегда. Каменный исполин на миг замер, а затем медленно осыпался на землю грудой пыли, камней и песка. Здание тёмного «храма» тоже рухнуло, судя по всему оно было не только построено с помощью магии, но до сих пор лишь ей и поддерживалось.

– Сожги тут всё.

Я указал птице на останки каменного исполина, развалины «храма», труп главы и придавленных обломками сектантов. Перед уходом я хотел убедиться, что из этих извергов не выжил никто, отпустить их было нельзя, ни одного, иначе через пару лет где-нибудь в другом месте всё это могло начаться вновь. Через примерно четверть часа всё было кон-

чено. Птица повернулась и с немым вопросом на меня посмотрела.

– Врагов больше нет. Ты молодец. Лети к солнцу... и попытайся его достичь.

Я посмотрел на птицу. Она покорно, гордо и спокойно склонила голову. Вызванная лишь ради этого боя она ни на что не надеялась и словно понимала, что её ждёт. За это я и ненавидел заклинания псевдооживления. Давать кому-то такую короткую жизнь просто нечестно.

Птица подняла голову, взмахнув крыльями обдала нас волной тепла, так, словно обняла на прощание и неторопливо стала подниматься всё выше. Я подождал немного, поднял руку, направил ей вслед и произнёс слова освобождения. Моё творение издало прощальный крик и исчезло. В душе у меня осталась какая-то горечь и пустота.

– Мы... победили?

Илей неверяще поглядел на меня и обожжённую землю вокруг. Я лишь молча кивнул, заставил себя оторвать взгляд от места, где исчезла птица, и развеял наш щит. Радоваться на самом деле было ещё рано, что бы ни говорил глава сектантов, а не обратить внимание на то, что здесь творилось, Светлячки просто не могли.

– Уходим. – Я быстро глянул на Илея. – Идти ведь сможешь?

Я не дожидаясь его ответа повернулся и медленно, опираясь на посох, побрёл к дороге. Илей пробормотал что-то

невнятное, но судя по звуку так же медленно и покачиваясь пошёл следом.

Всё было кончено и всё же что-то было не так. Мои инстинкты упорно отказывались успокаиваться. Прежде со мной такого не случалось ни разу, но и в такие схватки до этого я никогда не вступал. За каждым поворотом дороги мне мерещилась опасность, в спину словно постоянно кто-то смотрел, целился и чего-то ждал. Лишь ценой невероятных усилий я сдерживался и не давал себе вновь поднять щиты. Сжечь последние крохи энергии из-за простых предчувствий, хоть и очень сильных, было бы непростительной глупостью.

До моего лагеря мы дошли в молчании. Я быстро собрал свои вещи и поглядел на Илея. Он выглядел серьёзным, почему-то слегка рассеянным и задумчивым.

– Ну что, успеешь на свой фейерверк? – Я протянул ему руку. – Прости, но учеником твоим стать не смогу, разве что позже, через год-два, ещё свидимся.

Конечно и он и я понимали, что шанс на подобную встречу ничтожно мал и всё же у Свободных так принято было прощаться, как бы не навсегда.

– Успею. – Илей устало и словно как-то застенчиво, по-детски улыбнулся и пожал мне руку. – Ради этой девочки ведь и было всё..., да ты ведь и сам уже наверное понял. Нет у меня никого в той деревне, вот благодарная зрительница

только... , хотя, «храма» нет, может и остальные дети теперь поправятся. Спасибо тебе, Свободный. И за то что показал настоящую магию тоже.

Он вдруг выпрямился и как-то немного официально низко мне поклонился. Я лишь молча кивнул. Уходить вот так и упускать шанс по-настоящему овладеть магией иллюзий мне, конечно, не хотелось, но иначе было нельзя. После того, что я тут устроил, мне нужно было попасть к Тиграну как можно скорей. Это был практически мой единственный шанс сбить Светлячков со следа. Илея же я втягивать во всё это не хотел. С человека без Слова Силы мало спроса. Если бы он успел уйти достаточно далеко и затеряться, его вряд ли бы даже стали искать, тем более с его репутацией.

Мои инстинкты вдруг резко всколыхнулись, закричали. Я бросил сумки, начал ставить щит, но не успел. Где-то неподалёку раздался оглушительный сухой щелчок, и в воздухе сильно запахло грозой. Молния ударила по моему незаконченному щиту от магии, разделилась и попала и в меня и в Илея. Меня швырнуло на землю. Перед глазами на миг вспыхнула белая пелена, весь живот и грудь горели ужасающей болью. Я кое-как восстановил щиты и вслепую ударил по нападающим веером огненных шаров. Вдалеке раздались истошные крики, проклятия и яростный треск пламени: силы на заклинание я не пожалел.

– Живой?

Я повернулся и подполз к Илею. Он лежал на спине и тя-

жело хрипло дышал. Его одежда в районе живота прогорела и дымилась, под ней был сплошной ожог, покрытый чёрной запечённой кровью. С первого взгляда я понял, что человек передо мной уже не жилец. Илей судорожно моргнул и глазами указал мне на мой живот, я опустил взгляд и почувствовал, как к горлу подкатила тошнота и перехватило дыхание, по виду моя рана была лишь слегка меньше, чем его, боли я не чувствовал похоже лишь из-за шока.

– Проклятье, где они?! Куда делись?! Отступаем! В укрытие, в укрытие! Водного зацепило, лекаря сюда скорей! – слышались вдали панические крики, голос отдающего приказы выдавал, что он впервые попал в подобную передрагу.

Илей прищурился, засопел, оттолкнулся от земли локтями, руками, чуть не упал, но медленно сел и посмотрел на меня, от бывшей маски весельчака в его лице уже совсем ничего не осталось.

– Над нами иллюзия сейчас, ты разве не чувствуешь? Они видят лишь пустой берег и будут видеть.

Он закусил губу и ещё больше побледнел, прорисовка местности так, чтобы что-то скрыть – это было не просто сложно, а невозможно для одного человека, по крайней мере я раньше так думал, по сути созданная им иллюзия была огромна. Я развеял щиты и помотал головой, почувствовал, что вот-вот потеряю сознание, если Илей надеялся на мою помощь, то зря, я потратил всё, да и не разобрался в лечебной магии. Всё это было бесполезно, в любом случае в конце

нас ждала лишь смерть.

– Ты не умрёшь... при мне.

Илей протянул руку и прежде чем я успел его остановить, едва слышно прочитал заклинание. Я почувствовал, как рана на моём животе и груди вдруг перестала болеть и медленно начала затягиваться. Он сжал руку в кулак и смотрел прямо перед собой. В глубине его глаз читалась решимость, но и какая-то обречённость, смирение. Как лекарь он должен был выбрать, кто выживет, и он выбрал не себя.

– Илей, хватит.

Я поднял руку и развеял его заклинание за него. По крайней мере на это моих познаний хватило. Илей чуть вздрогнул, резко повернул голову, но посмотрел куда-то вдаль, сквозь меня.

– Я закончил, да? Прости..., что-то случилось с глазами, ничего не вижу. – Он вдруг слабо улыбнулся. – Забавно, я ведь уже не чернь, да? Теперь и за мной охотятся..., я прямо, как один из вас.

Иллюзия над нами начала мерцать, подрагивать, становиться заметной, но это было уже не важно, Светлячки почему-то решили отступить, скорее всего испугались без мага Воды с нами связываться, поняли, что моя основная стихия Огонь. Я дотянулся и поднял свой посох, но он действительно был полностью пуст.

– Ты не чернь, маг, и никогда ей не был. – Я посмотрел на Илея. – Без тебя я бы не справился, та птица была действи-

тельно хороша.

На самом деле мне хотелось сказать ещё многое, как-то поблагодарить его, но я не мог. Такой долг нельзя вернуть лишь словами. Это базарное лицемерие сказать «спасибо за то что спас мне жизнь». Илей вдруг вновь улыбнулся как-то слегка по-детски, застенчиво и перестал дышать. Я осторожно закрыл ему глаза и поднялся. Времени у меня не было даже на то, чтобы хоть как-то его похоронить.

Любой человек, за которым гонятся и который вынужден убежать, отчасти чувствует себя зверем. На языке людей подобное преследование называется «погоня», но на самом деле это «охота» и у каждого в ней своя роль. Я знал, что рано или поздно доиграюсь и схлестнусь со Светлячками уже всерьёз, но не ожидал, что это произойдёт настолько не вовремя: после того боя с сектантами я был практически истощён.

Погоня пока ещё не показывалась, но я знал, что это лишь вопрос времени. Светлячки просто держались чуть поодаль и ждали когда их маг Воды вернётся в строй, или искали ему замену. Если они видели место нашей битвы с сектантами, а они скорее всего там уже побывали, то их опасения вполне можно было понять.

Времени отвлекаться у меня не было, и всё же было одно дело, которое я в любом случае должен был завершить. Свой маршрут я изначально выбрал таким, чтобы вечером или ночью пройти рядом с той деревней в двух днях пути,

мой посох по каплям набирал энергию, и я очень надеялся, что мне её хватит.

К деревне я подошёл как раз спустя часа три после заката, небо было чистым и уже усыпанным множеством ярких звёзд. Внутри, к людям, как Илей, я заходить не стал, сошёл с дороги и просто остановился неподалёку. Мой посох на ощупь был прохладным, но я чувствовал, что какая-то сила в нём уже всё-таки есть.

Я поднял глаза и посмотрел на огромную луну.

– Смотри, Илей. Это будет, конечно, не настоящий фейерверк, но хоть что-то, надеюсь твоя благодарная маленькая зрительница ещё не спит.

Я направил посох в небо над деревней.

Шары огня взрывались в воздухе и рассыпались искрами. Я старался их делать разноцветными, но у меня выходили лишь оттенки огня: жёлтых, оранжевых и красных цветов, сил посоха на эти заклинания почти не тратилось потому что они были бутафорскими, дутыми и пустыми внутри словно мыльные пузыри.

– Мама, мама, смотри, звёздочки, звёздочки падают, как дядя и говорил! – раздался вдруг в тишине радостный детский визг.

Я не смог сдержать лёгкой улыбки. Илей оказался прав, это действительно того стоило. Возможно в мире и правда просто слишком мало красоты и добра. «Ну что», – подумал я и посмотрел на ночное небо, – «есть ли там, куда ты

ушёл, дети?». Мой посох продолжал выпускать десятки огненных шаров и взрывать их, иногда ребёнок-девочка радостно взвизгивала и кричала что-то вроде «смотри, смотри!», чуть позже к ней присоединились и другие дети, голосов становилось всё больше, а смех всё звонче, чище и веселей. Свой фейерверк я продолжал около часа или даже дольше. Светлячки не вмешивались, хотя и явно следили за мной. От учителя я слышал, что они вообще не очень любят ночные бои, когда цель охоты-погони не видно и ей проще в случае чего ускользнуть.

Из деревни я ушёл сразу же после того, как закончил, больше меня ничего не сдерживало и я собирался оторваться от погони хотя бы на несколько дней пути. Свои вещи по дороге я уничтожал или прятал, не хотел повторять ошибки тех, кто умер в попытке спасти своё барахло. У человека есть лишь его жизнь в конце концов, есть лишь душа и тело.

Так прошло около недели. Силы ко мне всё не возвращались и даже напротив пропали последние. Самые элементарные заклинания не получались и отнимали столько энергии, что в конце концов я даже бросил их делать. Посох тоже как назло восстанавливался слишком медленно и почти ничем не мог мне помочь. Когда мне удавалось купить, а несколько раз и просто украсть новую лошадь, оставить вместо неё деньги, то расстояние между мной и погоней на время увеличивалось, затем сокращалось вновь. Все мои попытки сбить Светлячков со следа проваливались, я не понимал как, но их

старший ловчий словно постоянно чувствовал где я и куда пошёл. Самое плохое было в том, что он воспринимал меня всерьёз, уважал и считал достойной добычей. Я чувствовал, что он не остановится, словно загнанный зверь чувствовал это и всё. Ещё никогда прежде мои инстинкты опасности не кричали во мне так сильно и панически. Я старался сохранять трезвую голову, не поддаваться эмоциям и думать лишь логикой, но это с каждым мигом получалось у меня всё хуже. Я не хотел в тюрьму, не хотел умирать, не хотел истязаний и пыток.

Мои запасы еды и воды быстро таяли. В последние два дня Светлячки вдруг сменили тактику и начали отжимать меня от жилищ людей, рек, озёр и даже ручьёв. Старший ловчего отряда, который меня преследовал, был прирождённым охотником: и он и я понимали, что если так пойдёт и дальше, то я вынужден буду остановиться и дать отчаянный и бессмысленный бой.

Ещё через три дня еда у меня закончилась полностью, а ещё через день и вода. Произошло самое страшное – я стал замедляться. Погоня дышала мне в спину, а я не мог заставить своё тело двигаться хоть немного быстрее. Чувство голода резко усилилось. При ходьбе меня покачивало и постоянно клонило в сон. Всё вокруг начало казаться каким-то нереальным и абсурдным.

«Дерись, не убегай, дерись, дерись, убей их всех», – нашептывало мне подсознание. Иногда при этом у меня в па-

мяти всплывало то проклятое заклинание «казнь». Чёрные твари, которые питались и магией и страхом, смогли бы меня защитить, я был уверен, как был уверен и в том, что это заклинание, единственное из всех, выйдет у меня даже сейчас.

Светлячки нагнали меня следующим утром. Я как раз пытался собрать росу, чтобы хоть немного попить и приглушить жажду. Они вышли ко мне тремя небольшими группами с разных сторон и остановились. Одежды их магов были, как ни странно, почти что белыми, а средний возраст сорок-сорок пять лет. Старшему же вообще на вид было едва ли не около пятидесяти. Он подошёл ближе и задумчиво оценивающе на меня посмотрел.

– Ты остановился, это хорошо, незачем больше бегать. – Он сделал знак остальным, и они разошлись чуть подальше и выстроились вокруг нас кольцом. – Один на один, мистик. Ты и я. Сможешь победить уйдёшь, обещаю, но пока ещё никто не смог.

Старший ловчий прошептал заклинание и плавно провёл руками над травой, роса с неё собралась в небольшой водный шарик, подлетела к моей кружке и пролилась в неё, я благодарно кивнул и осушил нежданный подарок несколькими большими глотками, сил отказываться у меня уже не было.

Я сбросил сумку на землю, направил на неё посох и сжёг дутым огненным шаром все оставшиеся вещи дотла, карту Тиграна и прочее, теперь из всего у меня кроме посоха остались лишь таблички с записями музыки. Свои стихии мы с

моим противником друг другу открыли, не будь я так измотан у нас возможно и впрямь мог бы получиться честный бой.

Старший ловчий набросил щит от Огня и вновь плавно, но быстро провёл руками над травой, роса бесчисленными искрящимися капельками поднялась в воздух. Мало кто из не-магов знает на что на самом деле способна вода, учитель мне показывал как-то, как капелька с мизинец размером пробивает бревно насквозь словно стрела мощнейшего лука.

Я отчаянно взмахнул посохом и кое-как поднял хилый щит. Спустя миг капли уже сильно барабанили по нему в попытках добраться до моего тела. На лице старшего Светлячков отразилось удивление. Он чуть усилил своё заклинание, и мой щит рухнул под быстрыми и мощными ударами капель росы.

Спустя какие-то пару мгновений всё было кончено. Вода начала сильно хлестать меня по груди, голове и лицу. Я выронил посох и упал. Перед глазами у меня всё потемнело и померкло. В этот раз я действительно проиграл.

П.С. Ну что сказать. Благодарю всех, кто купил мою книгу и дочитал её до конца :) Продолжение будет обязательно. Всего книг будет, включая эту (и не считая возможные «побочные», про друзей героя), две или даже три (осталось 39000 слов набросков и все лучшие моменты ещё не прописаны). Название второй части тоже уже есть: «Ярость»

стихий – Пламя». Если книга вам глянулась прям очень-очень, то знайте, что лучшая благодарность – деньги :) Причина проста, в данный момент мне приходится тратить львиную долю своего времени на работу, а не на искусство. Мой кошелёк Яндекс.Деньги – 410011050835671, WebMoney – R141092649854.